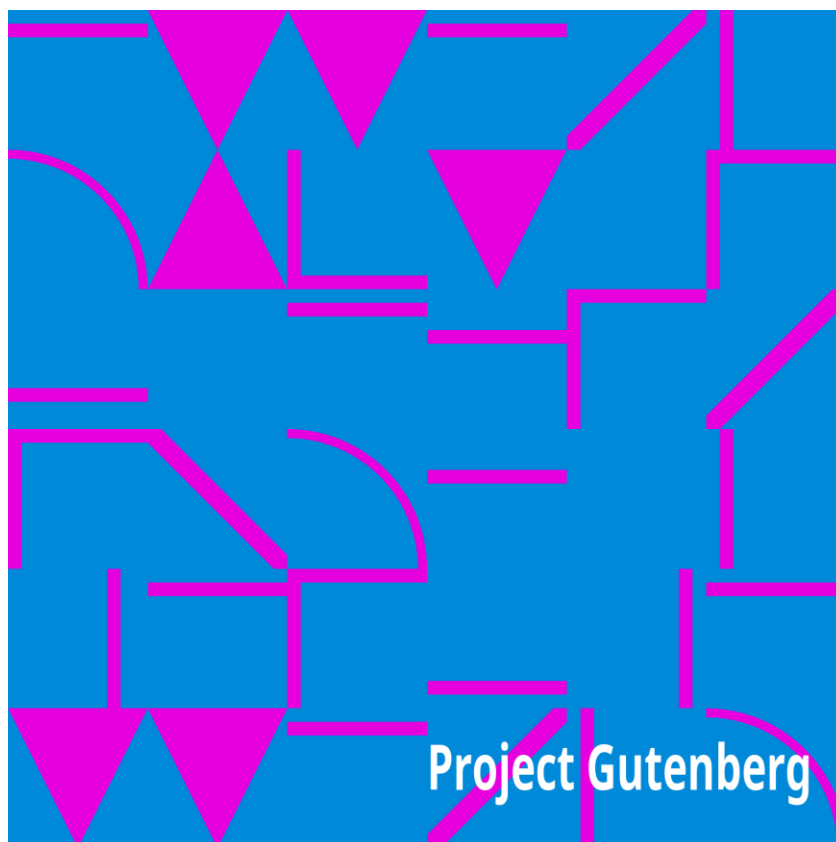

Основы экономической теории применительно к современным проблемам промышленности и государственной политики

Джон Бейтс Кларк

Essentials of Economic Theory

John Bates Clark

Электронная книга проекта "Гутенберг" по основам экономической теории

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Основы экономической теории

Автор: Джон Бейтс Кларк

Дата выхода: 2 февраля 2010 [Электронная книга № 31159]

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Кертис Вейант, Риту Аггарвал и команда онлайн-распространяемой корректуры на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ " ***

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОВРЕМЕННЫМ ПРОБЛЕМАМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

АВТОР ДЖОН БЕЙТС КЛАРК

ПРОФЕССОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
АВТОР КНИГ "РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВА", "ФИЛОСОФИЯ БОГАТСТВА", "ПРОБЛЕМА МОНОПОЛИИ" И ДР.

Нью - Йорк
THE MACMILLAN COMPANY
1915

Все права защищены

Настроено и отпечатано на машинке. Опубликовано в октябре 1907 года. Переиздано в июле 1909 года; в июле 1915 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В работе "Распределение богатства", опубликованной в 1899 году, я выразил намерение позже предложить моим читателям том "Экономическая динамика, или законы промышленного прогресса". Хотя с тех пор прошло восемь лет, эта цель все еще не достигнута, и стало очевидно, что для любого адекватного рассмотрения экономической динамики потребуется более одного тома такого объема, как нынешний. Пока же можно предложить краткое и предварительное изложение более общих законов прогресса.

Индустриальное общество переживает эволюцию, которая трансформирует его структуру и всю его деятельность. Внутри производственной организации происходят четыре общих изменения, и результатом их, при благоприятных условиях, должно стать обогащение, в котором участвовали бы все классы. Население увеличивается, капитал накапливается, технические методы совершенствуются, и организация производственных предприятий совершенствуется; в то время как на фоне этих изменений в промышленности происходит эволюция потребностей индивидуального потребителя, которого промышленность должна обслуживать. Природа, причины и следствия этих изменений входят в число тем, рассматриваемых в этом томе.

Политическая экономия столетия, последовавшего за публикацией "Богатства наций", больше занималась статическими проблемами, чем динамическими. Она стремилась получить законы, устанавливающие "естественные" цены на товары и те, которые аналогичным образом регулировали естественную заработную плату за труд и проценты на капитал. Этот термин *естественный* в том виде, в каком он использовался таким образом, был эквивалентен статическому. Если бы законы стоимости, заработной платы и процента были в то время правильно сформулированы, они обеспечили бы стандарты, которым в отсутствие каких-либо изменений и возмущений в конечном счете соответствовали бы действительные ценности, заработная плата и процент. Экономической теории того времени удалось сформулировать, правильно или нет, принципы экономической статики и один или два фрагмента науки об экономической динамике, хотя различие между двумя разделами науки не было четким перед глазами авторов. Закон народонаселения, содержащийся в работе Мальтуса, является единственным систематическим изложением общего закона экономических изменений того времени. Хотя истории заработной платы, цен и т.д. Предоставили некоторый материал для науки об экономической динамике, ни одна из них не достигла достоинства изложения закона и не заслужила места в экономической теории. Изучающие политическую экономию в то время едва ли были осведомлены о законах динамики, и еще меньше они осознавали необходимость их систематического изложения. Настоящая работа призвана положить скромное начало формулированию таких законов.

Первый факт, который становится очевидным при изучении экономического прогресса, заключается в том, что статические законы имеют общее применение и столь же эффективны в обществе, которое претерпевает быстрые преобразования, как и в обществе, которое совершенно не меняется. На воду в спокойном бассейне воздействуют статические силы. Позвольте вливаться другому количеству воды, и на эти силы наложатся другие, очень динамичные. Первоначальные силы действуют так же сильно, как и прежде, и если бы приток воды прекратился, поверхность снова была бы выровнена. Законы гидростатики воздействуют на воду в порогах Ниагары так же верно, как и в спокойном бассейне; но в порогах действует и другой набор сил. В упомянутой работе, вышедшей в 1899 году, была предпринята попытка выделить явления экономической статики и выявить законы, которые ими управляют. Это исследование неизбежно производило определенное впечатление нереальности, поскольку упускало из виду изменения, которые действительно происходят и являются бросающимся в глаза фактом современной жизни. Она приняла условия мира без какого-либо подобного движения и попыталась сформулировать законы, которые в таких условиях устанавливали бы стандарты стоимости, заработной платы, процента и т.д. Это скрывало реальные изменения из виду, намеренно и героически, но с полным признанием того факта, что они действительно происходят и должны быть своевременно представлены и изучены. Мы живем в то, что *по преимуществу* является веком прогресса, и отчасти именно ради понимания законов прогресса мы сначала отделяем от них законы покоя и занимаемся их отдельным изучением. Мир, из которого исключены изменения, нереален, но *статические законы*, которые можно наиболее четко различить, мысленно создавая такой мир, обладают реальностью. Они управляют повседневными операциями так же верно, как физический элемент, такой как вода, находящаяся в активном движении, подвергается воздействию сил, которые, если бы действовали сами по себе, привели бы его в состояние постоянного покоя. Таким образом, первая цель настоящей работы - показать присутствие и доминирование в реальном мире сил, описанных в предыдущей работе. В ней рассматриваются статические законы и делается попытка показать, как они действуют на любой конкретной стадии промышленной эволюции. Даже при рассмотрении изменений осознается тот факт, что постоянно существуют рабочие силы, которые, если изменения прекратятся, приведут общество в соответствие с определенной воображаемой статичной моделью, а заработная плата и проценты также будут соответствовать статичным стандартам.

Другая цель работы состоит в том, чтобы последовательно изучить последствия различных изменений, оценить вероятность их продолжения и определить результат их совместного действия. Важно знать, при каких условиях изменения происходят нормальными темпами и когда уровень заработной платы повышается, как это естественно должно быть. Поскольку фактический уровень заработной платы продолжает свой рост, но несколько отстает от него, необходимо знать, что определяет интервал между этими двумя показателями и когда этот интервал является нормальным. То, что называется "экономическими трениями", является причиной этого интервала и является элементом, который подчиняется закону.

Необходимо изучать не только трение, препятствующее действию природных сил, но и позитивные искажения самих сил. Главной из них является монополия; и необходимо определить ее влияние, ее рост, источники ее могущества и перспективу ее сохранения. Действительные тенденции экономической системы направлены против этого, и поэтому — если не считать нескольких монополий, созданных для особых целей, — это соответствует как духу, так и букве гражданского законодательства. В стране, где безраздельно властвует закон,

все неугодные монополии подвергались бы репрессиям. Чтобы увидеть, сколько экономических сил можно задействовать в этом направлении, в настоящей работе рассматриваются железные дороги и взимаемые с них сборы, а также некоторые методы крупных промышленных корпораций, и делается попытка определить, какие меры правительству следует предпринять в борьбе с этими могущественными агентами. В связи с монополией и условиями экономического прогресса изучаются профсоюзы, забастовки, бойкоты и арбитраж споров между работодателями и наемными работниками, а также политика государства в отношении них, а также денежные и покровительственные пошлины.

Я убежден, что студенты должны познакомиться с законами экономической динамики и что они смогут с пользой подойти к их изучению только после изучения экономической статистики. Настоящая работа составлена в форме, которая, как мы надеемся, сделает ее доступной для использования в классах не в качестве замены элементарных учебников, а в качестве дополнения к ним. В нем опущена большая часть того, что содержится в таких книгах, представлено то, чего в них нет, и сделана попытка быть полезным тем, кто желает получить больше, чем может предложить один вводный том.

Существенная часть изложенной здесь теории заработной платы была представлена в докладе, прочитанном в Американской экономической ассоциации в декабре 1888 года, и опубликована в монографии Американской экономической ассоциации в марте 1889 года; а другие части этой теории публиковались с интервалами после этой даты. Теория ценности была опубликована в "*New Englander*" за июль 1881 года. Тогда мне не довелось ознакомиться с ранними формулировками принципа маргинальной оценки, содержащимися в работах Фон Тюнена и Джевонса, и я сознательно ничего не заимствовал из их трудов, но я с радостью отдаю им должное. Я не боюсь, что меня заподозрят в заимствовании других частей общей теории, предлагаемой здесь. Изложенная здесь теория капитала была впервые представлена в монографии Американской экономической ассоциации за май 1888 года, а обсуждение денег, краткое изложение которого дается в настоящей работе, - в статьях в *Political Science Quarterly* за сентябрь 1895 года и за июнь и сентябрь 1896 года. Обсуждение отношения покровительственных пошлин к монополии появилось в том же ежеквартальном номере за сентябрь 1904 года.

Автору, возможно, следует извиниться за скудость цитат из других работ, содержащихся в этом томе. Богатство современной литературы по экономической теории, особенно в Америке, потребовало бы много места, если бы были отмечены сходства и контрасты, представленные пунктами в этом томе и соответствующими пунктами в других томах.

Особого внимания, если бы были приведены ссылки, заслуживали бы труды профессоров Ирвинга Фишера, Саймона Н. Паттена и Фрэнка А. Феттера из этой страны и профессора Фридриха фон Визера из Праги, которые работали в различных областях той же области, к которой относятся предлагаемые здесь исследования, а также работы министра Ойгена фон Бем-Баверка из Вены, который рассматривал некоторые из тех же тем совершенно противоположным образом. Если бы работам Хэдли, Тауссига, Карвера, Селигмана, Гиддингса, Сигера, Уокера и множества выдающихся зарубежных ученых было уделено должное внимание, то таким образом пришлось бы использовать значительную часть места в книге.

Я хотел бы с величайшей благодарностью отметить помощь, которую при подготовке этой книги я получил от моего коллеги, профессора Х. Л. Мура из Колумбийского университета, от моего

сына, мистера Джона Мориса Кларка, научного сотрудника Колумбийского университета по экономике, и от моего бывшего коллеги, профессора А. С. Джонсона из Университета Небраски. Помимо чтения рукописи и внесения ценных предложений, профессор Джонсон любезно взял на себя чтение корректуры.

ДЖОН БЕЙТС КЛАРК.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Богатство и его происхождение	1
II. Разновидности экономических благ	20
III. Мера благосостояния потребителей	39
IV. Обобществление промышленности	59
V. Производство как синтез; Распределение как анализ	74
VI. Стоимость и ее отношение к различным доходам	92
VII. Нормальная стоимость	114
VIII. Заработная плата	127
IX. Закон о процентах	146
X. Арендная плата	159
XI. Земля и искусственные орудия	174
XII. Экономическая динамика	195
XIII. Пределы экономического общества	210
XIV. Последствия динамических воздействий в рамках общества с ограниченной экономической ответственностью	229
XV. Постоянное изменение социальной структуры	244
XVI. Эффект совершенствования методов производства	256
XVII. Дальнейшие воздействия, которые уменьшают трудности, связанные с динамическими изменениями	282
XVIII. Капитал, на который влияют изменения метода	301
XIX. Закон народонаселения	321
XX. Закон накопления капитала	339
XXI. Условия, обеспечивающие прогресс в методах и организации	358
XXII. Влияния, которые извращают Силы Прогресса	372
XXIII. Общие экономические законы, влияющие на транспорт	396
XXIV. Вышеуказанные принципы применимы к проблеме железных дорог	416

XXV.	Организация труда	451
XXVI.	Основа заработной платы, установленная Арбитражным судом	470
XXVII.	Бойкоты и ограничение продуктов	503
XXVIII.	Защита и монополия	517
XXIX.	Основные факты, касающиеся денег	538
XXX.	Краткое изложение выводов	555
ИНДЕКС		563

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ГЛАВА I

БОГАТСТВО И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Создание и использование богатства повсюду управляются естественными законами, и они, в том виде, в каком они были открыты и утверждены, составляют экономическую науку. Некоторые из них вступают в силу только тогда, когда люди живут в более или менее цивилизованных обществах и работают организованно, в то время как другие действуют везде, где люди вообще работают. Каждый живущий человек должен иметь что-то, что можно назвать богатством, и, пока это ему не дано, он должен что-то делать, чтобы это получить. Охотник-одиночка, живущий в пещере, питающийся мясом животных и одевающийся в их шкуры, создавал бы богатство и использовал бы его; но он не принимал бы участия в общественном производстве. То, что он делает, нельзя охарактеризовать как часть "социальной", "национальной" или "политической" экономики. Тем не менее, получение средств к существованию было бы экономической операцией и включало бы создание и использование богатства. Изложение законов, управляющих процессами, с помощью которых такой человек заставляет землю давать ему средства к существованию и комфорт, составило бы Науку об экономике изолированной жизни, которая является частью общей экономической науки.

Примитивный капитал.—Если изолированный человек охотится с хорошими орудиями, он добывает больше дичи, чем добыл бы, если бы не потратил часть своего времени на изготовление таких орудий. Такому человеку выгодно прерывать охоту на время, достаточное для того, чтобы изготовить копье или лук со стрелами. Это равносильно утверждению, что для него является преимуществом простым способом стать не только рабочим, но и капиталистом; ибо примитивные орудия охоты являются формами *производительного* богатства, или

капитала. Более того, если он обладает предусмотрительностью, он будет держать под рукой достаточно еды, чтобы пережить периоды, когда дичи не будет, а такой запас - еще одна форма капитала.

Область общей экономики. Экономика человека, работающего только на себя, подчиняется законам, которые основаны на его собственной природе и характере его материального окружения. Поскольку он есть то, что он есть, и поскольку природа такова, какова она есть, существует определенный путь, которым он должен следовать, если он вообще хочет жить, и есть определенные условия, которые должны существовать, если он хочет жить хорошо. Неотъемлемая производительная сила труда и капитала имеет для него жизненно важное значение, поскольку он является одновременно и рабочим, и капиталистом; но его никоим образом не интересует то, что мы обычно называем отношениями труда и капитала, поскольку это выражение всегда предполагает отношения одного класса людей, которые трудятся, с другим классом, который владеет производственным богатством или контролирует его. Изучение таких отношений сразу же переносит нас в область *социальной экономики*; но мы можем изучать определенные универсальные законы богатства, вообще не входя в эту область. Когда мы говорим о силе, заключенной в луке и стрелах, мы ссылаемся на истину *изобщей экономики*, которая иллюстрирует неотъемлемую силу капитала, хотя мы можем быть далеки от мысли о кредиторах и заемщиках на современном "денежном рынке" или о взаимоотношениях какого-либо одного класса людей с любым другим.

Область социальной экономики. — В тот момент, когда мы начинаем изучать экономические отношения, которые различные классы людей поддерживают друг с другом, мы вступаем в область *социальной экономики*; и мы делаем это всякий раз, когда изучаем современные деловые отношения. Даже наш охотник принял бы участие в социальной экономике, если бы начал продавать часть своей дичи; и с этого времени его доход зависел бы не полностью от его отношения к материальной природе, но частично от его отношения к другим людям. Хороший рынок для его игры стал бы для него самым важным; а рынок для чего угодно подразумевает социальный метод обеспечения богатства.

Фундаментальные факты, общие для первобытной жизни и социальной жизни. Отношения, которые люди поддерживают друг к другу в цивилизованной промышленности, выдвигаются на передний план в науке Социальной, или "Политической", экономики.^[1] Это организованная промышленная система, в которой мы задействованы, и это то, что мы больше всего хотим понять. До недавнего времени мы имели гораздо менее удовлетворительное представление о социальном элементе в промышленности, то есть об отношениях, которые люди, производящие богатство, поддерживают друг с другом, чем мы имели представление о таких общих фактах, которые необходимо знать примитивному производителю. У нас было, например, много информации о материалах, содержащихся в земле, и о том, как сделать их полезными. У нас было практическое знание о том, что такое богатство и о способе его создания, и мы смогли идентифицировать его таким, каким мы его видели, либо в необработанном, либо в готовом виде. Мы знали, что такое труд, как он протекает и какая помощь ему необходима, чтобы он мог шить одежду, готовить пищу и т.д. Мы не так много знали о том, как регулируется современный рынок таких товаров и как современный портной или пекарь делится прибылью с человеком, который его нанимает, и обеспечивает его материалами и инструментами, и главная цель изучения экономики — понять такие социальные факты; но этого нельзя сделать, не представив сначала более общие факты, касающиеся внутренней природы самого богатства и действий,

которые всегда необходимы — как в нецивилизованной жизни, так и в цивилизованной - для его создания и использования.

Сначала общие факты в Естественном порядке изучения.— Примитивные и общие факты, касающиеся промышленности, которая в широком смысле представляет собой создание богатства, должны быть известны до того, как можно будет с пользой изучать социальные факты; и поэтому изложение принципов политической экономии должно начинаться с представления совокупности истин, независимой от политики и социологии и настолько общей, что ее можно проиллюстрировать даже в самых простых из всех условий, при которых не существует рынка и каждый человек производит своим трудом все товары, которые он использует. Богатство Крузо, одинокого эскимоса и пигмея в экваториальной Африке подчиняется таким же законам, как у европейского или американского работодателя или держателя облигаций. Свойства материи, которые делают ее частью важной для повышения благосостояния ее обладателя, можно обнаружить в самых простых товарах, которые где-либо используются. Все виды промышленной продукции имеют общее происхождение. Труд и капитал действуют сообща при изготовлении каноэ из березы так же верно, как при производстве трансатлантического лайнера; и производительная сила каждого из этих двух агентов повсюду подчиняется определенным общим законам. Прежде чем выяснять, что верно в отношении богатства, когда капитал стал сложным, а рабочие превратились в специалистов, каждый из которых производит одну конкретную часть одного продукта и получает в обмен на нее множество готовых товаров, хорошо бы изложить некоторые факты, относящиеся к богатству, которые являются настолько общими, что проявляются на всех этапах развития цивилизации.

Природа богатства.— Древнеанглийское слово *weal* описывает условия жизни. Это состояние "состоятельности" или полного удовлетворения своих потребностей. Благополучие в широком смысле этого термина может в значительной степени зависеть от состояния здоровья человека, его темперамента, его совести или его отношения к своим друзьям; но благополучие, которое обеспечено таким образом, не описывается как состояние богатства. Это зависит от обладания полезными и материальными вещами, а у богатого человека их больше, чем у других людей. Термин *богатство*, который первоначально обозначал состояние богатства, впоследствии стал применяться к вещам, которые делают человека богатым, и именно таким образом этот термин используется в экономической науке.

Какие Вещи составляют Богатство.—Ясно, что полезные вещи, такие как воздух, которые есть под рукой в неограниченном количестве, никого не делают богатым в этом сравнительном смысле, поскольку они приносят одинаковую пользу всем; и в том, что касается их, все люди находятся на одинаковом уровне благосостояния. Более того, поскольку они настолько многочисленны, что приносят пользу повсюду в изобилии, то их количество, которое человек имеет в своем распоряжении, может быть утеряно или выброшено на ветер совершенно безнаказанно. Ему нужно было бы только снова угощаться из тех изобильных запасов, которыми наделяет его природа, чтобы жить так же хорошо, как и раньше. Ведро воды на берегу озера Верхнее не имеет никакого значения для человека, у которого оно есть. Если бы она пролилась на песок, мужчине пришлось бы только зачерпнуть еще одно ведро с затратой усилий, которые были бы слишком малы, чтобы принимать их во внимание. Однако, если бы пресной воды было мало, каждое ведро имело бы свое значение, и потеря этого количества произвела бы отчетливое впечатление на самочувствие человека. Всякий раз, когда каждая конкретная часть

запаса обладает способностью сделать владельца более обеспеченным, чем он был бы без нее, субстанция является формой богатства. Таким образом, качество быть *особенно* важным является неотъемлемым атрибутом всех конкретных форм богатства. Песок на морском берегу не имеет какого-либо особого значения, поскольку его так много, что увеличение или потеря груза на тачке не улучшит или ухудшит положение человека; но куча песка рядом с недостроенным зданием обладает этим качеством. Там важен каждый груз, загруженный в тачку, поскольку доступное количество настолько невелико, что уменьшение уменьшает, а прибавление увеличивает богатство владельца. Песок на берегу обладает врожденной способностью помогать делать строительный раствор, а вода в озере Верхнее обладает способностью утолять жажду, но ни одно из них не обладает тем свойством, которое сделало бы его формой богатства, а именно особой важностью. Определенные части товара могут быть безнаказанно утеряны.

Разновидности полезности.—Мы использовали термин "*важность*", а не "*полезность*", чтобы описать качество, которое, если оно присутствует в каждом конкретном кусочке вещества, делает все это формой богатства. С должной осторожностью мы можем использовать термин *полезность*. В каком-то смысле даже чашка воды, зачерпнутая рыбаком из озера, полезна, поскольку оказывает услугу. Хотя человек может потерять ее и не стать беднее, он не может сказать, что эта вещь не имеет никакой полезности. Он может сказать, что она не имеет значения. То, что она имеет, мы можем назвать *абсолютной* полезностью, или способностью делать для человека то, что он желает, чтобы было сделано. Когда рыбак испытывает жажду, вода пойдет ему на пользу. Она обладает абсолютной способностью оказывать услуги; и все же эта чашка не делает владельца лучше, чем он был бы без нее, поскольку услуга, которую она способна оказать, была бы оказана независимо от того, есть она у человека или нет. Абсолютная полезность предмета - это способность оказывать какую бы то ни было услугу, независимо от вопроса, была бы она оказана столь же хорошо, если бы предмета не было. Если бы условия были таковы, что человеку пришлось бы испытывать жажду, если бы он пролил свою чашку воды, тогда этот небольшой запас имел бы то, что мы можем назвать *эффективной* полезностью, а это означает, что наличие определенного количества является положительным элементом, способствующим благополучию человека. Пригодные к употреблению вещи обладают абсолютной полезностью, даже когда их слишком много, но они обладают эффективной полезностью только тогда, когда их количество настолько ограничено, что каждый конкретный кусочек имеет определенное значение. Абсолютная полезность и ограниченность предложения обеспечивают им это качество; и этот принцип справедлив как в экономике самого примитивного государства, так и в экономике цивилизованного.

Происхождение богатства.—Некоторые из вещей, которые имеют такого рода ^[2] полезности, были даны человеку природой. Она предоставила некоторые полезные материалы, но не в количестве, достаточном для того, чтобы они не были *особенно* важными. Из-за сравнительно скупого способа, которым она раздавала их человеку, каждая крупинка этого запаса способна принести ему пользу; и если он получает какие-то порции, он поднимается по шкале благосостояния, а если он теряет что-то, он опускается. Дикие фрукты и фруктовые деревья относятся к этой категории; и дикарь, который построил бы свою хижину в небольшой роще банановых деревьев, если бы он мог уберечь от этого других людей, был бы в гораздо лучшем положении, чем они. Роща и ее плоды составляли бы богатство их владельца.

Земля - изначальная форма богатства.—Земля - это изначальный дар природы человечеству, и везде, где есть достаточно людей, чтобы сделать важным обладание тем или иным ее участком, это становится формой богатства. Он может быть бесполезен только тогда, когда население очень малочисленно; и тогда увеличение числа людей, проживающих на нем, рано придает ему особую важность. Земля, доступная растущему населению, не может долго оставаться в избытке.

Формы богатства, производимого трудом.—Природа предоставляет человеку лишь немногие полезные блага в готовом виде, и поэтому человеку необходимо приложить все усилия, чтобы получить необходимые ему блага в том состоянии, в котором он может ими пользоваться. Он должен сделать сырые вещества более полезными, чем они есть в природе, и когда он делает это, вещи частично становятся продуктами его труда. Конечно, их предложение ограничено, поскольку рабочая сила такова.

Трудись, создавая богатство.—Труд - это усилие по созданию богатства, и нет такого труда, который был бы успешным в достижении своей цели и который не помогал бы привести в пригодное для использования состояние то, что можно определить как экономическое благо или форму богатства. Некоторые усилия, действительно, терпят неудачу в том, что они пытаются сделать, и поэтому ничего не дают. Мы можем построить машину, которая не будет работать, или произвести продукт, который никому не нужен; но труд, направленный на достижение рациональной цели, всегда экономически продуктивен.

Защитный труд и свойство, которое он придает Полезной материи.—Труд может быть классифицирован в соответствии с конкретным результатом, которого он достигает. Говоря, что банановая роща на нашем примере является богатством для живущего в ней дикаря, мы должны были включить оговорку, что он способен не подпускать к ней других людей. Исключительное владение необходимо для того, чтобы вещи могли продолжать эффективно приносить пользу какому-либо конкретному лицу или личностей. Как мы видели, если их слишком много, никакая часть запасов не имеет значения; но верно и то, что если их мало и человек не в состоянии сохранить ни одну из них, они ему не послужат. Для того чтобы экономический товар мог быть эффективным, он должен быть пригоден для использования, а там, где претенденты многочисленны и незаконны, владельцу может потребоваться много времени и усилий, чтобы сохранить предмет в своем владении. Дикарь должен лично защищать свое добро, и в какой-то степени это должен делать цивилизованный человек; ибо какой бы хорошо ни была полиция в городе, оставлять кошельки или портативные товары на обочине не годится. Защитный труд необходим на всех этапах социального развития. В цивилизованной жизни, действительно, мы делегируем большую часть работы особому классу людей — полицейским, судьям, юристам и законодателям, — и это самое фундаментальное разделение труда, которое влечет за собой цивилизация; но работа должна выполняться на любой стадии социальной эволюции. Имущество Крузо ничего бы не стоило для него, если бы он не мог сохранить его от дикарей, которые со временем появились на его острове; и оно ничего бы не стоило, если бы он был вынужден тратить большую часть своего времени на их охрану.

Следовательно, пригодность является еще одним существенным атрибутом вещей, которые могут сделать конкретных людей богаче благодаря их присутствию. Когда такие вещи действительно передаются в собственность, их полезности становятся доступными, чего в противном случае не было бы. Усилия, затрачиваемые на защиту собственности, создают

богатство, поскольку они приводят к активизации тех способностей, оказывающих услуги, которые в противном случае были бы лишь потенциальными в товарах. Другими словами, это придает вещам, которые в остальном могут быть эффективно полезны, дополнительное качество, которое им требуется для того, чтобы они действительно могли способствовать благополучию владельца.

Промышленный труд. Промышленный труд является антитезой труду по охране труда, и он неизменно изменяет качества материальных объектов таким образом, чтобы сделать их полезными; то есть он непосредственно создает полезности.[3] Эти утилиты бывают разных видов, и рабочая сила может быть классифицирована в зависимости от типа, который она создает.

Элементарная полезность.— Элементарная полезность создается, когда вещество либо добывается из земли, как это делается при добыче полезных ископаемых, либо когда оно добывается с помощью жизненных сил земли, как это делается в сельском хозяйстве. Охоту, рыболовство и животноводство следует приравнять к сельскому хозяйству, поскольку они используют ресурсы живой природы для получения человечеством новых сырьевых продуктов, которым труд придаст дополнительные полезные качества. Эта полезность должна создаваться людьми на каждой стадии промышленного развития, от тропического дикаря до людей самой развитой цивилизации.[4]

Утилита формирования.—Полезность формы создается, когда исходному материалу придается новая форма, он подразделяется или комбинируется с другими материалами, как это делается в производстве и, определенным образом, в торговле. Покупка товаров оптом и продажа их небольшими партиями - это создание формальных полезностей и дополнение к общему богатству. Масло в маленьких канистрах стоит гораздо дороже, чем было бы, если бы каждый потребитель был вынужден покупать полный бак. Сахар стоит для потребителя больше, когда его выдают ему в бумажных мешках, чем если бы его продавали только в бочках. Торговцы - это не просто обменники, поскольку они положительно влияют на полезность товаров. В первобытной жизни такого класса не существует; и все же создаются всевозможные формы полезности, поскольку люди сами производят для себя товары, которыми они пользуются, и приспособливают их форму и количество к своим текущим потребностям.

Утилита для размещения.—Перенос вещей в места, где они становятся более полезными, создает утилиты для размещения. В первобытной жизни люди сами переносили вещи; но в цивилизованных государствах большую часть этого делает обычный носильщик, и таким образом материя приобретает пространственную полезность в самых широких масштабах. Любая полезная транспортировка создает это качество, которое является общим атрибутом богатства; и эксплуатация движущейся материи таким образом, чтобы создавать полезность на месте, является одной из общих функций труда.[5]

Временная полезность.—Более того, существует разновидность полезности, которая зависит от существования товара в то время, когда он необходим. Лед в теплое время года, плуг весной или осенью, прогулочная лодка летом и все, что с помощью капитала предоставляется пользователю, когда он в этом нуждается, иллюстрируют это качество. Мы можем назвать это временной полезностью, и ее создание является функцией капитала. Мы увидим, как капитал помогает в производстве других полезностей; но создание временной полезности он выполняет без посторонней помощи.

Исполнительный и направляющий труд.—В труде задействован весь человек, физический, умственный и моральный. Нет такой простой работы, которая не выполнялась бы лучше, если бы при ее выполнении использовался интеллект. Хижина дикаря, его каноэ, его луки и стрелы и т. Д. Различаются по своей эффективности и ценности не только в зависимости от времени и мускульных усилий, затраченных на их изготовление, но также и в зависимости от эффективности мысли, которой руководятся эти усилия. В этом заключается зародыш разницы между исполнительным трудом современного служащего и директивным трудом менеджера. Тем не менее, ни один руководитель не управляет мускульными движениями своих подчиненных более чем общим образом, и в большей степени все же следует доверять их собственному интеллекту. Умственный труд, который направляет и контролирует физический, универсален в промышленности, но становится все более и более отчетливым и доминирующим фактором по мере развития цивилизации.

Верность как фактор, влияющий на производительность труда. Тот факт, что все рабочие в значительной степени сами себе управляют, выдвигает верность на передний план как элемент, определяющий заработную плату людей; но этот элемент имеет гораздо большее значение в цивилизованном государстве, чем в примитивном, поскольку здесь верность руководящих работников высшего типа наиболее важна, и ее трудно обеспечить. Одна из величайших проблем современного бизнеса заключается в том, как сделать директоров и исполнительных должностных лиц корпораций преданными акционерам, которые их нанимают. В примитивном состоянии этих проблем не возникало. Когда мужчина работает на себя, простой интерес в значительной степени заменяет верность. Если сегодня кто-то приобретает для проживания собственный хороший дом, то это потому, что он нанимает подрядчиков, надсмотрщиков и ремесленников, которые, в основном, верны его интересам и следят за тем, чтобы строительная работа была выполнена должным образом. Дикарь заботится о своих собственных интересах в ходе своей личной работы; и все же даже в его случае есть зародыш того вознесения характера на высшую ступень, которое является характерной чертой высокоорганизованного производства. Строя хижину для укрытия своей семьи, дикарь вкладывает в свою работу совесть и привязанность, а также мускульные усилия; и когда эту работу выполняет мать семейства, альтруистический элемент в ней проявляется еще заметнее. По мере того как общество становится высокоорганизованным, важность морального элемента во всем труде возрастает до такой степени, что можно сказать, что от него зависит дальнейший прогресс или даже само существование общественного порядка. В мире бизнеса сейчас царят недоверие и беспорядки, и опасаются революций из-за неверности определенного класса людей доверенным им фондам.[6]

Необходимые для производства материалы.—Если мы начнем с земли в ее естественном состоянии, населенной людьми с пустыми руками, и попытаемся узнать, что необходимо для создания некоторого богатства, мы обнаружим, что нет абсолютно ничего, кроме труда. Потрудившись в течение нескольких минут, можно получить что-то, что будет служить непосредственно желаниям. Однако, если люди начинают свою деятельность в состоянии такой бедности, что у них есть только голые руки, чтобы обращаться к окружающей среде, они обычно не получают пригодные для использования товары немедленно. Если дикарь хочет рыбы и мастерит самую грубую сеть для ее ловли, он создает то, что является *основным товаром*. Этого хотят только ради благосостояния потребителей, которое это поможет произвести. Конечной целью все это время была рыба, но человек сначала работает над инструментом для ее ловли. Он делает сеть простым трудом, но он ловит рыбу с помощью труда

и сети. Без таких инструментов, помогающих в производстве, плотное население вообще не могло бы жить, а очень редкое могло бы существовать лишь скудно и ненадежно. Если инструменты изготовлены искусственно или если они предоставлены природой в ограниченных количествах, они являются формами богатства или благами; но поскольку их функция заключается не в том, чтобы напрямую удовлетворять потребности потребителей, а в том, чтобы помогать в создании вещей, которые делают это, мы различаем их под названием "товары производителей" или "капитальные блага". В отличие от них те товары, которые непосредственно удовлетворяют потребности, могут быть названы "потребительскими товарами".

Производство промежуточных товаров.—Все экономические блага являются средствами достижения цели. Богатство всегда опосредовано. Обычно это связующее звено между трудом человека и удовлетворением его потребностей. Человек, работник, сначала тратит себя на природу, а затем природа, в свою очередь, тратит себя на него. В производстве природа является получателем, но в потреблении получателем является человек. Это означает, что человек обслуживает себя с помощью какого-либо элемента природы, который под его воздействием становится формой богатства. Он проталкивает немного естественной материи между собой как производителем и собой как потребителем. Таким образом, все виды богатства занимают промежуточное положение между первоначальным трудом и удовлетворением, которое в конечном итоге является его результатом. Однако некоторые блага являются средствами в особом смысле, стоящими между трудом и другими благами. Инструменты помогают производить потребительские товары, и это увеличивает удовольствие человека. Пользоваться инструментом, как правило, неприятно. Инструмент стоит не только между усилием и удовлетворением, которое в конечном итоге последует, но и между усилием и дальнейшим материальным благом, которое непосредственно приведет к получению удовлетворения. Топор служит посредником между трудом, который его производит, и дровами, которые он будет рубить, в то время как древесина воздействует непосредственно на человека и согревает его. Капитальные блага в этом особом смысле являются посредниками. Они нужны не ради них самих, а ради чего-то другого, что непосредственно полезно.^[7]

Всякий Труд непосредственно Производит Богатство.—Когда дикарь отказывается от плана ловли рыбы с берега и в течение двух недель посвящает свой труд изготовлению каноэ, с помощью которого можно ловить рыбу более эффективно, он устанавливает промежуток времени между своим трудом и его конечными плодами, потребительскими благами. Нет такого промежутка между трудом и тем видом богатства, которое он создает в первую очередь, а именно каноэ. Этот непосредственный продукт труда сам по себе является формой богатства и сразу же вознаграждает работника, поскольку это то, в чем он нуждается, хотя и не для потребления. Промышленность всегда платит по мере продвижения и не терпит разрыва между трудом и богатством в той или иной форме.

Организованная промышленность, непосредственно производящая Потребительские товары.—Если бы один человек ремонтировал каноэ нескольких рыбаков и получал в качестве платы долю от улова за каждый день, ему не пришлось бы ждать своей еды дольше, чем самим рыбакам. Однако этот способ ведения отрасли предполагает организацию. Если бы каждому рыбаку приходилось мастерить свое первое каноэ, ему было бы необходимо дожидаться рыбы; но как только запас каноэ получен и специальный набор людей назначен для работы по сохранению этого запаса в неизменном виде по количеству и качеству, эта необходимость

полностью отпадает. Пятеро мужчин могут только ловить рыбу, в то время как шестой сохраняет в целости их запас каноэ, ремонтируя старые, оставленные на берегу, и делая новые взамен тех, которые не подлежат ремонту. Рыбалка и строительство лодок могут продолжаться одновременно, и все мужчины могут делиться уловом за каждый день.^[8] Это тип того, что происходит в современной промышленности, где всегда существует сложный запас средств производства, который сохраняется нетронутым благодаря действиям класса лиц, которые разделяют прибыль, получаемую от использования запасов. Никому из этих людей не приходится ждать еды, хотя некоторые из них посвящают себя исключительно изготовлению орудий труда. Этот факт показывает, что необходимость ожидания, равно как и работы, везде, где в процессе производства находятся инструменты, не относится к числу универсальных явлений экономики и что ее нет в той организованной промышленности, которую мы в основном изучаем. Такой постоянный запас средств производства, каким обладает рыбацкое сообщество на нашем примере, позволил бы ему добывать себе пищу, рыбу, изо дня в день, работая различными способами и используя постоянный запас. Если мы называем этот постоянный запас каноэ и т. Д. *Капиталом*, то это *причинно-следственным образом* опосредует богатство, хотя с точки зрения времени это не так. Каждый день на это затрачивается определенный труд, и сам по себе он каждый день создает некоторое потребительское богатство. Эти две операции выполняются одновременно, и люди, которые работают над обслуживанием запасов, и те, кто их использует, получают общую прибыль. В очень примитивной жизни труд, затрачиваемый на капитальные блага, и труд, затрачиваемый на потребительские блага, не всегда синхронны, но организация и приобретение постоянного фонда капитала делают их такими. Работайте каждый день, и вы едите повседневную пищу, которая является следствием работы. Со временем производители каноэ получают питание так же быстро, как и рыбаки, и этот факт повторяется во всех звеньях промышленной системы. Позже мы более подробно увидим, что это означает, но ясно, что любое изучение этого явления — синхронизации труда и его вознаграждения — уводит нас из области Универсальной экономики, поскольку оно проявляется не в промышленности с примитивным началом, а является плодом организации.^[9]

СНОСКИ

^[1] Использование в прошлом делает несколько вводящий в заблуждение термин *Политическая экономия* более доступным, чем более точно описательный термин *Социальная экономика*, как название науки, которая рассматривает создание и использование богатства организованным обществом. Любое название подразумевает существование такой организации, но слово *политическая* привлекает внимание к тому факту, что она находится под управлением правительства. Тот факт, который при изучении богатства является наиболее важным, заключается в том, что спонтанно происходящий обмен продуктами создает индустриальное общество, деятельность которого, продолжающаяся при правительстве, составляет предмет исследований, которые должным образом обозначаются традиционным термином "Политическая экономия". Правительство как таковое не является предметом этих исследований.

^[2] Термин "*Конечная полезность*" используется практически с тем же значением, что и "*особая важность*". Это полезность последней и наименее важной части предложения, и использование

этого термина требует от нас думать о предложении как о том, что оно предлагается пользователям по частям, пока все количество не окажется в их руках. Первое подразделение, когда оно стоит отдельно, важнее, чем любое последующее. Второе имеет меньшее значение, а последнее - наименее важное из всех. Однако, когда все они поставлены и вместе доступны для использования, одно из них так же важно, как и другое. Эффективность каждого из них определяется услугой, оказанной предыдущим. Термин *специфический* указывает на то, что мы измеряем важность поставки товара не целиком, а по частям, в то время как термин *эффективный* является антитезой *абсолютному* и означает, что каждая часть поставки оказывает не только абсолютную услугу, но и такую, которая не была бы безвозмездно оказана какой-либо другой частью поставки в случае, если бы эта часть была удалена или уничтожена. Мы здесь не думаем о предложении как о том, что оно постепенно создается из ничего до его нынешнего размера, но рассматриваем его таким, какое оно есть, и измеряем важность любого конкретного количества. Когда мы говорим о конечной полезности, мы думаем о серии "приращений", поставляемых одно за другим, и в этом случае последовательные приращения становятся все менее и менее важными, поскольку после того, как некоторые из них были предоставлены, потребность в том виде блага, которое они представляют, ощущается менее остро. Концепция ряда единиц - это просто средство выделения одной единицы из общего числа и получения мысленного измерения ее важности, которое соответствует реальной важности любой единицы во всем количестве.

[3] Термин "создавать" здесь используется в несколько расширенном смысле и не подразумевает, что человек создает материю или даже что он всегда преобразует ее, не призывая в качестве помощи силы природы. Фермер должен полагаться на жизненно важные силы почвы и воздуха, чтобы вырастить урожай. То, что он и другие работники делают, - это каким-то образом вызывают к существованию продукт, и в этом смысле можно сказать, что он и они создают продукты, которые без них не появились бы.

[4] Различие между элементарной полезностью и другими не обязательно проводить с предельной строгостью, поскольку добыча полезных ископаемых создает полезность формы путем дробления масс руды и полезность места, делая их доступными. Сельское хозяйство формирует свою продукцию и перемещает ее в места хранения. На практике удобно придерживаться более общей классификации, предложенной в тексте.

[5] Таким образом, все виды производства могут быть проанализированы с точки зрения движения материи. При разделке сырья производитель удаляет ненужные порции от тех, которые подлежат утилизации, в то время как при комбинировании материалов они, конечно, перемещаются навстречу друг другу. Ни одна из этих операций не создает полезности места. Это качество заключается в отношении не между одними материалами и другими, а между товарами и людьми, которые должны их использовать. Приносимые к нам вещи на расстоянии меняют их местное отношение к нам, и в этом суть местной полезности, и каждый предмет, которым мы пользуемся, должен обладать этим качеством. Сила оказания услуг, которой он обладает, является потенциальной только до тех пор, пока он не достигнет места, где эта сила может быть реализована.

[6] Для удобства мы можем классифицировать труд как физический или умственный, в зависимости от того, насколько заметна работа мышц или мозга. Рытье канавы требует большего, чем среднее количество силы и даже не среднего уровня интеллекта, и,

следовательно, это скорее физический труд, чем умственный; в то время как написание краткого изложения или ведение дела в суде требует большой силы мысли и лишь небольшого количества мышечной силы, и, как правило, это умственный труд. Управление помещьем для отсутствующего владельца - это в большей степени моральная функция, поскольку ценность услуги зависит главным образом от преданности человека, который ее оказывает; но здесь также задействован физический и интеллектуальный труд. Эти три типа личных усилий прилагаются везде, где создается богатство.

[7] Для уточнения концепции опосредованных благ читателю предлагается обратиться к работе Фон Бем-Баверка "Позитивная теория капитала" и к работе Джона Рея "Социологическая теория капитала".

[8] Один человек может быть нанят для охраны каноэ и рыбы от кражи, что является скорее защитным, чем производственным трудом; и экономические силы будут стремиться выделять ему долю, такую же большую, как получают все остальные, при условии, конечно, что мужчины обладают равными способностями как работники.

[9] Концепция капитальных благ, как всегда откладывающих удовольствие на будущее, проникла в экономическую науку, потому что на определенных иллюстрациях, взятых из примитивной жизни, они, кажется, оказывают именно такой эффект. Мы увидим, что в *статичной* социальной индустрии этого вообще нет, и что в *динамичной* социальной индустрии это есть лишь в ограниченной степени, или в той, которой занимается общество, претерпевающее органические изменения.

ГЛАВА II

РАЗНОВИДНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ БЛАГ

Пассивные капитальные блага.—Труд тратится на материалы, и они в их наиболее разреженном состоянии предоставляются самой природой. Они "созревают" по мере выполнения работы. Каждое прикосновение к ним придает им больше полезности, которая является сутью богатства. Технически они являются "товарами", или конкретными формами богатства, с того момента, как они начинают приобретать эту полезность, хотя какое-то время они находятся в незавершенном состоянии. Функция материалов, необработанных или частично готовых, в физическом функционировании промышленности является пассивной, поскольку они получают полезность, а не передают ее. Железо пассивно под ударами кузнечного молота; кожа пассивна под действием швейной машины сапожника; бревно пассивно под действием пилы лесоруба и т.д. Материалы, которые, таким образом, получают полезность при манипуляциях производителей, составляют особую разновидность капитальных благ, в то время как орудия труда, которые помогают передавать полезность, составляют другую разновидность, и оба вида присутствуют на всех стадиях промышленной эволюции. Дикари используют сырье и инструменты для их изготовления.

Активные капитальные блага.—Молоток, который штампует железо, шило, которое протыкает кожу, и пила, которая распиливает бревно на доски, выполняют активную функцию. Они не

получают коммунальных услуг, но передают их. Они манипулируют другими вещами, но сами не поддаются манипулированию; и за исключением случаев, когда неизбежный износ повреждает или разрушает их, сами они нисколько не изменяются под воздействием процессов, в которых они принимают участие. Они являются активными помощниками рабочего в нападениях, которые он предпринимает на сопротивляющиеся стихии природы. Таким образом, пассивные инструменты и активные — вещи, которые получают полезность по мере развития производства, и те, которые придают полезность, — составляют два общих вида капитальных благ. То, что обычно называют "оборотным капиталом", является постоянным запасом пассивных капитальных благ; и точно так же то, что обычно известно как "основной капитал", является таким запасом капитальных благ активного вида. Материалы и незавершенные изделия, которые проходят через современную фабрику и получают полезность, — это то, что производитель определил бы в данный момент, если бы его попросили указать на вещи, в которые он вложил оборотный капитал; в то время как фабрика, оборудование, земля и т.д., которые приносят полезность, — это то, на что он может указать как на то, что в настоящее время составляет его основной капитал. Позже в его распоряжении окажутся другие блага обоих видов, и в то время они будут воплощать два вида капитала. Хотя у первобытного человека было бы мало поводов использовать термин *капитальные блага*, он обладал бы обеими разновидностями благ, обозначаемых этим термином.

Разновидности активных капитальных благ.—Простые ручные инструменты действуют как арматура, прикрепленная к телу рабочего, и они позволяют ему эффективно воздействовать на сопротивляющиеся вещества. Молот защищает руку кузнеца от травм, которые она могла бы получить, если бы он наносил удары кулаком, и увеличивает эффективность ударов. Машины, однако, заменяют собой личность рабочего и управляют инструментом посредством его движений. Так называемый паровой молот — это двигатель, который получает энергию от котла и приводит в действие арматуру, которая является настоящим молотом, во многом так, как это сделал бы кузнец, хотя и с гораздо большей силой и эффектом. Машины делают быстро и точно то, что работник физического труда без них должен был бы делать медленно и несовершенно, держа арматуру в собственной руке и перемещая ее за счет собственной мускульной силы. Инструменты и станки придают материалам "полезность формы". Транспортные средства, перевозящие товары, придают им "полезность места", размещая их там, где они более полезны, чем были бы в другом месте. Здания одинаково защищают товары и работников и позволяют успешно выполнять операции по их преобразованию. Они также позволяют хранить товары в то время, когда они не нужны, и извлекать их для использования, когда они необходимы. При этом здания помогают придать "временную полезность" помещаемым в них товарам, сохраняя их нетронутыми до тех пор, пока не придет время, когда они пригодятся. Инструменты, машины, резервуары с водой, каналы, дороги, здания и даже сама земля являются активными капитальными благами и по этой причине являются составными элементами той части постоянного производственного фонда, которая известна как основной капитал. Они помогают рабочим придавать материалам пригодную форму, и это так же верно для ямы в земле, в которой дикарь хранит провизию, как и для несгораемого склада в современном городе.

Материалы, которые сначала пассивны, а затем переходят в активное состояние.—Сам молоток должен быть изготовлен из необработанного материала, и, пока он находится в процессе изготовления, материал, который входит в него, такой же пассивный, как и все остальное. Пока плавится руда и ковается сталь, будущий молот находится на предварительной стадии своего существования и выполняет пассивную функцию. Когда он полностью завершен,

начинается период его активности, и с этого времени он помогает манипулировать другими вещами. Материалы, которые входят в состав потребительских товаров, не проходят такого перехода. Кожа остается пассивной до тех пор, пока в виде пары обуви не оденет ноги своего владельца; и с этого момента она вообще перестает быть основным товаром. Сталь молотка - это сначала пассивный товар, а затем активный.

Использование средств производства универсально.—Нет сомнений, что средства производства используются в самой примитивной промышленности. Орудия существовали во времена, слишком отдаленные, чтобы их можно было проследить; и даже если бы они не использовались, сырье было бы незаменимым. Люди, живущие на столь ультрапримитивной экономической стадии, что не используют никаких промежуточных благ вообще, могли поддерживать жизнь, только срывая дикорастущие фрукты или собирая рыбу или другие продукты питания вручную, и до тех пор, пока они могли это делать, их промышленность, предположительно, могла состоять в получении потребительских товаров только трудом. Самая грубая кирка, лопата или топор и простейшие охотничьи орудия - это ранние типы того, что в "капиталистическом производстве" представлено мельницами с их сложными машинами, кораблями, железными дорогами и тому подобным. Примитивная промышленность располагает капиталом, но не является высококапиталистической, поскольку для нее требуются рабочая сила и небольшой капитал в простых формах. Эти примитивные капитальные блага по-прежнему необходимы.

Капитал.—Может показаться, что мы уже описали природу капитала, но это не так. Мы описали виды благ, из которых он состоит. Следует провести четкое различие между двумя способами обращения с капитальными благами, и только один из этих способов позволяет обращаться с капиталом в собственном смысле этого слова. Чтобы достичь этой концепции, мы должны думать о товарах как о чем-то, составляющем запас, который сохраняется до тех пор, пока продолжается бизнес. И все же вещи, рассматриваемые сами по себе, не сохраняются. Товары - это скоропортящиеся вещи; ничто не длится вечно, а некоторые служат очень недолго. Сырье наилучшим образом выполняет свое назначение, когда его быстро превращают в товары, пригодные для использования, и выводят из категории производственных инструментов. Инструменты могут служить дольше, но в конечном итоге они изнашиваются и подлежат замене.

Как возникают и исчезают капитальные блага.—Если вы понаблюдаете за конкретным опосредованным благом пассивного типа, скажем, древесиной в растущем дереве, вы увидите, что оно начинает свой путь как абсолютно необработанный материал, а затем под рукой труда с помощью инструментов получает полезность, пока не примет свою окончательную форму в каком-нибудь предмете для потребления, скажем, в обеденном столе. На первом этапе процесса, когда дерево охраняют и дают ему вырасти до размера, подходящего для переработки в пиломатериалы, к нему прикладывается мало труда; но распиловка, переноска, распиливание и придание формы выполняются трудом и инструментами, и под их воздействием древесина "созревает" в экономическом смысле, то есть становится вполне пригодной для потребления. Она готова служить потребителю в качестве стола, и, когда начнется эта услуга, древесина, которая до этого момента была пассивным капитальным товаром, постоянно получающим полезные услуги, вообще перестанет быть капитальным товаром и начнет медленно изнашиваться, служа своему владельцу.^[1]

Переход товаров из одного состояния в другое.—Начало сервировки стола в столовой покупателя выводит древесину стола из категории товаров производителя; но есть сырье, которому никогда не суждено выйти из этой категории и перейти в другую. Его последним состоянием существования как товара будет то, в котором он воплощен, не в изделии для потребительского использования, а в активном инструменте. Наше дерево могло бы послужить частью древесины для тачки, и если бы это было так, то эта часть его была бы основным товаром до тех пор, пока оно вообще не перестало бы быть экономическим товаром. Если мы понаблюдаем за тем, как он приближается к своей экономической зрелости, мы увидим, что он распиливается, строгаются и иным образом придается форме под рукой рабочего, сохраняя в течение всего этого времени свою пассивную позицию, точно так же, как дерево, из которого должен быть изготовлен стол. Когда тачка закончена, она, в отличие от стола, не начинает напрямую удовлетворять потребности потребителей, а начинает активно помогать какому-либо рабочему в дальнейшей продуктивной работе. Он переносит строительный раствор на стену недостроенного здания и, таким образом, исключается из списка пассивных товаров — получателей полезности — и ставится в один ряд с другими активными инструментами, которые придают полезность. То же самое верно и в отношении стали, из которой изготавливается наконечник современного топора дровосека, или камня, из которого изготавливают грубый топор какого-нибудь первобытного дикаря. Как необработанный или частично обработанный материал, он является пассивным капитальным благом; позже он становится инструментом активного типа.

Конечная Скоропортящаяся способность всех видов искусственно произведенных товаров.— В конце концов оба вида материалов перестанут быть капитальными благами. Сырье, которое идет на продукты питания, одежду, мебель и тому подобное, станет потребительскими товарами, в то время как сырье для изготовления орудий труда в своей окончательной форме, сами орудия труда, получит еще один срок службы в качестве капитальных благ. Однако в конце концов, по мере того как тачки, топоры, топоры и весь длинный список активных орудий труда израсходованы, они перестают быть капитальными благами, потому что они вообще перестают быть экономическими благами. Они так же верно предназначены для окончательного использования, как еда и одежда, и это верно для самых долговечных вещей, созданных искусственным путем. Стены, дороги, мосты и здания медленно разрушаются, пока не наступает время, когда для производственных целей их помещение стоит больше, чем их компания.

Почему скоропортящийся характер капитальных благ не прекращает существования Капитала.—Скоропортящийся характер - самая яркая черта капитальных благ. Каждый конкретный приходит и уходит, но под рукой всегда есть их запас; ибо когда один вот-вот уйдет, другой готов занять его место и продолжить преемственность. Новые инструменты заменяют старые инструменты; новые материалы заменяют те, которые закончены и изъяты, и так получается, что запас таких вещей сохраняется вечно. Ни один из отдельных инструментов не является постоянным, поскольку каждый из них лишь вносит свою лепту в поддержание бесконечной процессии. Это процессия, которая всегда присутствует — движущаяся серия отдельных товаров, ни один из которых не имеет ничего большего, чем преходящая экономическая карьера. Каждый из них помогает поддерживать постоянный запас капитала точно так же, как каждый человек, занимая свою очередь в бесконечной череде работников, в течение своей короткой жизни служит поддержанию постоянной силы трудящегося человечества. Люди приходят и уходят, но "рабочая сила" - масса работающего человечества —

остается; и поэтому капитальные блага приходят и уходят, но их запас остается, поддерживаемый за счет постоянного замещения. Мы можем проследить развитие любого отдельного инструмента от начала до конца; но мы можем, с другой стороны, перестать смотреть на любые инструменты, которые мы выделяем и идентифицируем, и смотреть скорее на их чередование; и если мы сделаем это, мы увидим тело, которое никогда не чахнет, хотя вещи, которые составляют его, по отдельности считаются вечно чахнувшими.

Существует множество видов преходящих вещей, которые в результате того же процесса обновления образуют постоянные сущности. В настоящий момент человеческое тело составляют определенные ткани, которые можно идентифицировать по отдельности; и если мы понаблюдаем за любой из них, то увидим, что через короткое время она разрушится. И все же тело существует, пока продолжается жизнь. Действительно, свидетельством существования самой жизни является выбрасывание и замена тканей. Живое тело - вещь долговечная, хотя конкретные ткани, которые в любой момент составляют его, таковыми не являются. Точно так же капли воды образуют реку, и это явление постоянное, как бы быстро ни менялся ее состав. Водопад, приводящий в движение мельничный механизм, постоянен, хотя ни одна частица воды не остается в нем дольше мгновения. Общество постоянно, хотя люди, составляющие его, живут недолго. Точно таким же образом сохраняется совокупность капитальных благ как постоянный инструмент производства. *Это и есть капитал в собственном смысле этого слова.* Это, так сказать, квазиживое тело, сохраняющееся за счет постоянной замены составных частей, которые разрушаются по мере продолжения его нормальной деятельности.

Обобщена разница между капитальными благами и капиталом. Таким образом, различие между капитальными благами, с одной стороны, и капиталом, с другой, подобно различию между конкретными тканями и живым телом, или подобно различию между конкретными частицами воды в реке и рекой, которая течет вечно. Мы можем выделить определенные капли воды, вытекающие из источника, и наблюдать за ними, и мы можем проследить их краткий путь, и действительно сказать, что река состоит из непостоянного и преходящего вещества; но мы не можем сказать, что река преходяща. Это увековечивается возобновлением подачи воды по мере исчезновения первоначальных капель. Мы можем мысленно понаблюдать за конкретным человеком, когда он входит в социальную группу рабочих, трудится какое-то время и выбывает из очереди, и можем увидеть, что общество состоит из преходящего материала; но само общество является чем-то постоянным. Таким образом, мы можем изучать конкретный кусок руды, или шерсти, или кожи, или конкретный молоток, или веретено, или швейную машину, и в этих случаях мы будем изучать средства производства и выяснять, насколько они скоропортящиеся; но мы также увидим, что их запас всегда остается как капитал экономического общества. Мы можем перестать смотреть на отдельные вещи и изучать постоянный фонд производственного богатства, который состоит из таких товаров, как руда, шерсть, кожа, молотки, веретена и швейные машины. Идентичность вещей, составляющих этот запас, постоянно меняется. Один и тот же список вещей мы никогда не найдем на складе ни в какие два дня, но запас похожих вещей остается всегда. *Капитал - это постоянный фонд производственных благ, составные элементы которого постоянно меняются.*

Капитальные блага - это изменяющиеся составные части этого постоянного агрегата. Это особые инструменты, каждый из которых в течение своей короткой экономической жизни занимает свое место в бесконечной череде вещей, которые в своей совокупности являются постоянным производительным агентом — сотрудником по труду и его постоянным помощником в создании богатства потребителей.

Взгляд делового человека на капитал.— Именно в качестве такой неизменной сущности деловой человек рассматривает капитал. Он почти всегда описывает это как денежную сумму. Таким образом, капитал производителя составляет "миллион долларов", потому что в его распоряжении хранится запас инструментов на эту сумму. Ему не позволено пропадать даром, как бы сильно ни менялись его составные части. Растрата и обновление, которые влечет за собой бизнес, всегда оставляют эквивалент миллиона долларов под рукой, хотя и никогда в буквальном смысле в виде денег. Запас переходящих товаров, всегда стоящий миллион долларов, фигурально описывается как миллион долларов, "вложенный в товары".[2]

Главный атрибут капитала.—Главным атрибутом капитала, правильно так называемого, является постоянство. Если производственного фонда человека не хватает, он разоряется. Фермер имеет под рукой более или менее постоянный запас орудий труда, которыми ему приходится пользоваться. Он забирает часть выручки от продажи своего урожая, вкладывает ее в орудия труда и материалы и таким образом держит некоторое их количество под рукой в качестве вспомогательного капитала сельского хозяйства. Конкретные товары непостоянны, но сумма денег или квант богатства, "вложенный" в их движущуюся процессию, является таковым. В любой момент капитал состоит из определенных инструментов, которые можно найти и идентифицировать, но товары не могут быть одинаковыми ни в один момент времени.

Причины описания капитала как денежной суммы.—Этот факт объясняет общую практику описания капитала в денежном выражении. Только что упомянутый производитель будет говорить о своем капитале как о "миллионе долларов" и рассматривать эту сумму как "постоянную инвестицию", потому что он знает, что, хотя товары, которые сейчас представляют эту стоимость, скоро уйдут от него, "доллары" — то есть стоимость, эквивалентная долларам, — останутся. Более того, он всегда проводит различие между своим капиталом и буквальными деньгами, поскольку он знает, из чего состоит его производственный фонд, и полностью осознает, что только ничтожная его часть имеет форму реальной валюты.

Средства производства составляют фонд, но доллары служат для его описания. Они указывают на их количество и неизменное качество, поскольку описывают то, что он вложил или воплотил в меняющиеся вещи и что может получить от них при честной продаже.

Почему абстрактные термины используются при популярном описании капитала.—В определенных связях деньги, по неразумному мнению, путают с реальным капиталом, чего нам следует остерегаться. Чтобы избежать подобных ошибок, нам нужно быть еще более осторожными, чтобы не упустить истину, лежащую в основе общепринятого способа описания капитала. Постоянный фонд, о котором говорят как о миллионе долларов, инвестированном в бизнес, никому не предлагает буквальную кучу в миллион серебряных или бумажных долларов или в сто тысяч золотых орлов. Это говорит о том, что на самом деле происходит в бизнесе, о чередѣ вещей, каждая из которых попадает в руки человека, а затем покидает его, и помогает ему поддерживать постоянный запас товаров, который в любой момент может составить миллион долларов. Постоянное тело любого вида, если оно состоит из подвижных тканей, обычно описывается с использованием абстрактного термина. О водопаде, состоящем из быстро меняющихся капель воды, говорят как о "силе воды", поскольку сила - это неизменная вещь. Бесконечная череда живых человеческих существ описывается как "человечество", поскольку оно остается на протяжении всех личных изменений. Бесконечная череда рабочих описывается как "рабочая сила", и мы изучаем "заработную плату за труд", "отношения труда к

капиталу" и т.д., потому что это постоянные отношения. Мужчины приходят и уходят, но труд продолжается и является источником постоянного дохода. На самом деле дело в том, что, говоря о "проблеме труда" или "соотношении капитала и рабочей силы", мы обычно думаем об "абстрактном труде", как мы могли бы это назвать; но это очень далеко от того, чтобы подразумевать, что мы рассматриваем ряд поколений реальных рабочих как абстракцию. Мы можем, используя подобные термины, говорить о проблеме процента как об "абстрактном капитале"; но это далеко не означает, что мы считаем бесконечный ряд материальных орудий производства абстракцией. Мы описываем эти реальные вещи с помощью абстрактного термина, точно так же, как мы описываем тысячи других реальностей. "Фонд", "ценность", "постоянный объем богатства" - это капитал; но с абстрактным понятием разум всегда связывает мысль о конкретной сущности. Именно инструменты промышленности, которые в своем бесконечном движении входят в индустриальную сферу и покидают ее, являются тем, о чем мы думаем, даже когда используем абстрактный термин. Этот термин, однако, избавляет нас от опасности думать просто о конкретных инструментах, которые мы можем идентифицировать и проследить до их окончательного уничтожения, когда формируем концепцию капитала.

Важность проведения различия между концепциями капитальных благ и концепцией капитала.—Очень важно проводить четкое различие между двумя концепциями производительного богатства, из которых одна описывается термином *капитальные блага*, а другая - термином *капитал*. В одном случае мы думаем о конкретной вещи, которую идентифицируем, держим в уме и наблюдаем, как она претерпевает свои трансформации, выполняет свою конечную работу и погибает. Блестящие исследования профессора Бем-Баверка основаны на идее, что такое отслеживание биографии конкретного инструмента является верным способом решения интересующей проблемы. Однако сам термин "*процент*" предполагает существование того, что мы определили как постоянный капитал — постоянный фонд или сумму богатства, которая каждый год приносит в качестве дохода определенный процент от самой себя. "Сто долларов" приносят пять долларов; то есть фонд приносит двадцатую часть суммы, которую, несмотря на все изменения его составных частей, он продолжает воплощать. Действительно, верно, что изучение *всех* капитальных благ, которые существовали или будут существовать, с должным вниманием к их отношениям друг к другу, выявило бы тот факт, что они поддерживают такое бесконечное движение, которое было здесь описано, и, таким образом, представило бы перед умом такую концепцию капитала, которая есть у делового человека и которую он описывает с помощью денежной формы выражения. Проводя синтетическое исследование капитальных благ в целом, а не отдельные исследования конкретных благ по мере их поступления и ухода, мы можем получить грандиозный результат действия всех них, который является не чем иным, как постоянным капиталом, выполняющим свою непрерывную работу. Такое всестороннее изучение капитальных благ, если оно ведется достаточно далеко, превращается в изучение постоянной сущности - капитала. Однако позволить себе упустить из виду существующую сущность и просто проследить за происхождением, ростом и производительным действием отдельных орудий производства было бы катастрофой. Неумирающее тело, в котором определенные вещи являются тканями, абсолютно необходимо выставить на всеобщее обозрение. Само упоминание проблемы процентов — самого процента, который фонд данной суммы может зарабатывать ежегодно, — сразу ставит перед нами постоянную организацию, капитал и проблемы, связанные с ними.^[3]

Труд как постоянная сущность.—Термин *труд* иногда используется для описания постоянного скопления работников, ни один из которых не живет и не работает более короткого

периода. Таким образом, труд аналогичен капиталу, а рабочие - капитальным благам. Постоянная рабочая сила состоит из скоропортящихся существ, как постоянный производственный фонд состоит из скоропортящихся товаров. И то, и другое обычно описывается с использованием абстрактных терминов, но на самом деле оба являются конкретными вещами; и на самом деле свести любое из них к простой абстракции означало бы прекратить существование материальной сущности. Мы инстинктивно говорим о стоимости — данном количестве долларов — при описании человеческого капитала, но это доллары, "инвестированные" в производительные инструменты; и мы инстинктивно говорим о труде, когда имеем в виду постоянную силу рабочих. Ни капитал, ни труд не похожи на нематериальную душу, которая может жить отдельно от своего тела. Каждый из них состоит из постоянного тела с изменяющимся составом. Постоянная сумма, с одной стороны, постоянное количество рабочей энергии, с другой, присутствуют всегда, но они выражены соответственно в товарах и людях. Каждый из них вполне может быть описан с помощью абстрактного термина, и в практической жизни это обычно так и есть; но это конкретная реальность.

Особенность Земли как основного блага.— Когда мы называем основные блага скоропортящимися, необходимо сделать одну оговорку. Если мы включаем землю в этот термин, мы должны сделать ее исключением из правила разрушаемости. Это единственная вещь, которая не исчезает при использовании. Это вообще не произведенный товар, и он не занимает, подобно другим товарам, промежуточного положения между трудом и удовлетворением, которое должен производить труд. Труд не создал его, и использование не положит ему конец. В нашем исследовании это будет называться капитальным благом, поскольку это форма богатства, которая производит другое богатство. Оно входит в постоянный производственный фонд, который использует общество.

Различия между землей и другими капитальными благами Важны для экономической динамики.—Именно в более поздней части исследования, посвященной экономическим изменениям, — той части, которую мы будем называть экономической динамикой, — различия между землей и искусственно созданными благами становятся заметными, и эти различия получают должное внимание в надлежащем месте. Изучая закон, который управлял бы экономическим обществом, если бы не происходило существенных экономических изменений, — приводя общество, так сказать, к статичному состоянию, — мы обнаруживаем, что существует определенный набор характеристик, которые земля разделяет с теми капитальными благами, которые являются продуктами человеческого труда. В статических исследованиях лучше всего сгруппировать производительные инструменты, которые делают люди, с одним неразработанным благом, созданным природой, и признать, что вместе они воплощают постоянный фонд производительного богатства.[4]

Мобильность — атрибут капитала. - Даже в статичном обществе капитал был бы постоянным, в то время как определенные капитальные блага были бы скоропортящимися. В динамических исследованиях на первый план выходит другое качество капитала, отличное от средств производства, а именно мобильность. Это способность без потерь перемещаться из одной отрасли в другую. Товары, таким образом, не могут свободно перемещаться. Ткацкий станок нельзя вынести из шерстяной фабрики и заставить выполнять работу в столярной мастерской, а циркулярную пилу нельзя использовать для ткачества. Когда ткацкий станок изнашивается и нуждается в замене, владелец может приобрести либо другой ткацкий станок, либо циркулярную пилу, и если он выбирает последний вариант, он переводит капитал в

деревообрабатывающий бизнес. Китобойное судно не было бы полезным в качестве хлопчатобумажной фабрики; но большой капитал, который когда-то был вложен в китобойный промысел Новой Англии, с тех пор нашел свое применение в производстве. Передача часто может быть произведена без потерь. Если доходов от инструмента оказалось достаточно для замены его другим, подобным ему, их может быть достаточно для производства инструмента, непохожего на него. Отходы, если они происходят, являются результатом неспособности оригинального инструмента заработать средства для замены. Капитал, который, таким образом, сохраняется, но переходит из одной сферы применения в другую, представляет собой тело, идентичность и характер составных частей которого меняются. Перемещение капитала из одной отрасли в другую является динамичным явлением, которое будет рассмотрено позже. Здесь важен тот факт, что оно в основном осуществляется без передачи средств производства. Инструмент изнашивается в одной отрасли, и вместо того, чтобы быть замененным аналогичным инструментом в той же отрасли, ему на смену приходит инструмент другого вида, который используется в другой отрасли производства. Товары не перемещались из одной отрасли в другую, но это сделал капитал.

Как может быть уничтожен сам Капитал. — Когда мы говорим о капитале как о постоянном, мы имеем в виду, что его использование не разрушает его так, как оно разрушает ткани, из которых он состоит. Пожары, землетрясения и бизнес-катастрофы выводят из строя отдельные его части и влияют на объем фонда в целом; но само производство оставляет его нетронутым. Именно это производство разрушает капитальные блага и делает необходимым их замену.

СНОСКИ

[1] В экономическом смысле потребление - это использование, а не уничтожение потребленной вещи, хотя многие вещи быстро разрушаются в процессе. Пища разрушается в момент употребления; одежда при употреблении портится медленнее, а мебель и жилища - еще медленнее. Некоторые вещи, которые постепенно разрушаются в процессе утилизации, из-за этого не погибают быстрее. Ваза, статуя или картина потребляются в экономическом смысле в результате того, что человек смотрит на них и получает от этого удовольствие; но это не ускоряет их порчу, за исключением случаев, когда хранение такого украшения там, где его можно увидеть, подвергает его порче или несчастному случаю. Восхождение на холм, чтобы полюбоваться видом, "поглощает" холм в истинном смысле этого слова, а взгляд с вершины на широкий участок живописной местности даже поглощает — то есть использует — ландшафт; и, конечно, это действие не наносит ущерба используемой вещи. Однако общий факт, что товары для конечного использования, как правило, повреждаются или уничтожаются либо в результате акта потребления, либо в результате сопутствующего ему воздействия, оправдывает использование этого термина для выражения получения услуги от пригодного для использования предмета. Это процесс, в ходе которого товар воздействует на чувства людей и, как правило, при этом исчерпывает себя. Стоит помнить, что такое исчерпание товара не является существенной частью потребления. Со стороны человека это состоит в извлечении пользы из добра, в то время как со стороны самого добра это состоит в том, чтобы приносить пользу человеку — делать ему добро, а не причинять себе вред.

[2] Здесь мы упускаем из виду все вопросы, связанные с изменением покупательной способности денег. В обычное время это привычка делового человека. Он считает свой капитал нетронутым, если количество долларов, первоначально вложенных в его бизнес, все еще

отображается в его инвентаре как представляющее чистое превышение его активов над обязательствами. Если бы валюта подвергалась быстрой инфляции, фиксированная сумма инвестированных денег представляла бы собой сокращающийся запас капитальных благ. Этого запаса хватало бы всегда, но при истинном стандарте измерения он уменьшался бы. Все, что нам в настоящее время интересно знать, - это то, что практическое использование рассматривает капитал как постоянный фонд производительного богатства и наиболее удобно описывает его как фиксированную сумму денег, "инвестированную" в товары производственного типа. То, что считается "деньгами", остается неизменным. Конечно, практичный человек не считает, что они на самом деле состоят из валюты.

[3] Потребительские товары можно рассматривать двумя различными способами, которыми необходимо рассматривать средства производства. Мы можем рассматривать конкретные предметы потребления по мере того, как они начинают свою карьеру, служа нуждам своих владельцев, и следовать за ними по мере того, как они изнашиваются и, наконец, портятся. Это дает представление о них, аналогичное концепции капитальных благ, а не концепции капитала. С другой стороны, мы можем посмотреть на постоянный запас пригодных к употреблению предметов, который поддерживается за счет постоянного поступления новых взамен тех, которые пришли в негодность, и таким образом мы получаем представление *опостоянном потребителском богатстве*. Поток готовой продукции из магазинов к потребителям, компенсирующий одновременное разрушение таких изделий в руках потребителей, приводит к поддержанию постоянного фонда благосостояния потребителей, состоящего из скоропортящихся товаров, идентичность которых постоянно меняется; и этот фонд аналогичен постоянному капиталу, как мы его определили. Профессор К. А. Таттл выступал за использование общего термина "*богатство*" для обозначения двух постоянных фондов, которые мы здесь назвали, с одной стороны, капиталом, а с другой - постоянным запасом богатства потребителей. Мы предпочли использовать термин "*богатство*" в достаточно общем смысле, чтобы включать как капитал, так и средства производства, а также как постоянный запас потребительских товаров, так и конкретные предметы, которые, в свою очередь, составляют его. Богатство состоит из эффективно полезных конкретных вещей, рассматриваемых либо как особые предметы, которые можно идентифицировать и наблюдать за ними до тех пор, пока они не погибнут при использовании, либо как постоянный запас предметов этого рода, каждый из которых сам по себе имеет лишь преходящее существование. Смотрите статью профессора Чарльза А. Таттла "Концепция богатства" в "*Анналах Американской академии политических и социальных наук*" за апрель 1891 года и другие статьи того же автора.

[4] То, что обычно называют землей, содержит элементы, которые погибают при использовании. Таковы залежи угля, руд или нефти, а также те компоненты суглинка, которые истощаются при обработке почвы. Такие элементы почвы не являются землей в экономическом смысле. Как к ним следует относиться, будет показано в следующей главе.

ГЛАВА III

МЕРА БЛАГОСОСТОЯНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

На всех стадиях общественного развития экономические мотивы, движущие людьми, остаются по существу одинаковыми. Все люди стремятся получить от материального богатства как можно больше чистых услуг. Чем больше у них богатства, при этом остальные вещи остаются прежними, тем лучше они живут, и чем больше личных жертв они вынуждены приносить ради обретения богатства, тем хуже им живется. Часть полученной выгоды нейтрализуется понесенными жертвами; но существует чистый избыток прибыли, который, таким образом, не отменяется жертвами, и общим мотивом, который можно правильно назвать экономическим, является желание сделать этот избыток большим. За исключением совершенно изолированной индивидуальной жизни, этические мотивы могут влиять на экономические действия людей. Альтруизму есть место в любой *социальной* экономической системе, равно как и чувству справедливости и позитивному принуждению закона. Альтруизм выполняет свою самую большую работу, заставляя людей раздавать богатство после того, как они его приобрели, но совесть и закон сильно влияют на их действия по его приобретению. Это силы, которые должна учитывать социальная экономика; но более эгоистичный мотив, желание получить наибольшую чистую выгоду от процесса создания богатства, является одной из предпосылок любой экономической науки. Это включает в себя общее стремление к богатству; но люди стремятся к богатству ради определенного личного эффекта, который проистекает из его использования, и они измеряют его, когда достигают, посредством этого субъективного эффекта.

Как измеряются конкретные коммунальные услуги.— Поскольку основным качеством богатства является конкретная эффективная полезность, мы измеряем богатство, оценивая величину этого качества, и измерение всегда должен производить потребитель. Он должен осознать важность для себя небольшого количества определенного товара. Охотник должен понять, насколько хуже ему было бы, если бы он потерял небольшую часть своего запаса дичи и, как следствие, испытал некоторый голод. Поступая таким образом, он получает меру эффективной полезности любого подобного количества дичи, поскольку любая конкретная часть его запасов так же важна, как и любая другая, и не более того. Оценка важности такого запаса пищевых материалов должна производиться именно таким образом, путем определения количества, имеющегося под рукой, по частям, а не путем оценки важности всего этого сразу.

Оцените Меру конкретной эффективной полезности.—Если какой-либо потребитель оценит важность для себя отдельной единицы товара определенного вида и умножит полученный таким образом показатель на количество единиц, которые он оценивает, он произведет измерение стоимости общей суммы.

Ценности, не основанные на важности общего объема поставок Товаров.— Важно, чтобы потребитель при определении стоимости того или иного вида товара не оценивал важность предложения в целом, поскольку это дало бы завышенную оценку. Измерение стоимости всегда производится специально, и отдельные единицы поставляемого товара оцениваются отдельно от остальной части. Общая полезность атмосферного воздуха бесконечна, поскольку его полная потеря означала бы полное уничтожение животной жизни; но конкретная полезность и ценность воздуха *равны* нулю, поскольку ни одна ограниченная часть его запасов не имеет никакого практического значения. Целая комната этого может быть безнаказанно уничтожена.

Таким образом, зерновые культуры мира, взятые в целом, имеют почти бесконечное значение, поскольку их уничтожение привело бы к всеобщему голоду; но каждый бушель зерна имеет относительно небольшое значение. Потеря урожая не повлечет за собой серьезных трудностей для среднего потребителя, поскольку он может легко заменить его. Ценность урожая определяется важностью одного бушеля, взятого отдельно, и количеством бушелей. Если мы оцениваем важность одной единицы запаса чего-либо, выражаем результат оценки в числе, а затем умножаем это на количество единиц в запасе, мы выражаем *ценность* этой общей суммы. *Общая полезность* этого, с другой стороны, измеряется выгодой, которую мы получаем от предложения в целом, или разницей между состоянием, в котором мы находимся, когда у нас есть все это, и тем, до которого мы должны были бы опуститься, если бы потеряли все это и не смогли заменить. Чтобы измерить любую такую совокупную полезность, мы в воображении сравниваем наше состояние с полным имеющимся запасом и состоянием полной и безнадежной нужды в том, что касается этих и подобных им благ.

Этот метод измерения Богатства универсален. — Эти принципы применимы как к экономике одинокого островитянина типа Крузо, так и к экономике цивилизованного общества. Крузо не нуждается в измерении ценностей для целей обмена, но у него есть другие причины для их измерения. В его интересах экономно использовать свой собственный труд, и с этой целью он не должен вкладывать слишком много его в одно занятие и слишком мало в другое. Когда из—за большого запаса пшеницы ее специфическая важность невелика - или, если использовать общепринятое выражение, когда полезность "конечного приращения" пшеницы, которое человек мог бы получить, пополнив свой запас, невелика, — ему следует направить свой труд на разведение коз или строительство хижин, где полезность получаемого приращения продукта на какое-то время выше. "Одинокий человек", таким образом, хорошо иллюстрирует действие общества, которое своим особым способом направляет рабочую силу из одной отрасли промышленности, где "конечная полезность" его продукта невелика, в другую, где она больше. Все это делается путем измерения конкретной важности товаров.^[1]

Полезность товаров производителей. — Потребительские товары обладают прямой полезностью, которая заключается в способности непосредственно обслуживать потребителя. Орудия производства, с другой стороны, обладают косвенной полезностью, поскольку все, на что они годны, - это помогать производить вещи, оказывающие непосредственную услугу. Они обладают *производительностью*, и это необходимо измерять при определении их ценности. Что нам нужно знать о мотыгах и лопатах, молотках и наковальнях, шпинделях и ткацких станках и т.д., так это то, сколько энергии у них есть, чтобы создавать товары, которые мы хотим использовать. И здесь измерение должно производиться особым образом. Капитальные блага должны приниматься единица за единицей, если мы хотим правильно оценить их ценность для производственных целей. Часть запасов картофеля приходится на мотыги, которые его копают; но при оценке мотыг мы не пытаемся выяснить, насколько хуже было бы наше положение, если бы у нас вообще не было мотыг. Мы просто пытаемся выяснить, насколько сильно повлияла бы на нас потеря одной мотыги или сколько пользы принесло бы нам ее восстановление. Эта истина, как и предыдущие, имеет универсальное применение в экономике; поскольку первобытные люди, так же как и цивилизованные, должны оценивать конкретную производительность инструментов, которые они используют, и изготавливать мотыги, лопаты или топоры в соответствии с тем, что приобретение одного инструмента одного вида становится более важным, чем приобретение инструмента другого вида. Действительно, измерение полезности должно производиться, как мы вскоре увидим, еще более конкретным способом,

чем этот; ибо человек должен определить не только то, сколько мотыг он сделает, но и то, насколько хорошего качества он их сделает. Качество каждого инструмента должно быть определено таким образом, который мы должны в дальнейшем тщательно изучить. Доходная способность капитала, как мы увидим позже, определяется специфической производительностью, присущей капитальным благам.

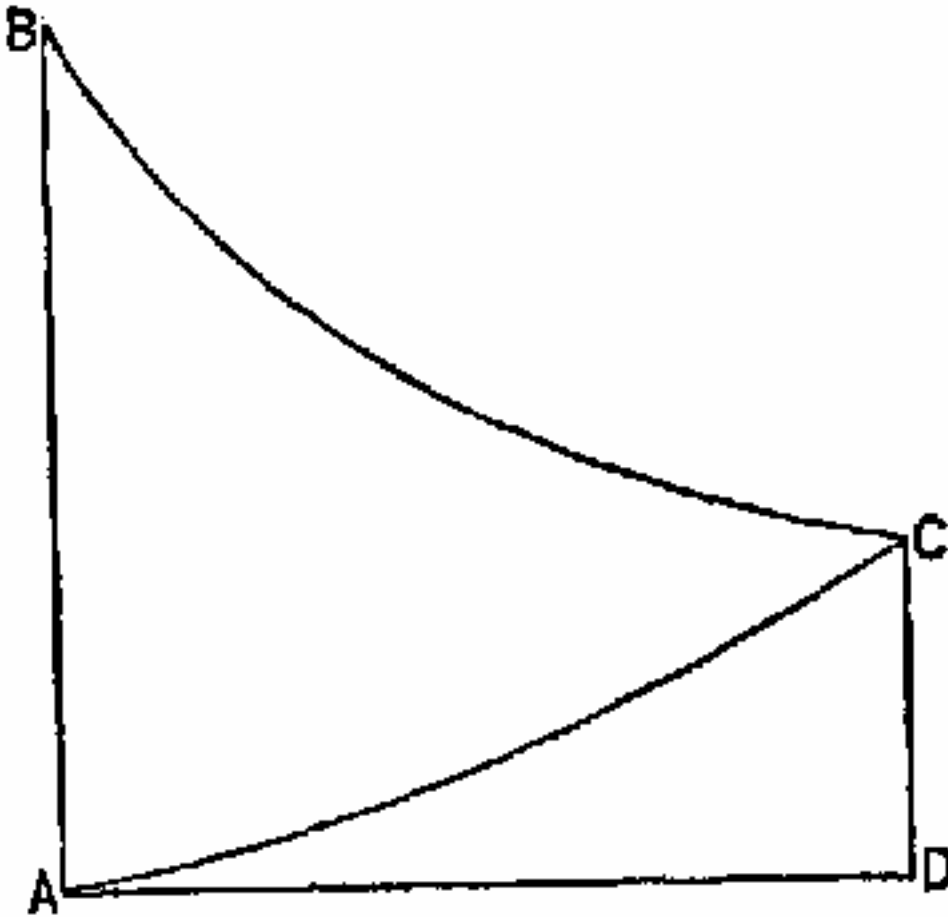
Стоимость и полезность. Созревшее потребительское благо, истощая себя для человека, приносит ему пользу; но в течение периода, в течение которого оно готовится к использованию, когда оно получает полезность из рук сменяющих друг друга производителей, оно имеет противоположное отношение к людям, которые им управляют. Делая материал полезным, человек ограничивает и утомляет себя. Он готов это сделать, если ожидаемая им награда с лихвой окупит жертву, но не иначе. Более того, сама эта жертва должна быть конкретно оценена способом, аналогичным методу измерения полезности, который определяет стоимость товаров. Человеку необходимо оценивать жертвы, которые возлагаются на него, не по его труду в целом, а по определенной его части. Вечером он обнаруживает, что испытывает усталость и чувство скованности, вызванные трудовым днем, и спрашивает себя, насколько это было бы обременительно для него, если бы он поработал еще немного. Если то, что он может получить таким образом, окупает дополнительные жертвы, связанные с получением этого, он будет работать в течение нескольких минут, но в остальном он этого не сделает. Его возражение против нескольких минут дополнительной работы измеряет то, что мы могли бы назвать специфической бесполезностью труда; и люди, будь они примитивными или цивилизованными, постоянно проводят такие измерения. Они подсчитывают, во сколько им обойдется небольшое увеличение продолжительности их рабочего дня или насколько им выгодно его сократить. Таким образом, они измеряют *специфическую бесполезность* труда, а не его *полную бесполезность*, поскольку они не измеряют облегчение, которое могло бы принести полное прекращение работы.

Возрастающая стоимость последовательных периодов труда.— Легко работать, когда человек не устает, и первые час или два труда могут даже доставлять удовольствие, которое в значительной степени компенсирует бремя, которое они влекут за собой; но трудно работать, когда человек устал и болезненно осознает тесноту цеха. Увеличение продолжительности рабочего дня налагает на человека необходимость работать в то время, когда нагрузка наибольшая; и сокращение его рабочего дня, по аналогичной причине, освобождает его от части наиболее дорогостоящего труда.

Естественная продолжительность рабочего дня.—Любой чернорабочий, по мере того как его работа продолжается час за часом, наверняка достигнет точки, когда идти дальше будет невыгодно. Как бы сильно он ни нуждался в дополнительных товарах, они будут нужны ему не так сильно, как отдых и перемены. Возможно, он проработал двенадцать часов и, работая дольше, сможет улучшить свой гардероб, питание или обстановку; но если у него есть сносный запас таких вещей, он вряд ли захочет пополнять его, оставаясь в магазине, когда его силы на исходе и ему не терпится добраться до дома.

Максимальная удельная стоимость - мера удельной полезности.—Два очень важных принципа действуют всякий раз, когда человек выполняет труд с целью создания богатства. Чем больше потребительского богатства он получает, тем менее важны для него его последовательные единицы и тем дороже ему обходятся эти последовательные единицы.

Десятый час работы увеличивает его запас еды, но это дополнение не так важно, как припасы, которые уже были под рукой. Если мы разделим запас на десятые доли и позволим человеку производить десятую часть в каждый последующий час, то первая десятая, которая спасает его от голодной смерти, будет самой важной, в то время как последняя десятая, которая ближе всего подходит к удовлетворению его аппетита, будет наименее важной. Это последнее приращение, однако, достигается величайшими жертвами, поскольку достигается за счет увеличения продолжительности рабочего дня на десять часов вместо девяти.

Пусть часы рабочего дня отсчитываются вдоль линии AD , и давайте предположим, что человек получает единицу за единицей потребительского богатства по мере того, как он работает час за часом, и эти единицы становятся все менее и менее важными. Первый и самый важный мы можем измерить вертикальной линией AB . Второй стоит меньше, третий еще меньше, а последний стоит всего лишь сумму CD . Это означает, что последовательные единицы того, что мы можем назвать общим товаром для личного использования, снижали свою полезность вдоль кривой до н.э.. С другой стороны, по мере того, как труд мужчины затягивался, он становился все более и более утомительным. Жертва, которую это потребовало поначалу, была почти нулевой, но жертва последующих часов увеличилась до тех пор, пока в последний час она не достигла величины, выраженной через CD .^[2] По мере того, как человек продолжал работать, напряженность работы возрастала по восходящей линии AC до тех пор, пока не была достигнута точка, когда это настолько здорово, что это едва компенсируется плодами труда.

Тогда человек больше не будет работать. Если бы он поступил так, его жертва стала бы еще больше, а награда - еще меньше. До этого момента работать было выгодно, ибо каждый час труда приносил ему что-то настолько полезное, что это с лихвой окупало любые жертвы, которые он приносил ради того, чтобы это получить. За пределами этого пункта это уже не так. Линия *CD* представляет собой максимальную стоимость рабочей силы, и именно она выступает в качестве показателя эффективной полезности и ценности.

Совпадающий показатель стоимости и полезности.—Теперь выясняется, что строка *CD* означает две разные вещи. Он измеряет полезность последней единицы потребительского богатства человека, а также измеряет жертву, которую он понес, чтобы ее получить. Это противоположные влияния, но они одинаково сильны. Первое само по себе делает человека лучше, в то время как другое само по себе делает его хуже. В последний момент рабочего дня они нейтрализуют друг друга, хотя во все предыдущие периоды полученная полезность превышала понесенные жертвы, и чистая прибыль, полученная таким образом, позволяла человеку работать.

Точка, в которой Полезность и Бесполезность взаимно нейтрализуются.—Таким образом, в определенный момент производство воздействует на человека таким образом, что в точности компенсирует эффект, испытываемый от потребления продукта. Человек, как потребитель, должен измерить благотворное воздействие на себя, а как производитель, он должен измерить неприятное воздействие. Он обнаруживает, какую пользу приносит ему последняя единица богатства, которую он получает для личного использования, а также насколько он обременен последней частью выполняемого им труда. Если эта жертва просто компенсирует выгоду, получаемую от конечного потребления, то это лучшая единица измерения всех видов коммунальных услуг. Человек обеспечивает с помощью этого последнего и наиболее дорогостоящего труда множество вещей, ибо, если он будет работать до этого момента каждый день в году, в его распоряжении будет, скажем, сто часов труда сверх того, что он имел бы, если бы работал на треть часа меньше каждый день. Продукт этого дополнительного труда будет принят в виде товаров, которые также являются дополнительными к тому, что он получил бы в противном случае. Они будут представлять особый комфорт и роскошь многих видов. Ценность этих благ может быть измерена и сравнена с помощью количества труда, которое, по мнению человека, стоило выполнить для того, чтобы их получить. Если он ценит один из них достаточно высоко, чтобы считать, что для его получения стоит поработать дополнительные двадцать минут в конце дня, можно сказать, что он имеет одну единицу ценности; и если он достаточно озабочен тем, чтобы получить что-то еще, делая это два дня подряд, можно сказать, что этот второй предмет имеет две единицы ценности. Дикарь, который, работая лишний час, вносит некоторые улучшения в свое каноэ и, делая то же самое в другой день, вносит некоторые улучшения в свою пищу, устанавливает тем самым тот факт, что он одинаково ценит эти две дополнительные части потребительского богатства. Если он потратит десять часов такого же дорогостоящего труда на пристройку к своей хижине, он докажет, что ценит этот выигрыш в десять раз выше, чем любой другой. Установление ценностей посредством таких конечных затрат - это процесс, который происходит на каждой стадии социальной эволюции.

В отличие от Обобщения Результатов Создания Богатства и его использования.—Таким образом, богатство влияет на человека как на потребителя одним способом, а на того же человека как на производителя противоположным. В одном случае последствия благоприятны, а в другом - неблагоприятны. В определенный момент проверки два эффекта могут быть

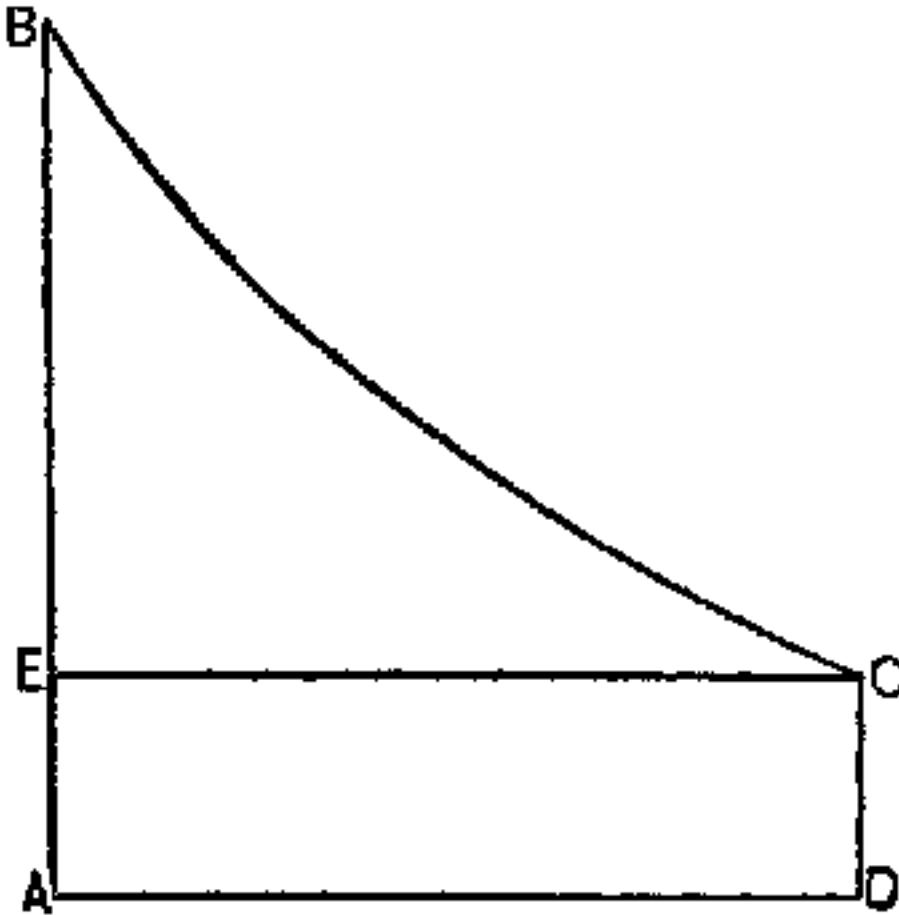
одинаково сильны как мотивы к действию, и поэтому можно сказать, что они эквивалентны. Человека побуждает работать его желание получить конечную единицу богатства, и его удерживает от этого его отвращение к конечной единице труда, которую ему придется понести, если он получит это благо. Если он выполняет работу и получает выгоду, он ни выигрывает, ни теряет в чистом результате этой конкретной части своего труда, хотя от всех других частей своего труда он получает чистый избыток выгоды. Естественно измерять все такие экономические выгоды с точки зрения жертв, понесенных в тот момент, когда они являются наибольшими. Это труд, который человек должен был бы понести, чтобы добавить средства удовлетворения к своему предыдущему запасу потребительских товаров.

Минимальные выгоды компенсируют максимальные трудности.— Эти две разные операции измерения проходят через весь экономический процесс. Человек постоянно оценивает количество вреда, которое наносит ему богатство, когда он находится в процессе его производства, и количество пользы, которую оно приносит ему, когда он его потребляет; и всегда можно найти точку, где эти две величины равны. Это точка, в которой выгоды наименьшие, а жертвы наибольшие. Именно в этой точке люди измеряют ценности в примитивной жизни и в цивилизованной жизни. Как в сложной жизни современного общества производится измерение, мы увидим в свое время; пока достаточно того, что мы осознаем универсальность закона, согласно которому ценность лучше всего измеряется бесполезностью труда, который наиболее затратен для работника. Организованные общества делают что-то, что равносильно этому. Это похоже на то, как если бы весь социальный организм был индивидуумом, подсчитывающим жертвы своего самого дорогостоящего труда и получающим из этого единицу для сравнения эффективной полезности различных благ.

Как первобытный человек оценивает Ценность.— Ошибочно полагать, что существенное в стоимости зависит от существования реального рынка, на котором вещи обмениваются друг на друга. На рынке, это правда, устанавливаются ценности, и их количество выражается способами, которые не могут быть приняты в примитивной жизни. Когда мы покупаем вещь, мы помогаем установить ценность ее и других подобных ей вещей. Простые соотношения, в которых вещи обмениваются друг на друга на рынке, ни в коем случае не являются сущностью ценности как таковой. Это нечто более глубокое и является одним из универсальных феноменов богатства. Ценность, как мы уже говорили, - это мера эффективной полезности вещей, своего рода мера, которую каждый часто вынужден применять, независимо от того, производит ли он товары для себя или покупает их у других. Производителю, у которого есть возможность производить различные товары для себя, необходимо знать, какое разнообразие товаров можно увеличить с наибольшей выгодой для него как потребителя. Увеличение предложения любого из них означает получение "конечной" или "предельной" единицы потребительского богатства. Это то, что требуется меньше, чем то, что уже было под рукой. Не проводя такого сравнения важности предельных единиц различных товаров, он не может использовать свои ресурсы таким образом, который принесет ему наибольшую пользу.^[3]

Как Изолированные Люди измеряют Конечную полезность.—Если пещерный житель обладает запасом в сто мер орехов, он измеряет конечную полезность и ценность этого запаса способом, который мы описали. Если бы его лишили всего запаса, он мог бы умереть с голоду, но этот факт не является основанием для оценки, которую он придает орехам. Он конкретно оценивает важность этого потребительского благосостояния. Он проверяет эффект потери одного показателя, и не более, и обнаруживает, что он мог бы потерять единственный показатель без

особых страданий. Разница между полным и почти полным удовлетворением аппетита несерьезна.

Пусть AD представляет собой общий запас пищи дикаря. AB будет представлять полезность первой единицы; CD - сотой. Если мы будем поставлять пищу единицу за единицей, полезность последовательных приращений будет снижаться вдоль кривой BC . Когда у человека есть сто единиц пищи, ни одна из них не стоит больше, чем предыдущая, поскольку, если бы какую-нибудь из них забрали, на ее место можно было бы положить последнюю.

Общая абсолютная полезность продуктов питания измеряется площадью $ABCD$, но общая ценность будет представлена прямоугольником $ADCE$. Площадь EBC измеряет избыток полезности, содержащийся в более ранних единицах измерения серии.

Мотив измерения ценностей в первобытной жизни.— Даже пещерный житель должен был бы измерять ценности и, следовательно, применять принцип конечной полезности, потому что ему нужно было бы расходовать свою ограниченную производительную энергию таким образом, который принес бы ему наибольшую пользу. Когда он почти насытился едой, ему больше нужны другие вещи, чем продукты питания. Если он добыл столько одного продукта, что любое дополнительное количество, которое он может получить часовым трудом, принесло бы ему меньше пользы, чем то, что он мог бы получить от какого—либо другого продукта с помощью того же количества труда, для него важно сменить занятие и произвести ту вещь,

дополнительная единица которой — которая, возможно, будет конечной единицей этого более желательного изделия - имеет более высокую степень полезности.

Конечная полезность и затраты труда.—Исходя из предположения, что небольшой запас корней и орехов невозможно заменить никакими усилиями и что никакой другой пищи не достать, полезность этого была бы бесконечно велика, поскольку жизнь человека зависела бы только от этого одного приращения пищи. Человек будет ценить это жизнеобеспечивающее благо за то, что оно принесет ему, и без какой-либо привязки к объему работы, которую он выполнил, чтобы получить его, или к количеству, которое ему придется выполнить, чтобы получить еще одно подобное хранилище. Исходя из предположения, что своим трудом человек мог бы заменить этот необходимый запас, его эффективная полезность оценивалась бы по тому, на какие жертвы ему пришлось бы пойти, чтобы заменить его. Эффективная полезность любой единицы товара, которую произведет часовой труд, никогда не может быть более чем достаточной, чтобы компенсировать бесполезность предельного или последнего часа труда; и, таким образом, даже одна единица заменяемых пищевых продуктов, даже если она стоит отдельно и составляет весь запас, оценивается в соответствии с затратами на получение другой такой же. Человек оценит это в соответствии со своим страхом перед жертвой, связанной с получением дубликата. Если он получает это, добавляя час труда к своему рабочему дню, этот факт является доказательством того, что важность первоначального запаса продуктов питания измеряется и выражается этой личной стоимостью замены; и поскольку любое аналогичное количество в большом запасе продуктов питания может быть продублировано таким же количеством труда, оказывается, что по стандарту, основанному на стоимости, *эффективная полезность* всех единиц равна, полезность каждой из них измеряется "бесполезностью" часового труда, а полезность всего запаса равна этой сумме, умноженной на количество единиц, содержащихся в этом запасе.[4]

Как первобытный человек измеряет производительность труда и Капитала.— Существует истина, касающаяся богатства производителей, которая напоминает истину, которую мы только что изложили в отношении богатства потребителей. Чем больше потребительских благ одного вида есть у человека, тем меньшую ценность имеет для него любое из них. Чем большим количеством производственных благ данного вида располагает человек, тем меньшей эффективностью обладает любой конкретный из них в качестве вспомогательного средства к труду. Последний кусок хлеба служит самому человеку менее важным образом, чем первый, поскольку он удовлетворяет менее сильную потребность; а последнее орудие труда данного вида — последний топорик, лопата или стрела — помогает ему в производительной деятельности меньше, чем первое. С одной стороны, мы имеем закон убывающей полезности последовательных единиц потребительских благ, а с другой стороны, мы имеем параллельный закон убывающей производительности последовательных приращений товаров производителей.

Необходимость измерения производительной силы капитальных благ даже в примитивной жизни.—Итак, каждому производителю, хотя бы и живущему максимально простым способом, необходимо каким-то образом измерить эффективность последней единицы каждого вида орудия производства, которое он использует. У него есть, скажем, определенное количество топориков и стрел, и он может изготовить один топорик с таким же количеством труда, с каким была бы изготовлена стрела. Теперь, если от топора будет больше пользы, чем от стрелы, он направит свою энергию на изготовление топора. Важно, чтобы любой производитель привел

конечные узлы различных частей своего оборудования к определенной однородности производимой мощности. Он не должен продолжать увеличивать запас орудия № 1, когда орудие № 2, которое можно было бы получить при тех же затратах труда, принесло бы больше пользы; он также не должен увеличивать запас любого из них после того, как он приобрел их в таком количестве, что первая единица орудия № 3 имела бы большее значение. Измерение эффективности благ производителей необходимо для каждого, кто вообще создает богатство, и такие измерения показывают тот факт, что чем больше благ производителей одного вида у человека, тем меньше производительная сила, заключенная в одном из них.^[5]

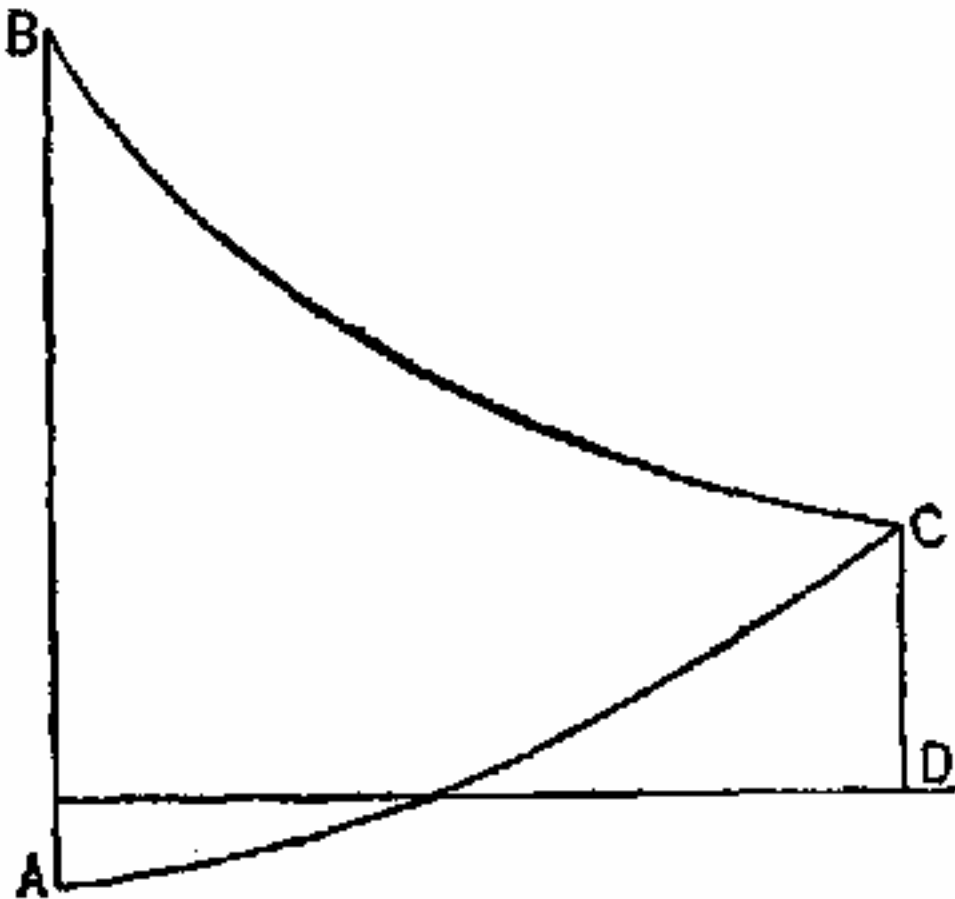
Приведенные выше Истины универсальны.—Все общие факты, которые были изложены до сих пор, справедливы везде, где производится богатство. Они не предполагают фактов разделения труда и системы обменов и даже не требуют наличия какой-либо социальной организации. Люди в самых примитивных племенах и даже люди, живущие в изоляции, подобной Крузо, создавали богатство трудом, которому помогал капитал. Сутью этого богатства была бы эффективная полезность, и мера этого, то есть ценность, определялась бы определенным образом, который мы описали. Разновидности капитала, различие между капиталом и капитальными благами и закон убывающей производительности таких благ проявились бы как в самой примитивной экономике, так и в самой развитой. Это ни в коем случае не все факты и принципы, которые, таким образом, имеют универсальное применение. Это лишь некоторые из наиболее важных, которые могут послужить основой или "Grundlegung" для дальнейшего изучения. Если бы мы расширили наш список общих и базисных истин, то быстро выяснилось бы, что доходы, которые рассматривались как рента, и различные прибавочные доходы, аналогичные ренте, являются универсальными экономическими явлениями, которые не было бы нелогичным обсудить в предварительной части этого трактата. Однако то, что было сказано относительно законов убывающей производительности последовательных единиц богатства производителей, относительно уменьшающейся полезности последовательных единиц богатства потребителей, а также относительно возрастающей обременительности непрерывных часов труда, представляет основные принципы, на которых покоятся все ренты и квазиренты. Лучше всего изучать применение этих принципов в том виде, в каком они применяются в цивилизованном государстве.

Универсальные экономические истины, независимые от специальных фактов социологии. Этот первый раздел экономической науки не заимствует ни одной из своих предпосылок из социологии, поскольку истины, составляющие его, сохранялись бы, если бы не существовало общества. Основные факты, которые он берет из физики, биологии, психологии, химии и т.д. Факты, касающиеся человека, природы и отношений между ними, являются для него существенными, но отношения между людьми становятся видимыми только в более поздних разделах. Там, действительно, они выходят на самый передний план с результатами, которые неизмеримо обогащают науку. Следующим перед нами будет то, что мы можем назвать социализацией экономического процесса, и мы обнаружим, что он полон критических проблем, связанных с будущим благосостоянием человечества. Промышленность осуществляется социальным организмом, в котором люди являются атомарными частями и которому природа дала конституцию с законами действия и развития. Сначала мы должны изучить природу этого промышленного организма и способ, которым он действовал бы, если бы не был подвержен каким-либо конституциональным изменениям; а затем мы должны изучить его в процессе роста. Экономическая деятельность общества, которое не претерпевает органических изменений, является предметом социально-экономической статистики, в то время

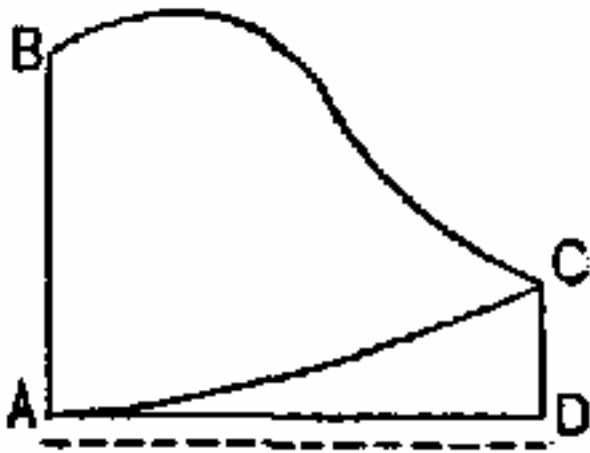
как такие изменения с их причинами и следствиями составляют предмет науки о социально-экономической динамике.

СНОСКИ

[1] Для подробного обсуждения отношений полезности и ценности читателя отсылают к работам Джевонса, Менгера, Фон Визера, Фон Бем-Баверка и Вальраса. Исследование "эффективной" полезности и ее отношения к ценности, проведенное автором настоящего трактата, содержится в *"Новоанглийце"* за июль 1881 года.

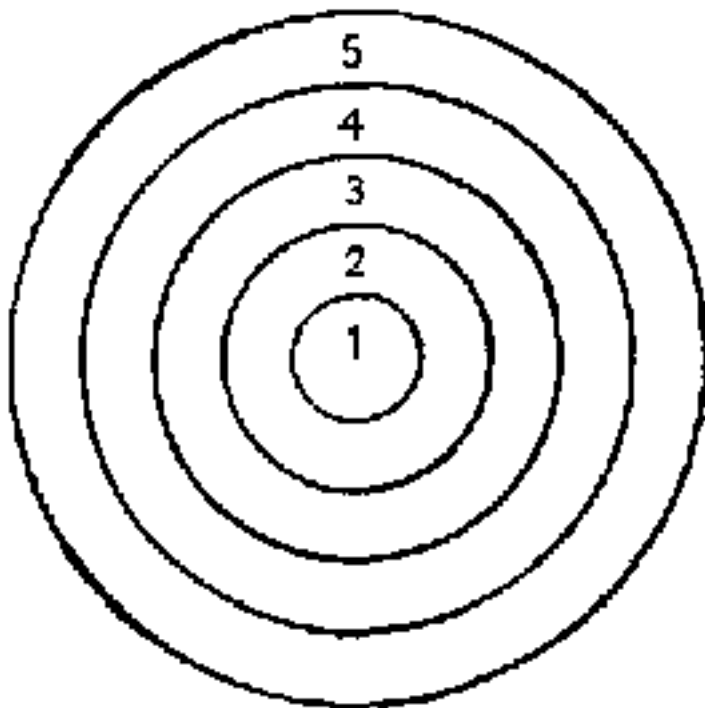

[2] Если мы попытаемся описать все возможности в данном случае, мы должны принять во внимание тот факт, что мужчина может получить положительное удовольствие от своего первого часа или двух труда, и построить фигуру таким образом, чтобы выразить этот факт:—

AC - кривая, представляющая жертвы, связанные с последовательными часами труда.

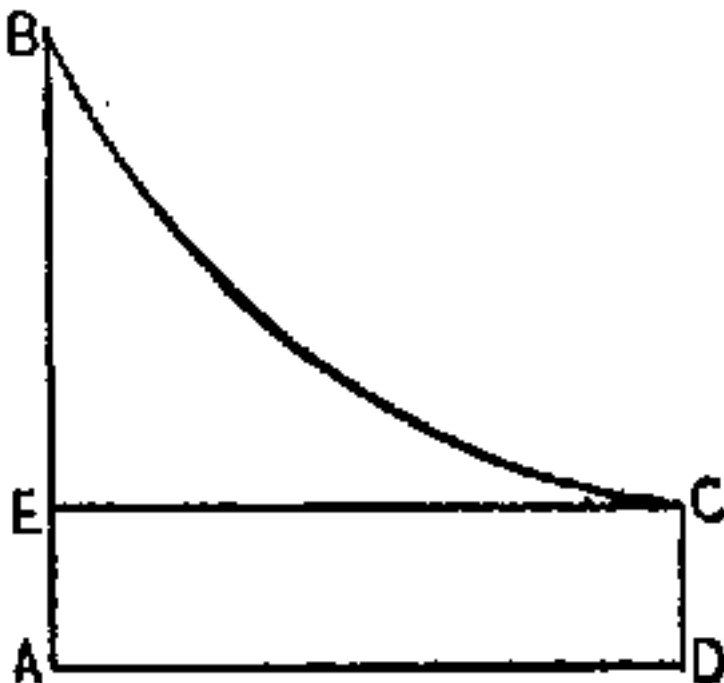
Аналогичным образом мы должны были бы признать тот факт, что полезность некоторых видов товаров может не достичь максимума при первом приращении, и должны построить кривую полезности, чтобы выразить этот факт. BC здесь представляет собой увеличение и последующее уменьшение удельной полезности поставки изделия такого рода.

[3] Термины *маргинальный* и *конечный* означают, по сути, одно и то же, но способы их понимания различаются. Когда считается, что коммунальные услуги предоставляются одна за другой, последняя является наименее важной. Мы можем представить растущие удовольствия человека не такой простой серией количественных приращений, а увеличивающейся областью. Мы можем начертить серию концентрических окружностей, начиная с самой маленькой, и позволить этой центральной области вместить в себя наиболее необходимые

формы потребительского богатства. Когда мы рисуем второй и больший круг, мы помещаем между ним и первым зону, которая включает в себя те формы, которые являются следующими по важности. Продолжая рисовать круги, мы достигаем самого дальнего, который ограничивает зону, в которую включены наименее важные приобретения потребителя. Это те вещи, которые он получает с самым дорогостоящим приращением своего труда, а вещи, лежащие за пределами последнего очерченного круга, не окупили бы тех жертв, которых стоило бы их приобретение. На прилагаемом рисунке пятая зона включает в себя эти "маргинальные" формы богатства.

[4] Хотя мы можем использовать термины *конечная полезность* и *эффективная полезность* таким образом, что это делает их почти взаимозаменяемыми, ясно, что качества, обозначающие эти два термина, ни в коем случае не идентичны, и что эффективная полезность должна изучаться при любом полном анализе ценности. При определении конечной полезности мы предполагаем, что единицы предложения товаров определенного вида поставляются одна за другой, и мы измеряем абсолютную полезность каждой единицы. Линия *AB* измеряет *абсолютную* полезность первого поставляемого устройства. Это измерение не учитывает никаких затрат на замену данного устройства, поскольку в нем не учитывается возможность его замены. Оценивается абсолютная важность услуги, которую оказывает эта первая единица товара, исходя из предположения, что, если бы этого первого приращения запаса не хватало, услуга вообще не была бы оказана. Аналогичным образом, абсолютная полезность последовательных предоставляемых приращений уменьшается вдоль кривой *BC*. *DC* измеряет *абсолютную* полезность конечного приращения, а площадь *ABCD* - общую абсолютную полезность источника питания. Если товары могут быть воспроизведены трудом, общая эффективная полезность меньше, поскольку она измеряется, как мы видели, суммой жертв, которые повлекла бы за собой замена одной утраченной единицы, умноженной на количество единиц в предложении. Это величина, выраженная площадью *AECD*, которая представляет собой величину стоимости товара, поскольку мера эффективной полезности и ценность одинаковы как в случае отдельной единицы, так и в случае общего предложения.

Мы обнаружили две причины, по которым эффективная полезность любой из предыдущих единиц равна абсолютной полезности последней. Первая причина заключается в том, что, если бы какой-либо из них был утерян, на его место был бы поставлен последний, и потребитель не понес бы никаких потерь, за исключением тех, которые были бы связаны с отказом от последнего устройства. Вторая причина заключается в том, что если потребитель потеряет какую-либо из более ранних единиц, он может заменить ее тем же количеством рабочей силы, которое заменило бы конечную. Мы видели, что линия DC на рисунке выражает не только абсолютную полезность конечной единицы товара, но и бесполезность труда по ее воспроизведению или по воспроизведению любой другой единицы. Стоимость замены всего запаса выражается в площади $AECD$, исходя из предположения, что единицы заменяются по одной за раз с помощью труда, выполняемого по истечении нескольких рабочих дней, когда потери наибольшие. Таким образом, общая ценность количественно эквивалентна общей эффективной потере при замене, а также общей эффективной полезности. Если, добавив короткий период к продолжительности одного рабочего дня, человек может возместить потерю одной единицы товара, то, добавив тот же период к продолжительности нескольких рабочих дней, он может возместить потерю всего запаса. Для простоты мы предполагаем, что физическое состояние человека остается неизменным и что дополнительный час работы в конце любого дня обходится ему столько же, сколько и в конце любого другого.

[5] Закон убывающей доходности последовательных единиц *капитальных благ* основан на том же принципе, что и закон убывающей доходности *капитала*, но он не идентичен ему. В свое время мы увидим, как на самом деле растет постоянный фонд благосостояния производителей и почему каждая новая единица, пополняющая этот фонд, приносит меньший доход, чем ее предшественница.

ГЛАВА IV

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Теперь перед нами несколько принципов настолько общего характера, что они применимы как к экономике самого примитивного государства, так и к экономике самого развитого. Нет необходимости в том, чтобы люди жили в каких-то особых отношениях друг к другу, для того чтобы, создавая и потребляя богатство, они служили примером этих принципов. Они делали это, даже несмотря на то, что никогда не вступали в контакт друг с другом, а жили, как могли, каждый на своей уединенной ферме. Законы такого общего рода проистекают из отношения человека к природе, а вовсе не из отношения различных людей друг к другу. Пусть человек полностью отстранится от других людей, применит свой труд непосредственно к природе, и он сможет производить богатства различных видов, которые мы описали. Он может добыть еду, одежду и другие вещи для собственного использования, а также изготовить инструменты, которые помогут ему добыть их. Он будет оценивать потребительские блага в соответствии с законом так называемой *конечной полезности* или, с другой точки зрения, эффективной специфической полезности, и он также проверит сравнительную полезность своих различных инструментов, апеллируя к закону конечной или специфической производительности.

Социальная экономика - главный предмет изучения.—Нас больше всего интересует, как организованное общество производит и использует свое богатство, и, проводя это исследование, мы сразу сталкиваемся с явлениями, которые не являются универсальными. Цивилизованное общество создает свое богатство кооперативно, совместными действиями своих различных членов; то есть оно осуществляется посредством разделения труда и обмена продуктами. Более того, она должна каким-то образом разделить общую сумму своих достижений между различными членами. Оно должно распределять труд между различными профессиями ради коллективного производства, которое представляет собой грандиозную синтетическую операцию, посредством которой каждый человек вносит что-то в общую сумму, которая является доходом всего общества. Далее, он должен разделить общую сумму на доли для своих различных участников — аналитическая операция, в ходе которой каждый человек берет что-то из совокупности для своего личного использования. Это распределение в более узком смысле этого термина — распределение между членами цивилизованного общества плодов производства. В более широком смысле этот термин также включает распределение жертв, понесенных в совместном производстве. Распределение, как определено таким образом, является элементом, который появляется в экономической жизни в результате социальной организации. Это действительно второстепенный элемент; ибо человек, природа и их отношения и взаимодействия являются первичными фактами, а отношения людей друг к другу логически следуют за ними. Социальная организация, однако, настолько трансформируется по своим последствиям, что сводит к минимуму то внимание, которое стоит уделять экономике примитивных типов жизни. Необходимо провести некоторое изучение этой экономики, поскольку именно таким образом мы ставим перед собой тот факт, что существуют универсальные экономические законы, и отчетливо осознаем природу некоторых из наиболее важных из них.

Факты, характерные для социалистической промышленности.—Термин *Политическая экономия* обозначает науку о промышленности^[1] в таком обобществленном виде, поскольку это наука о богатстве, которое организовано производится людьми более или менее цивилизованного государства. Общие истины, которые мы до сих пор излагали, действительно применимы к такой экономике, но они также применимы к процессам создания богатства и его потребления нецивилизованными народами и даже изолированными индивидами, которые не имеют никаких дел друг с другом. Это истины Экономии в неограниченном смысле, и теперь нам предстоит изучить особые истины *Политической* экономики. Когда производство осуществляется путем разделения труда, например, когда один человек работает на одном производстве, а другой - на другом, возникают явления, которых нет в более примитивной жизни; и еще другие возникают, когда в рамках каждого вида деятельности существует разделение функций между рабочим и капиталистом, как это имеет место всякий раз, когда одна группа людей изготавливает орудия производства, а другая группа выполняет работу. Особые законы этой высокоразвитой экономической системы требуют гораздо более углубленного изучения, чем те более общие законы, которые являются общими для нее и более простых систем. Теперь мы продолжаем признавать универсальные и основополагающие истины, изложенные в предыдущих главах, и переходим к изучению специальных принципов, которые применимы только к организованной экономической жизни.

Специализированное производство - средство диверсифицированного потребления.— По мере того, как видов товаров, которые мы производим индивидуально, становится все меньше, вещи, которые мы получаем и используем, становятся все более многочисленными и разнообразными — таков закон экономической специализации. Общество в целом производит бесконечное разнообразие вещей, и отдельный его член обеспечивает себе блага очень многих видов. Типичный современный рабочий в своем производстве является очень узким специалистом, но в своем потреблении он гораздо меньший специалист, чем грубый охотник, который мог наслаждаться лишь теми немногими товарами, которые он сам производил. Вкусы современного рабочего всеядны, поскольку у него развилось огромное разнообразие потребностей, и благодаря социальной организации он приобрел средства для удовлетворения многих из них.

Положение индивидов в производящем организме.—Когда мы говорим, что производство обобществлено, мы имеем в виду нечто очень далеко идущее. Мы имеем в виду, что выросла организация, в которой мужчины являются членами или частями членов, и что эта великая организация взяла на себя обязательство выполнять продуктивную работу для всех людей, которые ее составляют. Теперь мы впервые признаем социологический факт среди предпосылок экономической науки. Когда люди, чьи предшественники, возможно, жили в изолированных семьях или в обществе, организованном для защиты или просто ради удовольствия общения, теперь развивают подлинно экономическое общество, индивид зависит от других индивидов, а также от природы в удовлетворении своих потребностей. Экономическая независимость уступает место взаимозависимости, потому что состояние каждого человека в значительной степени зависит не только от его собственных усилий, но и от отношений, которые он поддерживает с другими людьми. Простые законы природы все еще в значительной степени контролируют его доход, но социальные законы также имеют определенный контроль над ним.

Обмены на их примитивной стадии.—Обмен продуктами - это, конечно, процесс, с которого начинается организация, и этот процесс состоит из простых и естественных этапов. Человек, который сначала делает все для себя, развивает особую склонность к изготовлению чего-то одного; и, хотя он все еще может продолжать изготавливать большинство вещей для себя, он находит выгодным обменять часть запаса того единственного предмета, для изготовления которого он особенно хорошо приспособлен. Он ищет соседа, чьи особые склонности лежат в другом направлении и у которого есть избыток какого-то другого товара. Возможно, один из них успешный рыбак, а другой, по предпочтению, производитель одежды, и они могут получить взаимную выгоду, обменивая еду на одежду.[2]

Промежуточный тип обмена и Конечный.— На следующей стадии человек становится полностью специалистом, производящим только один вид продукции и обменивающим его на другие. На первый взгляд может показаться, что дифференциация теперь полностью выполнила свою работу; но это очень далеко от того, что было сделано. Создание готового продукта для потребления по-прежнему является сложной операцией, которую выгодно разделить таким образом, чтобы один человек производил сырье, в то время как другой перерабатывал его в полезную форму. Выигрыш может быть получен за счет дальнейшего разделения производственного процесса, при котором первый рабочий изготавливает только самый грубый материал, другой несколько его модифицирует, третий продвигает процесс дальше, а четвертый или еще более поздний завершает его. В современной промышленности материал часто должен пройти через очень много рук, прежде чем он будет готов к передаче потребителю. Каждый участник сериала вносит в нее свой вклад и передает своему преемнику.

A

A

A

A

A - это предмет богатства потребителей, а A - самый сырой материал, который входит в его состав. A - этот материал несколько преобразован; A - это тот же самый материал после того, как он подвергся второму преобразованию, и требуется лишь последний штрих, чтобы преобразовать его в A, в этом состоянии он будет готов к использованию потребителем. Перед нами символ того, что на самом деле происходит в мировой индустрии. На западных ранчо пасется крупный рогатый скот; в лесах Пенсильвании дубят шкуры; на фабриках Броктона кожа претерпевает множество изменений, из нее делают обувь; обувь расставлена на полках розничных магазинов в Нью-Йорке в ожидании людей, которые ее наденут. Это этапы создания одного продукта, и тысячи различных продуктов появляются на свет аналогичным образом.

Представление групп или конкретных отраслей, составляющих Экономическое общество.— Если мы поместим рядом с серией A серию B и одну из C, то получим гораздо упрощенное представление о том, что происходит на самом деле. На самом деле существует множество различных вещей, которыми пользуется почти каждый потребитель, и каждая из них производится в результате серии производственных операций, подобных той, которую мы описали. Сам факт, что их так много, что безнадежно пытаться представить их все в таблице, делает желательным проиллюстрировать принцип, сведя в таблицу только некоторые из них, и предположить, что эти несколько - все, что есть. Для целей, которые мы имеем в виду, вполне

безопасно предположить, что серия А, одна из В и одна из С представляют все потребительские товары, которыми пользуется общество. Что мы хотим выяснить, так это то, как различные серии работают вместе, обеспечивая доход для каждого члена общества.

Организация Спонтанная. Рабочие могут идти, куда пожелают, и все же они каким-то образом приведены в упорядоченное отношение друг к другу, будучи размещены в определенных пропорциях в разных отраслях промышленности. Капиталисты также вольны вкладывать свои средства по своему усмотрению, и все же существует определенная сумма, которая естественным образом выделяется на каждую отрасль бизнеса. Как происходит это распределение, мы можем легче всего установить, создав такое воображаемое и очень упрощенное общество, какое представлено в этой таблице.

А В С

А В С

А В С

А В С

Серия "А", которую мы уже изучали, представляет собой один из видов сырья, созревающего в готовый продукт. В представляет собой второй вид сырья, который, как и А, производится собственной группой рабочих, а затем передается второму, который преобразует его в В — частично готовый продукт. Затем они передают это дальше, как соответствующая группа мужчин передала А. Они передают его группе рабочих, которые превращают его в В, почти готовый продукт, а те передают его людям в В, которые, придавая ему окончательную форму, придают ему форму готового потребительского товара. С представляют собой другую общую группу работников, которые превращают сырье, С, в готовый продукт, С.

Промышленные группы и подгруппы. Каждое из этих более общих объединений рабочих и работодателей, таких как вся серия "А", мы можем назвать промышленной группой, а подразделения внутри каждого из них, такие как "А" или "А", мы можем назвать подгруппами. Продукт группы - это законченное изделие, в то время как продукт подгруппы - это не законченное изделие и не какая-либо часть изделия, которая может быть взята из него целиком. Тем не менее, это отличимый элемент изделия. Продукция обувной фабрики, конечно, не является готовой обувью, поскольку владельцы фабрики покупают кожу, которая уже прошла через руки кожевников; а сами кожевники покупали ее в виде необработанных шкур, которые поставляли еще более ранние производители. Что сделала обувная фабрика, так это придала выделанной коже новую полезность, превратив ее в обувь. Было бы невозможно когда-либо снова извлечь эту утилиту или указать на какую-либо одну часть обуви как на единственную, которая ее содержит. Таким образом, то, что на самом деле производит фабрика, — это полезность - отличительное качество, которое пронизывает конкретную вещь. В этом разница между кожей и обувью. То, что создал кожевник, является, аналогичным образом, еще одним средством, которое определяет разницу между необработанными шкурами и натуральной кожей. Таким образом, группы в целом производят целые изделия для непосредственного использования, в то время как подгруппы производят различные утилиты, которые воплощены в таких изделиях. Общая сумма всех различных утилит составляет изделие. Это комплекс полезных качеств, удерживаемых вместе тем фактом, что они связаны с одной и той же исходной материей.

Пропорциональное производство.— Все подгруппы, работающие вместе организованным образом, не только производят потребительское богатство, в котором нуждается общество, но и производят различные виды потребительских товаров в четко выверенных пропорциях. Если не нарушен общий порядок групповой системы, на рынок выставляется нормальное количество А, а также нормальные количества В и С. Этот результат достигается за счет воздействий, которые проходят через производственный организм и приводят к корректировке сравнительных объемов труда в различных профессиях. Если бы соревнование работало совершенно свободно, эта корректировка была бы настолько приятной, что никакое военное распределение сил между различными бригадами, полками и т.д., произведенное сознательно и самым умным командиром, не могло бы превзойти ее по совершенству. Также имело бы место столь же тонкое регулирование сравнительных объемов капитала, направляемых в различные отрасли. В реальном производственном организме каждый человек идет туда, куда он пожелает, — капиталист, рабочий и предприниматель капитала и рабочей силы в равной степени. Каждый человек действует в этом отношении так, как если бы не существовало такой вещи, как принуждение, и как если бы он мог с неограниченной свободой делать исключительно то, что хорошо в его собственных глазах. По причине того факта, что все стремятся производить то, что они могут, для того, чтобы получить то, что они могут, вступает в действие органический закон, который приводит группы и подгруппы в хрупкое равновесие с точки зрения размера и производительности, посредством чего общая сила, которой располагает общество, не позволяет производить слишком много одного продукта и слишком мало другого и заставляет делать все возможное для получения большой суммы общего богатства на благо своих различных членов.

Что включает в себя "разделение труда".— Это реальное значение того, что принято называть разделением труда. Именно обобществление труда или объединение разрозненных работников в большой организм, которое совершенно без принуждения определяет каким-то образом, что должен делать каждый из них, и не только делает продукт в целом в мириады раз больше, чем это могло бы быть без какой-либо организации, но и заставляет этот продукт принимать определенные хорошо отрегулированные формы, которые, как мы увидим позже, служат потребителям лучше, чем продукты в неправильно подобранных пропорциях.

Капитал и рабочая сила распределены поровну. Как мы уже говорили, существует соответствующее разделение капитала или назначение различных частей общего фонда различным видам деятельности; и это производится тем же способом, что и разделение труда, и приводит к столь же приятному приспособлению. Каждая крупница капитала, как и каждый рабочий, становится, так сказать, специалистом. Он может принимать форму инструмента, способного выполнять только одну свою функцию, например, ткацкого станка, который не способен ни на что, кроме ткачества; но даже если инструмент в какой-то степени поддается адаптации, например, молотка, который можно использовать в нескольких профессиях, он как бы закреплен за одной профессией и удерживается экономическими влияниями в этой единственной точке системы. Домашний плотник хранит свой молоток, хотя им мог бы воспользоваться столяр-краснодеревщик. Каждая крупница капитала помогает создать определенную полезность, и количество единиц фонда, содержащихся в каждой подгруппе, как мы увидим, распределено таким образом, чтобы позволить фонду в целом делать все возможное для общего блага. И все это без применения силы, поскольку каждая крупница капитала делает то, что заблагорассудится ее владельцу.

Предполагалось наличие правительства.—Конечно, над всем этим должно быть правительство. Такой метод создания богатства никогда не смог бы продолжаться, если бы собственность не была надежной и если бы она не была создана без особых усилий со стороны ее владельцев. Кузнец, которому пришлось бы в один момент использовать свой молот как инструмент, а в другой - орудовать им как оружием защиты, мог бы добиться лишь незначительных успехов, а общество, в котором такое положение вещей существовало бы в различных отраслях, было бы слишком анархичным, чтобы допустить сложное разделение профессий, которое является ключом к успеху в промышленности. Наиболее заметным фактом организованного производства является то, что человек навсегда отпускает вещь, которую он создал или помогал создавать, и позволяет ей исчезнуть из поля зрения и досягаемости, не теряя и не подвергая серьезной опасности свое право на то количество богатства, которое она представляет. Он бросает свой хлеб в воду, но она приносит ему за это вознаграждение. При таких обстоятельствах он не может защитить свой продукт, как дикарь защищает свои инструменты, свою одежду и свою хижину. То, что производит современный работник, переходит в руки других людей и полностью выходит из-под прямого личного контроля производителя. Если бы он захотел ее снова, он никогда не смог бы ее найти; а если бы он смог ее найти, она была бы в новой форме, и другие люди претендовали бы на нее. Человек, продавший несколько шкур, которые в конце концов превратились в обувь, вряд ли сможет идентифицировать свой товар на полках розничных торговцев обувью по всей стране, а возможно, и по всему миру. Если бы каким-то чудом он смог найти те особые кусочки кожи, которые он сам изготовил в необработанном виде, они были бы в новых и гораздо более ценных формах, чем тогда, когда они были у него. Обувь содержит полезные элементы, о создании которых человек, изготовивший шкуры, не может утверждать, что он их создал. Они были изменены и улучшены благодаря элементам, внесенным многими другими людьми, такими как производители, перевозчики, торговцы и т.д., И он никогда не смог бы унести конкретную вещь, которую он сам произвел, не унося с собой собственность других людей.

Передача товаров и сохранение ценностей Характерны для социальной индустрии. Таким образом, обобществление промышленности означает, что индивиды отказываются от всех усилий по сохранению своих собственных конкретных продуктов, но при этом они сохраняют определенную часть стоимости продуктов, в создание которых они внесли свой вклад. Стоимость А, когда она продается, определяется мужчинами по цене А, А, А и А в соответствии с некоторым принципом. Значения В и С можно отслеживать до тех пор, пока они не попадут в карманы людей, которые внесли свою долю в изготовление этих вещей. Все это требует наличия правительства и хорошо развитой системы законов и судов для защиты собственности, в том числе защиты ее в форме требования ценности, воплощенной в вещах, которые вышли за пределы досягаемости производителя. Собственность здесь принимает утонченную форму, которая требует, чтобы человек отказался от всякого желания сохранить буквально созданную им вещь и поставил своей целью сохранить ее ценность в какой-либо другой форме. Охранять конкретный предмет, находящийся в распоряжении человека, сравнительно просто, хотя даже это требует некоторой энергии со стороны полиции и никогда не выполняется совершенно; но гораздо сложнее обеспечить соблюдение требований, предъявляемых человеком к другим людям, вследствие некоторой полезности, которая была создана им, но ушла от него и смешалась с полезностями, созданными многими другими людьми в продукте, который человек никогда не увидит. Проблема заключается в том, чтобы гарантировать сапожнику надлежащую

отдачу за стежки, которые он наложил на обувь, когда сама обувь поступает к покупателям и владельцам во всех уголках земли и во многих частях земного шара.

Группы в социалистическом государстве.—В политической экономике, в отличие от общей экономики, мы берем одну предпосылку из социологии, а другую - из политики. Мы предполагаем, что общество существует и что оно приобрело политический характер, устанавливая законы, которые суды должны толковать, а чиновники - обеспечивать их соблюдение. Мы, однако, не предполагаем, что руководство промышленными делами находится в руках таких чиновников. В основном промышленность организована стихийно. Мужчины выбирают те профессии, которые им нравятся, и когда их слишком много в одной группе и слишком мало в другой, вознаграждение естественным образом возрастает в группе, где требуется большая сила, и это привлекает мужчин в этом направлении.

В социалистическом обществе такие корректировки производились бы под руководством государства. Чиновникам пришлось бы решать, когда требуется больше работников в серии А и меньше в серии В, и им пришлось бы использовать либо стимулы, либо какое-то принуждение, чтобы перевести их из одной группы в другую. С чем нам на самом деле приходится иметь дело, так это с обществом, которое формируется свободными действиями отдельных людей, и мы должны увидеть, как таким образом оно самоорганизуется для производства и делит между различными претендентами продукт, который оно создает совместными действиями всех них.

Выгоды от организации промышленности.— Преимущества разделения труда заключаются в увеличении количества продуктов и улучшении их качества, а количественный выигрыш практически не поддается исчислению. Преимущество проявляется главным образом в средних и верхних подгруппах серии, которые преобразуют материалы, а не в нижних подгруппах, которые их производят; и все же везде есть выгода от такой организации. Человек производит гораздо больше, когда он выполняет одну и ту же операцию много раз, чем когда он проходит через целую серию непохожих операций. Более того, он может выполнять одиночную операцию гораздо точнее и, таким образом, может достичь более совершенного результата. Ему легче освоить свою мелкую сделку, чем сложную. Там, где требуется необычная сила или умение, работа может быть поручена лицам, обладающим необходимым качеством, чтобы можно было застраховать хороший продукт, и ни один труд этих превосходных работников не должен быть потрачен впустую на работу, которую низший труд может отлично выполнить.

Совершенствование форм капитала.— Величайшее из всех преимуществ, которые дает такое разделение процессов создания богатства, заключается в применении механизмов. Машина - безнадёжный специалист и, как правило, может лишь мельчайшим образом коснуться представленного ей материала; а внедрение машин дифференцирует капитал способом, параллельным мельчайшему разделению труда. Если машина хочет работать вообще экономично, она должна быстро обрабатывать один за другим ряд изделий, поскольку они подаются ей в непрерывной последовательности. Если бы при пошиве обуви использовался только один вид машин — если бы, например, пришивание верха к подошве производилось на швейных машинах, хотя все остальное делалось вручную, — было бы естественно и почти необходимо, чтобы один класс рабочих готовил верх, другой - подошвы, а третий сшивал их вместе с помощью машины. Когда несколько стадий процесса, таким образом, передаются различным классам работников, ситуация созрела для применения большего количества машин, и изобретатели с готовностью изобретают устройства, которые будут выполнять ту или

иную мельчайшую часть производственного процесса. В конце концов, большинство отраслей производства принимают такие формы, что сырье передается ряду машин и переходит от одной к другой почти непрерывным движением, пока не выйдет из рук этих автоматов настолько законченным, насколько это возможно при любых манипуляциях, и готовым для продавцов, которые передадут его своим покупателям.

Экономия капитала.—Экономия капитала связана с тем фактом, что инструменты могут использоваться таким образом непрерывно. Рабочему не обязательно иметь несколько наборов инструментов, многие из которых простаивали бы большую часть времени, как это было бы, если бы человек выполнял несколько непохожих операций; но наибольшая экономия достигается за счет энергии, быстроты и точности, с которыми действуют новые инструменты. Инструменты гораздо более эффективны, чем могли бы быть, если бы человеческие мышцы обеспечивали силу, а глаза и нервы обеспечивали ловкость и точность, необходимые для изготовления товаров. Автоматы, которые устанавливают мужчины, работают с ручными инструментами, причем мужчины владеют ими в большем соотношении, чем можно подсчитать.

СНОСКИ

[1] Мы используем этот термин в широком смысле, включая сельское хозяйство и торговлю, а также производство.

[2] Если бы мы излагали историю разделения труда, нам пришлось бы фиксировать влияние различий в климате, сельскохозяйственных и минеральных ресурсах на возникновение в ранний период территориального разделения труда. Мы здесь описываем разделение труда, которое происходит внутри общества и вследствие того, что можно назвать социально-экономическими причинами.

ГЛАВА V

ПРОИЗВОДСТВО - СИНТЕЗ; РАСПРОСТРАНЕНИЕ - АНАЛИЗ

Существенным фактом производства в том виде, в каком оно осуществляется всем обществом, является то, что это синтетическая операция, в результате которой общая сумма складывается из вклада различных отраслей промышленности. Существует соответствующий факт о производстве, которое осуществляется в рамках определенного направления бизнеса, или, как мы должны это выразить, в рамках определенной подгруппы; ибо внутри подгруппы есть рабочие, с одной стороны, и капиталисты, с другой, помогающие друг другу производить совместный продукт. В нашей таблице А, В и С указаны товары, из которых складывается общественный доход. Подгруппы, такие как А, А и т.д., помогают производить эту общую сумму готовой продукции; но в А, А и во всех других подразделениях рабочие и капиталисты работают вместе. Сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, прядение хлопка, изготовление обуви, строительство и множество других профессий - все они работают вместе, создавая

совокупность товаров, составляющих общественный доход. В каждой из этих отраслей бизнеса есть люди и рабочее оборудование, вносящие каждый свою долю в квоту, которую предоставляет данная отрасль.

Распределение как анализ.—Существенным фактом распределения является то, что оно является анализом. Он шаг за шагом переворачивает синтетическую операцию, разделяя общую сумму, производимую обществом, на доли, соответствующие суммам, вносимым конкретными отраслями промышленности, такими как горнодобывающая промышленность, хлопкопрядение, сапожное дело и т.д. Люди, которые владеют шахтами и работают на них, не хранят руду, которую они хранят, и не хотят ее хранить. Руда входит в состав товарного запаса для общего использования обществом и представляет собой определенное дополнение к стоимости этого запаса. Как руда, она преобразуется в мириады форм, сливается с другими материалами и теряется; но количество, которое она добавляет к общему продукту общества, определено. Это определенное количество богатства, и это количество богатства производители руды должны получить для себя. Распределение далее распределяет долю каждой конкретной отрасли на конечные доли для использования рабочими и капиталистами в этой отрасли; и они соответствуют суммам, которые вносят эти рабочие и капиталисты. Результатом распределения является установление уровня заработной платы, нормы процента и размера прибыли работодателей, если такая прибыль существует; и общий тезис, который здесь выдвигается и который еще предстоит доказать, состоит в том, что, если бы в обществе не было изменений и беспорядков, если бы конкуренция была абсолютно свободной, и если бы труд и капитал были настолько мобильны, что малейший стимул заставил бы их переходить из одной отрасли бизнеса в другую,^[1] там не было бы настоящей прибыли^[2] в любом бизнесе труд и капитал создавали бы и получали весь общественный доход. Более того, каждый рабочий и каждый капиталист получили бы сумму своего личного вклада в эту общую сумму. Среди всех сложностей общества современный рабочий оказался бы в положении, подобном положению охотника—одиночки в первобытном лесу - его доход был бы, по существу, его собственным и включал бы в себя все, что он зарабатывает. Он не получил бы, подобно первобытному человеку, буквальных вещей, которые он создает, но он получил бы *количество богатства*, которое он создает, — ценность буквальных продуктов, которые обретают форму под его рукой.

Стандарты заработной платы и процентов. Это точное соответствие между доходами людей и их вкладом в общий заработок общества существовало бы только при отсутствии определенных изменений и возмущений, изучение которых будет нашей целью в последней части этой работы. Эти изменения придают обществу качество, которое мы будем называть *динамичным*, и мы подробно рассмотрим их. Что, однако, можно утверждать заранее, так это то, что нормы заработной платы и процента, которые преобладали бы, если бы изменения и потрясения полностью отсутствовали, представляют собой стандарты, к которым, несмотря на все происходящие изменения, постоянно стремятся фактическая заработная плата и процент. Насколько близко на практике доходы от труда и капитала приближаются к идеальным ставкам, которые установила бы совершенная конкуренция, - это вопрос, который на данном этапе нет необходимости поднимать. Мы должны определить стандартные ставки и показать, что фундаментальные силы подталкивают фактические ставки к ним. Воды в пруду имеют идеальный уровень, к которому они стремятся под действием силы тяжести; и хотя штормовой ветер отбросил бы их к одному концу пруда и поднял бы поверхность там намного выше, чем на другом конце, стандартный уровень не изменился бы, и постоянная сила тяжести все это время притягивала бы к себе фактическую поверхность. В нашем исследовании экономической

динамики мы столкнемся с влияниями, которые действуют подобно шторму на иллюстрации, но в настоящее время мы изучаем то, что больше похоже на гравитацию — фундаментальную и устойчивую силу, подтягивающую заработную плату и проценты к определенным определяемым уровням. В нашем настоящем исследовании экономической статистики мы должны попытаться выяснить, как эти стандарты устанавливаются посреди переворотов, которым подвергается индустриальное общество.

A B C H

A B C H

A B C H

A B C H

Мы уже представили в крайне упрощенной форме синтез, посредством которого производятся товары, составляющие доход общества. А, В и С представляют собой различные сырьевые материалы, и они изменяются путем серии превращений в А, В и С, которые обозначают все потребительские товары, используемые обществом. Они представляют собой продукты питания, одежду, предметы обстановки, транспортные средства и бесчисленные средства комфорта и удовольствия.

Изготовление активных орудий производства. Необходимо всегда иметь и использовать запас инструментов, машин, зданий и других активных орудий производства; и поскольку они изнашиваются в процессе использования, необходимо, чтобы были люди, которые занимаются поддержанием пополнения запаса. При системе разделения труда существовали бы специальные отрасли, занимающиеся изготовлением новых средств производства, которые заменяли бы те, которые изношены и выброшены, а также производили ремонт тех, которые все еще используются. Для иллюстрации мы можем позволить символу Н обозначать все активные капитальные блага, которые использует общество, при этом различное сырье, входящее в состав таких активных благ, будет представлено символом Н, а частично изготовленные инструменты - символами Н и Н. Если запас оборудования не увеличивается, производится ровно столько изделий Н, чтобы заменить вышедшие из строя. Ни один производитель не приобретает новое оборудование, но каждый сохраняет свой запас в целости.

Упрощенное представление в принципе правильное.—Теперь у нас есть очень простое представление о том, что на самом деле происходит под названием разделения труда, и все же это представление в существенных моментах точное. На самом деле происходит очень подробное и детализированное разделение отраслей промышленности, и разновидности производимых товаров неисчислимы. Общество в целом производит самый сложный продукт, который только можно себе представить, а именно богатство потребителей в его бесчисленных формах. Каждое из больших подразделений общества — общие группы, которые мы представили сериями А или В, — представляет собой законченное изделие; но даже оно по-своему гораздо более сложное, чем указывает символ, поскольку может содержать несколько видов сырья и состоять из большого количества различных полезных веществ, каждое из которых имеет свой собственный набор производителей. Такая сложность процесса производства не меняет принципа распределения, с помощью которого продукт виртуально анализируется на составляющие его элементы и ценность каждого элемента присваивается

тем, кто его создает. Этот принцип можно четко представить, предположив, что каждая подгруппа имеет одну отдельную полезность для создания и что для создания А, а В или а С. требуется всего четыре из них

Синтез внутри каждой подгруппы.—Внутри каждой подгруппы происходит синтез, и он также может быть сложным. Труд и капитал добывают руду из земли — необычайно простой процесс; и все же есть несколько различных операций, которые необходимо выполнить, прежде чем руда будет готова к плавке. Когда дело доходит до придания металлу нужной формы, операций становится очень много и требуется множество второстепенных профессий даже для изготовления одного изделия. Сколько механических операций требуется для изготовления велосипеда, автомобиля или паровой яхты? Слишком много, чтобы их можно было представить в какой-либо таблице, но недостаточно, чтобы вообще изменить принцип, согласно которому тем, кто помогает производить один из этих составных продуктов, платят в соответствии с их вкладом в него. Мы можем считать, что вся работа, выполняемая на одном виде мельницы, создает одну полезность. Хотя при изготовлении обуви существует множество подотраслей, а при изготовлении часов - еще больше, мы можем действовать так, как если бы в каждом конкретном случае требовалась только одна переработка сырья. Мы можем допустить, чтобы разделение между смежными подгруппами проводилось с коммерческой точки зрения, а не просто механически, и рассматривать предприятия, которые закупают материал и продают его в более качественном состоянии, как продвигающие его на один этап вперед по пути к завершению, сколько бы изменений они ни внесли в него в разных отделах своих нескольких фабрик. Таким образом, разница между обувью, с одной стороны, и кожей и материалами, из которых она изготовлена, с другой, сводится к одной полезности. Производитель обуви подвергает свою кожу и изделия из нее множеству операций, прежде чем выставить обувь на продажу; но все, что производитель придает этим сырьевым элементам, прежде чем передать их в новой форме продавцу, удобно называть одним субпродуктом.

Дополнительные сложности, которыми можно пренебречь.—Один человек может входить в несколько общих групп. Возможно, например, что он может поставлять сырье, которое используется более чем в одном готовом изделии. Железо используется настолько широко, что его используют в большем количестве изделий, чем можно легко сосчитать. Человек, добывающий железную руду, вносит свой вклад в изготовление мостов, рельсов, локомотивов, зданий, машин, кораблей и инструментов в неограниченном количестве и разнообразии. Цена каждого изделия, на которое идет какой-либо из этих материалов, сама по себе содержит цену той части сырья, которая на него идет. На корабле есть сталь, и производитель той части продукции из необработанной стали, которая идет на корабль, получает свою плату из цены судна; и так же обстоит дело с необработанным металлом, который идет на мост, здание, двигатель и т.д. То, что производитель материала получает из каждого источника, при совершенно свободной конкуренции имеет тенденцию равняться по сумме тому, что он вносит в стоимость соответствующего изделия. Согласно нашей таблице, шахтер может поставлять руду, из которой берется железо для производства как А, так и В; и если это так, то, когда процесс распределения анализирует эти продукты на их элементы, стоимость того, что он внес в каждом конкретном случае, перейдет к нему. Ему будут платить в соответствии с той помощью, которую он оказал при создании А и В, и этот факт в принципе не меняет способа распределения доходов общества. Если бы человек помог сделать только одну вещь, он получил бы часть цены этой одной вещи; но если он поможет сделать несколько, он получит часть цены каждой из них. У каждой группы есть одна важная функция, которую нужно

выполнять, например, создание пятерки, и если человек помогает более чем в одной, и ему соответственно платят, его общая зарплата соответствует количеству, которое он производит во всех различных функциях, которые он выполняет, и принцип распределения работает так же идеально, как если бы человек был ограничен единственной подгруппой А. Для простоты мы предполагаем, что это так.

Функции капиталиста, Рабочего и Предпринимателя часто выполняет Один Человек.— Один человек может выполнять несколько функций, не только внося свой вклад в продукты нескольких групп, но и внося вклад более чем одним способом в продукт одной подгруппы. Он может, например, как трудиться, так и производить капитал, и он может, далее, выполнять особую координирующую функцию, которая не является трудом в техническом смысле и вообще вряд ли предполагает какую-либо непрерывную личную деятельность, но необходима для того, чтобы сделать труд и капитал производительными. Что это за функция, мы сейчас увидим. Назовем ее функцией *предпринимателя*, используя этот термин необычайно строго. Мы будем отличать эту функцию от работы суперинтенданта или менеджера предприятия.

Как много охватывает термин "Труд".—Мы включаем под термин "*труд*" все усилия, затрачиваемые обычным образом при ведении бизнеса. Надсмотрщики в магазинах, бухгалтеры, клерки, секретари, казначеи, агенты и, короче говоря, все, кто выполняет какую-либо управленческую работу, за которую они получают или могут получать заработную плату, являются чернорабочими во всеобъемлющем смысле, в котором мы используем это слово. Получается, что работодатель обычно трудится, потому что он выполняет самую высокую и ответственную работу на своей собственной фабрике или цехе. Однако он трудится не в качестве *предпринимателя* или "*гробовщика*"; ибо, собственно говоря, как *предприниматель*, он нанимает и оплачивает всю работу, за которую получает стипендию. Он действительно может нанять самого себя и откладывать установленную сумму для выплаты собственной зарплаты; но это означает, что в качестве *предпринимателя* ему нужен хороший менеджер, и он нанимает себя для работы в этом качестве. Скрупулезная преданность - самое важное качество, которым может обладать менеджер, и работодатель всегда может быть уверен в том, что обладает им, пока он контролирует свои собственные интересы.

Предприниматель и капиталист.—Точно так же мы включаем в капитал предприятия все инвестированные средства, которые предоставляет сам работодатель, а также то, что он нанимает у других. И здесь человек, вероятно, будет выступать более чем в одном качестве, поскольку как *предприниматель* он нанимает капитал, а как капиталист он сдает его в наем, так что в одном качестве он нанимает капитал у самого себя, действующего в другом качестве. Мужчина "вкладывает деньги" в свой собственный бизнес и получает проценты за их использование.

Различные функции одного и того же Человека, отличающиеся в Бизнесе.— Это различие между различными функциями, которые может выполнять один человек, не является простым уточнением теории, а является чем-то, что признано в бизнесе и имеет большое практическое значение. В корпорации должностные лица, которые также являются акционерами, получают заработную плату, которая обычно рассчитывается исходя из суммы, которую они могли бы получить на рынке, если бы поступили на работу в другие корпорации и выполняли ту же работу, которую они выполняют сейчас. Фаворитизм может дать им значительно больше этой суммы, но даже в этом случае эта сумма является основой расчета, который устанавливает их стипендию.

Если им платят больше, чем стоит их работа для их собственных корпораций, они получают нечто помимо заработной платы или любого другого нормального и законного дохода. Если они берут за свое время меньше, чем они того стоят, они делают пожертвование корпорации. Ни красть что-либо даром из доходов корпорации, ни давать ей вознаграждение здесь не следует считать существующими, поскольку мы не имеем дела с явлениями квази-грабежа или эксцентричной благотворительности. Характер заработной платы руководства как вознаграждения за высокий уровень труда признается в деловой жизни, и заработная плата менеджера, независимо от того, является он акционером или нет, обычно выражается в определенной денежной сумме и оценивается, грубо или точно, в соответствии с его ценностью как служащего компании.

Дивиденды часто бывают сложными.—Аналогичным образом, в бухгалтерском учете компании важно установить, какая часть прибыли для акционеров является просто процентами на капитал, который они сами инвестировали, и какая часть является истинной прибылью, или чистой прибылью, превышающей проценты. В деловой жизни довольно четко проводится различие между тремя видами дохода, которые были описаны; а именно, вознаграждением за труд во всех его формах, вознаграждением в виде капитала, идущего тому, кто его обеспечивает, и вознаграждением за координирующую функцию, или функцию найма как труда, так и капитала и получения того, чего стоит их совместный продукт сверх стоимости входящих в него элементов. Эта по существу коммерческая норма прибыли от производства, превышающая все издержки производства, является прибылью в строгом смысле этого слова и не существовала бы в абсолютно статичной отрасли. Она возникает в результате изменений, с которыми имеет дело социально-экономическая динамика.

Три совершенно разных дохода. Таким образом, заработная плата, проценты и прибыль — это три дохода, которые мы будем различать. Мы будем полностью отделять прибыль от заработной платы любого вида труда и от процентов на любой вид капитала. Этот доход выпадает на долю *предпринимателя*, иначе называемого предпринимателем, или работодателя и координатора труда и капитала, и он поступает только тогда, когда продукт операций, осуществляемых в его учреждении, превышает всю заработную плату и все проценты, которые он должен выплачивать.

Как Человек может быть только предпринимателем.—Если человек наймет весь капитал, который ему нужен для бизнеса, а также всю рабочую силу, включая труд каждого сотрудника офиса, и после этого будет проживать в отдаленной стране, не консультируясь со своими менеджерами, какой бы доход он ни получал, это будет чисто *прибыль* предпринимателя. Это были бы не проценты, поскольку эта сумма должна была бы быть выплачена людям, предоставившим капитал взаймы, и это не была бы заработная плата, поскольку они должны были бы выплачиваться людям, фактически выполняющим эту работу. Отсутствующий *предприниматель* с точки зрения закона был бы покупателем всех элементов, входящих в состав продукта, поскольку все покупки совершаются на его имя. Менеджеры являются всего лишь его агентами, и когда они покупают сырье или расходные материалы для фабрики, они покупают их для него и по его распоряжению, и он обязан за них платить. Более того, выплата заработной платы на самом деле означает покупку доли, которую труд вносит в продукт предприятия. Рабочие имеют естественное право на ценность, которую их труд, *сам по себе и помимо помощи, оказываемой другими*, придает материалу, который попадает в их руки, и когда они продают свой труд, они действительно продают свою часть продукта фабрики.

Аналогичным образом, выплата процентов - это покупка доли, которую капитал вносит в продукт. Владельцы капитала имеют первоначальное право на то, что машины, инструменты, здания, земля и сырье, сами по себе *и помимо других вкладов*, вкладываются в совместный продукт. На самом деле они продают эту долю за вознаграждение в виде процентов. В статичном состоянии труд и капитал вместе создают весь продукт предприятия; заработная плата и проценты - это цены, которые они получают за свои различные вклады, и *предприниматель* оплачивает эти покупные цены и в силу этого становится владельцем всего продукта. Имея продукт, он продает его на рынке за то, что может получить. Если бы это было больше, чем стоимость для него всех элементов, которые вошли в него, у него осталась бы чистая прибыль. Это будет остаток, начисляемый владельцу и продавцу продукта после покрытия расходов, связанных с получением права собственности на него. Получает ли отсутствующий *предприниматель* на нашем примере что-либо от своего бизнеса или нет, зависит от вопроса, обеспечивается ли такая прибыль сверх затрат.

Прибыль равна нулю в статичном обществе. Мы увидим, что если труд и капитал могут перемещаться в системе групп настолько свободно, что каждый агент столь же продуктивен в одном месте, как и в другом, нигде не будет продукта, превышающего заработную плату и процент. Затем труд и капитал создают и присваивают себе всю продукцию своих отраслей. Когда *предприниматель* отдал им их акции, выплатив заработную плату и проценты, а также заплатил за сырье, у него ничего не осталось. В реальном бизнесе конкуренция часто бывает достаточно острой, чтобы помешать людям получать нечто большее, чем проценты со своего капитала и справедливую отдачу за труд, который они тратят на управление своим бизнесом; и чистая теория здесь предполагает, что конкуренция всегда и везде достаточно остра, чтобы делать это. Это идеально эффективно. Рабочая сила и капитал идеально мобильны и готовы немедленно направляться в точки, где можно получить любую чистую прибыль. Такое состояние подразумевает, что общество находится в *статичном* состоянии, и мы увидим, что это за состояние. Оно подразумевает отсутствие органических изменений в обществе. Крупный коллективный производитель не меняет ни свою форму, ни способ производства богатства. Промышленность действительно продолжается, но неизменным образом. Оставляя полное описание этого состояния для следующей главы, отметим здесь, что приспособление, которое теоретически привело бы общество к такому состоянию, исключило бы все выгоды для его *предпринимателей*.^[3]

Желательно объединение функций.—Объединение в одном лице функций капиталиста, рабочего и *предпринимателя* во многом способствовало повышению производительности системы мелких магазинов прежних времен. Человек, вложивший несколько тысяч долларов в маленький магазинчик и нанявший себе в помощники нескольких человек, получал три различных вида дохода, и сумма этих трех была больше, чем все, что он мог бы получить, если бы был всего лишь чернорабочим или всего лишь мелким капиталистом и *предпринимателем*. Он работал усерднее и разумнее, чем это сделал бы нанятый суперинтендант; его заставляли быть осторожным, потому что в его бизнесе рисковали его собственным капиталом, и все же его подстегивал к предприимчивости тот факт, что когда благодаря влияниям, которые мы называем *динамическими*, была получена прибыль, он ее получил. Даже в крупнейших корпорациях одни и те же условия способствуют успеху, и лучше всего, чтобы менеджеры были владельцами некоторой части капитала, которым они управляют, и получателями некоторой части прибыли, которую они пытаются обеспечить для своих компаний. Там, где конкуренция острая, компании, управляемые их владельцами, могут вытеснить те, руководство которыми

передано наемным менеджерам. Рост корпораций, однако, имеет тенденцию все больше и больше выдвигать наемных работников на руководящие должности и уменьшать власть группы акционеров, которые выполняют совместную функцию капиталистов и *предпринимателей*. Само по себе это ведет к снижению прибыли и умаляет преимущества, которые дает регистрация бизнеса.

Распространение в первую очередь функциональное, а не персональное. Там, где люди получают доходы, состоящие из заработной платы, процента и прибыли, экономическая наука должна, в первую очередь, рассказать нам, как определяются ставки заработной платы и процента, а также размер прибыли. Изучение статических законов распределения связано с вознаграждением за труд как таковой и вознаграждением за капитал как таковой, в то время как изучение динамики учитывает чистую прибыль. Когда мы знаем, каковы ставки заработной платы и процента, мы можем сказать, чем должен обладать любой менеджер-капиталист, зная, сколько капитала он предоставляет, сколько и насколько хорошо он работает как менеджер. Если бизнес приносит чистую прибыль сверх процентов на его капитал, мы можем сказать, какую часть этого чистого дохода получит любой акционер — в виде дивидендов, превышающих норму процента, — если мы знаем, какой долей обыкновенных акций компании он владеет. Его личный доход зависит от доходов, связанных с функциями, которые он выполняет. Наука распределения должна в первую очередь рассказать нам не о том, что каждый человек лично получает в качестве совокупного дохода и насколько он состоятелен по сравнению с другими людьми, а о том, каким образом фиксируются заработная плата за его труд, проценты на его капитал и отдача от *деятельности* предпринимателя. С технической точки зрения это означает, что распространение в первую очередь *функционально*, а не персонально. Определенные силы назначают определенные вознаграждения различным функциям, участвующим в создании богатства, и наука распределения рассказывает нам, как работают эти силы — короче говоря, как определяются заработная плата, проценты и истинная прибыль сами по себе. Если какой-либо человек работает и получает заработную плату, эта часть его дохода будет определяться законом о заработной плате. Если он создает капитал, вторая часть его дохода будет определяться законом о процентах. Если он также координирует труд и капитал, то все, что он может таким образом получить, определяется законом прибыли. Экономическая наука должна установить и сформулировать, что представляют собой эти три закона, хотя в своем статическом подразделении она должна учитывать только два из них.

Распределены как затраты, так и выгоды.—Термин *распределение*, как он обычно используется, обозначает разделение прибыли промышленности; но, как мы уже говорили, для получения прибыли приходится идти на жертвы, и ими также приходится делиться. Богатство приносит пользу людям в использовании, но возлагает на них бремя в процессе создания; и когда все общество занимается созданием, оно должно каким-то образом распределять не только выгоды, но и бремя. Мы примем во внимание эти жертвы из-за связи, которую они несут с прибылью. Они действуют как окончательный контроль над производством. Люди продолжали бы производить бесконечно долго, если бы эта операция им ничего не стоила, поскольку всегда было бы приятно иметь дополнительный доход; но они неизбежно сталкиваются с трудностями и жертвами, которые рано или поздно приводят к прекращению увеличения их доходов. Многое из того, что имеет значение, происходит в тот критический момент, когда жертвы производства кладут конец его расширению. В первую очередь мы должны рассмотреть положительные плоды производства; и что в этой связи мы хотели бы знать в первую очередь, так это то, как определяются заработная плата и процент, когда производство осуществляется общественным

способом и в условиях системы конкуренции. Мы обнаружим, что эти доходы всегда стремятся к стандартам, которых они достигли бы, если бы общество находилось в состоянии, которое мы описали как статичное. То, как изменения и беспорядки реальной жизни вынуждают их отступать от своих стандартов и как сами стандарты меняются с социальным развитием, будет предметом последней части этого трактата.

СНОСКИ

[1] Будет видно, что мы здесь предполагаем для процесса, известного как конкуренция, степень совершенства, которой он не достигает в реальной жизни. Этот процесс был бы абсолютно бесплатным, если бы рабочая сила могла мгновенно покидать одну отрасль и переходить в другую всякий раз, когда казалось, что таким образом она может производить увеличенный продукт, и если бы капитал также перемещался с такой же быстротой при малейшем побуждении. В реальной жизни при осуществлении таких трансфертов приходится преодолевать трудности, и это составляет один из предметов теории экономической динамики, который будет полностью рассмотрен в последующих главах.

Всякий раз, когда труд или капитал, таким образом, перемещаются на новое место в групповой системе, они становятся активным конкурентом труда или капитала, которые уже были там. Нам нужно определение процесса конкуренции. В случае агентов-производителей это заключается в соперничестве в продаже. Рабочий, который перемещается из пункта А таблицы, которая в предыдущей главе использовалась для представления организованной промышленности, в пункт В, предлагает на продажу, как сказали бы некоторые, свои услуги или, точнее, продукт, который может быть создан его трудом. Покупателями являются работодатели из подгруппы В, и для того, чтобы побудить их принять новую рабочую силу, необходимо предложить ее по такой ставке оплаты, которая оправдывает их усилия. Если рабочие, уже занятые на этом участке производства, получают именно то, чего они стоят, большая рабочая сила не может быть задействована при той же ставке заработной платы, потому что по причине, которая появится позже, новая рабочая сила не может предложить на продажу такой же большой продукт, как равное количество уже имеющейся рабочей силы. Если бы был произведен перевод в В, новому рабочему пришлось бы согласиться на более низкую оплату, чем получал старый, и старый рабочий был бы вынужден согласиться на снижение своей ставки оплаты или быть вытесненным новым. Достаточно низкая ставка обеспечила бы занятость всем. Если рабочая сила, ранее входившая в эту подгруппу, получала меньше, чем она того стоит, возникнет конкуренция между работодателями, которые желают реализовать, каждый для себя, норму прибыли, которую можно получить, привлекая дополнительную рабочую силу, и это либо повысит заработную плату людей, уже входящих в эту подгруппу, либо привлечет в нее новых людей, либо сделает и то, и другое. В любом случае, при отсутствии каких-либо следов монополии со стороны работодателей, это приведет к тому, что люди получают то, чего они стоят. Фактически, это такой тендер на новую рабочую силу со стороны работодателей в любой отрасли бизнеса, который перемещает рабочую силу из пункта в пункт в промышленной системе. *Предприниматель* является действующим лицом в этом деле, прибыль — приманка, а конкуренция — соперничество при покупке - средство; и конкуренция, как мы используем термины, абсолютно свободна, когда есть уверенность, что наименьшая норма чистой прибыли заставит ее работать и привлечет рабочую силу или капитал к точке, приносящей прибыль.

Существует конкуренция между *предпринимателями* в А при продаже этого готового продукта потребляющей публике и между разными покупателями при его покупке. Всякий раз, когда цена на товар А настолько высока, что вся его продукция не может быть продана, каждый продавец пытается вытеснить других и обеспечить продажу своего собственного продукта, а не чье-либо другого. Конкуренция здесь открытая и активная. Когда все можно продать по текущей цене, поиск рынка сбыта для поставок одного продавца не требует, чтобы он переманивал покупателей другого, и хотя разные продавцы продолжают оставаться конкурентами и каждый приветствовал бы увеличение покровительства, осуществляемого за счет других, никто не вынужден снижать цену другим, чтобы продолжать продавать свою привычную продукцию. Конкуренция здесь умеренная, поскольку фактического занижения цен и переманивания клиентов конкурентов не происходит. Когда *предприниматели*, которые сейчас не входят в подгруппу А, готовы войти в нее и стать конкурентами тех, кто уже там, всякий раз, когда такой курс принесет какую-либо прибыль, их конкуренция не фактическая, а потенциальная; и все же это реальное влияние, которое удерживает производителей, уже работающих в данной области, от установления такой цены на свой продукт, чтобы возможные конкуренты стали реальными и активными. Предположительно, эти три влияния могут действовать беспрепятственно, а могут быть затруднены и лишены значительной части своей силы. В реальной жизни они сталкиваются с препятствиями, и будут ли они в дальнейшем обеспечивать определенное приближение к общему состоянию, которое обеспечивала бы совершенно свободная конкуренция, или же экономическому состоянию мира будет позволено отклониться далеко от этого нормального состояния, зависит от успеха, которого правительства добьются в уменьшении или устранении препятствий.

[2] В этом трактате термин *прибыль* будет использоваться для обозначения чистого прироста, который может остаться в руках работодателей после выплаты заработной платы любого вида и процентов на весь использованный капитал. Термин *валовая прибыль* описывает сумму, состоящую из этой чистой прибыли и процентов на капитал.

[3] Может показаться, что предыдущие параграфы показывают, что если *предприниматель* когда-либо получает доход, он делает это, отнимая у труда и капитала часть их продукции. Мы увидим, что в *динамично развивающейся отрасли* существует нормальный способ, с помощью которого он может получать доход, ничего не забирая из доходов, которые получили бы труд и капитал, если бы он не выполнял свою часть работы. Его доход может быть получен в результате стимулирующего действия, которое он совершает, в результате чего и труд, и капитал определенной подгруппы становятся более производительными, чем другие виды труда и капитала, и в большей степени, чем они были бы, если бы стимулирующее действие *предпринимателя* не было выполнено.

ГЛАВА VI

ЦЕННОСТЬ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К РАЗЛИЧНЫМ ДОХОДАМ

Функциональное распределение контролирует личные доходы, поскольку каждый человек, получающий обычным способом какой-либо доход вообще, выполняет одну или несколько

производственных функций, и его общий доход представляет собой сумму отдачи от этих нескольких функций. Более того, при таком условии идеально совершенной конкуренции, как мы предположили, каждая из этих функций вознаграждается в соответствии с продуктом, который она создает; и каждому сотруднику соответственно выплачивается сумма, равная общему объему продукта, который он лично создает. Товары для мужчин, даже в сложных условиях реальной жизни, устанавливают *стандарты*, которым, как правило, соответствует их продукция, хотя они и отличаются от них, что мы не можем не заметить.

Распределение по группам.— Общая сумма общественного дохода должна пройти предварительное разделение, прежде чем ее разделят рабочие, капиталисты и *предприниматели*. В каждой отрасли оплата труда всех этих функционеров зависит от продажной цены коммерческого товара, в производстве которого они участвуют. Цена обуви платит всем сапожникам, независимо от того, является ли их вклад в производство трудом, капиталом или простой координацией; и она также платит владельцам ранчо и кожевникам за то, что они вносят в виде кожи, необработанной и выделанной. Если бы цены на обувь выросли, группа, чья деятельность создает их, получила бы больший доход. Таким образом, если бы шерстяная одежда стала дороже, у группы, производящей ее, было бы больше денег, и это включало бы тех, кто разводит овец и тех, кто перерабатывает шерсть в ткань, а также самих производителей одежды. Вопрос о том, какие члены группы получают выгоду от повышения цен на свой продукт, - это тот, который необходимо обсуждать в связи с экономической динамикой, и мы обнаружим, когда дойдем до этой части предмета, что именно *выгоды* предпринимателей в значительной степени обеспечиваются из подобных источников. Мы уже видели, что в статичных условиях, когда цены, заработная плата и процент неизменно удерживаются на уровне, к которому их привела бы совершенно свободная конкуренция, *предприниматели* как таковые получили бы *ноль*, и вся цена каждого товара была бы распределена между рабочими и капиталистами, которые его производят. Доказательства этого появятся, когда мы изучим процесс корректировки стоимости товаров, и это поможет подготовить почву для изучения источников чистой прибыли, которые являются важнейшей характеристикой реального бизнеса. Общество честное или нечестное в зависимости от того, каким образом этот доход предпринимателей получен тем или иным способом; и не будет преувеличением сказать, что перед судом последней инстанции, собранием народа, ни одной системе бизнеса не будет позволено существовать постоянно, если ее основной принцип не направлен на устранение нечестной прибыли. Главная цель статических исследований - предоставить средство проверки законности доходов, которые получают *предприниматели*.

Рыночная цена.—Старая фраза *спрос и предложение* описывает процесс, посредством которого определяется рыночная цена чего-либо. Общий товарный запас товаров определенного вида, имеющийся в наличии в любой момент времени, является, конечно, точным количеством, и закон "рыночной стоимости", когда эти слова используются в ограниченном и техническом смысле, определяет цену, по которой это заранее определенное количество может быть продано.

Как определяется нормальный запас. Однако этот нынешний запас был создан производителями, которые с нетерпением ждали того времени, когда они, вероятно, смогут продать его по определенной цене; и чем выше была ожидаемая доходность изделия, тем больше его они были вынуждены производить. Цена, которая сегодня зависит от имеющегося в наличии количества, заранее действовала как приманка для создания этого количества, и

среди различных предметов, которые люди могут производить, они постоянно выделяют для увеличения производства те вещи, которые предлагают наиболее сильные приманки, то есть те вещи, которые продаются за наибольшее количество по сравнению с затратами на их изготовление. Конечной тенденцией всего этого является определенная корректировка относительных запасов различных товаров. Именно такая корректировка приводит все цены к уровню, определяемому издержками.

Естественная ценность. Эта тенденция к ценам себестоимости — таким, которые обеспечивают производителям заработную плату за весь их труд, но не дают истинной *прибыли* предпринимателей — устанавливает еще один закон, закон "естественной стоимости", и именно он устанавливает стандарт, которому в долгосрочной перспективе, как правило, соответствуют рыночные стоимости, скорректированные спросом и. Рыночная стоимость является естественной или неестественной в зависимости от того, соответствует она определенному стандарту или нет, и этот конечный стандарт сам по себе является затратами на производство нескольких видов товаров. Что на самом деле означает термин "*стоимость*" в этой связи, мы увидим позже; но пока мы можем придерживаться общепринятой и практической точки зрения, что это сумма денег, которую *предприниматель* должен выплатить, чтобы создать изделие. Если бы в житницах мира было очень мало пшеницы, спрос, действующий на это ограниченное предложение, определял бы отпускную цену на нее, и эта цена была бы высокой по сравнению с затратами на выращивание этого зерна. Это также было бы выше, чем отпускные цены на другие товары, произведенные за счет тех же затрат труда и капитала, которые приходится затрачивать на выращивание пшеницы. Рыночная цена на данный момент была бы неестественной и в свое время была бы снижена; но для этого нужно было бы выращивать больше пшеницы. Другими словами, хотя отпускная цена небольшого запаса пшеницы может быть *нормальной для данного количества*, поставляемое количество само по себе ненормально мало, и ввиду этого факта результирующая цена слишком высока, чтобы позволить ей сохраняться. В качестве постоянной цены это было бы неестественно. Поставляемое количество имеет тенденцию увеличиваться до тех пор, пока рыночная цена не будет соответствовать затратам на выращивание пшеницы. Сначала мы должны увидеть, как спрос устанавливает цену на определенное количество всего, что предлагается на продажу, а затем - как контролируется предлагаемое количество.

Как определяются цены.— Несомненно, что если на данном рынке мы увеличиваем количество товаров, которые должны быть проданы, мы снижаем цену,^[1] в то время как, если мы уменьшаем количество, мы повышаем цену. Это коммерческий факт, и он дает начало теории стоимости.

Давайте предположим, что у нас есть в наличии фиксированное количество товаров, что все они должны быть проданы и что с самого начала никто не знает, какую цену они принесут. Предположительно, может иметь место обратный аукционный процесс, при котором продавцы с самого начала запрашивают высокую цену, продают несколько своих товаров, а затем постепенно снижают цену до тех пор, пока не будет продан последний товар. При каждом снижении цены так называемый "*фактический спрос*" будет увеличиваться. Это означает, что люди, которым нужен товар, на самом деле готовы брать и платить за большее количество, чем ниже падает цена. Простое желание не влияет на рынок, но "*эффективный спрос*" означает желание и предложение денег, которые запрашиваются за товар. Короче говоря, это реальная покупка, и ее сумма становится больше по мере снижения цены. Люди, которые раньше не

покупали этот товар, теперь добавляют его в список товаров, которые они берут для использования, а люди, которые уже принимали определенное количество этого товара, теперь берут больше.

Уравнение предложения и платежеспособного спроса.—Если этот эффективный спрос, или количество фактически купленных и оплаченных товаров, неуклонно увеличивается по мере снижения цены, то ясно, что, каким бы большим ни было общее предложение, все это можно продать, сделав цену достаточно низкой. Когда-то считалось, что это все, что нам нужно знать о текущих ценах или рыночных значениях. При том или ином курсе продажи фактически предлагаемое количество будет равно фактически купленному количеству. Это уравнение спроса и предложения. Предполагается, что предлагаемое количество здесь должно быть фиксированным и включать весь товар, который находится в руках дилеров и который должен быть продан; и цена, начинающаяся с высокой ставки, должна снижаться до тех пор, пока не будет реализовано все количество.

Изменение спроса и цены.—Только что изложенные факты лишь частично объясняют корректировку рыночной цены. Тот, кто желает проследить явления до их причин, не может не задаться вопросом, почему спрос и предложение обеспечивают продажу данного количества товаров по одной цене, а не по другой. Если яблоки продаются по два доллара за баррель, почему на конкретном местном рынке по такой цене может быть продана тысяча баррелей и не более? Мы легко видим, что за один доллар за баррель можно было бы продать больше, чем за два, и что за три было бы продано меньше. Но почему так получается, что при цене в два доллара определенное количество в тысячу баррелей - это сумма, которая берется и оплачивается? Почему уравнение спроса и предложения устанавливается именно по этой цене?

Спрос и конечная полезность.—Мы приближаемся к причине, которая влияет на корректировку цен на яблоки, когда говорим, что они продаются по два доллара за баррель, потому что эта сумма выражает их "конечную полезность". Это означает, что если бы был применен такой процесс аукциона, как мы описали, то последняя бочка яблок, которая была бы продана, имела бы для покупателя полезность, равную полезности последней единицы любого другого товара, который можно было бы приобрести за те же деньги. Однако проведение аукциона привело бы к тому, что разные бочки с яблоками продавались бы по разным ценам, тогда как в работе конкуренции есть нечто такое, что заставляет все они продаваться по одной и той же цене. Необходимо увидеть, во-первых, как корректируется цена "последнего" из них и, во-вторых, как это фиксирует цену всех остальных.

Закон убывающей полезности.—Здесь мы возвращаемся к одному из тех общих законов экономики, которые мы уже изложили, и видим, как он действует в условиях сугубо социальной жизни. Товары данного вида имеют все меньшую полезность в расчете на единицу, чем больше их у пользователя. Если вы предложите ему яблок в большем количестве, он высоко оценит первую часть предложения, но будет придавать меньшее значение более поздним частям. Когда потребность в этих фруктах будет достаточно удовлетворена, он найдет другие, более важные продукты. При цене в два доллара за баррель ему просто стоит потратить время на покупку последнего бочонка этих фруктов. Это количество, добавленное к его зимнему запасу, принесет ему выгоду на два доллара. Это означает, что это принесет ему столько же пользы, сколько и все остальное, что он может получить за ту же сумму денег.

Выравнивание конечных коммунальных услуг.— Два доллара, потраченных на пополнение его предыдущего запаса других вещей, принесут человеку на иллюстрации столько же пользы, сколько он может получить от последней бочки яблок, и не больше. В случае товаров, которые все одинаковы и потребители которых всегда рады использовать дополнительное количество, цены, как правило, корректируются таким образом, что конечная единица любого товара, который потребитель покупает за доллар, стоит для него столько же, сколько конечная единица любого другого товара, который он покупает на эту сумму. Последний доллар, уплаченный за яблоки, приносит такое же вознаграждение в виде гарантированного удовольствия и выгоды, как и последний доллар, потраченный на улучшение его гардероба, добавление чего-либо к его запасам мебели, покупку билетов в театр и т.д. Яблокам приходится, так сказать, конкурировать с одеждой, мебелью и развлечениями за благосклонность потребителя, и если продавец берет за них больше, чем продавцы других вещей, обладающих такой же способностью доставлять удовольствие, часть яблок останется непроданными; ибо, хотя покупатели всегда будут отдавать столько, сколько им пришлось бы заплатить за другие вещи равной конечной полезности, больше они давать не будут.

Цены всех Приростов Предложения равны.— Потребитель всегда получает чистый избыток выгоды от раннего увеличения количества потребляемых им товаров. Если последняя бочка яблок стоит два доллара — или, что то же самое, если в последней бочке содержится количество полезности, равное конечной полезности других вещей, которые можно купить за два доллара, — то первая бочка имеет большую полезность; и все же она стоит не больше, чем предыдущая. Продавцы яблок, если они рассчитывают избавиться от всего, что у них есть, должны с самого начала установить цену на таком уровне, чтобы самое последнее увеличение предложения успешно конкурировало с другими товарами за благосклонность покупателей. Конкуренция вынуждает их продавать все это количество так дешево, что наименее важная его часть может оказаться столь же важной для покупателя этой части, как и соответствующая и наименее важная часть предложения других товаров. Ничто, кроме монополии на весь имеющийся запас, не позволило бы им выполнить план аукциона и предлагать товар по частям, чтобы получить более высокую цену за детали, предложенные заранее. Даже тогда покупатели, которые должны были бы осознать тот факт, что большая часть запасов остается в резерве и что в конечном итоге они должны быть проданы, смогли бы, отложив свои покупки, получить выгоду от более поздней и более низкой ставки, так что сама монополия добилась бы лишь частичного успеха в своей политике. В отсутствие монополии продавцы вынуждены продавать все товары одного вида и качества по одной цене. Человек, который назначил бы более высокую цену на свою часть предложения, был бы обойден стороной в пользу других продавцов, которые избавлялись от своих последних запасов, и его бизнес тихо отошел бы от него. *На одном рынке не может быть двух цен на один товар* одновременно. Этот факт имеет фундаментальное значение. Даже монополия может получить разные цены на разные части своей продукции, только предлагая их в разное время; а конкурирующие производители не могут этого сделать. Они вынуждены поддерживать цену на все, что они предлагают, на уровне, который отражает его конечную полезность.

На Закон стоимости влияет Сложность использования двух одинаковых товаров одновременно.— В общем утверждении этого закона конечной полезности есть два несовершенства, которые необходимо устранить, чтобы теория ценности, основанная на этом законе, могла быть истинной и полезной. Первый заключается в предположении, что люди покупают готовые изделия, такие как пальто, столы, транспортные средства, часы и т.д.,

Регулярными сериями единиц, пополняя свой запас пальто за пальто, часы за часами и т.д., Все одинаково, пока полезность последнего не станет настолько мала, что лучше покупать другие вещи. Исходя из этого предположения, цена всего предложения любой такой вещи соответствует полезности последней в потребительском ряду. Это довольно хорошо описывает случай с такими товарами, как яблоки, которых мужчины потребляют то больше, то меньше в день или в неделю и всегда рады увеличить количество, которое они употребляют. Из большинства видов потребительских товаров человек хочет за один раз одну единицу и не более, а вторая единица, если ему придется использовать ее самому в течение того же времени, в течение которого он использует первую, была бы обременительной. Его полезность была бы отрицательной величиной. Один и тот же человек никогда не купил бы два совершенно одинаковых пальто, если бы он имел в виду только свои собственные потребности и должен был использовать оба пальто в течение одного и того же периода. Первая единица его припасов на этот период также является последней.

На Закон стоимости влияет тот факт, что Конечная единица Товара обычно представляет собой Комплекс Непохожих Полезностей.—Второй недостаток заключается в предположении, что при измерении полезности такой единицы потребитель оценивает важность для себя предмета, взятого в целом. В случае с яблоками на нашей иллюстрации сложность не очевидна. Человек, как мы только что заметили, может увеличить или уменьшить потребление этого фрукта; первые несколько яблок, которые он съест, доставят ему больше удовольствия, чем второе аналогичное количество, и цена яблок на рынке может фактически зависеть от полезности последней порции яблок, которую каждый из покупателей съедает за сезон. Другими словами, в данном случае существует вероятность того, что товары, хотя и поставленные сразу, могут быть оценены так, как если бы они предлагались регулярными сериями, и что закон конечной полезности в его общепринятой и простой форме изложения может в данном конкретном случае применяться к данному случаю. Вторая трудность, однако, остается, и даже в случае с такими товарами, как яблоки, общее утверждение несколько неточно, в то время как в случае с большинством видов потребительских товаров неточность вопиющая. Если бы цена прекрасных часов соответствовала полезности последних, которыми пользуется потребитель, она была бы во много раз выше, чем есть на самом деле. Вместо того чтобы совсем обойтись без часов, многие мужчины заплатили бы тысячу долларов за те, за которые на самом деле отдают сотню; и, более того, эти часы могут быть "последними" в его случае. Полезность последнего пальто, которое человек носит зимой, может быть такова, что, если бы он не мог получить его ни при каких других условиях, он с готовностью отдал бы за него пятьсот долларов вместо пятидесяти.

Несколько разные Услуги могут оказываться одним Товаром одновременно.—Чего люди хотят от любой полезной вещи, так это эффекта в себе — удовольствия или выгоды, которые они ожидают получить, — и помимо этого субъективного результата они вообще не хотели бы этой вещи. Способность приносить определенную пользу - это полезность. Люди покупают товары исключительно ради их полезности, и они измеряют эти способности по оказанию услуг в предлагаемых им вещах и платят за них соответственно. Так вот, бывает, что предметы часто сочетают в себе значительное количество различных полезных свойств или возможностей по оказанию услуг, и что, покупая предмет, человек платит за них все. Это все равно, как если бы четыре или пять разных слуг, каждый из которых имеет свою специальность, предложили себя нанять и предложили работодателю подумать, что каждый из них может для него сделать. Покупая предмет, который будет служить ему несколькими способами, мужчина оценивает все

непохожие услуги, которые этот предмет окажет. Он получает сразу несколько услуг, как он сделал бы, если бы нанял в составе нескольких настоящих слуг. То же самое произошло бы, если бы вместо того, чтобы нанимать слуг-людей с разными способностями, нужно было покупать разные товары, каждый из которых на самом деле является неодушевленным слугой, способным по-своему делать что-то полезное или приятное для покупателя. Мы могли бы собрать в кучу много этих товаров и покупать их коллективно. Продавцы товаров могли бы связать их вместе в пачки и предлагать таким образом на продажу. Если бы различные товары также продавались на рынке по отдельности, они бы стоили в пачках по тем же ценам, по которым они стоили бы при продаже каждого по отдельности, и пачка приносила бы сумму нескольких цен составляющих ее товаров. *Точно таким же образом, каким совокупность различных товаров получила бы свою оценку, получает ли свою оценку любая статья, состоящая из различных полезных объектов. Коммунальные услуги оцениваются отдельно.* Покупая товар, представляющий собой совокупность различных утилит, мы фактически нанимаем команду слуг, которые имеют разные специальности и настаивают на том, чтобы их нанимали всех вместе или не нанимали вообще.

Как будет установлена обычная цена набора непохожих товаров.— Теперь мы должны увидеть, как действие рынка анализирует статью и устанавливает цену на несколько составляющих ее утилит. Рынок делает это точно таким же образом, каким он оценивал бы набор разнородных товаров, которые должны были продаваться отдельно, и поэтому мы проследим операцию, с помощью которой упаковка, содержащая товары А, В, С и D, получила бы свою стоимость на реальном рынке.

Как будет установлена обычная цена одного товара в наборе непохожих товаров.— Давайте посмотрим, как пакет, состоящий из товаров А, В, С и D, получит свою стоимость на рынке. Предположим, что эти предметы здесь названы в порядке их важности и что А обладает наибольшей полезностью, поскольку оказывает наиболее важную услугу, а D - наименьшей. Возможно, что предмет А имеет ценность, оцененную в сто долларов в глазах конкретного человека. Он скорее отдал бы за него сто долларов, чем обошелся бы совсем без него. Таким образом, услуга, которую может оказать одно изделие такого рода, выражается суммой в сто долларов. Предмет В, взятый отдельно, может стоить пятьдесят долларов, поскольку он может оказывать такие услуги, что мужчина скорее отдаст пятьдесят долларов, чем останется без него. Третий предмет, С, таким же образом может быть оценен в двадцать долларов, а четвертый - в десять. Теперь, если мужчина должен купить всю пачку, должен ли он заплатить сто долларов плюс пятьдесят плюс двадцать плюс десять, или сто восемьдесят за все? Из этого никоим образом не следует. Первое изделие может продаваться отдельно по цене намного ниже ста долларов. Его может быть так много, что для того, чтобы найти рынок сбыта для всего этого, производителям придется брать за него десять долларов. Это фиксирует рыночную цену данного количества товара на уровне десяти долларов. Если мы теперь отвлекусь от вопроса о "рыночной цене" товара и рассмотрим их более постоянную или "нормальную цену", то исследование потребует от нас большего, чем выяснение того, почему определенное количество товаров, предлагаемых в определенное время, продается за определенную сумму. Апелляция к закону конечной полезности дает ответ на этот вопрос. Однако, чтобы понять, почему постоянная цена такова, какова она есть, мы должны знать, что обеспечивает постоянное предложение, и мы обнаруживаем, что затраты на производство товара оказывают здесь доминирующее влияние. В настоящее время мы предполагаем, что эта стоимость не меняется, поскольку такие изменения являются предметом динамических исследований,

которые будут проведены позже. Нынешний факт заключается в том, что производство было доведено до такой степени, что больше ни один из этих товаров не может быть продан по себестоимости, и на этом увеличение выпуска прекратилось; предложение в какой-то момент в прошлом достигло этой нормальной точки и сейчас остается там. Десять долларов представляют собой конечную полезность изделия, и эта сумма соответствует затратам на его изготовление. Если бы его можно было продавать дороже, чем это, конкуренция привлекла бы в этот бизнес новых производителей и побудила бы тех, кто уже работает в нем, расширять свое производство до тех пор, пока цена не осталась бы на нормальном уровне издержек в десять долларов.

Излишки потребителей. В каждом подобном случае находятся люди, которые скорее отдали бы гораздо больше за этот предмет, чем остались бы без него, и мы предположили, что кто-то заплатил бы сто долларов за этот товар, если бы не мог получить его иным способом. Таким образом, девяносто долларов измеряют то, что мы могли бы назвать его *потребительским избытком*, или явную выгоду, которую он получает от покупки по рыночной цене товара, который для него стоит намного больше. Это происходит из-за того факта, что производители изделия А, чтобы продать то количество товаров, к производству которого их побудила конкуренция, должны принимать предложения людей, которые могут последовательно давать за него только десять долларов. Это относительно бедные люди, и поскольку сумма в десять долларов, потраченная на другие товары, принесла бы им столько же пользы, сколько десять долларов, потраченных на этот товар, это "последняя" покупка или окончательное приращение богатства их потребителей. Чтобы получить его, они жертвуют в какой-либо другой форме выгодой, столь же большой, как та, которую они получают от приобретения этого товара, и, следовательно, не получают от этого никакого потребительского излишка. Это люди, чье требование помогает установить цену на товар А, а готовность других людей дать больше не приводит к тому, что он приносит больше пользы. Богатые люди, которые готовы заплатить сто долларов, если это необходимо, выигрывают, позволяя более бедным людям устанавливать эту цену. Именно заручившись покровительством этих бедняков, производители могут распоряжаться своей крупной продукцией, и при этом им приходится снижать цену до десяти долларов.

Функция особого класса Маргинальных покупателей Каждого товара. — Аналогичным образом, существует класс "маргинальных покупателей" статьи В, или лиц, которые платят за нее столько, что не получают никакой чистой выгоды или потребительского излишка от покупки. Если бы они не купили эту статью, они могли бы приобрести что-то другое, что принесло бы им столько же пользы за те же деньги. Это стоит, скажем, всего десять долларов в процессе изготовления, и по этой цене изготовлено и выставлено на продажу достаточное количество этих изделий, чтобы удовлетворить всех клиентов, привлеченных этим предложением. Мужчины, которые заплатили бы за это больше, не в счет. Каждый из других товаров в комплекте, когда он предлагается отдельно и по себестоимости, устанавливаемой конкуренцией, представляет конечную полезность для определенного класса покупателей. Конкуренция сделала весь запас настолько большим, что для того, чтобы избавиться от него, продавцы должны привлечь определенный класс покупателей, которые примут его по десятидолларовой цене. Этот класс находится в стратегическом положении для тех, кто устанавливает рыночные цены на одну вещь. Это последний класс, которому производители могут позволить себе угодить. Если каждое из пяти изделий в комплекте обходится производителям в десять долларов, и если каждого изготовлено так много, что они просто

удовлетворяют потребности классов, которые будут покупать их по десять долларов за штуку, цена всех пяти изделий при продаже по отдельности составит пятьдесят долларов. Большинство покупателей каждого товара отдали бы за него больше десяти штук, если бы пришлось, но некоторые этого не сделали бы, и производители удовлетворяют потребности этих маргинальных личностей.

Как фиксируются цены на товары, когда они продаются в различных комбинациях.—Как оцениваются эти изделия, когда они связаны в пачки, содержащие все пять штук, и пачки продаются целыми? По сути, таким же образом, как при продаже по отдельности. Предмет А, мы предположим, является одним из предметов первой необходимости и должен продаваться на рынке отдельно. Предмет В представляет собой комфорт, а С и D - предметы роскоши. Пакеты составлены таким образом, что А и В часто продаются вместе; также как и А, В и С; и А, В, С и D. Покупатель может приобрести по своему выбору только первый, первый и второй вместе взятые, первые три или все четыре. Изделие А, когда оно стоит отдельно, можно приобрести по естественной или себестоимой цене и в количестве, достаточном для удовлетворения потребностей всех классов покупателей, от самых высоких до тех, кто возьмет его за десять долларов — стоимость его изготовления, — но не более того. Любой желающий может приобрести букву "А" либо отдельно, либо в привязке к другим изделиям по этой цене. Тот, кто покупает А и В в комбинации, заплатит за товар А только ту же цену, по которой он продается по отдельности; и поскольку он покупает В, полезность которого меньше, чем у А, за десять долларов, ясно, что он получает А дешевле, чем он стоит для него, но десять долларов могут быть всем, что он отдал бы за В. Этот человек не является маргинальным покупателем товара А, поскольку, покупая его, он реализует потребительский излишек; но за товар В, который к нему привязан, он может заплатить все, чего он для него стоит. В силу этого он является маргинальным покупателем и, как таковой, не получает от этого излишка для потребителей. Того, что он заплатит за В, как раз хватит на покупку чего-то другого, что для него не менее важно. Цена этого набора из двух предметов в конечном итоге определяется стоимостью двух компонентов, которая составляет двадцать долларов, и каждого компонента производится и предлагается на рынке в достаточном количестве, чтобы удовлетворить потребности определенного класса людей, которые вряд ли решатся приобрести его по себестоимости. Класс, который колеблется при выборе А, не будет рассматривать В, но класс, который колеблется при выборе В, получает явную выгоду от покупки А по цене, которая выражает полезность А для более бедного класса людей.

Как различные классы покупателей взаимодействуют при формировании этой цены. Правило единой цены за одно изделие, конечно, остается в силе, и человек, у которого был бы четкий и решительный мотив для покупки "А" дороже десяти долларов, если бы ему пришлось это сделать, извлекает выгоду из двух фактов: во-первых, это то, что при производстве оно обходится только в эту сумму, и, во-вторых, что конкуренция делает его предложение настолько большим, что оно оказывается в пределах досягаемости тех людей, которые оценивают его всего в десять долларов. Требуется два разных класса покупателей, чтобы установить цену на этот пакет из двух товаров, и по их оценкам она составляет двадцать долларов. Точно такие же факторы регулируют цену набора, который включает в себя А, В и С. Люди, покупающие С, могут позволить себе роскошь, и поэтому, если бы им пришлось это сделать, они отдали бы больше, чем они отдают за предметы первой необходимости и комфорта. Если бы цена А и В была выше, чем она есть, они бы все равно купили эти две вещи, но они не подняли бы свои ставки на С, поскольку для этого они являются маргинальными

покупателями. Таким образом, этот товар продается по цене, которая просто побудит этот класс людей добавить его в свой список потребительских товаров. Существует еще один класс, в списке покупок которого D является маргинальным, в то время как A, B и C приносят потребителям излишек в виде некомпенсированной личной выгоды.

Разные полезности в Изделии оцениваются как разные товары в упаковке.— Это реальный факт, что большинство товаров похожи на эти упаковки с непохожими предметами. Это наборы непохожих утилит, и рынок действительно находит способ анализировать составные объекты и устанавливать отдельную цену на каждую утилиту. Утверждение о том, что конкретная вещь, такая как часы, пальто, обеденный стол или жареная птица, состоит из таких абстрактных вещей, как полезности, и что каждая из них имеет свою отдельную цену, может показаться слишком теоретическим; однако на самом деле это так, и если бы товары не оценивались на рынке таким образом, цены на все предметы комфорта и роскоши были бы намного выше, чем они есть.

Человек платит семьдесят пять долларов за пальто, но если бы он не мог получить услугу, которую оказывает пальто в целом, не заплатив за него пятьсот долларов, он бы заплатил, потому что в противном случае он вряд ли смог бы пережить зиму. Ни один мужчина, покупающий пальто стоимостью семьдесят пять долларов, не отказался бы заплатить больше, если бы это вообще было необходимым условием наличия пальто. Одежда в целом далека от того, чтобы быть "предельной полезностью" для кого-либо; и все же в ней есть что-то, что таковым является. Этот элемент похож на артикль D в четвертом комплекте, о котором говорится на нашей иллюстрации. В составном благе есть особая полезность, за которую человек платит все, чего оно для него стоит; и он остался бы без этой полезности, если бы продавец брал больше, чем он делает. Самая важная услуга, которую оказывает пальто, - это сохранение тепла человека; но эту услугу оказала бы очень дешевая одежда, и за шесть долларов можно купить такую одежду. Мужчине не нужно платить больше шести долларов за одну эту услугу. Предложение дешевых пальто таково, что последнее приходится предлагать за шесть долларов, чтобы побудить некоторых бедных покупателей купить его, и это, более того, все, что стоит на его изготовление. Следовательно, никто не обязан платить больше шести долларов за то, что согреет его, как бы дорого ему ни стоила такая услуга. Пальто другого сорта имеют вторую полезность в сочетании с этим, поскольку они сделаны из лучшей ткани и имеют более приятный внешний вид. Эстетическая полезность сочетается с грубыми качествами, присущими самым дешевым пальто. Предложение пальто этого сорта таково, что их приходится предлагать за двадцать долларов, чтобы побудить кого-нибудь взять последнее или маргинальное. Что это значит? Это означает, что этот покупатель заплатит четырнадцать долларов и не больше за то, чтобы к первой полезности добавилась вторая - привлекательность, способность согревать его. Этот человек скорее отдал бы больше двадцати долларов, чем остался бы без плаща; ибо ясно, что, если он заплатит четырнадцать долларов за привлекательность, он отдаст больше шести за тепло. Вероятно, он заплатил бы за статью сто долларов, если бы пришлось, и, покупая ее за двадцать, он получает большой потребительский излишек. Это происходит потому, что он получает первую полезность (1) дешевле, чем она стоит для него, (2) ровно столько, сколько она стоит при изготовлении, и (3) ровно столько, сколько она стоит для более бедных покупателей. Он готов заплатить всего четырнадцать долларов за привлекательность, которая является второй полезностью, присущей одежде, и поэтому он является маргинальным покупателем этой второй полезности. Добавление второй полезности к первой стоит всего четырнадцать долларов, и производится достаточно пальто

второго сорта, чтобы завоевать покровительство класса покупателей, которые отдадут за это столько-то и не больше. Это люди, чей спрос учитывается при корректировке рыночной цены этой второй полезности. Конкурирующие производители пальто делают предложение пальто второго сорта настолько большим, что все они не могли быть проданы, если бы второе полезное изделие не предлагалось за четырнадцать долларов. Таким образом, цена всего пальто составляет двадцать долларов в результате тщательного учета спроса двух разных классов покупателей.

Точно таким же образом цена третьего сорта установлена на уровне сорока долларов, а еще более высокого сорта - на уровне семидесяти пяти. В третьем классе есть полезность, которую стоит добавить к тем, которыми обладает одежда второго класса, за двадцать долларов, и это добавляется к тому, что ее достаточно, чтобы обеспечить всех людей, которые заплатят за нее двадцать долларов или больше. Эти пальто изготавливаются из более качественных материалов и имеют лучшую подкладку, и это придает им третью полезность, которую рынок оценивает по их стоимости, которая составляет двадцать долларов. Люди, покупающие пальто за сорок долларов, получают дополнительную выгоду от обеспечения первых двух полезных свойств, которые в них воплощены, поскольку за них они платят меньше, чем заплатили бы, если бы были вынуждены; но они не получают прибавки к стоимости третьей полезности. Чтобы закрепить их обычай, продавец должен продать его за двадцать долларов. Точно так же пальто следующего сорта, более модная одежда, продается за семьдесят пять долларов, потому что оно обладает четвертой полезностью, которая обходится еще в тридцать пять долларов и для маргинальных покупателей стоит именно эту сумму. Эти люди получают излишек от покупки первых трех коммунальных услуг по той цене, во сколько они обходятся их производителям и сколько они стоят для более бедных покупателей. Таким образом, получается, что пальто стоимостью семьдесят пять долларов представляет собой набор отдельных элементов, или полезностей, каждый из которых имеет свою отдельную стоимость и продается по этой себестоимости определенному маргинальному классу покупателей. Каждый элемент оценивается точно так, как если бы он был сам по себе законченным изделием, связанным в данном случае с другими, но также предлагаемым на рынке отдельно. Лица одного класса являются конечными покупателями первой полезности, когда она предлагается по ее стоимости в шесть долларов. Другой класс аналогичным образом помогает установить цену второй полезности на уровне четырнадцати, и еще другие классы участвуют в корректировке цен на третью и четвертую полезности. Они обходятся производителям в двадцать и тридцать пять долларов соответственно, а конкуренция гарантирует их производство в количестве, достаточном для того, чтобы заручиться покровительством тех, кто заплатит именно эти суммы. Представители одного класса действуют как маргинальные покупатели при ценообразовании только в случае одной полезности. Одновременные действия всех из них приводят к установлению цены на лучшее пальто в восемьдесят долларов. Это очень практичный факт, что цены, по которым продаются все изысканные изделия на рынке, фиксированы таким образом. Такие изделия содержат непохожие друг на друга полезности. Они обладают властью оказывать услуги различной степени важности, и каждая из нескольких услуг получает свою нормальную оценку, когда производители зарабатывают достаточно, чтобы удовлетворить потребности определенной группы людей, для которых это маргинальная услуга и которые готовы платить только столько, сколько она стоит. Они бы обошлись без этой единственной услуги, если бы им пришлось платить за нее больше.

Этот метод оценки применим ко всем товарам высокого качества. Иллюстрации этого принципа можно множить бесконечно. Изящные часы показывают время суток, но что-то, что сойдет за доллар, и это все, за что продается этот фундаментальный элемент в изящных часах. Требуется ряд покупателей, делающих ставки на более высокую полезность прекрасных часов, чтобы их продали за пятьсот долларов. Человек, покупающий такие часы, скорее отдал бы за них, возможно, десять тысяч, чем остался бы совсем без часов, но он избавлен от необходимости делать это благодаря тому факту, что более бедные покупатели оценили все наиболее важные качества, которыми обладают часы. До тех пор, пока "долларовые часы" Ingersoll будут показывать время суток, никто не заплатит больше доллара за точно такую же услугу, оказываемую какими бы то ни было часами; и то же самое верно в отношении других услуг. Социальным в очень конкретном и буквальном смысле является установление цен. Только самые простые и дешевые вещи, которые продаются на рынке, приносят покупателям именно то, чего они стоят, а все предметы более высокого качества предлагают всем, кто их покупает, излишек обслуживания, не компенсируемый тем, что за них заплачено. Если мы исключим самые дешевые и убогие сорта товаров, то обнаружим, что все остальные обеспечивают "излишек потребителей".[2]

СНОСКИ

[1] Термин *рынок*, используемый в этом обсуждении, означает локальную территорию, в пределах которой покупаются и продаются товары определенного вида; и для различных целей мы можем сделать эту территорию маленькой или большой. Для одних целей необходимо принимать во внимание "мировой рынок", в то время как для других желательно включать только ту часть мира, в пределах которой конкуренция очень активна и в пределах которой также товары и люди свободно и дешево перемещаются с места на место. Отдельная страна, такая как Соединенные Штаты, предоставляет рынок, достаточно большой, чтобы проиллюстрировать законы стоимости, хотя всегда следует иметь в виду связь этой ограниченной территории с окружающей средой. О том, как с научной точки зрения можно разграничить и изолировать локальные территории для целей изучения, будет рассказано в следующей главе.

[2] Будет видно, что для человека, который покупает пальто за семьдесят пять долларов, это изделие целиком является последним в своем роде, которое он купит. Он не хочет второе пальто, точно такое же, как первое. То же самое верно и для человека, который покупает часы за пятьсот долларов, поскольку он не думает покупать больше одного. В каждом случае первая купленная единица товара является последней, и она содержит утилиты, стоимость которых превышает их стоимость. Он содержит только одну полезность, которая является предельной в истинном смысле, поскольку не дает превышения прибыли над затратами. Эта полезность находится на границе, где заканчиваются излишки потребителей.

ГЛАВА VII

НОРМАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Естественный запас.—Мы пришли к закону рыночной стоимости, который определяет цену, по которой будет продано определенное количество любого товара, и быстро рассмотрели влияние, которое определяет предлагаемую сумму и, таким образом, обеспечивает естественный стандарт, которому стремится соответствовать рыночная стоимость. В любой момент количество, которое поставляется, является точным количеством, и если все это должно быть продано, за это будет назначена цена, которая определяется конечной полезностью этого количества товара. Если количество, предлагаемое для продажи, станет больше или меньше, конечная полезность и цена изменятся. Конечная полезность контролирует цену немедленной продажи, и если она выше себестоимости производства, обеспечивается маржа прибыли, которая привлекает производителей, стимулирует конкуренцию и доводит произведенное количество до полной суммы, которая может быть продана по себестоимости. Таким образом, объем самого предложения не является вопросом случая или каприза. Естественно, что должно быть поставлено определенное количество каждого товара и что цена должна колебаться примерно на уровне, который устанавливает конечная полезность этого количества товара. "Естественная" или "нормальная" цена - это, с этой точки зрения, рыночная цена натурального количества.

Стоимость как стандарт нормальной цены.—Обычно и правильно утверждается, что нормальная цена чего-либо - это та, которая просто покрывает затраты на его производство. Стоимость в данном случае - это общая сумма денег, которую *предприниматель* выплачивает для того, чтобы создать товар. Он покупает сырье и оплачивает весь труд и капитал, которые преобразуют его в новую и пригодную для продажи форму. Если он может получать чистую прибыль, он делает это; но конкуренция имеет тенденцию регулировать производимое количество и, как следствие, цену таким образом, что он не может получать чистую прибыль. То, что он получит за статью, затем возместит ему все его расходы, но не более того. Поскольку произведенное количество является нормальным, когда оно приближает рыночную цену к этому уровню затрат, представляется, что стоимость является окончательным стандартом в данном случае. Поставляемое количество меняется до тех пор, пока это не приведет к тому, что рыночная цена просто покроет издержки; и до тех пор, пока поставляемое количество, таким образом, является естественным, а другие влияния остаются неизменными, цена остается такой. Здесь издержки производства выражаются в деньгах, уплаченных *предпринимателем*, а прибыль от операции - в деньгах, полученных им самим; но существует более философский способ понимания закона стоимости, и к нему мы вскоре вернемся.

Элементы затрат.—Все, за что *предпринимателю* приходится платить при производстве изделия, конечно, является для него элементом его денежной стоимости. Если он не начнет его изготовление с того, что возьмет сырье из того, что даром предоставляет природа, он должен кому-то заплатить за сырье. Он также должен платить за труд, и это эквивалентно покупке той доли товара, которая произведена трудом; ибо рабочий, как мы видели, является производителем определенной доли товара и естественным владельцем этой доли, и когда он соглашается сдавать свой труд по найму, то, что он на самом деле делает, - это продает свою личную долю в готовящемся продукте отрасли, в которой он собирается заниматься. Когда рабочий на обувной фабрике соглашается работать за два с половиной доллара в день, он

действительно заключает контракт на ежедневную продажу за эту сумму определенного количества обуви. Кожа - это один из элементов, который входит в готовую обувь, и поэтому вся обувь на самом деле производится не на фабрике; но из той части, которая там производится, а именно полезности, которая является результатом превращения кожи в обувь, одна часть производится трудом, а другая - капиталом. *Предприниматель* должен купить и то, и другое, если он хочет приобрести действительный титул на продукт и иметь право его продавать. Таким образом, эти затраты представляют собой "покупные деньги", уплаченные за неразделенные доли товаров.

Управленческий труд. — Обычно бывает, что *предприниматель*, или работодатель труда и капитала, сам выполняет какую-то работу; и мы уже отмечали причину этого в том факте, что вид труда, который он выполняет, настолько важен, что от него часто зависит судьба бизнеса. Он может управлять бизнесом так хорошо, что он становится успешным, или так плохо, что он терпит неудачу. Он оплачивает свой труд, когда получает зарплату за свои услуги. Как *предприниматель*, он относится к своему собственному труду так же, как и к труду любого другого человека, и покупает ту часть продукта своего бизнеса, которую создал его собственный труд по управлению. Этим он иллюстрирует общий закон, согласно которому все выплаты заработной платы являются выплатами за покупку определенного количества продукта. Хотя собственный вклад владельца в продукт не всегда упоминается в бухгалтерском учете, именно за это выплачивается его заработная плата, хотя об этом говорится как об оплате его "времени" или его труда.

Капиталист как Продавец Доли в Продукте. Капитал, как мы видели, также вносит определенную долю в общее количество каждого продукта, в производстве которого он участвует. Труд не выполняет всего процесса превращения кожи в обувь, который производится на фабрике, поскольку помогают машины, топливо и т.д.; И позже мы обнаружим, что существует способ определить, какую часть продукта создает оказанная таким образом помощь. Это добавляет определенную сумму к тому, на что труд может претендовать как на свой особый продукт, и человек, владеющий капиталом, становится законным претендентом на эту дополнительную долю. Когда он соглашается позволить своему капиталу работать на работодателя, он фактически продает работодателю безраздельную долю продукта — обуви или чего-то еще, - который действительно создает капитал. Производитель орудий производства, как и производитель рабочей силы, является продавцом, а *предприниматель* - покупателем.

Предприниматель и капиталист. — Как было сказано в предыдущей главе, фактический работодатель почти всегда предоставляет часть капитала, который он использует. Если бы он этого не сделал, ему было бы трудно занимать больше, поскольку банки или другие кредиторы не дают займы людям с пустыми руками. Ясно, что то, что работодатель получает взамен на такой капитал, который он может вложить в бизнес, на самом деле является платой за вклад, который эта конкретная часть капитала вносит в продукт. Поскольку каждая частица капитала в учреждении вносит какой-либо вклад в создание продукта, собственный капитал работодателя имеет такое же право на стоимость его вкладной доли, как и капитал любого другого лица. То, что работодатель-капиталист получает за капитал, платит работодатель в чистом виде. Как производитель инструментов, человек является продавцом продукта этих инструментов, в то время как как собственно *предприниматель* он является покупателем. Он должен приобрести продукт своего собственного капитала точно так же, как он приобрел продукт своего

собственного труда. Таким образом, выплачивая заработную плату за весь труд, включая то, что он выполняет сам, проценты на весь капитал, включая его собственный, и цену сырья, он получает нечто, что, если конкуренция выполняет совершенную работу, он должен продать за то, что он дает за это. Обувь, когда он продает ее, как правило, в условиях активной конкуренции приносит только то, что было заплачено за нее при изготовлении, и в совершенно статичном состоянии фактически не принесла бы чистой прибыли. Таким образом, все затраты *предпринимателя* сводятся к уплаченным покупным деньгам, его поступления - к деньгам, полученным от продаж; и при идеально свободной конкуренции обе суммы равны.

Надлежащая функция предпринимателя, а не Управленческий труд.—В некоторых теоретических дискуссиях управление бизнесом фигурирует как основная функция *предпринимателя*, и все или почти все вознаграждение, которое он получает, представлено как награда за ответственный вид труда, требующий больших способностей. Но совершенно очевидно, что независимо от того, выполняет он лично какую-либо работу или нет, работодатель выполняет явно меркантильную функцию; и это само по себе совершенно не похоже на работу по надзору за фабрикой, магазином или торговым залом. Он приобретает право собственности на весь продукт, оплачивая вклад, который вносят в него труд и производители сырья по отдельности, а затем расстается с продуктом; и если он получает немного больше, чем заплатил, он получает прибыль. Когда промышленность находится в том, что мы назвали динамичным состоянием, такая разница между стоимостью продукта и стоимостью составляющих его элементов возникает постоянно, и это тоже в значительной степени является следствием причин, над которыми работодатель, как простой менеджер, не имеет контроля. Полученная таким образом прибыль не может быть оплатой труда руководства. Это чисто коммерческая выгода или разница между тем, что за что-то платят, и тем, что за это получают.

Коммерческая выгода. Поэтому лучше всего проводить какое—то совершенно четкое различие между той функцией *предпринимателя*, которая заключается в покупке и продаже, и любой работой, которую он может счесть наиболее подходящей для выполнения в плане руководства бизнесом. Ценой использования термина "*предприниматель*" в более строгом смысле, чем тот, который обычно ему придается, мы сделаем так, чтобы это слово описывало чисто меркантильного чиновника, который платит за элементы продукта, а затем продает этот продукт. Причину самого разделения между доходами от этого источника и доходами от управления мы вскоре поймем, поскольку увидим, что конкуренция имеет тенденцию сводить один из этих доходов к нулю, но имеет тенденцию увековечивать другой и приводить его размер в соответствие с положительным стандартом. *Предприниматель*, как мы будем использовать этот термин, не является ни менеджером, ни капиталистом, и когда у нас будет возможность говорить о любом из этих должностных лиц, мы будем называть его его собственным именем; хотя мы прекрасно знаем, что в реальном бизнесе желательно и часто совершенно необходимо, чтобы тот же самый человек, который действует как *предприниматель*, также вкладывал в бизнес некоторый труд, а также некоторый капитал. Человек, выполняющий две непохожие функции, покупающий и продающий, с одной стороны, и управляющий бизнесом, с другой, выступает в двух качествах, которые четко отличаются друг от друга; в то время как, если он предоставляет какую-либо часть капитала, он добавляет к ним третью способность, дающую ему право на стоимость продукта своего капитала. Как менеджер, он непосредственно помогает в производстве товаров и получает плату за это от своего другого "я", *предпринимателя*, который

приобретает право собственности на товары; как капиталист, он имеет еще одно законное право на себя как *предприниматель*.

Эти различия признаются в практическом бухгалтерском учете.—То, что это не просто теоретическая тонкость, подтверждается тем фактом, что бухгалтерия почти всех учреждений проводит различие между этими двумя доходами, фактически оценивая работу, которую выполняет работодатель, и выплачивая за это зарплату. Человек может быть крупным владельцем акций корпорации и при этом получать зарплату, которая определяется исходя из оценки того, на что мог бы быть нанят столь же полезный человек. Если личное влияние обеспечивает ему нечто большее, чем это, излишек изымается из карманов акционеров, и его величина учитывается способом, который не подпадает под действие чисто экономического закона.

Как "Естественные" цены исключают прибыль предпринимателя.—Старая и правильная точка зрения заключается в том, что тенденция конкуренции заключается в том, чтобы заставить товары продаваться по цене, достаточной для покрытия всех затрат, как мы их определили, и не более. Под другой фразеологией это то, что справедливо утверждали Рикардо и другие. Они бессознательно объясняли, что произошло бы в статичном состоянии, ибо если бы общество действительно находилось в таком состоянии, товары, выходящие с фабрики, стоили бы ровно столько, чтобы возместить владельцу все затраты, которые можно назвать издержками. Если они продают дороже этой суммы, то получают от бизнеса доход, который ничего не стоит. Это чистая прибыль, превышающая все требования, основанные на личном труде или на помощи, оказываемой капиталом, и это дает стимул для расширения бизнеса, и поэтому в него вовлекаются труд и капитал. *Предприниматели* приносят их и какое-то время получают прибыль этим способом; но поскольку их присутствие увеличивает выпуск производимых здесь товаров, это снижает цену до тех пор, пока не исчезнет стимул перемещать больше труда и капитала в этом направлении.

Значение естественной адаптации различных отраслей промышленности.—

"Естественное" состояние промышленности в целом - это то, при котором каждая конкретная ее отрасль находится в неприбыльном состоянии. Это похоже на то, как если бы рабочие и капиталисты на обувной фабрике брали всю обувь, которая там оказывалась, продавали ее на рынке, платили за сырье из выручки, а остаток оставляли себе, разделяя его между собой в пропорциях, соответствующих суммам, которые они по отдельности внесли в производство этого продукта; и как если бы рабочие на хлопчатобумажных фабриках и чугунолитейных заводах получали произведенные там товары и поступали с ними аналогичным образом. Это похоже на то, как если бы в каждой отрасли бизнеса весь продукт был передан в натуральной форме производителям труда и капитала.

Предприниматель - пассивный функционер в статичных условиях.—Чисто пассивной является функция *предпринимателя* в статичных условиях. В той мере, в какой это как-либо влияет на его доход, он может с таким же успехом проживать как в чужой стране, так и в той, где находится его бизнес, при условии, что это не повлияет на руководство. Когда один и тот же человек является одновременно *предпринимателем* и менеджером, отсутствие первого из этих функционеров означало бы отсутствие также и второго, и это вызвало бы проблемы; но чисто меркантильная операция по получению права собственности на продукт и последующей передаче его может осуществляться как в одном месте, так и в другом. *Предприниматель* в

качестве покупателя и продавца даже не выполняет работу, связанную с покупками и продажами. Обычно это делают агенты. Часть этого, конечно, может выполняться самим ответственным менеджером, и если этот человек также является *предпринимателем*, то из этого следует, что он выполняет часть коммерческой работы в своем бизнесе. В этом, однако, он выходит за рамки своей функции *предпринимателя*. В этом качестве он, как мы уже говорили, не выполняет никакой работы. Продажи и покупки совершаются от его имени, но он не выполняет никакой работы, которая к ним приводит.^[1]

Как предприниматель вносит свой вклад в производство в динамичных условиях.—В динамичном состоянии *предприниматель* выходит из этой пассивной позиции. Он принимает важнейшие решения, которые время от времени приводят к изменениям в бизнесе. "Должны ли мы принять на вооружение эту новую машину?" "Должны ли мы производить этот новый продукт?" "Должны ли мы выходить на этот новый рынок?" это вопросы, которые передаются ему, и от решений, к которым он приходит, зависят перспективы получения прибыли для бизнеса. Эта деятельность не является обычным трудом, но в истинном смысле это производительная деятельность, поскольку она приводит к размещению рабочей силы и капитала там, где они могут производить больше, чем они сделали, и больше, чем они могли бы сделать, если бы не стимулирующее действие *предпринимателя*, которое ставит их на выгодную позицию превосходства. Этот вопрос будет обсуждаться в следующей главе и в связи с другими фазами экономической динамики.

Значения на статическом уровне только тогда, когда прибыль предпринимателей равна Нулю.—Любая чистая прибыль со стороны *предпринимателя* означает, что его продукт продается дороже, чем ему обошлись его элементы. Но это условие, которое, если труд и капитал настолько мобильны, насколько того требует статическая гипотеза, заставит этого *предпринимателя* и других перемещать труд и капитал в свою отрасль, тем самым увеличивая ее выпуск и снижая отпускную цену ее продукта. Если таких действий не предпринимается, это показывает, что у *предпринимателей* нет стимула предпринимать их.

Ценности остаются на неизменном уровне только тогда, когда доходы от труда в различных отраслях уравнены.—Если рабочая сила создает больше в одной подгруппе, чем в других, как это часто бывает в динамичных условиях, этот факт означает, что некоторые *предприниматели* получают прибыль, и, согласно принципу, изложенному в предыдущем параграфе, это означает, что ценности находятся не на их статичном или "естественном" уровне. Если, благодаря новым методам или по какой-либо другой причине, данное количество труда^[2] в подгруппе, которая произвела А из нашей таблицы, создается количество продукта, которое продается дороже, чем В или С, которые производятся трудом в аналогичном количестве, тогда производители А, очевидно, получают маржу прибыли. Они не были бы обязаны платить за рабочую силу больше рыночной нормы, а она, как мы увидим, не может превышать того, что производит рабочая сила в группах В и С. В А рабочая сила создает больше, а работодатель прикарманивает разницу. Говоря это, мы предполагаем один факт, который мы беремся позже доказать, а именно, что существует определенное количество каждого продукта, которое может быть отнесено только к труду как к его производителю. Капитал и труд работают вместе, но каждый из них, по сути, является создателем определенной доли их совместного продукта.

Ценности остаются неизменными только тогда, когда прирост капитала в различных отраслях уравнен.—Если капитал создает в одной отрасли больше, чем в другой, то для *предпринимателей* в исключительно продуктивной отрасли существует норма прибыли. Они платят в качестве процентов на используемый ими капитал только рыночную ставку, которая является той, которую равные объемы капитала могут произвести и получить в другом месте. Если они производят больше в одной группе, то *предприниматели* там могут прикарманить излишки, как они это сделали в случае с продуктом труда. Мы предполагаем, что повсюду существует определенный продукт, который может быть отнесен только к капиталу.

Значения Нормальны, когда Денежные средства, выплачиваемые Предпринимателями, равны Полученным Денежным средствам.—В предыдущих параграфах мы говорили о меновой стоимости как статичной при определенных условиях, но мы могли бы выразить существенный факт, сказав, что цены статичны при этих условиях, поскольку деньги, которые приносит продукт, являются истинным выражением его стоимости. Если А продает за столько же долларов, сколько и В, эти две вещи обмениваются друг на друга. Аналогичным образом продукт труда и продукт капитала могут быть выражены в деньгах, поскольку количество товаров, которые они соответственно производят, продается за определенные суммы. Заработная плата и проценты почти всегда представляются в денежном выражении. Коммерческий способ расчета производственных затрат и отдачи от производства заключается в переводе их в денежные средства, уплаченные *предпринимателями*, и полученные денежные средства.

Издержки производства в соотношении со статическими доходами.—То, что для *предпринимателя* является издержками, для рабочих и капиталистов является доходами. Один выплачивает заработную плату и проценты, а другие получают их; и эти две суммы являются нормальными, когда вместе они равны ценам, полученным за произведенные товары. *Предприниматель* является универсальным казначеем, и в статичном состоянии все доходы поступают из его рук.

СНОСКИ

[1] Держателями обыкновенных акций корпорации всегда являются *предприниматели*, а также капиталисты, если акции представляют собой какой-либо реальный капитал, фактически оплаченный. Если облигации и привилегированные акции представляют собой весь существующий реальный капитал, то любые дивиденды, которые могут быть выплачены по обыкновенным акциям, являются чистой *прибылью* предпринимателя. С другой стороны, если все акции представляют собой деньги, фактически вложенные в бизнес, дивиденды по ним содержат элемент чистой прибыли, если они превышают простые проценты на капитал и страховку от рисков, которые не защищены настоящими страховыми полисами. Если ставка простого процента равна четырем процентам, а величина неизбежного риска равна одному проценту, то дивиденд в размере шести процентов содержит чистую *прибыль* предпринимателя в размере одного процента. В динамичных условиях часто следует ожидать такой отдачи, и вскоре мы изучим условия, которые ее обеспечивают.

В настоящем исследовании нам нет необходимости рассматривать риски, поскольку большая их часть возникает из-за динамичных причин, то есть из-за изменений и беспорядков, которым подвержен деловой мир. Изобретение обещает значительно удешевить производство какого-либо изделия и на какое-то время обеспечить большую прибыль людям, которые впервые им

воспользуются. Капиталист может быть готов пойти на риск ради того, чтобы разделить эту выгоду; но со временем и риск, и выгода исчезнут. Необходимо будет протестировать мощность новых приборов, найти рынок для их производства и т.д. Капиталист все еще подвергается небольшому риску, если он вкладывает свои деньги в этот бизнес. Смерть управляющего партнера, невыплата платежей за проданные товары, вероятность неразумного или нечестного поведения со стороны клерков или контролеров всегда угрожают бизнесу, но эти опасности минимальны, когда человек, стоящий во главе группы менеджеров, имеет собственный капитал в бизнесе. Риски находятся на постоянном уровне только тогда, когда они таким образом снижены; и для нашей настоящей цели лучше всего учитывать, что конкуренция уничтожила заведения, где руководство проявило какое-либо безрассудство, и что неизбежная оставшаяся часть риска сводится, что почти достаточно для практических целей, *квычету из продукта*, который выжившие заведения производят в течение длительного периода времени. Небольшой процент их годовой прибыли, откладываемый на покрытие неизбежных убытков, компенсирует эти потери по мере их возникновения и оставляет предприятия в состоянии, в котором они могут приносить в качестве постоянной прибыли владельцам акций, заемщикам дополнительного капитала и рабочим весь свой реальный продукт.

[2] При оценке труда мы, конечно, учитываем качество людей, которые его выполняют, и работа квалифицированного человека оценивается в большее количество единиц труда, чем работа неквалифицированного.

ГЛАВА VIII

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Равновесие промышленных групп.—Различные промышленные группы находятся в равновесии, когда они в равной степени привлекают рабочую силу и капитал, и это происходит, когда эти агенты производят столько же на единицу продукции, занятую в одной группе, сколько и в другой. Такая уравненная производительность является основополагающим фактом статического состояния, и из этого следует уравненная оплата труда. Заработная плата и проценты, как правило, одинаковы во всех группах. Эффективный труд, конечно, получает при любой занятости больше, чем неэффективный; но труд определенного класса получает во всех группах, составляющих индустриальное общество, одинаковую норму оплаты, и ни один капиталист или любой рабочий ничего не выиграет, переходя с одной работы на другую. Поэтому все они остаются на своих местах не потому, что не могут свободно передвигаться, если захотят, а потому, что им не предлагается никакого стимула двигаться. Это состояние совершенной подвижности без движения — атомов, готовых прийти в движение от прикосновения, без прикосновения, которое привело бы их в движение. Парадокс действительно заключается в том, что именно идеально совершенная мобильность, существовавшая в прошлом, положительно исключает движение в настоящем. В какой-то момент в прошлом труд и капитал переходили от группы к группе, пока не привели к приспособлению, при котором у них не было стимула двигаться дальше. Поверхность водного бассейна остается спокойной не потому, что вода не является идеально текучей, а потому, что, несмотря на тот факт, что она может совершенно свободно течь в любом направлении, если ее

направить в этом направлении сильнее, чем в любом другом, каждая ее частица движется одинаково во всех направлениях. Именно идеальное равновесие не позволяет частицам менять свои места, а равновесие вызвано текучестью. Точно так же, когда труд и капитал могут создавать и получать столько же в одном месте, сколько и в другом, они одинаково сильно притягиваются в одном направлении, сколько и в другом, и поэтому не движутся. Молодой человек средних способностей, который размышляет над выбором профессии, обнаружит, что он может преуспеть на хлопчатобумажной фабрике так же хорошо, как на обувной фабрике, в механическом цехе, на лесопилке, мукомольном заводе или на любом другом промышленном предприятии, требующем его определенного уровня производительности. Это картина совершенно статичного состояния промышленности. Экономическая наука должна учитывать ценности, заработную плату и проценты такими, какими они были бы в таких условиях, как бы ни было невозможно, чтобы общество когда-либо достигло именно такого состояния. Ценности, заработная плата и процент на реальном рынке всегда стремятся к тем ставкам, которые были бы установлены, если бы было реализовано статическое условие.

Признак статического состояния.— Признаком существования статического состояния является, следовательно, то, что труд и капитал, хотя они совершенно свободны переходить с одной сферы деятельности на другую и фактически сделали бы это при малейшем побуждении, все же не перемещаются. Они остаются там, где они есть, потому что не могут найти места, где они могли бы производить хоть малейшее количество сверх того, что они производят сейчас, и ни один работодатель нигде не предложит ничего сверх преобладающей ставки оплаты.

Прибыль и Движения, которые она вызывает, являются признаком .—Прибыль предпринимателя, когда она существует, означает, что это равновесие нарушено, а когда это так, мобильность рабочей силы и капитала дает гарантию того, что будет установлено новое равновесие, если не последует дальнейших нарушений. Как мы уже говорили, прибыль привлекает рабочую силу и капитал, увеличивает выпуск тех товаров, которые приносят прибыль, и снижает цены на них до уровня, не приносящего прибыли. Рабочие и капиталисты тогда получают от *предпринимателя* в виде заработной платы и процентов все, что он получает от общества в качестве цены своих товаров, за исключением того, что он платит за сырье.^[1] Другими словами, работодатель продает свои товары по себестоимости.

Как определяются затраты. Ранние исследования "естественных" ценностей, или ценностей, соответствующих издержкам производства, были бессознательными и несовершенными попытками постичь законы ценности в статичном состоянии. В таком состоянии издержки сводятся к заработной плате и проценту, и поэтому концепция такого статичного состояния неполна, если мы не знаем, как определяются заработная плата и процент сами по себе. То, что мы уже сказали, подразумевает, что они колеблются относительно определенных стандартов, точно так же, как и цены на товары, и что они оставались бы на уровне этих стандартов, если бы общество было приведено к статичному состоянию.

Значение статического закона в динамичном состоянии.—Реальное общество переживает постоянные потрясения. Оно очень далеко от статичности; и все же ценности товаров, с одной стороны, и доходы от труда и капитала, с другой, колеблются на определенном расстоянии от стандартов, которые были бы реализованы, если бы общество стало статичным. Несмотря на активные динамические движения, общая отдача от труда и капитала никогда не может отклоняться настолько далеко от этих теоретических величин, чтобы расстояние от них нельзя

было каким-либо образом измерить и учесть. Море, когда дуют штормы и поднимаются и опускаются приливы, - это что угодно, только не статичный объект, и все же оно сохраняет общий уровень, несмотря на штормы и приливы, и его поверхность в целом удивительно близка к идеальной математической поверхности, которая была бы представлена, если бы все возмущения прекратились. Аналогичным образом, существуют определенные влияния, которые нарушают экономическое равновесие точно так же, как штормы и приливные волны нарушают равновесие моря. На самом деле мы не можем остановить эти влияния так же, как не можем остановить ветры и лунное притяжение; но мы можем создать воображаемое статическое состояние для научных целей, точно так же, как физик в процессе расчетов может создать гипотетическое статическое состояние моря и определить уровень, с которого следует измерять высоту и глубину. Он не больше, чем экономист, может на самом деле привести предмет, с которым он имеет дело, в неподвижное состояние. Экономический океан бросит вызов любому современному хитрецу, который попытается остановить его движение; но необходимо знать, какую форму и уровень он примет, если это будет сделано.

Факторов, нарушающих статическое равновесие.— Факторов, нарушающих экономическое равновесие, в общем, пять. Население мира увеличивается, и это одно из факторов, которое не позволяет ценностям, заработной плате и процентам снизиться до совершенно "естественных" стандартов. Капитал увеличивается, и это влияние также действует как тревожный фактор. Методы производства меняются, и эти изменения оказывают очень мощный эффект, препятствуя достижению статического равновесия. В моду входят новые способы организации различных отраслей, и это вызывает дальнейшее нарушение экономического регулирования. Потребности людей ни в коем случае не являются фиксированными; они изменяются, множатся и воздействуют на экономическое состояние общества таким образом, что влияют на статическое регулирование. Даже физическая природа претерпевает изменения, и бременная часть земли делает это вызывающим беспокойство образом. Мы используем большую часть нашего природного наследия. Поскольку эффект этого проявляется главным образом в том, что мы вынуждены изменять наши производственные процессы, мы для удобства ограничим наше исследование пятью перечисленными здесь изменениями.

Движение неизбежно в Динамическом состоянии.— Эти влияния обнаруживают свое присутствие, делая труд и капитал более производительными в одних местах, чем они есть в других, и заставляя их время от времени перемещаться из мест с меньшей производительностью в места, где прибыль больше. Как мы уже говорили, это перемещение труда и капитала туда-сюда является, подобно морским течениям, признаком динамического состояния. Как в статическом состоянии эти агенты не двигались бы таким образом, какими бы текучими и подвижными они ни были, так и в динамическом состоянии они вынуждены двигаться, потому что их заработная плата недолго остается точно одинаковой в любых двух видах деятельности, и они переходят то туда, то сюда, поскольку в изменчивой системе открываются возможности для увеличения прибыли. Если бы товары повсеместно продавались по себестоимости и если бы заработная плата и процент были повсюду нормальными и единообразными, труд и капитал не перемещались бы взад и вперед, и это было бы доказательством отсутствия динамических воздействий.

Как создается Воображаемое статичное общество.—Если мы хотим выяснить, какому стандарту постоянно стремятся соответствовать стоимость товаров, с одной стороны, и вознаграждение за труд и капитал, с другой, мы должны создать воображаемое общество, в

котором население не увеличивается и не уменьшается, в котором количество капитала фиксировано, в котором метод производства товаров не меняется, в котором способ организации производства остается неизменным и в котором потребности потребителей никогда не меняются ни по количеству, ни по натуре, ни по интенсивности.

Затраты на производство в статическом состоянии.— Мы уже говорили, что в таком статичном состоянии цены на различные продукты достаточно высоки, чтобы покрыть заработную плату и проценты, которые обычно выплачиваются. Существуют единые или универсальные ставки оплаты труда и капитала, и каждый человек, который нанимает рабочих или получает ссуды в банке, должен их выплачивать. В реальном мире, полном беспорядков и отданном на откуп силам перемен и прогресса, мы обнаруживаем, что ценности, заработная плата и проценты в целом удивительно близки к этим стандартам. В конкретном бизнесе продукты могут какое-то время продаваться по цене, достаточной для получения значительного избытка сверх преобладающей заработной платы и процентов, и бизнес в целом может какое-то время приносить некоторый такой избыток; но в отсутствие монопольных привилегий ни одно предприятие не дает большого избытка в течение длительного времени, и еще меньше бизнес в целом делает этого, хотя прибыль всегда можно найти где-то внутри системы.

Конечная производительность труда.— Если мы предположим, что капитал общества представляет собой фиксированную сумму, мы можем провести воображаемый эксперимент, который покажет, сколько на самом деле производит труд. Мы можем привлекать людей к работе по несколько за раз, пока все они не будут заняты, и мы можем измерить результат работы каждого из отрядов. Мы должны сделать различные звенья рабочей силы настолько похожими друг на друга, насколько это возможно, и назвать каждое звено единицей труда. Если бы существовало десять таких подразделений и если бы количество капитала было достаточным для оснащения их всех в том масштабе, в каком рабочие фактически оснащены в настоящее время, то ясно, что это количество капитала, когда оно было израсходовано на одно отдельное подразделение, должно было бы снабдить его орудиями производства в почти невыносимом изобилии. То, что мы сегодня рассматривали бы как достаточное дополнение капитала для тысячи человек, почти перекрыло бы потребности сотни, и все же можно представить, что это примет такие формы, что они смогут его использовать.

Производительность первой единицы труда.— Мы задействуем одну секцию, которую мы называли единицей труда, и передадим в руки ее членов весь капитал, который в конечном итоге предназначен для оснащения десяти секций. Совершенно очевидно, что формы, которые примет этот капитал, не могут быть теми же, которые он должен будет принять, когда его будет использовать вся рабочая сила. Действительно, нам придется напрячь нашу изобретательность, чтобы изобрести способы, с помощью которых одна единица труда может использовать капитал, который в конечном итоге будет использован десятью работниками. Инструментов и станков должно быть немного, но они должны быть очень дорогостоящими и совершенными. Нам придется прибегнуть ко всем устройствам, которые сделают машину почти автоматической и заставят ее требовать очень мало внимания от человека, который за ней ухаживает. Здания должны быть самыми прочными и долговечными. Нам придется тратить деньги без ограничений везде, где их расходование сделает труд более производительным, чем это было бы в противном случае. Однако, если мы сделаем это, продукт труда и его оборудование будут очень большими. Промышленность преуспеет в производстве бесконечно большего количества товаров, чем на самом деле производит современная промышленность, и

причиной этого будет то, что в руки рабочих будет вложен капитал в беспрецедентном изобилии.

Продукт Второй единицы труда.— Теперь мы введем вторую единицу труда, удвоив количество рабочих, без изменения размера капитала. Мы должны, конечно, изменить формы капитала, иначе он не сможет быть с выгодой использован большей рабочей силой. Здания должны быть больше, и если они должны быть возведены примерно с использованием того же объема капитала, который использовался ранее, они должны быть построены более дешевым способом. Инструментов всякого рода должно быть больше, и это большее количество инструментов, если оно должно представлять собой ту же инвестицию капитала, что и предыдущее число, также должно быть проще и дешевле. Все оборудование для производства *капитальных благ* должно подвергнуться полной трансформации; но существенно то, что размер капитала не должен изменяться.

Предварительный способ измерения капитала.— При измерении величины капитала мы обязаны использовать единицу затрат, и на иллюстрации мы предположили, что стоимость может быть измерена в долларах. Производственный фонд изначально состоял из определенного количества долларов, инвестированных в производственные операции. Это лишь предварительный способ его измерения. Потраченные деньги действительно представляют собой понесенные жертвы, и мы обнаружим, что единственный вид жертв, который доступен для измерения стоимости товаров любого вида, - это те, которые приносятся трудом. Окончательные измерения богатства во всех его формах должны производиться с точки зрения труда. Такие измерения сопряжены с трудностями, и попытка их проведения привела к серьезным ошибкам. В свое время мы увидим, как можно избежать этих заблуждений.

Закон убывающей производительности.— При этих условиях вторая единица труда добавит что-то к количеству, произведенному первой единицей, но это не приведет к тому, что продукт станет вдвое больше, чем был. Он не смог бы этого сделать, если бы капитал также не был удвоен. Каждая единица труда теперь взаимодействует с половиной первоначального капитала, и общий продукт меньше, чем был бы, если бы новый труд, выйдя на поле, принес с собой такое же полное оснащение производительными инструментами, каким обладал труд, предшествовавший ему. Добавление в отрасль второй единицы труда без каких-либо дополнительных затрат на капитал несколько увеличивает общий продукт, но не позволяет удвоить его. Если мы отнесем на счет этой второй единицы труда то, что она добавляет к продукту, созданному до того, как он появился на поле, мы обнаружим, что это определенная положительная величина, но явно меньшая, чем общий продукт, который был реализован первой единицей *и всем капиталом*. Это даже меньше половины продукта двух подразделений, использующих весь капитал. Возможно, первая единица труда, когда она использовала весь капитал, создала десять единиц продукта; в то время как две единицы труда, используя ту же самую первоначальную сумму капитала, производят шестнадцать единиц продукта. Явное дополнение к первоначальному продукту, вызванное дополнительным трудом второй бригады рабочих, составляет всего шесть единиц, в то время как половина общего продукта после добавления к труду составляет восемь. Эта цифра представляет сумму, которую мы можем отнести к одной единице труда и половине всего капитала, в то время как шесть представляют то, что *причинно* связано только с одной единицей чистого труда. Со всем капиталом и одной единицей труда мы получаем десять единиц продукта, в то время как добавление одной единицы чистого труда увеличивает общую сумму до шестнадцати. Шесть

единиц находят причину своего существования в присутствии второй единицы труда, и поэтому вторая единица демонстрирует, по сравнению с первой, меньшую производительность.

Продукт Третьей единицы труда.—Теперь мы введем третью единицу труда, оставив величину капитала по-прежнему неизменной, но снова изменив его формы таким образом, чтобы приспособить их к потребностям еще большей рабочей силы. Мы сделаем здания больше и, следовательно, при необходимости, дешевле по форме и материалам. Мы сделаем инструменты и станки более многочисленными и простыми и сделаем все необходимое для того, чтобы фиксированная сумма капитала — фонд, равный заданному количеству "долларов", — воплотилась в количестве и видах капитальных благ, которые необходимы для того, чтобы обеспечить втрое большее первоначальное количество рабочих. Третья единица труда теперь добавляет что-то к продукту, реализованному первыми двумя, но прибавка меньше, чем была в случае со второй единицей.

*Продукты ряда единиц труда.*Если мы продолжим этот процесс до тех пор, пока у нас не будет десяти единиц труда, использующих такое же количество капитала, какое раньше использовала одна единица, мы обнаружим, что каждая единица, начиная свою работу, добавляет к предыдущему продукту меньше, чем предшествовавшая ей единица, и что десятая единица добавляет меньше всего.

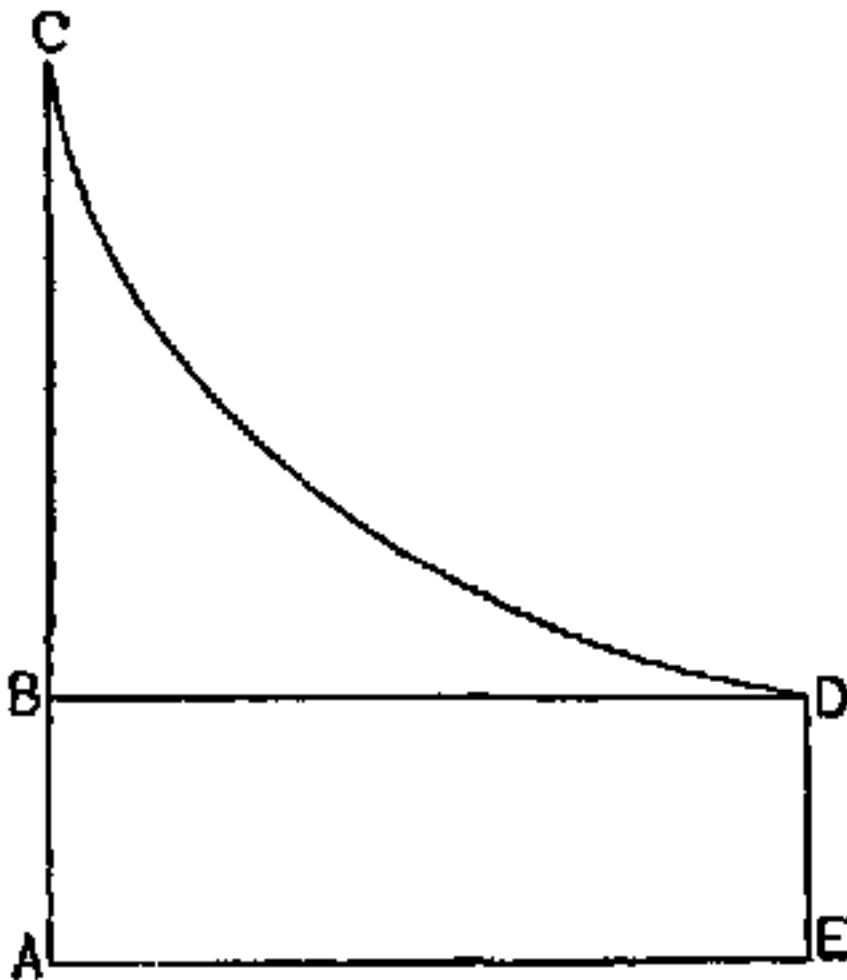
Необходимо соблюдать осторожность, чтобы не смешивать прибавку, вносимую в продукт вследствие дополнительной рабочей силы, с величиной, которая после увеличения рабочей силы создается последней единицей труда *и пропорциональной долей ее в капитале*. Когда работает десятая единица труда, она использует десятую часть капитала, и эти две единицы вместе создают десятую часть продукта. Это больше, чем количество, которое *добавляется* к продукту с появлением десятой единицы труда. Это сложение представляет собой просто разницу между продуктом всего капитала и девяти единиц труда и продуктом всего капитала и десяти единиц труда. Этот дополнительный продукт можно полностью отнести на счет увеличения рабочей силы.

Также следует отметить, что когда все подразделения работают вместе, их продукция одинакова и то конкретное подразделение, которое прибыло последним, не менее продуктивно, чем другие. Каждый из них *сейчас* менее продуктивен, чем каждый из "силы девяти" *был в более ранних условиях*. Аналогичным образом, каждое подразделение "девятки" менее продуктивно, чем в еще более ранний период каждое подразделение "восьмерки". В любой определенный период все подразделения производят одинаковое количество продукции. Таким образом, в любой отдельный период то, что любая единица труда производит с помощью своей *пропорциональной доли* капитала, является большей суммой, чем то, что каждая из них может рассматриваться как производящая сама по себе. Хотя одна из десяти единиц создает с помощью десятой части капитала, десятой части продукта, сама по себе она создает меньше; ибо мы можем рассматривать как ее собственный продукт только то, что она добавляет к продукту, который создавался до того, как он появился на сцене. Именно голый продукт единицы труда мы пытаемся отличить от других элементов общего объема производства отрасли, и это заключается в разнице между тем, что могут произвести девять единиц труда и весь капитал, и тем, что могут произвести десять единиц труда и весь капитал.

Мы будем считать величину капитала фиксированной и допустим, что количество труда увеличивается вдоль линии *AE*, и мы позволим продукту последовательных единиц труда

измеряться расстоянием по вертикали от точек на линии AE до нисходящей кривой CD .

Переменный ток - это продукт первой единицы труда. Производство более поздних единиц измеряется линиями справа от *переменного тока* и параллельно ему, которые становятся короче по мере увеличения количества единиц. ED является продуктом последней единицы измерения. В каждом случае мы приписываем приращению труда любое количество продукта, которое его присутствие добавляет к тому, что было создано ранее.

Краткое изложение основных фактов. Следовательно, следует помнить следующие факты: во—первых, капитал остается неизменным по величине, хотя формы его изменяются по мере увеличения числа единиц труда; во-вторых, то, что мы называем продуктом единицы труда, - это то, что эта единица, поступая в поле без какого-либо капитала, может добавить к продукту труда и капитала, которые были там раньше; и в-третьих, этот специфический продукт труда уменьшается по мере увеличения количества труда, делая продукт последней единицы наименьшим из всех. Когда работает десятая и последняя единица, каждая из девяти предыдущих единиц сама по себе производит не больше, чем последняя, хотя раньше она производила больше из-за большей доли капитала, которым она ранее снабжалась.

Проверка конечной производительности.— Сейчас в работе задействовано десять единиц капитала и десять единиц рабочей силы, и мы не можем пройти процесс наращивания рабочей

силы с самого начала. Как же тогда мы измеряем истинный продукт одной единицы труда? Отказываясь от этой единицы, мы позволяем промышленности развиваться с помощью всего капитала и тем самым сокращаем количество одной единицы труда. Какую бы из десяти единиц труда мы ни забрали, мы оставляем работающими только девять. Если формы капитала изменятся таким образом, чтобы позволить девяти единицам использовать его с выгодой, продукт не уменьшится до девяти десятых своего прежнего размера, но он все равно уменьшится; и величина уменьшения измеряет количество продукта, которое может быть отнесено к одной единице чистого труда. Или же мы можем добавить определенное количество рабочих к уже действующей социальной силе, не внося никаких изменений в величину капитала, — хотя и изменяя его формы, — и посмотреть, сколько дополнительного продукта мы получим. Это также проверка конечной производительности. Это дает те же результаты, что и эксперимент с удалением небольшой группы людей и наблюдением за тем, насколько сильно сжимается продукт. В любом случае мы измеряем сумму, которая в целом относится к чистому труду, а не к капиталу.

Вся площадь BCD на диаграмме представляет собой количество продукта, которое относится к капиталу, а не к труду. Он представляет собой общий избыток, произведенный трудом и капиталом, по сравнению с суммой, которая может быть отнесена только к труду. Продукт всего капитала и всего труда за вычетом десятикратного продукта отдельной единицы труда — это сумма, которая относится только к производственному фонду.

Площадь $ABDE$ представляет эту величину. Последняя единица труда создает количество DE , а количество единиц представлено количеством AE . Все они теперь одинаково производительны, и то, что все создают, помимо того, что создает капитал, — это количество $ABDE$.

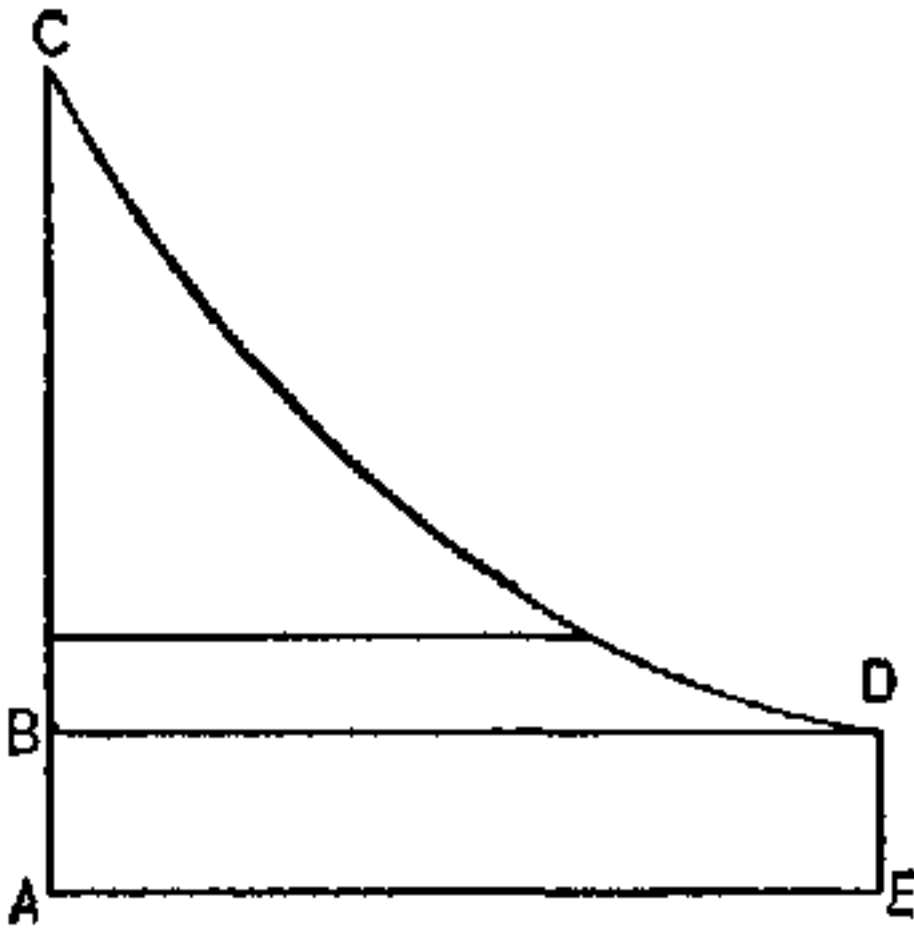
Практически используется только Заключительная часть этого Способа сбора Рабочей Силы.—Процесс создания рабочей силы из одной единицы является воображаемым. В практической жизни мы видим этот процесс только на его заключительной стадии. *Предпринимателям* действительно постоянно приходится проверять эффект от увеличения или уменьшения своих рабочих сил, и при этом они проверяют конечную производительность труда; и это все, что необходимо. Отслеживание процесса наращивания рабочей силы от единицы к единице выявляет важный закон, а именно закон уменьшения производительности отдельных единиц труда по мере увеличения их количества. Если мы наполним мир людьми, но не увеличим пропорционально количество всевозможных рабочих приспособлений, мы сделаем рабочую силу беднее.

Почему Отряд Рабочих, а не Один Человек, рассматривается как Единица Труда.— При формировании рабочей силы мы могли бы рассматривать каждого человека как единицу; но мы предпочли называть отряд единицей, чтобы сохранить симметрию рабочей силы. Даже если бы мы изучали только одну фабрику, у нее были бы свои отделы, и было бы желательно, чтобы, когда мы увеличим штат сотрудников, мы могли без труда выделить каждой части фабрики ее справедливую долю новых рабочих. Если бы это была обувная фабрика, нам нужно было бы добавлять последние детали, прорези, швы для верха и т.д. Определенным пропорциональным образом, чтобы одна часть фабрики не опережала другую и не накапливала незаконченную продукцию быстрее, чем ее можно было бы взять и завершить.

В конечном счете закон применим ко всей отрасли общества. Последняя единица в данном случае состоит из сапожников, прядильщиков хлопка, строителей, литейщиков, шахтеров,

культиваторов и т.д., А также из людей всех подотраслей, включенных в общие профессии. Когда составные подразделения выходят на поле боя, они распределяются между всеми представленными профессиями, и это тоже в четко выверенных пропорциях. В свое время мы увидим, как на практике осуществляется это выравнивание различных долей общественной рабочей силы.

Закон конечной производительности, применимый к Трудом общества.—Закон конечной производительности применим к каждой фабрике, цеху или шахте в отдельности. Если ее капитал остается неизменным в количестве, единицы труда производят все меньше и меньше по мере того, как их становится все больше. Продукт любого подразделения в любой момент времени можно измерить, убрав его и посмотрев, насколько сократилась производительность предприятия. Закон, однако, распространяется на все фабрики, магазины, шахты и т.д., рассматриваемые как социальный комплекс рабочих заведений. По мере того как рабочее общество становится больше, не становясь богаче в совокупности, способность рабочей силы производить товары всех видов уменьшается. В любой момент времени эта производящая сила измеряется путем изъятия из каждого работающего предприятия некоторого количества его сотрудников и установления того, насколько меньше производится после изъятия. Такой тест на социальной шкале никогда не проводится сознательно. Каждый работодатель может приблизительно образом проверить эффект сокращения своей собственной рабочей силы и эффект постепенного ее увеличения, и на работе существуют факторы, которые приводят к расширению одной отрасли при расширении других и к тому, что конечная производительность труда становится одинаковой во всех. Производитель обуви может в общих чертах сказать, сколько ему будет стоить лишний человек или два. На опыте можно определить, какое количество обуви этот дополнительный труд добавит за год к выпуску обувной фабрики или сколько тонн стали это добавит к текущей годовой производительности печи. Когда эти продукты различаются в разных магазинах, мужчины привлекаются к тем точкам, где очевидные дополнения являются наибольшими, и постоянная тенденция направлена на повышение производительности. Нарращивание воображаемой силы с самого начала представляет ясным и выразительным образом тот факт, что удельная производительность труда растёт меньше по мере того, как, при прочих равных условиях, рабочих становится все больше. Мы должны знать на *априорных* основаниях, что это должно быть фактом; но мы можем проверить это путем наблюдения и статистического исследования. Там, где людей много, а земли и орудий труда не хватает, труд сравнительно непроизводителен; и он высокопродуктивен там, где земли и орудий труда много. Нет сомнений в том, что перенаселение мира людьми без пропорционального обеспечения мира капиталом привело бы к обнищанию всех, чей доход зависит от труда.

Закон заработной платы.—Несмотря на то, что рабочая сила создает сумму $ABDE$, пока не совсем ясно, сможет ли она получить эту сумму. Насколько нам теперь известно, *предприниматель* может сохранить часть этого, и насколько нам известно, он может сохранить часть количества BCD , которое явно является продуктом капитала. Давайте посмотрим, может ли он в действительности удержать какую-либо часть $ABDE$, которая является продуктом труда.

Заработная плата в условиях совершенной конкуренции.—В статичном состоянии, которое мы приняли, конкуренция работает беспрепятственно. В реальном мире это работает иначе, и в свое время мы примем во внимание препятствия, с которыми оно сталкивается; но то, что мы сейчас изучаем, — это стандарты, которым такая конкуренция, какая существует, — а она на самом деле очень активна, — стремится привести заработную плату в соответствие. Мы хотим знать, что произошло бы, если бы это соревнование вообще не встретило никаких препятствий. Это потребовало бы, чтобы рабочий мог заставлять работодателей торговаться друг с другом за его услуги так же активно, как работодатель может заставлять работников торговаться друг с другом при продаже своих услуг. Если бы это было так, каждая единица труда могла бы получать то, что она производит, не больше и не меньше. Даже отдельный человек, предлагая себя одному работодателю за другим, фактически держал бы в руках потенциальный продукт для

продажи. Его приход на фабрику любого человека означал бы, что за год фабрика производит больше товаров; и если один работодатель не заплатит ему за них по рыночной стоимости, это сделает другой. Конечная единица общественного труда может получить при совершенно свободной конкуренции стоимость любых вещей, которые труд, рассматриваемый отдельно от капитала, создает для существования. Более того, каждая единица труда сама по себе теперь производит, как мы видели, то же количество товара, что и конечная единица, и может получить за нее цену. Теперь, когда все они работают вместе, каждый из них может занять место конечного подразделения, оставив свою нынешнюю работу и предложив свои услуги в другом месте.

Заработная плата, рассматриваемая как Цены на Дробные продукты, скорректированные в результате Совершенной конкуренции.—Согласно гипотезе совершенной конкуренции, как этот термин использовался в нашем обсуждении, продавцы товаров могут получать их рыночную стоимость. Эти ценности устанавливаются законом конечной полезности. Таким образом, свободная конкуренция означает не только то, что любой средний рабочий, предлагающий себя по найму, фактически несет в своих руках потенциальный, но определенный продукт для продажи, но и то, что он может уверенно предлагать его по цене, которая определяется его конечной полезностью. Как и другие торговцы, рабочий может получить истинную ценность своего продукта и не может получить больше. В идеально совершенном обществе, организованном по принципу конкуренции, человек был бы так же зависим от своей собственной производительной силы, как если бы он был один в дикой местности. Его зарплата была бы его продуктом, но она была бы бесконечно больше, чем могла бы быть в дикой местности или в любом примитивном государстве. Капитал других людей и организация, которую они поддерживают, позволяют рабочему создавать и получать гораздо больше, чем он мог бы, если бы жил один, даже если бы, подобно Крузо, он был монархом всего своего окружения. Для рабочего было бы проигрышной сделкой отказаться от продукта простого труда в состоянии цивилизации в обмен на то, что труд и капитал создают в состоянии дикости.

СНОСКИ

[1] *Предприниматель* из А нашего списка должен купить А, чтобы придать ему ту полезность, которая является его собственным особым вкладом. Он выплачивает в виде заработной платы и процентов все, что получает за этот вклад. Истинный продукт *предпринимателя* - это не вся цена А, а разница между ней и ценой А. Вся сумма, полученная за А, преобразуется в заработную плату, проценты и стоимость А; но, как правило, цена А практически преобразуется только в заработную плату и проценты, и когда это происходит, все, что уплачивается за А, в конечном счете принимает эти формы. То же самое можно сказать и о готовом продукте А. Вся цена на него в конечном счете сводится к заработной плате и процентам; и, говоря о продукте целой группы, нам не нужно делать никаких оговорок в отношении сырья.

Случай, в котором это утверждение требует уточнения, - это когда материал в его наиболее разреженном состоянии все еще имеет ценность, как в случае с рудой и нефтепродуктами, содержащимися в земле, но не являющимися настоящей частью земли в экономическом смысле, поскольку они истощаются при использовании. Цена продукта, в который входят эти элементы, включает нечто, представляющее ценность, которую они имеют *на месте* и до того, как на них был затрачен какой-либо труд. Даже в этих случаях верно, что стоимость продукта

измеряется в терминах заработной платы и процентов, при условии, что истощаемые элементы, такие как руда, нефть и т.д., Могут быть восполнены, или при условии, что эффективная замена им находится в процессе производства с помощью труда и капитала. Тогда естественное сырье стоит столько, сколько стоит искусственный заменитель с точки зрения капитала и рабочей силы, а готовый продукт, содержащий некоторое количество природного материала, продается за сумму, которую стоит готовый продукт, который в целом производится трудом и капиталом, применяемыми к не имеющим ценности элементам природы.

ГЛАВА IX

ЗАКОН ИНТЕРЕСА

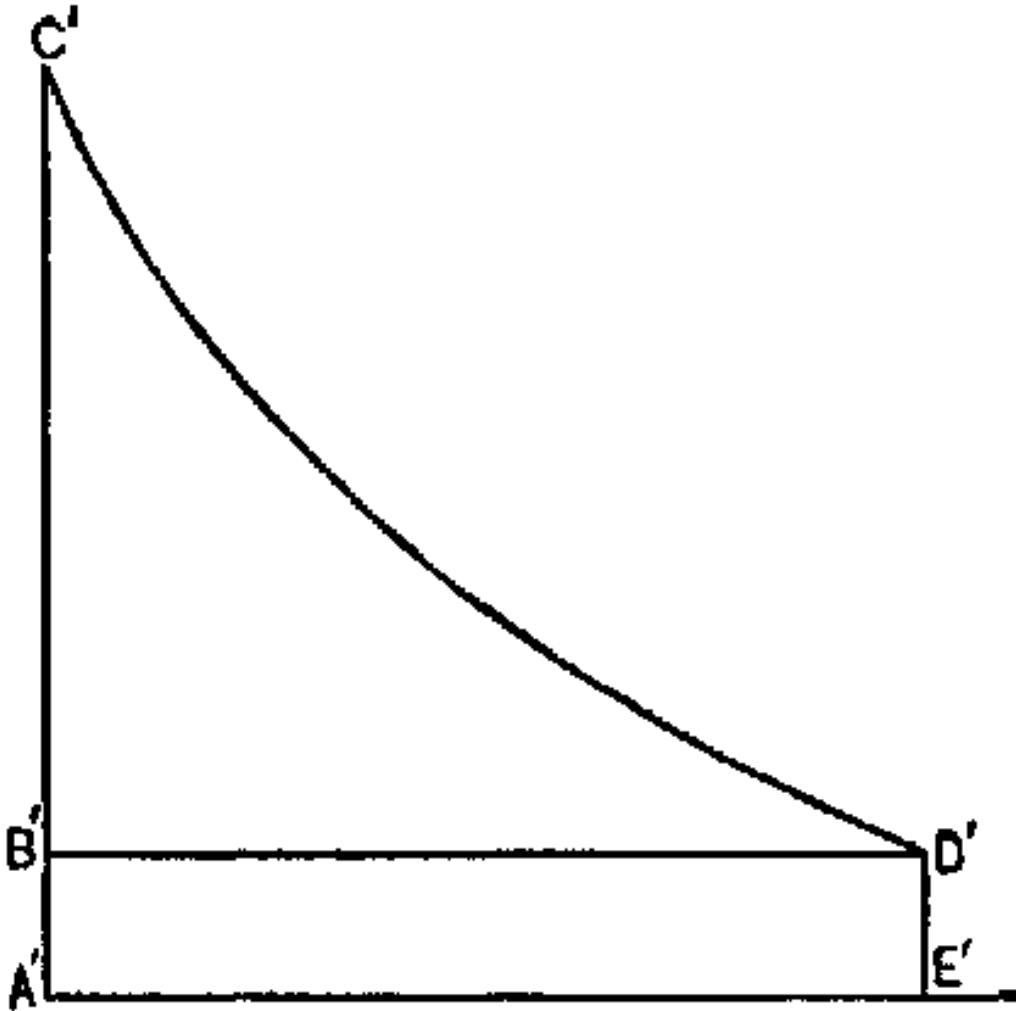
Продукт конечной единицы труда — величина, которая на практике измеряется без какого—либо отслеживания предыдущего роста рабочей силы, - устанавливает стандарт ставки заработной платы. Теперь мы должны увидеть, что норма процента имеет аналогичную основу; и все же стоит создать, исключительно в воображении, фонд капитала, точно так же, как мы создали рабочую силу, шаг за шагом. Это будет иметь побочный эффект, поскольку проиллюстрирует другой способ определения заработной платы.

Проценты как остаточная сумма.— Площадь BCD на нашем предыдущем рисунке представляет собой разницу между общим продуктом отрасли и заработной платой, выплачиваемой рабочим. Если *предприниматель* получает чистой прибыли, эта область должна представлять интерес. Это то, что остается капиталисту при условии, что он и рабочий вместе получают все, что есть. Если товары продаются по той цене, по которой они стоят, это должно быть фактом, и сумма, представленная BCD , таким образом, должна идти в капитал, поскольку, согласно правилу исключения, она не может перейти ни к *предпринимателю*, ни к рабочему. Мельница и ее содержимое не приносят своему оператору ничего, кроме простых процентов с тех денег, которые они стоят. Оплата труда рабочих удовлетворяет первое требование на продукт, и тогда продукта остается ровно столько, чтобы оплатить оставшееся требование, требование капитала.

Все еще остается открытым вопрос, каким образом капиталист, если он отличается от *предпринимателя* или оператора фабрики, может заставить этого чиновника отдать ему все, что у него есть на руках, после выплаты заработной платы.

Важность остатка.—Приведенное выше рассуждение неудовлетворительно не показывает, какое влияние может использовать капиталист, чтобы заставить *предпринимателя* выплатить ему всю сумму остатка. Это показывает, что после выплаты заработной платы у *предпринимателя* останется определенная сумма, но пока неясно, как капиталист может получить ее от него. Тот факт, что рабочие получают только сумму, представленную $ABDE$, и что вся сумма равна $ACDE$, однако, по крайней мере, показывает, что у *предпринимателя* на руках остается сумма BCD , и что он *способен* выплатить эту сумму капиталисту, если капиталист сможет заставить его это сделать каким-либо призывом к конкуренции.

Проценты не определяются по остаточному принципу. — Дело в том, что проценты на капитал фиксированы точно так же, как и заработная плата за труд.

Мы позволим другой цифре представить весь продукт того же количества труда и той же суммы капитала, которые были представлены в первом случае. Мы предположим, что с самого начала существует полная рабочая сила и что никакие люди не добавляются к ней и не отнимаются от нее; но мы будем постепенно вводить единицы капитала вместо единиц труда, как в первом случае. Величина капитала теперь представлена строкой AE , а произведение первой его единицы - строкой AC . Произведение последовательных единиц уменьшается вдоль кривой CD . Затем конечная единица капитала создает сумму богатства, представленную ED . Поскольку каждая другая единица теперь производит ту же сумму, капитал в целом создает величину, представленную $ABDE$, и каждая его единица вносит свой отдельный вклад в эту сумму. В этом мы просто применили к капиталу и его доходам принцип, который мы ранее применяли к труду и его доходам.

Общая форма закона конечной производительности. Этот принцип является законом конечной производительности, одним из тех универсальных принципов, которые управляют

экономической жизнью на всех ее стадиях эволюции. Любой из двух промышленных агентов, используемый в возрастающих количествах в связи с фиксированным количеством другого агента, подчиняется закону убывающей отдачи. Последняя единица увеличивающего агента производит меньше, чем предыдущие единицы серии. Это не означает, что в любой момент времени одна единица производит меньше, чем другая, поскольку в любой момент времени все они одинаково производительны. Это означает, что десятый агрегат производит меньше, чем девятый, *когда использовалось всего девять*, и что девятый агрегат ранее производил меньше, чем восьмой, на той еще более ранней стадии процесса, *когда использовалось только восемь, и т.д.* Если бы производительное богатство Соединенных Штатов составляло всего пятьсот долларов на душу населения вместо более чем вдвое большей суммы, проценты были бы выше, чем есть, потому что производительная сила капитала стоимостью в каждый доллар была бы больше, чем производительная сила капитала стоимостью в каждый доллар сейчас; и, с другой стороны, если мы будем продолжать накапливать состояния, большие и малые, пока в стране не будет двух тысяч долларов на каждого мужчину, женщину и ребенка населения, проценты упадут, потому что производительная сила капитала стоимостью в доллар станет меньше, чем сейчас.

Как конкуренция фиксирует процент.—Теперь мы можем видеть, как получается, что капиталист может заставить *предпринимателя* выплатить ему сумму, оставшуюся у него на руках после выплаты заработной платы. Каждая единица капитала, которую кто-либо предлагает в аренду, обладает производительной силой. Она может вызвать к существованию определенное количество товаров. Предложение этого любому *предпринимателю* - это фактически предложение свежих поставок тех видов товаров, которые он производит для продажи. Одолжив десять тысяч долларов производителю шерсти, вы на самом деле продаете ему то количество ткани, которое произведут десять тысяч долларов, вложенных в его оборудование. Предоставление ста тысяч долларов производителю стали - это займы, чтобы позволить ему каким-то образом усовершенствовать свое оборудование, фактически означает продажу ему дополнительного количества тонн стали, слитков или рельсов, которые он может производить благодаря присоединению к своему заводу.

Значение свободной конкуренции.—Теперь предложение капитала может быть сделано любому *предпринимателю* в конкретной отрасли, и существование свободной конкуренции между этими *предпринимателями* подразумевает, что кредитор капитала может получить от того или иного из них всю стоимость продукта, который способен создать этот капитал. Единица капитала в сталелитейном бизнесе может производить n тонн стали в год, и если один работодатель не заплатит цену n тонн за ссуду, это сделает другой. Это, действительно, подразумевает абсолютно свободную конкуренцию; но таково условие проблемы, которую мы должны решить в первую очередь. Когда мы знаем, к чему в идеале приведет активная конкуренция, мы можем измерить последствия препятствий, с которыми на практике сталкивается конкуренция.

Конкуренция за капитал между различными отраслями промышленности.—Капиталист может прибегнуть к помощи конкуренции за пределами одного конкретного бизнеса. Он может предложить свой заем сталелитейщикам, производителям шерсти, прядильщикам хлопка, ткачихам шелка, сапожникам и т. Д. В каждой из этих отраслей совершенная конкуренция между различными работодателями даст ему ту ценность продукта, которую в данном бизнесе способен создать его капитал. Если, однако, то, что таким образом он предлагает людям одной

профессии, стоит больше, чем то, что он предлагает людям другой профессии, — если капитал для производителей стали стоит больше, чем для прядильщиков хлопка, — он найдет рынок сбыта для своего капитала в первой отрасли; и этот процесс поиска занятия, в котором капитал более производителен, и предоставления там ссуд капитала будет продолжаться до тех пор, пока не будет устранен всякий подобный локальный избыток производительной силы и капитал не сможет производить столько богатства в одном бизнесе, сколько он может в другом. Тогда капитал повсюду будет производить и получать одинаковую сумму, и общий процент повсюду будет определяться принципом конечной производительности, действующим во всем деловом мире.

Когда Процент, определяемый непосредственно, равен проценту, измеренному по остаткам. — Площадь *BCD* на первом рисунке измеряет то, что у *предпринимателя* осталось после выплаты заработной платы. Эту сумму и не более того он может выплатить в качестве процентов, и он выплатит ее, если потребуются. Площадь *ABDE* второй цифры представляет то, что он должен заплатить в качестве процентов; и теперь мы можем видеть, что, если конкуренция совершенно свободна, эта сумма равна сумме *BCD* первой цифры. Если после выплаты заработной платы в руках *предпринимателя* остается больше, чем конкуренция вынуждает его выплачивать в виде процентов, он получает чистую прибыль; он продает свои товары дороже, чем они ему стоят, а это, как мы видели вначале, является условием, которое при совершенной конкуренции продолжаться не может. Естественная цена товара - это себестоимость. Если рыночная цена чего-либо превышает себестоимость, *предприниматели* получают прибыль, и для того, чтобы вести больше бизнеса и получать большую совокупность такой прибыли, они привносят в свою отрасль новую рабочую силу и капитал. Увеличение объема производства снижает цены, и, таким образом, избыточная прибыль отнимается у *предпринимателя*. Если *BCD* меньше, чем *ABDE*, *предприниматель* несет убытки и сворачивает свой бизнес, а часть рабочей силы и капитала пускает туда, где они могут производить больше.

Изъятие этого остатка дохода у *предпринимателя* посредством увеличения выпуска товаров и снижения цен на них не уничтожает доход, а отдает его другим получателям; поскольку снижение цены, которое уничтожает прибыль работодателя, может быть достигнуто только таким образом, который приносит пользу потребителям. Это означает то расширенное производство, о котором мы только что говорили, которое распространяет больше товаров по всему сообществу и обеспечивает увеличение реальных доходов как рабочих, так и постоянных инвесторов.

Эффект совершенной мобильности труда и капитала. — Совершенная мобильность труда и капитала гарантирует, что весь остаток в руках *предпринимателя* после выплаты заработной платы перейдет к капиталисту. Здесь мы снова сталкиваемся со статичным законом, согласно которому при беспрепятственной конкуренции *предприниматель* как таковой ничего не может оставить себе; хотя, если он еще и рабочий, он будет получать заработную плату, а если он еще и капиталист, он будет получать проценты. Его бизнес будет выплачивать заработную плату за все виды труда, включая управленческий, и проценты со всего капитала, включая его собственный. Чистой прибыли сверх всего этого он себе не позволит, и все, что у *предпринимателя* останется после выплаты заработной платы, ему придется использовать для выплаты процентов, и *наоборот*. Рабочим и владельцам капитала приходится, так сказать,

забирать остатки друг у друга. Такова ситуация в идеально статичном состоянии, хотя мы увидим, как она меняется в реальном и прогрессивном обществе.

Площадь BCD первой фигуры в статических условиях в точности равна площади $ABDE$ второй фигуры, потому что $ACDE$ представляет весь продукт, BCD на первой фигуре представляет все, что от него остается после выплаты заработной платы, измеряемой $ABDE$; и мы знаем из доказательств как теоретических, так и практических, что капиталист, доля которого непосредственно выражается $ABDE$ второй фигуры, может претендовать на всю эту сумму и получить ее.

Заработная плата как остаток.—Ясно, что те же рассуждения применимы и к заработной плате. На втором рисунке они представлены в виде остатка. Площадь BCD представляет собой то, что у *предпринимателя* осталось после выплаты процентов, и никто не может получить эту сумму, кроме наемного работника. Причина, однако, по которой наемный работник может получить его, заключается в том, что свободная конкуренция даст ему сумму, *равную* первой цифре, а это, при совершенно статичных условиях, должно равняться BCD второй. В условиях совершенной конкуренции *предприниматель* не может иметь любое количество $BХД$ осталось в руках после встречи утверждает, что наемный работник производит на него. С другой стороны, у него должно остаться достаточно средств, чтобы выплачивать проценты, поскольку в противном случае он понес бы убытки, а это не могло не вынудить его и других, находящихся в такой же ситуации, сократить свои операции или выйти из бизнеса. Если выпуск товаров сократится либо из-за ухода на пенсию некоторых работодателей, либо из-за сокращения выпуска продукции всеми, цена того, что продолжает продаваться, повысится до уровня, при котором можно будет выплачивать заработную плату и проценты.

Заработная плата и проценты регулируются с учетом общественных пределов производства.—Следует отметить, что заработная плата и процент фиксированы на уровне общественной границы производства, что означает, что они равны тому, что могут произвести соответственно труд и капитал, добавляя себя к силам, уже работающим в общей сфере занятости. Выдвигая предположение, что в силу какого-либо тревожного факта у конкретного *предпринимателя* после выплаты заработной платы недостаточно средств для выплаты процентов, мы предполагаем, что таким образом процентная ставка фиксирована в общей сфере, а не только в его учреждении.

Если бы BCD был больше, чем $ABDE$, *предприниматель* продавал бы товары дороже себестоимости и получал бы чистую прибыль, чего он не может сделать в статичном состоянии; но чистая прибыль не только возможна, но и актуальна в динамичном состоянии.

В реальном бизнесе общая прибыль, представленная $ACDE$, превышает сумму, представленную $ABDE$ (заработная плата) плюс $ABDE$ (проценты). Существуют условия, которые в практической жизни постоянно приводят к тому, что это происходит в различных сферах бизнеса, хотя и не во всех из них сразу. Реальный мир динамичен, и поэтому истинная чистая прибыль, или доля *предпринимателя* в строгом смысле этого термина, является положительной величиной. Этот доход всегда определяется по остаточному принципу. Это остаток и ничего больше. Это то, что остается, когда заработная плата и проценты выплачиваются из общего продукта.

Предприниматель определяет цену продукции, создаваемой отраслью. Из этого он выплачивает заработную плату и проценты, и очень часто у него что-то остается. Нет другого способа определить эту прибыль, кроме как в виде остатка. Доход от продажи продукта

представляет собой положительную сумму, установленную принципом конечной полезности. Заработная плата и проценты - это положительные величины, и каждая из них определяется принципом конечной производительности. Разница между первой суммой и суммой двух других составляет прибыль, и она никогда не определяется никаким другим способом, кроме как путем вычитания затрат из валового дохода. Это единственная доля в распределении, которая определяется таким образом. *Прибыль* предпринимателя и остаточный доход являются синонимичными терминами. В статичном государстве такого остаточного дохода не существует, но в динамичном обществе он никогда не отсутствует. Каждый *предприниматель* получает какую-то прибыль или несет убытки, и в обществе в целом прибыль значительно преобладает.

Краткое изложение фактов, касающихся статической корректировки заработной платы.— Таким образом, мы знаем, что в любой отрасли заработная плата и проценты поглощают весь продукт, потому что любое отклонение от этого правила в определенной группе корректируется вышеупомянутым способом. Более того, общая заработная плата и проценты, определяемые законом конечной производительности, должны равняться этим доходам, когда они определяются остаточно. Площадь прямоугольной части одного из приведенных выше рисунков должна равняться площади трехсторонней части другого. Возникает вопрос, почему все *предприниматели* не могут получить одинаковую прибыль сразу. Это не привело бы к переману рабочей силы или капитала из одной группы или подгруппы в другую. Если после выплаты заработной платы и процентов по рыночным ставкам у *предпринимателей* в каждой отрасли что-то остается, весь труд и капитал производят больше, чем они получают, и у менеджеров и капиталистов появляется стимул уйти от своих нынешних работодателей и стать *предпринимателями* за свой счет. Такой *предприниматель*, выходящий на поле, забирающий предельную рабочую силу и капитал у *предпринимателей*, которые уже там, и объединяющий их на новом предприятии, может заставить их производить больше, чем ему придется им платить, и прикармливать разницу. Если бы такое условие было реализовано, было бы выгодно открывать новые предприятия, поскольку переманивать маргинальных агентов и объединять их в новых заведениях всегда было бы выгодно. Когда мы введем в проблему динамические элементы, мы увидим, что централизация, которая делает магазины больше, а не меньше, делает отрасли промышленности более производительными, и что то, что происходит при появлении чистой прибыли, чаще всего является расширением одного предприятия, чем созданием новых. *Предприниматели* на крупных предприятиях могут позволить себе сопротивляться попыткам других переманить часть рабочей силы или капитала, которые они используют, и они будут делать это ради сохранения своей прибыли. Они могут сделать это, участвуя в торгах друг с другом, на случай, если кто-либо из них пристраивает свои фабрики или магазины, а также участвуя в торгах с любыми новыми работодателями, которые могут появиться. Совершенная конкуренция требует, чтобы эти торги за рабочую силу и капитал продолжались до момента, когда прибыль будет уничтожена. Здесь, как и везде в чисто статической части обсуждения, мы должны сделать предположения, которые носят строго теоретический характер и безжалостно упускать из виду тревожащие элементы, которые появляются в реальной жизни. Статичное состояние требует, чтобы все *предприниматели*, которые выдерживают острые испытания конкуренцией, имели одинаково производительные предприятия, что означает, что все они должны быть в состоянии получить одинаковое количество продукта при заданном количестве труда и капитала. Фактический факт таков, что различия в производительной силе все еще сохраняются. Есть несколько небольших

предприятий, которые в пределах небольших сфер, в которых они действуют, столь же продуктивны, как и крупные; но есть также такие, которые безнадежно борются с крупными конкурентами на общем рынке и которым вскоре суждено выйти из соперничества. Другими словами, централизующие и нивелирующие эффекты конкуренции приблизительно оценены, но никогда полностью не реализуются в реальной жизни.

Следует отметить, что проверка конечной производительности производится неточно, когда в основу измерения берутся неоправданно большие объемы труда и капитала. Отнимите, например, четверть рабочей силы, оцените сокращение продукта, вызванное этим изъятием, и полностью отнесите эту потерю на счет отнятого труда, и вы оцениваете ее слишком высоко. При столь значительной изъятости части рабочей силы капитал работал бы в невыгодных условиях, и отчасти сокращение продукта было бы связано с этим фактом. Если бы мы забрали всю рабочую силу, капитал был бы полностью парализован, и продукт стал бы нулевым. Очевидно, было бы неточно утверждать, что весь продукт приписывается труду на том основании, что изъятие труда уничтожает все это. Поскольку любая большая часть труда рассматривается как единое целое, потери продукта, вызванные изъятием такой единицы, больше, чем может быть точно отнесено к ней как к ее конкретному продукту. Чем меньше делаются приращения или единицы измерения, тем менее важен этот элемент неточности, и он становится совершенно незначительной величиной, когда они становятся очень маленькими. Изучение форм кривых производительности покажет, что если мы примем за приращение труда, затраченного на проведение теста, только десятую часть всей силы, мы преувеличим вменяемый ему продукт на очень малую долю, скажем, менее чем на сотую долю; и если мы примем сотую часть труда за конечную единицу, мы преувеличим продукт, который приписывается исключительно ему, на величину настолько малую, что это не имеет значения ни на практике, ни в любой теории, которая пытается быть применимой к практике.

Может возникнуть вопрос о том, правы ли мы, утверждая, что *прибыль* предпринимателя является остаточной, учитывая тот факт, что весь продукт бизнеса находится во власти руководства, так что плохой менеджер может уменьшить ее, а хороший - увеличить. Далее можно утверждать, что та часть управления бизнесом, которая заключается в принятии наиболее далеко идущих решений, не может быть безопасно доверена наемному суперинтенданту или другому высокооплачиваемому должностному лицу и должна получать отдачу, если вообще получает, в виде прибыли. Даже в этом случае прибыль обеспечивается за счет увеличения валовой прибыли, которая в данном случае является минимумом, оставляя две вычитаемые суммы, заработную плату и проценты, неизменными и, таким образом, создавая остаток. Позже мы увидим, в какой степени *предприниматели* на самом деле создают получаемую ими прибыль.

Полностью статичная концепция общества требует, чтобы в отрасли не осталось ни одного *предпринимателя*, который не может бесконечно отстаивать свои права перед конкуренцией своих соперников, а это требует существенного равенства производительной силы со стороны всех них. Однако нет необходимости, чтобы все они работали в равной степени, поскольку интересной особенностью современной жизни является потребность во множестве небольших производственных предприятий, удовлетворяющих местные запросы, которые, не будучи местными, требуют лишь нескольких предметов определенного вида. Ремонтные работы, мелкие заказы и особые поручения выполняются дешевле на небольших предприятиях, и они выживают в соответствии с тем самым правилом существенного равенства

производительных сил, которого требуют статические условия. Для обслуживания общего рынка и производства основных товаров крупное предприятие имеет решающее преимущество, и это обеспечивает централизацию, которая является характерной чертой современной промышленной жизни.

ГЛАВА X

АРЕНДА

Термин "Рента" в том виде, в каком он использовался исторически.— Слово аренда имеет поразительную историю. Наука политической экономии впервые сформировалась в стране, в которой непосредственные наниматели рабочей силы, как правило, не были владельцами большого количества земли. Фермеры, торговцы и многие фабриканты нанимали землю и предоставляли только вспомогательный капитал, который был необходим для ее использования. Таким образом, на практике доходы от земли были отделены от доходов от капитала в других формах, поскольку они поступали к другому классу лиц; и в представлении людей плата, взимаемая за использование простой земли, стала составлять уникальный вид дохода. Если бы в течение прошлого столетия земля в Англии была в высшей степени коммерческим товаром, и если бы *предприниматели* не нанимали ее, а покупали и владели ею, как они покупали и владели всеми другими производственными инструментами, маловероятно, что земля рассматривалась бы, либо в практической мысли, либо в науке, как вещь, которую следует столь же широко отличать от всех других капитальных благ. Деловой человек измерил бы свой постоянный фонд капитала в фунтах стерлингов и включил бы в эту сумму все, что он вложил в землю. Как в Америке любое представление капитала корпорации включает суммы, инвестированные всеми производственными способами, и это включает стоимость всей земли, которой владеет компания, так и в Англии, при аналогичной системе ведения бизнеса, любое заявление о размере конкретного коммерческого капитала включало бы все производительное богатство, вложенное в предприятие; и в любом заявлении о формах этого, помимо списка всех инструментов, зданий, незавершенных товаров и тому подобного, появился бы график цен на землю, которой владела и использовала компания. "Вкладывая капитал в свой бизнес", человек мог бы купить землю, "выводя свой капитал", он мог бы продать его; и земля тем временем была бы очевидным воплощением этой части его фонда. Таким образом, тот факт, что земля принадлежала одному классу лиц и сдавалась в наем другому, и что арендаторами были *предприниматели* или ее пользователи, побудил практическую мысль и речь выделить землю в отдельный класс.

Происхождение теории ренты.— Научная мысль мощно усилила эту тенденцию. Очень рано была получена формула для измерения земельной ренты, в то время как ни тогда, ни в течение длительного времени после этого не было найдено удовлетворительной формулы для измерения величины процента. Мужчины довольствовались утверждением, что процентная ставка зависит от спроса и предложения. В случае с арендной платой за землю можно было бы сказать то же самое, но здесь такое утверждение не было удовлетворительным с точки зрения психики, и исследователи попытались выяснить, почему спрос и предложение действуют таким образом, что фиксируют доход, который приносит земля, на определенном уровне.

Традиционная формула арендной платы. Формула, которая долгое время использовалась для измерения арендной платы за участок земли, хотя и носит имя Рикардо, обрела форму под руками нескольких более ранних авторов. В своей наилучшей форме этот принцип утверждает, что "рента с участка земли - это продукт, который может быть реализован путем приложения к нему труда и капитала, за вычетом продукта, который может быть реализован путем приложения того же количества труда и капитала к земле самого низкого качества, которая вообще обрабатывается". Количество беднейших земель должно быть оставлено неопределенным, и все, что данное количество труда и капитала может быть использовано экономически, должно быть оставлено в их распоряжении. Было бы неверно утверждать, что рента с *акра* хорошей земли равна ее продукту за вычетом ренты с *акра* самой бедной в обработке земли, обрабатываемой с теми же затратами труда и капитала. Если бы мы выбрали участок земли под пшеницу в Англии, возделываемый с большими затратами на работу, удобрения, дренаж и т.д., и попытались провести эксперимент с вложением такого же количества труда и капитала на участок одинаковой площади в самой отдаленной части Канады, мы обнаружили бы, что, хотя пшеницы недостаточно для оплаты счетов, которые мы должны понести в виде заработной платы и процентов, у нас не было бы достаточно, чтобы значительно помочь нам в покрытии этих затрат, и обработка этого участка земли была бы убыточным предприятием. Вместо того чтобы быть землей без ренты, приносящей просто заработную плату и проценты за труд и капитал, используемые в связи с ней, это была бы земля без ренты, вычитающая что-то из доходов, которые агенты, объединенные с ней, могли бы получить в другом месте. Чтобы вообще использовать такую землю, нужно обрабатывать ее так называемым экстенсивным, а не интенсивным способом, затрачивая на это небольшое, а не большое количество работы и расходов. Обрабатывая десять акров отдаленной и стерильной фермы с затратами труда и других затрат, равными затратам на очень хороший акр земли в Англии, человек, возможно, сможет получить достаточно для выплаты требуемой заработной платы и процентов. В целом безвозмездная земля обычно используется экстенсивно, а очень хорошая земля - интенсивно; и, формулируя старую формулу арендной платы, мы должны быть осторожны, чтобы она означала, что рента с хорошего участка представляет собой его общий продукт за вычетом продукта, который можно получить, если взять с хорошего участка труд и капитал, которые он сейчас поглощает, и пустить их в дело на участке самой бедной земли, который достаточно больше, чем хороший, чтобы позволить нам получить урожай, который будет стоить как раз той суммы заработной платы и процентов, которую мы должны выплатить. Большой размер бедного участка земли является необходимым условием.

Реальное значение формулы арендной платы. — Будет видно, что эта формула сводится к утверждению, что земельная рента - это то, что сама земля добавляет к предельному продукту труда и капитала. Вложите определенное количество труда и капитала в участок земли хорошего качества, и вы получите определенное количество продукта. Исключите землю из объединения, и вы заставите труд и капитал стать предельными приращениями этих агентов. Они должны пойти в другое место и получить то, что могут. Одна из альтернатив, которая открыта для них, заключается в поиске земель настолько низкого качества, что они ранее не использовали, и делают все возможное, чтобы получить из них продукт. Все, что они могут принести с такой земли, в экономическом смысле является полностью их собственным продуктом. Существует неопределенное количество такого рода земли, и где бы труд и капитал ни использовали какую-либо ее часть, они могут иметь все, что производят. Теперь, если мы

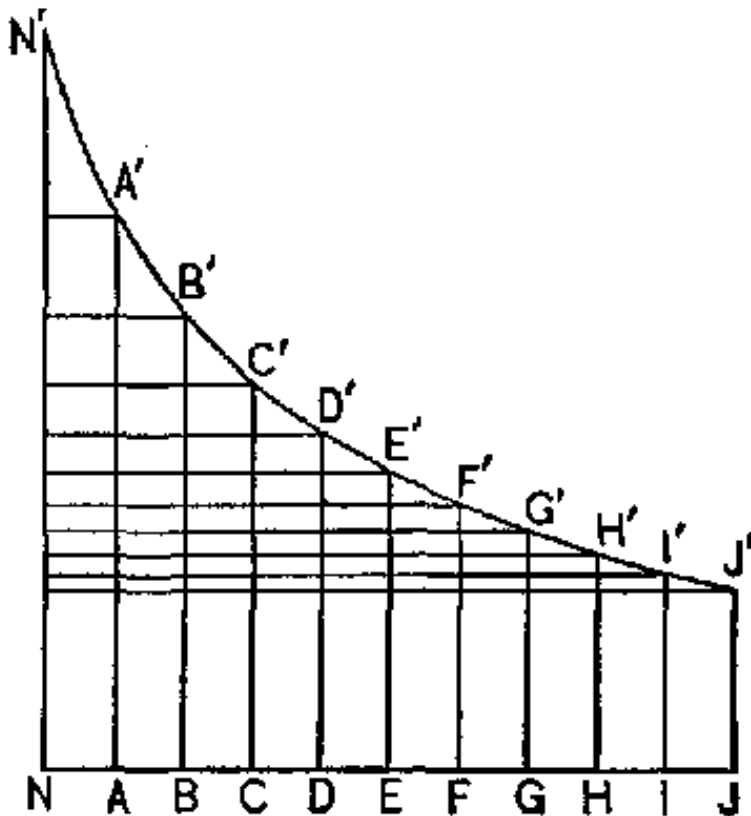
вычтем то, что они там создают, из того, что было создано, когда они работали на хорошей земле, мы получим арендную плату за эту землю.

Рента как Продукт, относящийся к Земле.—Разница между тем, что труд и капитал производят на пределе обработки земли, и тем, что они могут производить на хорошей земле или земле, которая находится в пределах этого предела, явно связана с качествами самой земли. Учитывая X единиц труда и Y единиц капитала, не объединяйте с ними землю, за исключением такой, которая слишком бедна, чтобы ее можно было использовать ранее, и вы получите определенный продукт. Это продукт труда и капитала, использующих что-то, что является бесплатным для любого человека. Теперь добавьте в комбинацию участок хорошей земли; к X единицам труда и Y единицам капитала добавьте участок продуктивной земли и посмотрите, что вы сможете создать. Мы делаем это, забирая эти единицы труда и капитала с бесполезных маргинальных земель и заставляя их обрабатывать те, которые более высокого качества. Продукт, конечно, получается больше, чем они получали раньше, и разница измеряется тем, что сама земля добавляет к продукции других агентов в комбинации. Истинная концепция ренты заключается в том, что земля вносит специфическую добавку к продукту других агентов, используемых в связи с ней. Существуют различные способы измерения этого прироста, но только что использованный метод, по крайней мере, покажет, что наличие хорошей земли является причиной избытка продукта, который при данных затратах труда и капитала обеспечивается по сравнению с тем, что они могли бы создать на земле самого низкого качества.

Рента как дифференцированный продукт.— В ранних положениях закона об аренде не было сказано, что арендная плата за участок земли является продуктом, конкретно относящимся к нему. Если бы это было так, велика вероятность того, что результатом стало бы гораздо более широкое и научное использование формулы арендной платы. Закон о арендной плате, как он был фактически сформулирован, предусматривал, что она состоит из дифференциальной суммы. Это было то, что данное количество труда и капитала произвело бы при одном наборе условий за вычетом того, что они произвели бы при другом. Поскольку единственное различие между этими двумя условиями заключается в наличии или отсутствии продуктивной земли, рента, даже в том виде, в каком она определяется таким образом, на самом деле представляет собой количество продукта, конкретно относящееся к земле. Это то, что создается, когда земля используется сверх того, что было бы создано, если бы она не использовалась, и если сотрудничающие агенты делали все возможное без нее. В качестве наиболее общей формулы для определения земельной ренты мы можем использовать вклад, который сама земля вносит в продукт общественного производства.

Если мы воспользуемся для измерения земельной ренты тем же методом, который мы использовали для измерения заработной платы и доходности капитала, мы представим ренту данного участка земли как сумму ряда дифференциальных величин. На прилагаемом рисунке вертикальные пояса, ограниченные линиями, поднимающимися от букв A , B , C и т.д., представляют продукты, реализованные путем приложения последовательных приращений труда и капитала к данному участку земли; а горизонтальные линии, идущие влево от A , B , C и т.д., отделяют заработную плату и проценты от сумм, которые последовательно добавляются к ренте. Когда работает одна составная единица труда и капитала, ее продукт и оплата труда измеряются отрезком между линией AA и линией NN . Вторая составная единица производит сумму, представленную областью между AA и BB , и это сумма, которую каждая отдельно

рассматриваемая единица произведет и получит в качестве своей оплаты. Таким образом, в качестве арендной платы за землю остается область между горизонтальной линией, идущей от B , и участком нисходящей кривой. Третья единица труда и капитала производит то, что представлено площадью между BB и CC , и это становится стандартом оплаты для всех единиц, оставляя увеличенную площадь над горизонтальной линией на уровне C в качестве арендной платы. В итоге получается десять единиц труда и капитала. Их общий заработок выражается площадью прямоугольника ниже горизонтальной линии, идущей от J , а сумма всех площадей выше этой линии равна арендной плате.

Интенсивный диапазон возделывания.— Обширная зона обработки - это земля, примыкающая к воображаемой пограничной линии, отделяющей участки земли, которые достаточно хороши для использования, от тех, которые слишком плохи для использования. Однако существует то, что можно назвать интенсивным пределом возделывания. Говорят, что данный участок земли обрабатывается все более интенсивно, когда на нем используется все больше и больше труда и капитала. Земля подчиняется так называемому закону убывающей отдачи.

Закон убывающей отдачи.— Чем больше труда и капитала вы задействуете на данном участке земли, тем меньше вы получите в качестве продукта за каждую единицу этих агентов. То, что последняя единица труда добавляет к предыдущему объему производства, меньше, чем было добавлено любой из других единиц, и то же самое верно для последней единицы капитала. По мере того, как мы продолжаем процесс увеличения рабочей силы и пополнения рабочего оборудования, мы достигаем точки, когда лучше перестать нанимать новых людей с их оборудованием для работы на этом участке земли и направить их работать на участок земли, настолько бедный, что раньше он вообще не использовался. Здесь мы можем предположить,

что то, в чем нуждается человек, в виде вспомогательного капитала, остается с ним, независимо от того, присоединяется ли он к рабочей силе, работающей на хорошей земле, или мигрирует в менее продуктивный регион. Он уйдет, если ему за это заплатят. Таким образом, мы создаем своего рода двойную единицу труда и капитала и применяем ряд таких единиц к земле.

Различают основной капитал и вспомогательный капитал.—Земля сама по себе является составной частью постоянного фонда производительного богатства, которому мы дали общее название *капитал*. Он отличается от других капитальных благ тем, что не изнашивается и не требует обновления. Рабочие приспособления, однако, по мере износа и замены составляют постоянный фонд вспомогательного капитала, и мы будем применять этот термин к постоянному запасу таких инструментов, за исключением случаев, когда прилагательное не требуется, поскольку ясно, что земля, или земельный капитал, не может быть отнесен к ним. В динамических исследованиях различие между землей и вспомогательным капиталом становится очень важным.

Как Интенсивная граница определяет местонахождение Экстенсивной. Рабочая сила и вспомогательный капитал, которые перемещаются на новые земли более низкого качества, представляют собой переток с лучших земель. Пока люди могут преуспевать, оставаясь там, где они есть, или мигрируя в новые регионы, где есть неполноценные земли, они будут оставаться; но когда они терпят убытки, оставаясь, они переезжают. То, что рабочий может создать, обеспечив использование оборудования и добавив себя к рабочей силе на какой-нибудь хорошей ферме, можно приблизительно оценить; и если где-то есть участок земли, который пока не используется, который он может убрать, и если, приступив к работе на нем, он сможет создать больше, чем он создал, работая на старой ферме и получая свою продукцию в качестве платы, он будет обрабатывать этот бедный участок. Но ни он, ни кто-либо другой не будет обрабатывать участок, который еще менее продуктивен. Если бы кто-то начал работать на земле еще более низкого качества, он бы проиграл, а не выиграл от перемены, поскольку там он производил бы даже меньше, чем может, когда он последний человек, работающий на хорошем участке.

В какой степени движение рабочей силы и капитала взаимозависимы. Ранние формулировки закона ренты обычно не определяли предел интенсивной обработки в связи с трудом и капиталом отдельно, но говорили об этих двух агентах как о совместно используемых на земле в количествах, возрастающих до предела, за которым и труд, и капитал лучше всего были бы использованы в другом месте. Предположение, что труд и капитал таким образом вместе переходят с одного сорта земли на другой, является лишь приблизительно точным. Если мы рассмотрим одного человека и производительное богатство стоимостью в пятьсот долларов как двойную единицу труда и капитала и добавим такие единицы, одну за другой, к силам, работающим на участке хорошей земли, мы достигнем точки, на которой будет невыгодно увеличивать количество одного из агентов, в то время как все еще будет выгодно увеличивать количество другого. Возможно, использование большего количества капитала не окупится, но увеличение числа работников все равно может окупиться. На земле, которая обрабатывается все более интенсивно, труд и капитал не связаны друг с другом в фиксированных пропорциях таким образом, чтобы, когда используется больше одного из них, *пропорционально* больше другого. Более того, когда подразделение одного из них покидает участок земли и отправляется в другое место, нет никакой вероятности, что точно такое же подразделение другого сделает то же самое. Действительно, не существует такой вещи, как двойная единица труда и капитала, о

которой можно было бы думать как о перемещении туда-сюда между различными видами деятельности до тех пор, пока она не достигнет точки, в которой, как двойная единица, она сможет создавать свой самый большой продукт. Эти два агента располагаются таким образом, что конечная единица каждого из них, рассматриваемая отдельно, производит там, где она находится, столько же, сколько может произвести где-либо еще.

Следует, однако, отметить, что количество труда, которое может быть с прибылью применено на участке земли, становится тем больше, чем больше капитала используется в связи с ним. Акр земли и вспомогательные фонды стоимостью в тысячу долларов могут позволить большему количеству людей получать хорошую прибыль, чем акр в сочетании с фондом в пятьсот долларов. И наоборот, чем больше мужчин работает в этом районе, тем больше вспомогательного капитала выгодно там использовать. Если на небольшом поле работают пять человек, то, возможно, в помощь им будет хорошо вложена тысяча долларов, в то время как при работе только с одним человеком было бы нецелесообразно использовать такую большую сумму. Капитал и рабочая сила как бы притягивают друг друга. Дополнительный капитал привлекает дополнительную рабочую силу, *и наоборот*, пока не будет достигнуто условие, при котором ни одна из них не может быть использована на этом конкретном участке земли так же хорошо, как в другом месте. Затем каждый из них использовался на этой территории до своего собственного предела интенсивности. Точно так же, когда один из этих агентов отправляется на окраинную землю, он привлекает туда другого агента. Когда на самом бедном участке земли в данной местности работают десять человек, можно вложить значительную сумму капитала, которая на данный момент выплачивает обычно преобладающую доходность, тогда как при работе всего пяти человек ее окупала бы лишь небольшая сумма. При тысяче долларов, вложенных в эту землю, перспектива справедливой прибыли привлечет туда больше рабочих, чем было бы привлечено туда, если бы капитала было вдвое меньше. Общее распределение обоих агентов, как правило, таково, что единица любого из них одинаково благополучна на одном участке земли, как и на другом, и каждый из них одинаково благополучен как на экстенсивном, так и на интенсивном уровне обработки земли.

Труд и капитал объединяются в различных количествах.— Количество капитала, которое объединяется с единицей труда, не часто бывает одинаковым на хорошей земле и на плохой. Пропорции, в которых труд и капитал будут объединены на маргинальном поле, почти наверняка будут отличаться от тех, в которых они были объединены на более выгодном поле, из которого они пришли. Возможно, они покидают отрасли, в которых средний человек использует оборудование стоимостью в тысячу долларов. Когда они достигнут предела развития, капитал может оказаться настолько скудным, что тысяча долларов не останется в руках одного человека, а разделится между несколькими.

Общий закон расширения границ возделывания.— Иногда, когда рабочая сила переезжает на новую землю, которая сейчас находится на окраине, она забирает с собой свое новое оборудование; но такие земли не всегда обрабатываются независимыми поселенцами. Нанимающие фермеров могут заставить людей работать на нем и платить им за все, что они производят; и фермеры могут предоставить людям свой собственный капитал или занять капитал для их использования. В любом случае статическое состояние требует выравнивания производительности труда при интенсивной марже с производительностью труда при экстенсивной марже; и это требует аналогичного выравнивания производительности капитала при обеих маржах. Когда это выравнивание произошло в обоих случаях, общий предельный

продукт труда устанавливает норму заработной платы, а предельный продукт капитала - норму процента. То, что человек создает на хорошей земле и с соответствующим капиталом или на плохой земле с соответствующим капиталом, — при любом занятии на земле любого сорта, — определяет оплату, которую он и другие люди могут получать. Она сама по себе составляет заработную плату за труд. Поскольку речь идет о перетоке труда и капитала в какую-либо одну ограниченную область маргинальных земель, полное утверждение таково: предел использования земли будет расширен до точки, в которой единица труда, *используя столько маргинальных земель, сколько это экономично использовать, и такое количество вспомогательного капитала, которое экономично сочетать с этой единицей труда и землей, которую она занимает, создаст продукт, равный заработной плате за единицу труда, поскольку они определяются продуктом, который она создала при использовании на хорошей земле и в связи с полным оснащением вспомогательного капитала.*

Аренда фонда капитала. Мы видели, что одна единица труда, применяемая в связи с данным количеством капитала, производит больше, чем вторая; что вторая производит больше, чем третья; и что, если мы продолжаем поставлять единицы по одной за раз, последняя единица в ряду производит меньше всего. Заработная плата определяется суммой, которую производит одна единица труда, когда рабочая сила завершена, и это то, что вносится в общий продукт единицей труда, которая стоит последней в воображаемом ряду, с помощью которого создается рабочая сила. Благодаря более благоприятным условиям, в которых в свое время работали более ранние установки, они смогли производить излишки, превышающие объем, произведенный последней. Когда они вышли на рынок, им было предоставлено чрезмерное количество капитала. Первому принадлежал весь фонд, пока он не должен был поделиться им со вторым; и после этого каждый получал по половине, пока им не приходилось делиться поровну с третьим, и т.д. Мы видели, что все излишки, возникающие в связи с более ранними единицами, в действительности относятся к капиталу. Площадь BCD (стр. 139) представляет величину, на которую наличие избытка капитала увеличивает продукцию, относящуюся к более ранним единицам труда. Он представляет собой сумму всех различий между продуктами предыдущих единиц и продуктом той последней единицы, которая в конечном итоге устанавливает стандарт производительности труда. Это можно было бы назвать рентой фонда капитала. Она состоит из суммы разниц, точно таких же, как те, которые составляют ренту за участок земли.

Арендная плата за постоянную рабочую силу.— На рисунке на странице 148 рабочая сила должна была быть фиксированной в количестве, капитал увеличиваться постепенно, или, как сказали бы некоторые более ранние экономисты, "дозами" вдоль линии AE . Последняя единица капитала производит количество DE , и весь капитал производит $ABDE$, в то время как продукты более ранних единиц капитала по мере того, как они последовательно поступают в поле и используются чрезмерно большой рабочей силой, представлены площадью BCD . Здесь эта территория представляет то, что можно назвать рентой рабочей силы, поскольку она представляет собой сумму излишков, которые, опять же, полностью аналогичны тем, которые составляют ренту за участок земли.

Вопрос номенклатуры.— Вопрос о том, могут ли эти излишки, которые, таким образом, относятся к постоянному фонду капитала, с одной стороны, и к постоянной рабочей силе, с другой, быть с выгодой названы рентой, может оставаться открытым с точки зрения простой номенклатуры. В этом трактате мы не считаем лучшим использовать эту терминологию. Что не

является несомненным, так это то, что эти выгоды измеряются с помощью той же формулы, которая измеряет ренту за участок земли. Если бы существенной чертой ренты было то, что она является материальным продуктом и состоит из суммы различных величин, эти доходы, безусловно, были бы рентой. Популярная мысль, однако, придает этому термину другое значение, и поэтому мы ограничиваемся утверждением, что эти дифференциальные доходы или излишки могут определяться в сумме по принципу ренты. Их можно описать и измерить точно так же, как рикардянцы описывали доход землевладельцев.^[1]

СНОСКИ

[1] Термин *рента* применялся даже к излишкам психологического характера. Определенные выгоды, которые получают люди, заключаются исключительно в удовольствиях, уменьшении боли или жертвоприношений, и некоторые авторы применили к таким субъективным выгодам термин *рента*. Если человек покупает бочку муки за пять долларов и получает от этого услугу, в сто раз превосходящую ту, которую он мог бы получить от какого-нибудь другого товара, который он покупает за ту же сумму, этот избыток удовольствия можно было бы назвать, образно выражаясь, "потребительской рентой"; и если бы суть ренты заключалась в том, что ее можно придать форме избытка или разницы, название было бы выбрано правильно, хотя существует опасность, что при таком использовании термина наука может отделиться от практического мышления и жизни. Если мы возьмем все бочки муки, которые человек использует за десять лет, то найдется одна, которая является маргинальной, потому что для человека она стоит ровно столько, чтобы компенсировать жертвы, которые он несет, добывая ее. Все остальные стоят больше. Мы можем расположить их по шкале в порядке их важности, причем наиболее необходимая услуга стоит на первом месте, а наименее важная - на последнем; и мы можем сравнить услугу, которую оказывает каждая из них, с услугой, оказанной последней, и измерить избыток пользы, которую каждая из них приносит пользователю. Здесь действует закон убывающей субъективной отдачи. Первые потребленные порции приносят больше удовольствия, чем последующие. В результате возникает ряд дополнительных выгод, и сумма всех этих дополнительных выгод составляет общую чистую выгоду, — это прибыль, которая не компенсируется компенсационными жертвами. Последняя бочка муки в списке стоит ровно столько, сколько она стоит, а все остальные стоят дороже. Они дают потребителю избыточное удовлетворение, за которое он ничего не платит. Сумма излишков обслуживания, оказанных всеми предыдущими бочками, составляет то, что было названо потребительской рентой, реализованной в данном случае из всего запаса муки, использованного человеком. По тому, как она понимается и измеряется, эта прибыль имеет родство с подлинной рентой.

Этот избыток влияет на самого человека. Это не что-то внешнее или осязаемое. Она существует только в ощущениях человека и, насколько это возможно, далека от того, чтобы быть конкретным доходом в материальной форме, который можно проследить за каким-то конкретным агентом. Это может быть измерено и описано способами, которые весьма схожи с тем, как измеряется и описывается продукт земли. Каждый из них состоит из суммы ряда излишков или дифференциальных сумм, и каждый, более того, представляет собой прибыль, которая не компенсируется никакими соответствующими субъективными издержками. Земельная рента должна выплачиваться *предпринимателем* и является затратами в том же

смысле, в каком таковыми являются заработная плата и проценты; но владелец земли не создавал ее личными усилиями или жертвами.

Аналогии между продуктом земли, или рентой, и особыми выгодами потребителей от более важных составляющих их потребления действительно существуют, но они уравниваются существенными различиями; и лучше использовать термин *рента* только для описания специфического вклада в материальный продукт промышленности, который вносит конкретный и материальный агент.

ГЛАВА XI

ЗЕМЛЯ И ИСКУССТВЕННЫЕ ОРУДИЯ

Можно арендовать много вещей, помимо земли, и платить за них то, что обычно называется арендной платой. Никому и в голову не придет называть каким-либо другим термином сумму, уплаченную за пользование зданием, комнатой в здании или мебелью в комнате. Все эти вещи приносят своим владельцам ренту; и если доверять интуиции, которая управляет общепринятым использованием терминов, доход, получаемый от таких вещей, и доход, получаемый от земли, обладают некоторыми существенными общими качествами. Каждый такой доход выплачивается за использование какого—либо конкретного инструмента и измеряется не процентом от стоимости инструмента, а единовременной выплатой - определенным количеством долларов в месяц или в год.

Способ расчета арендной платы по конкретным инструментам.— Теперь ренту от таких орудий производства, искусственных или нет, можно измерить точно так же, как измеряется земельная рента. Мы видели, что существуют два предела использования земли, экстенсивный и интенсивный, и что продукт труда и капитала при любом из этих пределов может быть использован в качестве основы для расчета излишков, составляющих земельную ренту. Землевладелец получает с хорошего поля то, что оно производит, за вычетом того, что труд и капитал, используемые на этом поле, произвели бы, если бы они использовались на самой бедной земле в обработке; или, что то же самое, он получает с поля то, что оно производит, за вычетом того, что эти труд и капитал произвели бы, если бы они работали где-нибудь на границе интенсивной обработки. Уберите людей с этого поля, добавьте их небольшими отрядами к людям, которые уже обрабатывают другие поля, чтобы такие поля можно было обрабатывать немного интенсивнее, и измерьте продукт, который создают рабочие, когда они находятся в таком положении. Выведите также капитал с поля, добавьте его в небольших количествах к капиталу, который работает в другом месте, и измерьте его конкретный продукт. Сумма этих двух конкретных продуктов равна той же сумме, которая была получена при использовании прежнего стандарта. Этот труд и капитал, ранее использовавшиеся на плодородном поле, рассеянные в том виде, в каком они сейчас находятся среди пользователей других плодородных земель, создадут такое же количество, какое они создали бы, если бы были использованы для обработки на самой бедной земле. Это количество является, так сказать, тем, что они

производят своими собственными силами без посторонней помощи; и все, что производится сверх этого количества, когда им на помощь приходит хорошее поле, является рентой этого поля, поскольку это вклад, который поле вносит в совместное производство. Совокупный продукт земли, труда и вспомогательного капитала за вычетом продукта, созданного трудом и вспомогательным капиталом, когда эти агенты оказываются в предельном положении, равен земельной ренте.

Стоимость инструмента измеряется исходя из максимальной маржи.— Таким образом мы можем измерить доходность любого инструмента. Если это корабль, то для управления им требуется рабочая сила и значительное количество вспомогательного капитала. Мы должны заполнить бункеры углем, снабдить отдел стюардства провизией, обставить и осветить каюты и салоны, а также снабдить снастями и множеством других судовых припасов. Весь этот труд и весь этот капитал мы могли бы снять с корабля и использовать в другом месте. Мы могли бы преобразовать их в предельный труд и капитал. Мы могли бы разделить их между владельцами других кораблей, где они использовались бы таким образом, чтобы сделать эти другие корабли несколько более эффективными и заставить каждый из них зарабатывать немного больше, чем он зарабатывает сейчас. Все, что труд и капитал могли бы произвести таким образом, служит основой для расчета арендной платы за судно. Вычтите это из общего совместного продукта труда, капитала и судна, и вы получите то, что зарабатывает судно по отдельности.

Способ проверки производительной мощности судна.— Вложите труд и капитал в судно и заставьте его выполнять свою надлежащую работу по перевозке грузов и пассажиров, и вы создадите определенный продукт. Пароходная компания получает совокупную сумму за услуги, которые она оказывает с помощью рабочей силы, вспомогательного капитала и судна. Была бы реализована некоторая меньшая сумма, если бы рабочая сила и вспомогательный капитал были сняты с корабля, распределены и использованы способом, который мы только что описали. Разница между этими двумя суммами составляет арендную плату судна или его конкретный вклад в общий продукт. Это дает нам формулу для расчета арендной платы не только за землю, но и за здания, инструменты, станки, транспортные средства и все другие конкретные орудия производства. Эта формула действительно настолько общая, что позволяет нам рассчитать доход любого агента вообще. *Рента любого такого агента - это то, что он добавляет к предельному продукту труда и капитала, используемых в связи с ним.*

Инструменты без ренты.— Большинство используемых инструментов что-то добавляют к предельному продукту труда и капитала, используемых в связи с ними. Некоторые добавляют больше, а некоторые - меньше, в зависимости от их различных качеств. Как правило, любой инструмент торговли приносит наибольшую отдачу, когда он новый, и все меньше и меньше по мере старения. В конце концов от него отказываются, потому что он настолько испортился, что больше ничего не добавляет к предельному продукту труда и капитала, которые используются в связи с ним. Повозка стала настолько расшатанной, что больше не стоит покупать для нее лошадь, сбрую и возницу. Капитал и труд, которые они представляют, заработали бы столько же, если бы их отделили от старого транспортного средства и добавили к оборудованию какого-нибудь человека, у которого есть запас хороших автомобилей. Аренда этого старого фургона - ничто. Как и в случае с самой бедной обрабатываемой землей, совершенно безразлично, используются ли в связи с ней определенные объемы труда и капитала или же они изымаются и используются в другом месте. Это плохое транспортное средство, как и плохая земля, может использоваться без существенных потерь; но если оно используется таким образом, никто не

получает от него никакого дохода. У него нет силы по-настоящему продуктивно сочетаться с трудом и капиталом, поскольку он не может сочетаться с ними настолько, чтобы добавить что-либо к тем предельным продуктам, которые могли бы создать труд и капитал, если бы они оставались оторванными от него.

Универсальность критерия арендной платы.—Этот тест, может ли инструмент что-то добавить или не может к предельному продукту труда и капитала, может использоваться повсеместно. Это может быть применено ко всему, что производится в качестве вспомогательного средства к труду. Здесь нет арендуемых зданий, локомотивов, вагонов, путей, кораблей, вагонов, печей, двигателей, котлов и, короче говоря, инструментов любого назначения, которые используются в производстве. Объедините любой из них с трудом и капиталом и посмотрите, что вы получите от этой комбинации; затем уберите труд и капитал и посмотрите, что они произведут в виде предельного труда и капитала; и разница между двумя суммами, какой бы она ни была, будет рентой инструмента. Если разница *равна нулю*, прибор находится на грани отказа.^[1]

При проведении таких тестов производительности двигался настоящий капитал, а не Капитальные блага. Применяя эти тесты с научной точностью, мы должны отнять истинный капитал, используемый в связи с инструментом выплаты ренты, и использовать его в качестве предельного капитала в другом месте, а не отнимать конкретную вещь, в которой этот капитал сейчас воплощен. В случае с кораблем точная проверка проводится не путем извлечения запасов и т.д. Из него целиком и помещения их на другие корабли, а путем предоставления запасам сначала заработать столько, сколько они могут, там, где они есть, преобразования заработка в деньги и, когда запасы полностью израсходованы, расходования денег на приобретение незначительных дополнений к снаряжению, предусмотренному для других кораблей.

Одно из различий между Землей и искусственными капитальными благами.—В случае с землей конкретный участок является маргинальной землей или землей без арендной платы, и в статичном состоянии он остается таковым. Любое конкретное судно, вагон, двигатель или другой изготовленный инструмент начинает свою карьеру как плательщик арендной платы и заканчивает ее как инструмент, не облагаемый арендной платой. Если мы проследим за всем общественным запасом орудий производства, мы увидим, что пункты, не приносящие ренты, не фиксируются на месте, а перемещаются с места на место. То эта машина, то другая, а то и еще одна приходит в непродуктивное состояние и заменяется инструментами аналогичного типа, новыми и эффективными.

Исходные элементы в почве.—Реальная разница между арендной платой за участок земли и арендной платой за здание, машину, транспортное средство или любой подобный инструмент проистекает из того факта, что земля не подвергается разрушению, а искусственный инструмент - разрушению. В том, что обычно называют землей, есть элементы, которые изнашиваются, как и инструменты, используемые для ее обработки, но эти элементы не являются землей в экономическом смысле. Земля, как давным-давно сказал Рикардо, состоит из "изначальных и нерушимых сил почвы". Он выделяет определенные составные элементы каждой фермы, леса, строительной площадки или другого участка того, что в обычном обиходе называется землей, и дает этой новой концепции название *земля* в экономическом смысле. Эти так называемые "силы" являются первоначальными элементами, потому что человек их не

создает; они полностью предоставлены природой, и единственный способ, которым человек может сказать, что он придает им какую-либо производительную силу, - это объединение их в комбинации, в которых они могут производить. Когда люди поселяются на том, что раньше было свободной землей, они объединяют землю с трудом, а когда они разбивают землю для обработки и возводят на ней постройки, они объединяют это с искусственным капиталом. Посредством этих комбинаций земля приобретает производительную силу; но с физической точки зрения она в целом является естественным продуктом.

Неразрушимые элементы в почве.—Земля в экономическом смысле неразрушима, потому что естественный эффект использования заключается не в ее разрушении. Это не означает, что физически невозможно уничтожить землю до такой степени, чтобы навсегда сделать практически невозможным ее использование теми способами, которыми земля используется обычно. Природа может сделать это, погрузив его на дно океана, и человек может, если захочет, сделать что-то подобное; но он естественным образом не уничтожает то, что действительно является сушей в процессе использования. Невозможно использовать плуг, лопату или жатку, не повредив их и, в конце концов, не изнашив. Также невозможно извлечь питательные компоненты из поверхностного слоя суглинка и преобразовать их в сельскохозяйственные культуры, не исчерпав запасы этих источников плодородия и, таким образом, не испортив то, что обычно называют землей, хотя это и не так в экономическом смысле. То, что на самом деле является землей в этом смысле, не подвергается воздействию. Нитраты и фосфорная кислота, которые находятся в самом верхнем слое почвы, относятся к числу разрушаемых инструментов сельского хозяйства. Если обработка продолжается, их количество необходимо обновлять, и поэтому они находятся в одном классе с плугами, лопатами и жатвенными машинами, которые также изнашиваются. Но все, что есть в почве, которая не подвергается ухудшению от любого объема использования, - это земля, с которой приходится иметь дело политической экономии.

Валовая и Чистая земельная рента идентичны.—Поскольку земля не изнашивается и не требует обновления, все, что она добавляет к продуктам труда и капитала, которые используются в связи с ней, может быть взято землевладельцем в качестве дохода без уменьшения размера его собственности. Все, что производит земля, вообще является чистым дополнением к общему доходу общества.

Чистая рента от искусственных инструментов Меньше, чем валовая рента.—С другой стороны, для владельца зданий, инструментов или живого скота небезопасно брать для собственного потребления все, что они производят. Если бы он расходовал их валовой продукт по мере его получения, то в свое время обнаружил бы, что значительная часть его собственности исчезла. Такие инструменты изнашиваются и приходят в негодность, и если ни одна часть того, что они производят, не откладывается в качестве резервного фонда для приобретения других инструментов, которые займут их место, целый род капитала должен полностью исчезнуть.

Самозамещающиеся искусственные инструменты.—Что на самом деле происходит, так это то, что эти инструменты создают достаточно богатства, чтобы платить своим собственным преемникам, и это тоже помимо выплаты чистого дохода, который, с одной стороны, является процентом. Если вы рассчитаете весь продукт одного из этих инструментов по формуле Рикардо, которую мы рассмотрели, то его величина будет равна тому, что инструмент в течение

всего своего срока службы добавляет к продукту труда и капитала, которые используются в связи с ним; и это включает только что описанный фонд обновления, а именно сумму, которую владельцы должны отложить для ремонта инструмента и, наконец, покупки другого. Поскольку сам инструмент обеспечивает этот амортизационный фонд, можно сказать, что он косвенным образом создает своего собственного преемника. Корабль зарабатывает сверх чистого дохода, который представляет собой проценты с его стоимости, достаточно, чтобы поддерживать себя в мореходном состоянии до тех пор, пока он находится в плавании, и, в конце концов, построить другой корабль. Локомотив, печь, ткацкий станок, швейная машина, печатный станок и т.д. - все это оплачивается и, таким образом, косвенно производит своих преемников.

Чистая арендная плата за постоянную серию аналогичных Instruments....—Первая плата за изделие любого инструмента такого типа - это сумма, необходимая для восполнения его отходов и для обеспечения замены, когда этот оригинальный инструмент будет полностью изношен. Аналогичным образом, первая обязанность преемника заключается в обеспечении аналогичного фонда, и так до бесконечности. Часть производительной силы каждого из бесконечной серии подобных инструментов направляется на этот тип воспроизводства. Серия поддерживает себя в рабочем состоянии и, кроме того, приносит доход; и та часть ее валовой арендной платы, которая остается после ремонта отходов ткани, доступна владельцу в качестве чистого дохода. Этот чистый остаток представляет собой проценты с капитала владельца. Он обладает постоянным фондом производительного богатства, воплощенным в бесконечном ряде этих скоропортящихся инструментов, *иряд, взятый как самосохраняющееся целое*, не приносит ничего, кроме этого интереса. Каждый инструмент, рассматриваемый отдельно, приносит проценты и амортизационный фонд; но амортизационный фонд недоступен в качестве дохода, поскольку он должен оформиться как другой инструмент, который служит для сохранения серии нетронутыми. То, что создает первый инструмент в дополнение к погашающему фонду, - это его вклад в проценты, и то, что каждый инструмент создает сверх того, что требуется для виртуального самосохранения, также является процентами.

Проценты и чистая рента идентичны.— Следовательно, мы можем свести проценты к форме чистой ренты, рассчитав валовую ренту, обеспечиваемую каждым инструментом в такой серии, и установив, какая часть из них является просто восстановлением отходов, а какая - истинным доходом. Поскольку проценты обычно выражаются в виде процента, мы можем привести чистую ренту к этой форме, сравнив ее со стоимостью первого инструмента, которая представляет собой сумму первоначальных инвестиций. Серия инструментов будет приносить чистую прибыль каждый год. Мы можем рассчитать валовую прибыль каждого инструмента в соответствии с формулой Рикардо для измерения продукта земли. Он будет уменьшаться из года в год и в конечном итоге исчезнет. Мы можем сложить несколько годовых валовых доходов инструмента за время его экономического существования в виде абсолютной суммы, которая представляет собой общую ренту инструмента. Из этого мы можем вычесть стоимость замены этого изношенного основного товара, а оставшаяся сумма будет представлять собой чистую ренту инструмента. Аналогичным образом мы можем получить чистую ренту всех следующих инструментов серии за длительный период, сложить эти чистые арендные платежи вместе и получить истинную чистую прибыль серии за время, охватываемое расчетом. Если это, вероятно, займет десять лет, мы можем сравнить десятую часть этой общей суммы, или прибыли серии за один средний год, со стоимостью первого инструмента, который является первоначальным вложением капиталиста, и мы, таким образом, получим долю, представляющую годовую норму процента на это вложение. Возможно, в среднем за год серия

зарабатывала больше, чем требуется для ремонта отходов, на пять сотых от стоимости первого инструмента. Таким образом, это норма процента, которую приносит серия в целом, или постоянный капитал. Целый ряд инструментов, в которые инвестируется постоянный капитал, каждый год создает эту долю своей собственной стоимости сверх суммы, необходимой для компенсации износа в среднем за год использования.[2]

Общий процент как арендная плата.— Если вы подсчитаете чистый доход от всех инструментов, машин и других подобных вещей в мире, сложите суммы и получите общую сумму всего этого, вы получите весь доход от этой части мировой столицы в виде чистой ренты. Если затем вы вычислите стоимость всего этого класса инструментов и увидите, насколько большую часть этой стоимости составляет чистая рента, вы переведете эту общую ренту в форму процентов, и, следовательно, чистая рента и проценты - это один и тот же доход, рассматриваемый двумя разными способами.[3]

Запасы изготовленных инструментов классифицируются по качеству так же, как и Земля.— Необходимо отметить тот факт, что постоянный ряд инструментов, зданий и других активных капитальных благ всегда демонстрирует те же градации качества, что и в случае с землей. Всегда можно найти какие-то инструменты, которые производят большое количество продукции, то есть они добавляют большое количество к продукту труда и дополнительному капиталу, которые объединяются с ними в производстве. Данное количество труда и капитала создает гораздо больше богатства при работе с машиной высочайшего класса, чем оно было бы, если бы распределялось на маргинальных позициях; и это равносильно утверждению, что такой инструмент сам по себе является высокопродуктивным. Можно найти другие инструменты, которые создают меньше, и никогда не бывает недостатка в инструментах, не приносящих ренты, которые ничего не добавляют к предельному продукту других агентов. Для рабочей силы, которая их использовала, было бы также хорошо, если бы она отбросила их и присоединилась к силе, которая работает с хорошими инструментами. Любой отдельно взятый инструмент начинает свою карьеру как инструмент с максимальной арендной платой и заканчивает ее как инструмент без арендной платы. Корабль находится в лучшем состоянии, когда отправляется в свой первый рейс, а завод - в лучшем состоянии в первый год своей эксплуатации. Каждый инструмент постепенно опускается по шкале, пока не достигнет стадии, на которой он действительно ничего не производит, поскольку он ничего не добавляет к тому, что было бы произведено без него. *Постоянный ряд* инструментов никогда таким образом не приходит в упадок. Весь износ отдельных вещей компенсируется постоянным ремонтом и пополнением запасов. В серии в целом вечно присутствуют сорта номер один, сорт номер два, сорт номер три и т.д., точно так же, как в случае с землей. При желании мы можем подсчитать доход, который должен быть получен от каждой части серии, в соответствии со старой формулой, которая обычно используется в случае с землей: "То, что труд и капитал создают при использовании этого участка земли, превышает то, что они создали бы, если бы применялись к самой бедной земле из используемых". Для определения сорта земли укажите сорт самосохраняющегося ряда искусственных орудий труда, и окажется, что каждый сорт выше самого низкого уровня урожайности, а труд и капитал, которые с ним связаны, дают излишек, превышающий тот, который этот труд и этот капитал могли бы создать, если бы они были объединены с самым низким сортом в постоянном ряду.

Различные способы уничтожения и пополнения запасов капитальных благ двух основных классов. Процесс поддержания запаса инструментов торговли отличается от процесса

сохранения в неприкосновенности запасов материалов и незавершенных товаров, потому что способы, при которых эти два вида капитальных благ ухудшаются и погибают, различны.

В случае с сырьем, которое постепенно превращается в предметы потребления и которое мы называли пассивными капитальными благами, происходящая трата тканей совершенно не похожа на то, что происходит в случае с активными капитальными благами, инструментами и приспособлениями, которые используются в процессе. Сырье приобретает ценность на протяжении всего процесса, и в конце концов оно отдает себя со всей своей приобретенной ценностью в руки потребителя. В статичном состоянии такиетовары воплощают в себе весь доход общества, включая продукты всего труда и всего капитала.

A
A
A'
A

Серия A представляет процесс создания потребительских товаров из самых необработанных материалов. A, изъятое для потребления, представляет собой, так сказать, расточительную ткань пассивных капитальных благ; и оно содержит в себе заработную плату за весь труд в этом ряду подгрупп, проценты на весь использованный там капитал и, в дополнение к этому, резервный фонд, необходимый для сохранения активного капитала в целости. Некоторые предметы типа A должны быть переданы людям, которые содержат инструменты, постройки и т.д. В ремонте и заменяют их по мере износа. Вся мощь промышленности этой группы расходуется просто на то, чтобы компенсировать потери, связанные с изъятием A для случаев использования. Короче говоря, это не что иное, как замена постоянно истощающейся ткани A. Вся промышленность, за исключением промышленности производителей активных инструментов, может рассматриваться в свете операции, целью которой является сохранение запаса пассивных капитальных благ нетронутыми, или, что то же самое, сохранение фонда оборотного капитала без уменьшения. Тот, кто что-либо вкладывает в этот фонд, позволяет ему переполняться и приносить доход, не страдая от какого-либо уменьшения. Единственной целью такого капитала является переполнение, то есть одновременное получение убытка и пополнение, которое нейтрализует потерю. Она существует только для того, чтобы вызвать в потребительское богатство. Тем не менее, хотя созревшие A постоянно потребляются, *серия A* является постоянным капиталом, имеет право на свою долю процента и наверняка получит ее. Этот интерес является частью постоянного потока A. Поскольку весь доход общества состоит из A, определенное количество A, изымаемых для потребления, поступает капиталистам в виде процентов на постоянный фонд, который поддерживается в форме A, A, A и A. Некоторая другая часть оттока A идет также капиталистам в виде процентов на тот другой постоянный фонд, который поддерживается в форме инструментов, машин и зданий, таких, которые должны повсюду использоваться в серии. Третья часть потока A - это заработная плата рабочей силы в этой группе; и последняя часть - это то, что мы называли амортизационным фондом, сумма, которая передается в качестве дохода производителям из другой группы, здесь не представленной, которые сохраняют нетронутыми запасы зданий, инструментов и т.д. Эти четыре вида изъятия дохода представляют собой процесс, посредством которого истощается запас пассивных благ, и главный результат всей деятельности заключается в том, чтобы компенсировать это истощение.

Труд и получение его Продукта в Статичном производстве синхронны.—Одна из функций постоянного ряда A заключается в том, чтобы дать возможность рабочей силе повсюду получать свой виртуальный продукт без ожидания, и это тоже в той форме, в которой он нужен ей для использования. Труд, который преобразует A в A'''' , восполняет отходы ткани, которые происходят на этом конце линии за счет изъятия A . Труд, который превращает A' в A'' replaces the waste that takes place at that point when an earlier A'' becomes an A'''' . Труд в A заменяет отходы в этой точке, а труд в A заменяет отходы в еще одной точке. Все они работают над сохранением запасов A в целости и сохранности, и один из них делает столько же для поддержания постоянного потока A , сколько и любой другой.

Если мы закачиваем воду на одном конце полного резервуара, мы немедленно вызываем ее переполнение на другом конце; и можно подумать, что каждый работник в такой серии, как мы описали, вносит что-то в постоянный резервуар капитала и таким образом вызывает соответствующий перелив. Он получает свое вознаграждение день за днем по мере выполнения работы. Где бы ни находился работник в таком ряду, его работа создает готовый продукт по ходу работы. Ему не нужно этого ждать. Его работа и ее плоды синхронны.

Различия между наземными и искусственными приборами Очевидны в динамических условиях.— Момент, представляющий большой теоретический интерес, - это природа различия между землей и другими производительными инструментами. В статичном обществе это различие было бы сравнительно неважным, но оно становится заметным благодаря изменениям, которые составляют динамичное состояние. Статическая гипотеза требует, чтобы капитал не увеличивался и не уменьшался в количестве и чтобы он не менял своих форм. Оборудование каждой фабрики и каждого корабля остается неизменным, но не расширяется и не совершенствуется. Существует фиксированное количество шпинделей на хлопчатобумажной фабрике, токарных станков в механическом цехе, швейных машин на обувной фабрике и т.д., и этот факт устраняет самое поразительное различие, которое в динамичном обществе фактически отличает землю от других вещей.

Количество земли в экономическом смысле не увеличивается, каким бы изменчивым и прогрессивным ни было общество. Главный отличительный признак земли — неизменность ее объема — отличает ее от других объектов только в динамичном состоянии и благодаря действию сил, вызывающих органические изменения. Это предметы, подлежащие изучению в динамическом разделе экономической теории.

Отличительный знак Земли, который появляется в Статичном состоянии промышленности.—В статическом состоянии сохраняется разница между участком земли и зданием, инструментом или любым другим инструментом: земля не создана искусственно и не разрушается при использовании; в то время как здание, инструмент или другое приспособление сделано таким образом и поэтому погибает. Изнашивая себя, он должен создать косвенным способом, который мы описали, своего собственного преемника. Двигатель должен частью своего продукта заплатить людям, которые сделают другой двигатель, и таким образом увековечить серию двигателей. Это приводит к необходимости для владельца двигателя откладывать часть его валовой арендной платы на амортизацию и обновление, в то время как он может безопасно использовать всю арендную плату за землю.

Этот знак различия неприменим, когда Земля противопоставляется Постоянному запасу Капитальных благ.— Если мы посмотрим не на один конкретный инструмент, а на целую серию

из них, — если мы примем во внимание не только двигатель, который сейчас приводит в движение мельницу, но и тот, который придет ему на смену, и снова тот, который придет на смену второму двигателю, и так далее до бесконечности, — эта разница между землей и искусственным инструментом исчезнет. *Серия двигателей, как и сама земля, приносит только чистую ренту.* Оставшаяся часть его валового продукта вообще не является настоящей рентой, поскольку любой из создающих ее механизмов должен потреблять ее сам и не может отдавать владельцу в качестве дохода. Этот остаток выплачивается определенным работникам за поддержание серии двигателей в исправном состоянии, и то, что выдается им в качестве платы за их услуги, не может быть начислено никому в качестве дохода от серии инструментов, обслуживаемых таким образом. Это заработок обслуживающего персонала, созданный их собственным трудом и капиталом. То, что дает серия двигателей сверх того, что она расходует на собственное содержание, она отдает своим владельцам в качестве дохода. Это их чистая прибыль, и они могут использовать ее, не вторгаясь в свою собственность. Аналогия между доходами от земли и доходами от самовоспроизводящейся серии произведенных капитальных благ в данном конкретном случае полна.

Источник финансирования ремонтных работ и обновлений.—Фонд для ремонта и обновления оборудования, конечно, должен, как и сам чистый доход, обеспечиваться инструментами, которые превышают уровень безвозмездной аренды. Машина, естественно, будет использоваться до тех пор, пока за нее хоть что-то платят, и в течение последней части своей карьеры она обычно приносит меньше, чем просто проценты от своей стоимости. До тех пор, пока труд и вспомогательный капитал, которые объединены с орудием труда, производят с его помощью немного больше, чем они произвели бы, если бы их изъяли из него и добавили в качестве предельного приращения к труду и капиталу, которые работают в связи с хорошими орудиями труда, они будут продолжать использовать машину и откажутся от нее только тогда, когда она перестанет приносить какую-либо прибыль. Из общего объема, произведенного до достижения этой точки отказа, выделяется сумма, необходимая для компенсации затрат на поставку новой машины.

Некорректность общего утверждения относительно арендной платы и цены.—Это показывает поразительную ошибочность того, что было современной экономической теорией. Было принято утверждать, что земельная рента "не является элементом цены", хотя процент на капитал является таким элементом. Земельная рента является чистым продуктом производства земли; и если отделить от нее процент, то этот доход является чистым продуктом постоянного запаса капитальных благ. Отношения этих двух составляющих постоянного объема производства товаров к ценам на товары идентичны.

Доказательство некорректности Текущего заявления относительно Арендной платы и цены.—Расплывчатая форма текущего заявления относительно арендной платы и цены является причиной значительной путаницы в мыслях по этому вопросу. Это утверждение означало бы, что на цену пшеницы не влияют большие взносы в производство пшеницы, которые вносят хорошие земли. Эти взносы представляют собой ренту в ее первоначальной форме. Арендная плата за пшеничную землю - это пшеница, за хлопковую землю - хлопок, за участки под мельницами - промышленные товары и т.д. То, что деньги используются в платежах землевладельцам, ничего существенного не меняет. Утверждать, что такой вклад в предложение конкретных товаров не является элементом, определяющим цены на них, было бы столь же неразумно, как делать то же самое утверждение в отношении других частей

предложения. Столь же логично можно было бы утверждать, что другие компоненты предложения не влияют на цены — что количество пшеницы, относящееся к уборочной технике, или количество ситца, относящееся к ткацким станкам, не оказывает влияния на рыночную стоимость этих товаров.

Почему продукция, произведенная на Хорошей Земле, предотвращает значительный рост цен. — Если бы использование плодородных земель под пшеницу было просто прекращено, предложение пшеницы, конечно, не только сократилось бы, но и свелось бы почти к нулю, что сразу привело бы к росту цен. Если бы сейчас была предпринята попытка восполнить нехватку этого злака путем обработки земель, которые сейчас находятся на грани возделывания, сразу же выяснилось бы, что таких земель недостаточно, чтобы позволить нам достичь этой цели, и было бы необходимо расширять границы и обрабатывать все более и более бедные почвы, что значительно увеличивало бы затраты. Мы должны выкапывать заросли похуже, осушать болота похуже, террасировать склоны холмов похуже, орошать более отдаленные и бесплодные пустыни и т.д. Все это означало бы более высокую себестоимость производства пшеницы и более высокую цену на нее на рынке.

Это означало бы и другое. Расширение пределов возделывания, которое приводит к тому, что в него включаются более бедные сорта земли, приводит к тому, что та часть обрабатываемой в настоящее время площади, которая не требует никакой ренты, приносит ее. После того, как граница должна была быть значительно расширена и, наконец, расположена в регионе, где для извлечения чего-либо из почвы потребовалась бы борьба, могло показаться, что всеземли, недавно присоединенные к обрабатываемой площади, за исключением последней и беднейшей, будут получать ренту. Все, кроме тех, кто достигнет новой маржи, добавляют определенную квоту к поставкам пшеницы, и этот вклад будет их рентой. Входя в предложение, это, конечно, учитывалось бы при корректировке цены.

На что можно разумно пойти в отношении Арендной платы и цены. — Существует другое возможное значение фразы "Рента не является элементом цены"; и, независимо от того, было ли это ясно в сознании тех ранних экономистов, которые делали это утверждение, или нет, именно это доказывает их аргумент. *Выплата* арендной платы арендаторами арендодателям никак не влияет на рыночную стоимость продукции. "Еда не стала бы дешевле, - говорит профессор Фосетт, - даже если бы земля была освобождена от арендной платы". Потребность в продуктах питания была бы такой же, как и раньше, а обработка земель была бы доведена до нынешних пределов, где урожайность наименьшая. Стоимость, выраженная в труде и капитале, той незначительной части запасов продовольствия, которая поступает из этих беднейших земель, останется такой же, какой она была до сих пор. Фермеры, конечно, получали бы от хороших земель те же излишки, что и в настоящее время; но тот факт, что земля была освобождена от арендной платы, позволил бы им сохранить ее. Этот излишек, конечно же, является арендной платой, и передача его от арендодателей арендаторам не влияет на цены. Столь многое из ранее распространенной доктрины верно; и это предотвратило бы множество путаных размышлений, а также много споров, если бы утверждение о ренте и цене проясняло, что любая рента в ее первоначальной форме является элементом предложения продукции, и ее существование помогает определять цены, в то время как платежи, производимые арендаторами землевладельцам, не влияют на них. Если бы эти платежи прекратились, а арендаторы сохранили арендную плату, цены остались бы такими же, как сейчас.^[4]

СНОСКИ

[1] Следует или не следует называть такой инструмент капитальным благом, это вопрос простой номенклатуры; но в этом трактате мы считаем, что каждая часть того, что мы называем капиталом, приносит доход, и, следовательно, инструмент, не приносящий ренты, не является капиталоподобным благом, иначе называемым капитальным благом.

[2] Если бы фонду для замены дорогостоящего капитального товара, такого как корабль или здание, было разрешено накапливаться в течение нескольких лет, прежде чем быть израсходованным, его части, остающиеся в наличии в течение некоторого времени, приносили бы их владельцу проценты, и в его бухгалтерском учете это отражалось бы как уменьшение суммы, которую он должен сэкономить на продукте производства корабля или здания, чтобы заменить его. Это не влияет на общий закон самовосстановления, поскольку корабль или сооружение действительно производит то, что получается в результате такого смешивания.

[3] При вычислении обоих этих значений для сравнения следует использовать стандарт трудозатрат, и позже мы увидим, при каких ограничениях такой стандарт может использоваться на законных основаниях.

[4] Утверждение о том, что рента не является элементом ценообразования, может быть сделано в случае искусственных орудий производства столь же обоснованно, как это может быть сделано в случае земли. Если это означает, что *существование* арендной платы никак не влияет на цену, то это совершенно неверно в обоих случаях. Утверждение может быть изменено таким образом, чтобы показать, что верно в отношении земельной ренты, и тогда оно также скажет правду о продукте искусственных инструментов, которым является процент в его первоначальной форме. Эти утверждения могут быть составлены в параллельных столбцах, и одно будет таким же правдивым, как и другое, и ничуть не более.

Необходимая часть запасов пшеницы
выращивается на маргинальных землях.

Цена пшеницы должна окупать труд и капитал,
использованные на этой земле.

Цена пшеницы, выращенной на хорошей
земле, такая же, как и цена пшеницы,
выращенной в маргинальной зоне, и это дает
прибавку к заработной плате и процентам,
выплачиваемым фермерами за труд и капитал,
используемые при обработке хорошей земли.

Наличие этого излишка в его первоначальной
форме, то есть излишка пшеницы, влияет на
предложение и цену этого продукта.

Тот факт, что фермеры платят
землевладельцам за эти излишки, никак не

Необходимая часть шерстяной ткани ткется на
маргинальных ткацких станках.

Цена ткани должна окупать труд и капитал,
которые при производстве шерсти
используются на этих ткацких станках.

Цена ткани, сотканной на хороших ткацких
станках, такая же, как и цена столь же хорошей
ткани, сотканной на маргинальных ткацких
станках, и это дает чистый профицит сверх
затрат на поддержание запаса ткацких
станков и заработной платы и процентов,
выплачиваемых производителями за
дополнительный капитал, используемый в
связи с хорошими ткацкими станками.

Наличие этого излишка в его первоначальной
форме, то есть ткани, влияет на предложение и
цену этого продукта.

Тот факт, что *предприниматели* платят
капиталистам за этот излишек, никак не

влияет на цену пшеницы.

влияет на цену ткани.

Наиболее важные факты, касающиеся арендной платы, относятся к ее первоначальной форме, а именно к продукту в натуральной форме. Все, что составляет часть предложения чего-либо, влияет на его цену. Излишки, создаваемые хорошими ткацкими станками, являются элементом в поставках ткани, а излишки, создаваемые хорошей землей, являются элементом в поставках пшеницы. Они увеличивают объем этих двух поставок, чем они были бы в противном случае, и, конечно, они имеют решающее значение при определении цены. Рента от чего бы то ни было является элементом предложения какого-либо вида товаров, и ее уничтожение привело бы к сокращению предложения и повышению цены продукта, из которого она, в свою очередь, состоит.

ГЛАВА XII

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Эффективность статичных сил в динамичных обществах. Статическое состояние, которое до сих пор сохранялось в поле зрения, является гипотетическим, поскольку не существует реального общества, которое не меняло бы свою форму и характер своей деятельности. Пять органических изменений, которые мы вскоре изучим, происходят в каждом экономическом обществе; и все же поразительным фактом является то, что, несмотря на это, цивилизованное общество обычно на каждый конкретный момент времени имеет форму, которая в некоторой степени соответствует той, которую при существующих на тот момент условиях придали бы ему только действующие статические силы. Верно даже то, что до тех пор, пока конкуренция свободна, наиболее активные общества наиболее точно соответствуют своим статичным моделям. Если бы мы могли остановить пять радикальных изменений, происходящих в обществе, которое очень полно энергии, — если бы, так сказать, мы могли остановить такой организм на полпути его стремительного роста и позволить ему перейти в стационарное состояние, — форма, которую он принял бы, не была бы радикально непохожей на ту, которую он имел, когда мы остановили его прогресс. Принятие теоретически статичной формы не привело бы к резкому изменению ее реальной формы. Реальная форма высокодинамичного общества находится относительно близко к его статичной модели, хотя и никогда не соответствует ей. В случае вялых обществ это было бы неверно; ибо если бы в одном из них мы остановили силы роста и подождали достаточно долго, чтобы позволить статическим воздействиям произвести свои полные эффекты, форма, к которой они привели бы организм, сильно отличалась бы от той, которую он фактически имел, когда его медленный прогресс был остановлен. Наиболее эффективными в наиболее изменчивых обществах являются силы, которые, если бы они действовали сами по себе, создали бы неизменное состояние. Причины этого появятся позже.

Различия между статичными формами общества в разные эпохи. — Таким образом, высокодинамичное состояние - это такое, при котором экономический организм быстро

меняется и все же в любой момент в ходе своих изменений относительно близок к определенной статической модели. Таким образом, ясно, что в разные периоды она не может даже приблизительно соответствовать одной-единственной модели. Если бы силы перемен, которые в 1800 году подталкивали индустриальное общество Америки к поступательному движению, были подавлены, и если бы конкуренция была идеально свободной и активной, это общество вскоре приняло бы форму, которую тогда требовали силы, которые мы описали в предыдущих главах. Часть рабочей силы перешла бы из одних профессий в другие и выиграла бы от этого изменения; и это перемещение рабочей силы закончилось бы тем, что производительная мощность и оплата труда единицы этого агента стали бы одинаковыми во всех различных подгруппах системы. Капитал распределился бы таким образом, чтобы нивелировать неравенство в его доходной способности. Прибыли *предпринимателей* были бы уравнены, став во всех случаях *равными нулю*, и повсюду были бы найдены наилучшие доступные методы производства, выживающие и дающие все свои плоды рабочим и капиталистам. Все это связано с утверждением, что статическая модель, форма которой была определена условиями 1800 года, была бы реализована. Этого можно было бы добиться, подавив на тот момент силы, вызывающие органические изменения, и предоставив конкуренции совершенно беспрепятственное поле деятельности. Если бы мы сделали это в 1900 году, а не раньше, экономическое общество аналогичным образом соответствовало бы форме, требуемой условиями 1900 года; и это было бы совсем не так, как форма, которую статические силы придали бы обществу столетием ранее. Для каждого периода существует идеальная статичная форма, и нет двух одинаковых статичных форм.

Различия между реальной формой общества и Статичной в любой момент

Времени. Фактическая форма общества в любой конкретный момент времени не является статичной моделью того времени; но она имеет тенденцию соответствовать ей, и в очень динамичном обществе она более похожа на нее, чем была бы в том, в котором силы перемен менее активны. При всех трансформирующих влияниях, которым подвержено американское индустриальное общество, оно сегодня более соответствует нормальной форме, чем более консервативные общества Европы, и гораздо более соответствует, чем вялые общества Азии. Вязкая жидкость в сосуде может иметь поверхность, далекую от уровня; но очень текучее вещество достигнет почти уровня, даже если мы встряхнем сосуд, содержащий его, достаточно энергично, чтобы создать волны на поверхности и течения по всей массе. Это справедливое представление общества в очень динамичном состоянии. Сама его деятельность, как правило, приближает его к статичной модели, чем это было бы, если бы составляющие его материалы не были текучими и если бы оно никогда не возбуждалось. Сама статичная форма, хотя она никогда не копируется полностью в реальной форме общества, для научных целей является реальностью. Существуют мощные влияния, стремящиеся заставить промышленную организацию на каждом этапе соответствовать ему. Уровень моря является реальностью, хотя движение вод никогда не спадает настолько, чтобы их поверхность точно соответствовала ему. При сильном перемешивании поверхность воды ближе к идеальному уровню, чем у океана грязи, гудрона или другого медленно текущего вещества. Ветры вздымают волны высотой в несколько футов, но текучесть сохраняет общую поверхность на удивление ровной; и таким образом, цивилизованное общество, созданное из текучего материала, находящегося в сильном возбуждении, как бы легко находит свой уровень. Если бы в какой-либо год мы могли и должны были остановить динамические нарушения, экономическое общество приняло бы статичную форму, которой требовали условия этого года, так же легко, как море обрело бы свой

нормальный уровень, если бы ветры и приливы полностью прекратились. Статические влияния, которые навсегда возвращают общество к его естественной форме, всегда фундаментальны, и прогресс не имеет тенденции подавлять их.

Конкуренция - причина быстрых изменений в Стандартной форме общества и быстрого Приведения Реальной Формы Общества в соответствие со Стандартной. Конкуренция, которая достаточно активна, чтобы быстро изменить стандартную форму общества — та, например, которая стимулирует механические изобретения и приводит к получению большой прибыли в определенной подгруппе, — также приводит к тому, что рабочая сила и капитал быстро достигают точки, в которой появляется прибыль, и, в отсутствие какой—либо монополии, сводят эту прибыль к нулю и восстанавливают, в той мере, в какой устраняется эта причина нарушения, равновесие групп. Под влиянием активной конкуренции определенная группа часто претерпевает быстрые изменения, которые требуют большего количества труда и капитала, но она быстро их получает; и, как только что было сказано, стандартная форма общества, находящегося в этом крайне изменчивом состоянии, не так сильно отличается от реальной формы, как форма общества, движения в котором вялые. Стандартная форма похожа на зайца, который движется быстро и нерегулярно; в то время как фактическая форма похожа на преследующую собаку, которая движется одинаково быстро, внимательно следит за всеми поворотами трассы и, если бы дичь прекратила движение, быстро приблизилась бы к ней.

Выравнивание производительной силы труда и капитала в различных подгруппах. — Мы видели, что в статичном состоянии труд и капитал не перемещаются из подгруппы в подгруппу в системе, и что это отсутствие потока в текучем теле не вызвано монополией или каким-либо подходом к ней. Это, действительно, препятствовало бы перемещению агентов-производителей из пункта в пункт; но монополия - это вещь, наиболее строго исключаемая статической гипотезой. На каждом этапе мы предполагали, что способность двигаться абсолютна, в то время как не хватает только мотива. Выравнивание производительной силы труда в различных подгруппах исключает миграцию рабочей силы, а аналогичное выравнивание исключает миграцию капитала.

Выравнивание производительных сил внутри подгрупп. — Каждая единица труда или капитала должна быть способна создавать не только столько богатств в одной подгруппе, сколько в другой, но и внутри подгруппы - конкретной отрасли — каждая единица должна быть способна создавать столько же при одном работодателе в отрасли, сколько при другом.

Разные *предприниматели* должны конкурировать друг с другом на условиях равенства, и ни один из них не должен быть в состоянии отнять у конкурента какую-либо часть его покровительства. До тех пор, пока один конкурент имеет преимущество перед другим в своем способе создания продукта, внутри подгруппы не существует равновесия. Более эффективный пользователь труда и капитала способен отобрать труд и капитал у менее эффективного, и эгоистичный импульс, лежащий в основе конкуренции, побуждает его делать это. Производителю, работающему с большей выгодой, предначертано снизить цену и вытеснить того, кто работает в более неблагоприятных условиях. Чтобы могло существовать статичное состояние и чтобы движение рабочей силы и капитала из точки в точку могло быть исключено, каждый конкурент внутри подгруппы должен быть в состоянии сохранить свой бизнес в целости, удержать своих клиентов и сохранить на работе весь труд и капитал, которые у него есть.

Равенство размеров производственных предприятий необязательно.—Размер, как мы увидим, является элементом эффективности, и крупное предприятие часто продает товары дешевле, чем их производство обошлось бы небольшому предприятию. Мелкий производитель часто приходит к выводу, что ему лучше всего было бы стать простым торговцем, покупая часть продукции большой фабрики и продавая ее своим покупателям, вместо того чтобы продолжать производить аналогичные товары. На общем рынке обычно необходим подход к равенству размеров, чтобы конкуренты могли работать на равных условиях. Это не препятствует выживанию многих небольших заведений. Местные розничные торговцы имеют преимущество перед крупными универмагами в выполнении небольших заказов. Когда приходится покупать то, что стоит доллар, не стоит тратить ни цента на проезд в машине и тратить время стоимостью в доллар на то, чтобы приобрести эту вещь за девяносто центов. Утомление клиентов здесь является элементом, который дает мелкому производителю его преимущество и позволяет ему сохранить ту часть бизнеса, которая поступает в виде множества мелких заказов; но у мелких производителей часто есть и другие преимущества, помимо тех, которые зависят от местоположения. В магазине, который больше похож на мастерскую трехсотлетней давности, чем на великую мебельную фабрику, краснодеревщик может изготовить один стул особого образца дешевле, чем это может позволить себе крупный производитель. Большая мастерская требует, чтобы в ней было много изделий определенного вида, изготовленных на ее сложных машинах, чтобы владелец мог извлечь выгоду из их быстрых и безошибочных действий. Еще долго будут работать ручные прессы, очень похожие на те, которыми пользовался Бенджамин Франклин, помимо сложных автоматов, которые выполняют основную часть нашей типографии, потому что для печати дюжины копий чего угодно рычажный пресс дешевле. Появятся сапожники, которые не только чинят обувь, но и время от времени шьют ее для клиентов, которым нужны не стандартные модели; и местные портные наверняка выживут. Только на общем рынке и при производстве стандартных товаров размер имеет важное значение для успеха.

Предполагалось значительное количество конкурентов.—Самым поразительным явлением нашего времени является консолидация независимых учреждений путем формирования того, что обычно называют трестами; и это, как и все подходы к этому, исключаются статичной гипотезой. Возникает вопрос, не будут ли они, даже без создания траста, действовать как квазимонополии после того, как конкуренция сократит количество заведений в одной подгруппе до полудюжины или меньше. Этот вопрос мы должны подробно обсудить в надлежащий момент, но здесь необходимо предположить, что ничего, что создает даже квазимонополию, не существует. Мы обнаружим, что конкуренция обычно, на самом деле, выживала и была чрезвычайно эффективной всего лишь среди пяти или шести конкурентов, пока они не образовывали своего рода союз друг с другом. Чтобы избежать всякой неопределенности, мы предполагаем, что в статичном состоянии, в котором ценности, заработная плата и проценты естественны и в котором каждая подгруппа имеет свою совершенно нормальную долю труда и капитала, в каждой профессии достаточно конкурентов, чтобы исключить любой вопрос о продолжении активного соперничества.

Статические значения и цены.—Упомянутое равновесие требует, чтобы все ценности оставались на своих неизменных уровнях, а это означает, что цены на товары должны соответствовать "себестоимости" старых экономистов. *Предприниматель* не должен получать чистую прибыль от товаров, которые он производит. Заработная плата за труд должна быть производительной, поскольку каждый человек должен получать то количество богатства,

которое он создает для существования. Аналогичным образом, проценты на капитал должны быть процентами на производительность, и каждая единица капитала должна получать ту сумму, которую она создает. Более того, цены на товары, выраженные в деньгах, должны точно отражать сравнительную стоимость товаров. Все эти особенности характеризуют статичное состояние; но наиболее очевидным признаком различия является отсутствие движения от группы к группе. Мы увидим, что ценности в конечном счете измеряются в предельном труде, и поскольку ценность денег измеряется таким же образом, из этого следует, что цена каждого товара, выраженная в деньгах, в статическом состоянии является правильным выражением сравнительного количества труда, которое его произведет. И все отношение товаров друг к другу и к труду может быть выражено посредством валюты. Если за единицу труда добывается золота, достаточного для изготовления орла, и если какой-либо товар продается за десять долларов, можно с уверенностью заключить, что он также произведен одной единицей труда. Если один товар продается за десять долларов, а другой - за пять долларов, то первый является продуктом вдвое большего количества единиц предельного труда, чем второй. Это остается верным только до тех пор, пока валюта продолжает оставаться в своем обычном состоянии и все остальные статические корректировки продолжаются.

Воздействия, нарушающие Статическое равновесие.—Может показаться, что влияния, нарушающие такое статическое равновесие, слишком многочисленны, чтобы их можно было описать; и все же эти изменения можно разделить на пять основных типов:—

1. *Рост населения.* Предложение рабочей силы растет, и этот факт сам по себе требует постоянной корректировки групповой системы.

2. *Увеличение капитала.*—Объем капитала увеличивается, и это изменение также нарушает статическое равновесие и требует перестройки. Что касается заработной платы и процента, то эффект этого последнего изменения противоположен тому, который следует за увеличением количества труда. Когда людей становится больше при прочих равных условиях, их индивидуальная способность зарабатывать становится меньше. Увеличение капитала снижает доходность каждой единицы его предложения и снижает норму процента; но оно повышает норму заработной платы, поскольку заставляет сам труд действовать более эффективно.

Действительно, следует отметить, что когда в общество приходят новые работники, они становятся не только производителями, но и потребителями, и это влияет на полезность и ценность товаров. Когда все больше людей используют определенное количество потребительского богатства, ценности, измеряемые в предельных единицах полезности или бесполезности, повышаются. Увеличение капитала напрямую не нейтрализует этот эффект, поскольку оно не изменяет количество потребителей; но оно увеличивает количество товаров и снижает их полезность и стоимость. Рост "субъективных" ценностей, который следует за притоком рабочей силы, является признаком уменьшения богатства на душу населения, а снижение ценностей, которое следует за притоком капитала, является признаком увеличения богатства на душу населения.

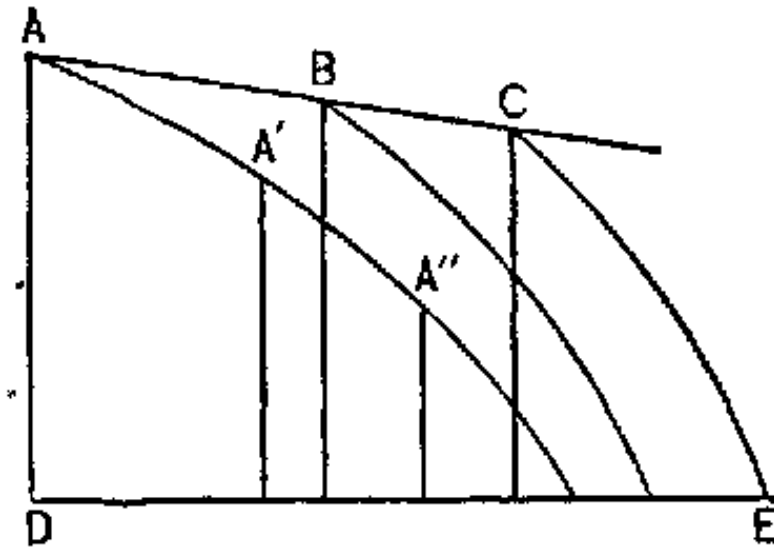
3. *Изменения метода.*—Изменения происходят в методах производства. Разрабатываются новые процессы, изобретаются усовершенствованные машины, используются дешевые двигатели, обнаруживается дешевое и доступное сырье, и эти изменения постоянно нарушают статическое состояние. Старые методы производства, несомненно, будут усовершенствованы, поскольку закон выживания наиболее приспособленных гарантирует это.

В условиях конкуренции процесс, который при заданном количестве труда и капитала позволяет производить более крупный продукт, неизбежно вытесняет тот, который получается меньшим. Работодатель, использующий лучший метод, недооценивает тех, кто использует более низкие методы, и вынуждает их либо совершенствовать свои собственные методы, либо уходить из бизнеса. Таким образом, работающее человечество в целом постоянно наращивает производство энергии, поскольку технические средства человека все более и более эффективно вооружают его для борьбы с природой и позволяют ему подчинять ее себе более быстро и основательно. Казалось бы, они должны оказывать только положительное влияние на заработную плату, и в долгосрочной перспективе они неизменно оказывают такое влияние. В отсутствие улучшений было бы мало надежды на будущее наемных работников. Непосредственный эффект улучшений на отдельных работников, как мы увидим, не всегда безусловно хорош, но существенный эффект является общим и постоянным, и характер его был засвидетельствован прошлым опытом слишком полно, чтобы подвергаться сомнению. В совершенствовании производства заключается надежда трудящегося человечества. Почти вся доходность труда в наши дни является результатом улучшений, имевших место в прошлом, хотя эти достижения не были обеспечены без возникновения местных и временных трудностей. Если в будущем заработная плата труда удвоится или учетверится в результате ряда улучшений, начинающихся сейчас и простирающихся на отдаленный период, этот прогресс не может быть обеспечен даром. Затраты будут меньше, чем на улучшения в прошлом, но они будут реальными. Самым важным фактом является то, что их, как правило, становится все меньше и меньше, а выигрыш неизмеримо превышает их.

4. Организационные изменения.— Происходят изменения в способе организации предприятий, в которых производятся товары, и, поскольку они происходят в условиях активной конкуренции, они также являются усовершенствованиями и придают дополнительную производительную силу. Фабрики и магазины становятся больше и относительно меньше. Происходит масштабное движение за централизацию, поскольку крупный магазин недооценивает продажи и подавляет меньший, а комбинации объединяют множество крупных магазинов под одним руководством. Эффект от этого, когда это происходит совершенно нормальным образом, сродни эффекту от совершенствования метода. Это приносит некоторую пользу обществу в целом за счет отдельных членов общества и приводит к росту заработной платы, постоянно увеличивая способность людей, которые ее зарабатывают, создавать богатство. Мы увидим, что, когда консолидации подавляют конкуренцию, их эффект далек от того, чтобы быть полностью благотворным, и что от них страдают не только отдельные лица, но и сообщество в целом, которому есть что предъявить против них. Обеспечение выгод, которые приходят благодаря консолидации, без подобных пороков, - это цель, реализация которой будет обременять государственную мудрость будущего.

5. Изменения в желаниях потребителей.— Желания потребителей меняются. Они становятся все более многочисленными, а также более утонченными и интеллектуальными. Это расширение желаний следует за общим увеличением производительной силы, поскольку каждый человек уже хочет чего-то, чего он не может получить, и во всем обществе есть ряд неудовлетворенных желаний, выходящих за пределы фактического удовлетворения. Даже если бы все эти желания, которые сейчас близки к точке фактического удовлетворения, были удовлетворены, желания сразу же проецировались бы дальше. Простое увеличение способности зарабатывать без какого-либо специального образования увеличивает масштаб потребностей, но интеллектуальный и моральный рост сопутствует ему в этом направлении и

переводит скрытые потребности в активное состояние. Все более и более жадно люди ищут то, к чему раньше дремало их желание. Изменения такого рода влияют на ценности, заставляют труд и капитал переходить от группы к группе и, таким образом, приводят к тому, что общество в целом производит меньше одних товаров и больше других. Иногда они приводят к появлению совершенно новых групп и отбирают рабочих и оборудование у старых.

Преимущество разнообразия желаний.—Одним из очень заметных эффектов диверсификации потребностей является повышение совокупной полезности массы товаров, произведенных при заданных затратах труда. Измерьте все богатство, доступное для потребления, на основе труда, необходимого для его создания, и окажется, что оно имеет большую полезность и представляет большую ценность для общества в результате этой эволюции, происходящей в природе индивидуального потребителя. Данный объем рабочей силы приносит наибольшую пользу мужчинам, чьи потребности носят самый разнообразный характер. Если *A*, *B* и *C* являются тремя товарами, и если их полезность снижается по мере того, как потребителю последовательно передаются их единицы, вдоль кривых, спускающихся от букв *A*, *B* и *C* диаграммы, то ясно, что человек, потребление которого ограничено товаром *A*, получает меньшую выгоду от трех единиц богатства, чем человек, который потребляет *A*, *B* и *C*. Полезность первой единицы измерения *A* измеряется вертикальной линией от *A* до линии *DE*, второй - линией от *A* до *DE*, а третьей - линией от *A* до *DE*. Полезность первой единицы *B* измеряется расстоянием от *B* до линии *DE* и превышает полезность второй единицы *A* на разницу между длинами этих линий. Аналогичным образом полезность *C* превышает полезность третьей единицы *A* на разницу между длиной линии, идущей от *C*, и длиной линии, идущей от *A*. Убывающая полезность дохода человека, удовлетворяющего три потребности, представлена медленно убывающей кривой *ABC*, в то время как убывающая полезность дохода человека, удовлетворяющего только одну потребность, уменьшается по резко убывающей кривой *A, A, A*. [1]

Изменения в статических стандартах.— Главным результатом всех изменений, происходящих в более высокоразвитых странах, является постоянный рост не только фактической заработной платы, но и теоретического уровня заработной платы. Статическая, или "естественная", норма оплаты труда сегодня выше, чем была пятьдесят лет назад, и ниже,

чем она, естественно, будет через пятьдесят лет. Устранение всех мешающих влияний и предоставление обществу возможности прийти сегодня к совершенно статичному состоянию выявило бы теоретический уровень нынешней заработной платы. Выполнение того же самого по прошествии пятидесяти лет показало бы, какой тогда была бы естественная или стандартная норма; и это было бы выше, чем нынешняя. Повысилась бы не только фактическая оплата труда, но и стандарт, которому она, как правило, соответствует, становился бы выше с каждым интервалом. Фактическая ставка заработной платы в любой момент времени отличается от стандартной; но поскольку и та, и другая повышаются от десятилетия к десятилетию, фактическая ставка все время колеблется на определенном расстоянии от стандартной.

Влияние на ценности.—Точно так же стоимость товаров, измеряемая в рабочей силе, в целом будет снижаться. Ни в какой момент фактические рыночные цены не будут точно выражать количество предельного труда, необходимого для производства различных изделий, но они будут выражать это приблизительно. Товары будут продаваться на рынке примерно за сумму, достаточную для оплаты труда, которого, при использовании в качестве предельного труда, достаточно для их производства; и по мере того, как это количество труда, вложенного в данное изделие, растет все меньше и меньше, цены на товары будут фактически окупать все меньшее и меньшее количество рабочих дней. Стандартной ценой чего-либо будет сумма денег, необходимая для оплаты труда по его изготовлению, при условии, что мы всегда соблюдаем осторожность и используем только труд с пустыми руками при применении критерия и что мы ставим этот труд в предельное положение, как описано в главах IV и V, и таким образом отделяем продукт, который приписывается ему, от того, который приписывается капиталу. Если заработная плата, выплачиваемая деньгами, остается неизменной, нормальные цены будут снижаться, и фактические цены будут колебаться вокруг них в своем нисходящем направлении, так что на товары фактически будет покупаться все меньшее и меньшее количество рабочей силы, или, что то же самое, рабочая сила будет обеспечивать в качестве своей оплаты все больше и больше товаров.[2]

СНОСКИ

[1] Об исследованиях влияния диверсификации потребностей см. С. Н. Паттен, "Потребление богатства". Будет видно, что необходимо учитывать, во-первых, естественное расширение потребностей, происходящее от увеличения производительной силы, и, во-вторых, изменения в качестве потребностей, подлежащих удовлетворению, которые иногда опережают любые изменения в производственной системе и требуют новых видов товаров.

[2] При измерении стоимости трудовых благ в главах IV и V мы вычленили из количества товаров, которое является совместным продуктом труда и капитала, ту часть, которая относится только к труду. Способ выполнения этого там изложен более полно. Старого и грубого метода использования трудового стандарта стоимости, который предполагает, что за продукт единицы труда, *которому помогает капитал*, всегда можно купить продукт другой единицы труда, *которой помогает капитал*, мы должны всячески избегать.

В связи с затратами труда на различные предметы следует помнить, что в сельском хозяйстве эффекта совершенствования методов не всегда может быть достаточно, чтобы противодействовать действию так называемого закона убывающей отдачи, который обеспечивает при данном уровне развития сельскохозяйственной науки меньший объем продукции на душу населения, когда на данной территории работает больше людей. То, что это

влияние должно преобладать над влиянием улучшенных процессов, требует, чтобы численность населения увеличивалась с определенной скоростью, которая может сохраняться, а может и не сохраняться.

ГЛАВА XIII

ПРЕДЕЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Когда мы пытаемся установить стандарт, которому обычно должна соответствовать заработная плата, возникает вопрос, какую часть земли мы имеем в виду. Существует ли уровень, при котором оплата труда в Европе, Азии, Африке, Австралии и Америке имеет тенденцию к постоянству? Существует ли общая норма процента, которая является нормальной во всех этих крупных подразделениях, и существуют ли также общие стандарты стоимости товаров, которые определяют их цены на всех рынках мира? Если таких стандартов, имеющих универсальную силу, не существует, существуют ли какие-либо, действующие в пределах отдельных географических подразделений? По какому принципу мы можем разделить землю на участки в экономических целях? Таковы некоторые из вопросов, на которые необходимо ответить, если мы хотим, чтобы теория распределения имела какое-либо определенное значение, и они возникают всякий раз, когда мы пытаемся установить статический стандарт любого рода. Если мы говорим о естественной заработной плате, мы должны знать, в какой части мира она естественна. Вопросы становятся еще более актуальными, когда мы пытаемся решать динамические проблемы. Нам придется определить последствия притока рабочей силы в экономическое общество, которое мы изучаем; но означает ли это увеличение численности населения в мире в целом? Имеет ли приток капитала такое же всеобъемлющее значение и означает ли улучшение метода производства какого-либо товара изменение в способе его производства в каждой части мира, где он вообще производится? Нам нужно знать, насколько обширно общество, деятельность которого мы исследуем.

Характеристики экономического общества. — Мы сказали, что существуют естественные нормы заработной платы и т.д. В пределах некоторой территории, которую мы рассматривали как вмещающую экономическое общество, и мы рассматривали этот социальный организм во многом так, как если бы он был изолирован и самодостаточен, как был бы недоступный остров с его населением. Здесь есть один общий рынок, где установлены ценности. Фермер в районе, охваченном нашими исследованиями, производит пшеницу для всего общества, и так или иначе, каждый человек в этом районе является участником торгов. Сапожник шьет обувь, а ткачиха - ткань, чтобы предложить ее всем. Каждая часть организма служит целому, и целое служит ей. Конкуренция в идеале свободна и в некотором смысле универсальна. Общая система групп, состоящая из букв "А", "В", "С" и "Н" в нашей таблице, иллюстрирует способ организации этого целостного и самодостаточного общества. В статичном состоянии существует единый стандарт заработной платы для всех этих групп и их подразделений и один в равной степени общий стандарт процента. Цена товара, за исключением некоторой надбавки на расходы по его транспортировке, везде одинакова. Сниженная цена на АМ в любой части территории, где обитает это общество, заставила бы людей делать ставки на него со всех концов этой территории и, таким образом, привела бы местные цены к единообразию. Таким

образом, высокий уровень оплаты труда в одной части сразу же привлек бы мужчин из всех других частей и снизил бы высокую оплату до общепринятого стандарта. Картина представляет собой социальную структуру, имеющую большую географическую протяженность и в то же время чрезвычайно чувствительную в каждой точке к экономическим влияниям. Цены, заработная плата и проценты повсюду одновременно реагируют на влияние, которое возникает в любой части обширной территории. С технической точки зрения это означает, что существует совершенная мобильность рабочей силы и капитала внутри групповой системы, представленной таблицей, и что это предполагает столь же совершенную мобильность, как и между частями территории, которую населяют группы. Мужчины переезжают из одной части страны в другую в ответ на экономический стимул с такой же готовностью, как из группы А в группу В.

Барьеры, которые разделяют Мир на экономические разделы.— Теперь ясно, что в реальном мире сменить место жительства сложно, и даже перевод капитала с места на место в какой-то степени является таковым. Неравенство в способах получения дохода не нивелируется быстрой миграцией рабочей силы из Китая в Европу или Америку. В своих методах производства различные регионы не приведены к единообразию, поскольку здесь есть машинный труд, а там - ручной; и напрасно ожидать, что машины быстро станут универсальными и что практические искусства Америки, Африке и Азии станут единообразными благодаря такому быстрому внедрению наиболее эффективных процессов, каких требует экономический закон при отсутствии трений.

Границы Общества, которое здесь изучается.—Если мы возьмем мир в целом в круг, охватываемый нашими исследованиями, мы обнаружим, что труду, по сравнению с другими экономическими элементами, явно не хватает текучести и его нелегко перемещать. Она далека от того, чтобы быть похожей на воду, которая легко течет и быстро достигает своего уровня, она больше похожа на смолу или другое вязкое вещество, которое течет медленно и долго выравнивает локальные неровности на своей поверхности. В мире в целом есть регионы, перенаселенные людьми, и другие регионы, почти безлюдные, и пройдет много времени, прежде чем некоторые из этих различий будут значительно уменьшены. Действительно, должно пройти много столетий, прежде чем они будут полностью удалены. Если, однако, мы возьмем наиболее активную часть мира — западную Европу, большую часть Северной Америки, Японию и более заселенные части Австралии, — рабочая сила продемонстрирует такую степень мобильности, которая сделает ее более похожей на воду из иллюстрации, а капитал в этом активном центре промышленных операций будет еще более подвижным. Цены здесь стремятся к определенным общим стандартам, а производственные процессы и методы организации сил, выполняющих производственную работу, сильно тяготеют к единообразию. Лучшие процессы и наилучшие формы организации, как правило, выживают. Существуют настоятельные причины для изучения экономики этого высокоцивилизованного региона, центра экономической деятельности мира, отдельно от экономики более неразвитых регионов.^[1]

Необходимость Правила, по которому к Части Мира можно было бы относиться как к Экономическому обществу.— Это включает в себя поиск способа, с помощью которого мы можем относиться к ограниченной части мира во многом так, как если бы для наших целей это был весь мир целиком. В существенных отношениях экономический центр, который мы описали, действительно действует так, как если бы он был целостным организмом сам по себе. Мы должны провести пограничную линию вокруг области активного движения, оживленных

обменов и общей чувствительности к экономическим влияниям, отделив ее таким образом от более широкой зоны вялого движения капитала и населения, медленной реакции на экономические стимулы и в целом отсталых условий.

Свобода передвижения как испытание. В Европе, Америке и других развитых регионах товары перевозятся с места на место так легко и быстро, что существует тенденция к единообразию цен; и такие местные различия в ценах, которые существуют в случае любого товара, не намного превышают стоимость его перевозки из одного места в другое, хотя в стоимость его перемещения часто приходится включать пошлину, взимаемую правительством на таможене. Капитал перемещается свободно, и существует определенный подход к общему уровню процентной ставки, хотя и здесь, конечно, сохраняются местные различия. Препятствие для перемещения капитала из одного места в другое, если владелец не едет с ним, вызвано главным образом риском, с которым он сталкивается, и виртуальным счетом за страховку. С учетом этих затрат процентные ставки в описанном нами регионе стремятся к общему уровню. Хотя рабочая сила мигрирует медленнее капитала, внутри экономического центра она перемещается гораздо быстрее, чем во внешних зонах. Производственные процессы не приведены к полному единообразию внутри центра, но они сильно стремятся к этому; ибо, хотя препятствия существуют, они уверенно и не всегда медленно устраняются. Принимая во внимание такие различия в методах, как те, которые существуют между европейскими способами производства продуктов и американскими способами, мы можем сказать, что тенденция к общему выживанию лучших методов слишком сильна, чтобы позволить каким-либо важным различиям оставаться постоянными. Короче говоря, повсюду, в пределах центральной зоны, наблюдается сильная тенденция соответствовать экономическим стандартам в том, что касается цен, заработной платы, процентов, производственных процессов и форм экономической организации. Стандарты - это то, что мы определили как статичные. Если мы остановим прогресс и все мешающие влияния и подождем достаточно долго, мы увидим, что ценности, заработная плата, проценты и т.д. Находятся на статичном уровне на обширной территории. Это, однако, потребовало бы, чтобы миграции продолжались до тех пор, пока не исчезнет всякий стимул к переезду с места на место. Тогда население распределилось бы по земле наиболее выгодным образом, и ни одна группа людей не была бы в лучшем положении, чем любая другая, из-за местоположения своего жилища. Потребуется длительный период, чтобы осуществить эту адаптацию даже в пределах ограниченной территории, где факторы, способствующие переменам, очень активны и где препятствий гораздо меньше, чем в нецивилизованных регионах.

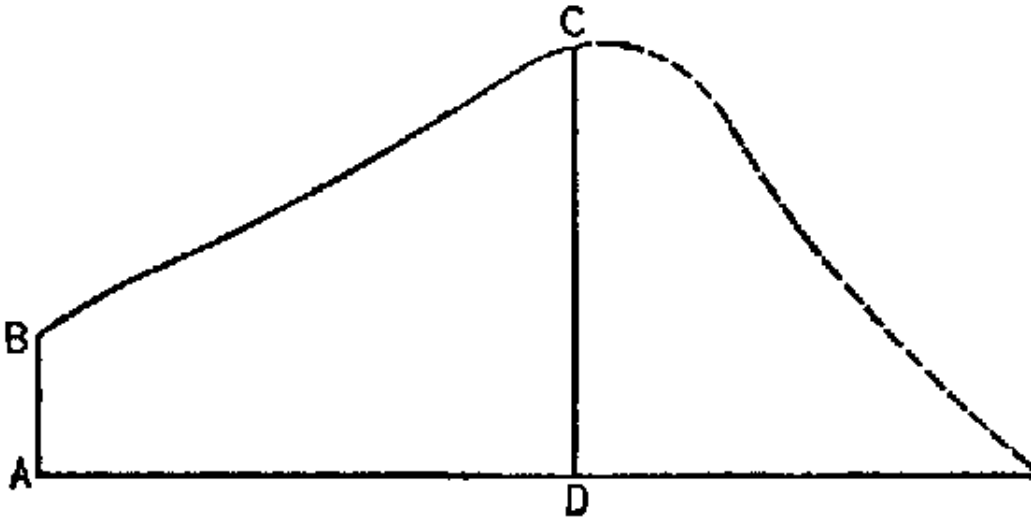
Существенная плотность населения.—Идеально статичное состояние требует не идеально равного распределения населения, а такого распределения, при котором нет причин для дальнейшей миграции. Способность почвы прокормить своих обитателей зависит от ее плодородия. Там, где земля высокопродуктивна, густонаселенное население может жить легко; тогда как на стерильной почве даже немногочисленное население может счесть природные ресурсы слишком скудными, и люди могут переехать в места, которые более густонаселены, и все же могут выиграть от перемен. Более того, такие занятия, как производство и торговля, требуют, конечно, гораздо большего населения на данной территории, чем любая форма сельского хозяйства. Некоторые регионы настолько нежелательны в качестве мест обитания, что требуется исключительное экономическое вознаграждение, чтобы побудить мужчин жить там. Статическое состояние - это такое, в котором, учитывая все эти обстоятельства, нет причин менять место своего пребывания. Это подразумевает более близкую к равной плотность на

единицу природных ресурсов, чем равную плотность на единицу простой площади. Выравнивается неравенство преимуществ из-за местоположения, и это не требует и не допускает, чтобы плотность населения на квадратную милю или акр была везде одинаковой.

Влияние различий в занятиях.— Регионы, отданные под сельское хозяйство, естественно, обеспечивают существование большего количества людей, чем те, которые занимаются выпасом скота, а те, которые заняты производством, обеспечивают существование большего количества людей, чем те и другие. В странах, в которых, как в Великобритании, обрабатывающая промышленность развита настолько непропорционально, что продукты должны в основном экспортироваться, в то время как продовольствие должно в значительной степени импортироваться, данные районы обеспечивают большее количество населения, чем в любом сельскохозяйственном или пастбищном регионе, и больше, чем в любом регионе, где выпас скота и обработка почвы, с одной стороны, и производство, с другой, хорошо сбалансированы. На фабриках и заводах вспомогательный капитал настолько многочислен, что заменяет изобильную землю, доступную в других случаях для того, чтобы сделать труд плодотворным, а в деревнях и городах труд не перенапрягает ресурсы почвы больше, чем на фермах. Здесь достаточно места для жизни и работы, а также достаточно инструментов и материалов для работы. В стране, в целом перенаселенной, обращение к торговле и производству снимает нагрузку на землю, городов становится много, а обилие капитала предотвращает опасность катастрофической перенаселенности.

Приблизительно статичное распределение населения.—Распределение населения между различными районами страны может быть почти нормальным, в то время как миграция все еще может продолжаться из этой страны в целом в отдаленные части общей территории, которые мы включаем в наше настоящее исследование. Может быть небольшая причина для переезда из одной части Германии в другую и большая причина для переезда из Германии в Америку. Это крупное перемещение занимает много времени, в то время как некоторые другие корректировки могут быть внесены быстрее. В Германии и Соединенных Штатах рабочая сила может быть хорошо распределена между различными профессиями. В каждой стране может быть примерно одинаковое количество прядильщиц хлопка, металлургов, садовников, выращивающих пшеницу и т.д.; или, другими словами, распределение рабочей силы между промышленными группами может быть приблизительно нормальным как в пределах одной страны, так и в пределах другой. Кроме того, может быть правдой, что разделение занятий между двумя странами в целом - это примерно то, чего требует экономическое право в сложившихся сейчас условиях. Есть определенные отрасли промышленности, которые в настоящее время имеют свою среду обитания в Германии, и некоторые другие, которые имеют свою среду обитания в Соединенных Штатах, и такое расположение частично обусловлено сравнительной плотностью двух популяций. Поскольку в Германии на квадратную милю земли приходится так много людей, там наблюдается определенное преобладание обрабатывающей промышленности, а в Америке меньше обрабатывающей промышленности и относительно больше сельского хозяйства. В то отдаленное время, когда относительная плотность населения двух стран станет постоянной, у Америки будут основания увеличить сравнительный объем производства и, таким образом, поставить себя в этом отношении ближе к Германии. Это занятие обычно встречается в регионах со сравнительно плотным населением, и увеличение сравнительной плотности означает увеличение количества производственной энергии, затрачиваемой на него. Место для мельницы - там, где земля перегружена, а лучшее место для обработки почвы - там, где ее нет.[2]

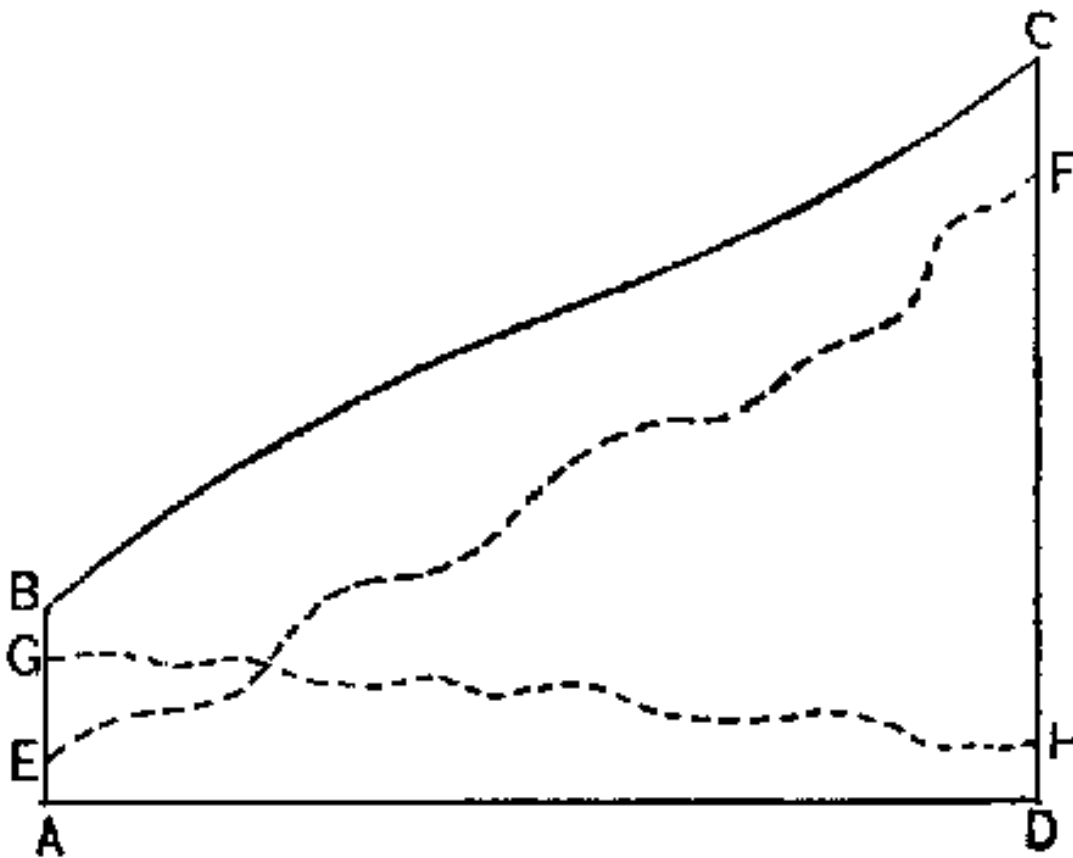
Как можно лечить неестественное распределение населения.— До тех пор, пока медленное перемещение населения из страны в страну остается неполным, окончательное разделение занятий между странами никогда не может быть полностью статичным. Следовательно, в первую очередь нам приходится иметь дело с разделением, которое является лишь приблизительно статичным, и это осознается, когда с учетом существующей в настоящее время сравнительной плотности населения в различных регионах естественно распределяются профессии.

Базовая линия *AD* на этом рисунке обозначает часть мира, в которой экономический закон работает быстро и сталкивается со сравнительно небольшим количеством препятствий; а продолжение линии представляет земли за пределами этого региона, в которых законы действуют вяло. Это похоже на то, как если бы эта базовая линия была участком обширной поверхности, включающей как цивилизованные, так и примитивные государства. *AB* представляет наименьшее население на единицу земли данного качества в центральной области, а *DC* представляет наибольшее, в то время как восходящая линия *BC* показывает градации существенной плотности населения в разных ее частях. В точке *A* давление населения на ресурсы почвы наименьшее, в то время как в точке *D* оно наибольшее. В точке *A* человек может получить от почвы много в качестве отдачи за свой собственный труд, в то время как в точке *D* он может получить сравнительно мало; а в промежуточных точках базы человек получает больше, чем в точке *D*, и меньше, чем в точке *A*. Его доходы, измеряемые в бушелях пшеницы и т. д., изменяются обратно пропорционально плотности населения и, таким образом, уменьшаются слева от рисунка вправо, пока не будет достигнута точка *D*. Занятия в различных населенных пунктах определяются этими фактами.

Как меняются профессии в зависимости от скученности Земель.— Перенаселение пахотных земель приводит к естественному притоку рабочей силы на производственные предприятия, поскольку там она не так сильно стеснена в средствах по сравнению с рабочей силой в более малонаселенных регионах. На хлопчатобумажной фабрике в Манчестере человек может вложить в производство столько ярдов в день, сколько он вложил бы на фабрике в Фолл-Ривер; но на английской ферме труд одного человека не создает столько продукции, сколько на американской ферме. Большое количество доступной земли на человека в Америке оказывает большое влияние на количество, которое человек может произвести, обрабатывая ее, но это

очень мало влияет на количество хлопчатобумажных изделий, которые обеспечивают его присутствие и труд на фабрике. Таким образом, при выращивании сельскохозяйственных культур англичанин находится в более серьезном невыгодном положении по сравнению с американцем. Этот факт выражается практическим образом в том, что английский труд дешевле и, следовательно, более доступен для производства товаров, экспортируемых на отдаленные рынки мира, чем труд того же рода в Америке; но причиной этой дешевизны является прежде всего скученность земель, которая снижает производительную силу конечной единицы труда в бывшей стране. Поскольку человек не может добыть для себя много бушелей пшеницы в год, работая на земле, он может позволить себе работать на мельнице по ставке, соответствующей стоимости продукта, которую он мог бы обеспечить как земледелец.[\[3\]](#)

Общие различия между состоянием густонаселенных регионов и состоянием малонаселенных.—В самом общем виде можно сказать, что сравнительный объем обрабатывающей промышленности, естественно, должен изменяться прямо пропорционально плотности населения, и что сравнительный объем сельского хозяйства должен изменяться обратно пропорционально ей. При вычислении плотности, как уже было указано, должное внимание должно уделяться качеству земли, а также площади, поскольку количество жителей, которое чрезмерно заселило бы стерильный сельскохозяйственный регион, может хорошо поддерживаться на плодородном. На прилагаемом рисунке линия AD , заключенная в вертикальные линии, представляет часть земли, которую мы назвали центральной, и левая ее сторона - это часть этой области с самым редким населением, в то время как правая сторона - это та, где население самое густонаселенное. Восходящая линия BC представляет различную плотность населения в разных частях обширной территории, которую мы рассматриваем как

экономическое общество в целом, пунктирную линию EF можно рассматривать как выражение увеличения доли труда и капитала страны, направляемых на производство, по мере увеличения плотности населения, AE измеряет пропорциональное число лиц, занятых в производстве в регионе с наименьшей численностью населения, а DF измеряет сравнительную численность в регионе с наибольшей плотностью населения.

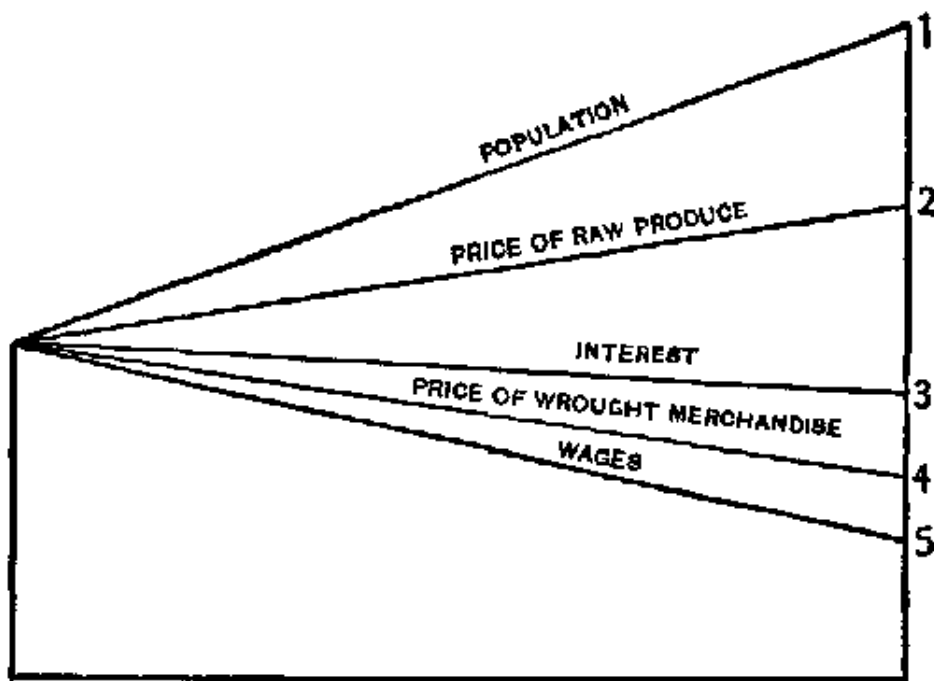
AG и DH представляют численность занятых в сельском хозяйстве в двух регионах, а нисхождение линии GH представляет преобладание сельского хозяйства в малонаселенной части и подчинение ему в густонаселенной части. Если мы предположим, что капитал в различных видах занятости меняется так же, как и рабочая сила, то отклонение этой линии вправо означает уменьшение доли всей рабочей силы и всего фонда капитала, затрачиваемого на обработку почвы; в то время как тенденция к повышению EF означает увеличение доли труда и капитала, затрачиваемых на производство, по мере того как мы переходим от региона с редким населением к регионам, все более и более перенаселенным. Волнистый характер двух пунктирных линий призван выразить тот факт, что местные условия, помимо простой плотности населения, благоприятствуют одному типу занятий, а не другому; и, более того, ничто на рисунке не означает, что рост производства и сравнительное сокращение обработки почвы слева направо на диаграмме находятся в какой-либо точной числовой пропорции к увеличению плотности населения. Рисунок в целом грубо отражает тот факт, что приближение к статическому распределению населения обеспечивает приближение к статическому распределению профессий в пределах описываемой области и указывает на общий характер этого распределения.

Как уравнивать издержки производства и приобретения. Затраты на перемещение товаров с места на место, включая коммерческие сборы и пошлины, налагаемые правительствами, являются причиной большей части производства, которое осуществляется в регионе, представленном в левой части диаграммы, за исключением производства таких изделий для непосредственного или местного потребления, которые обязательно производятся в местах их использования или поблизости от них. [4] Пошив одежды, кузнечное дело, плотницкое дело, общий ремонт и т.д. Всегда производились бы в этом регионе, но многие виды основных товаров, которые можно было бы транспортировать, при отсутствии пошлин на импорт производились бы в основном в регионе с плотным населением и дешевой рабочей силой.

Общее правило для определения того, может ли отрасль производства выжить в районе изобилия земли и хорошо оплачиваемой рабочей силы, заключается в следующем: она может выжить, если стоимость изготовления изделия, производству которого посвящена данная отрасль бизнеса, так же низка, как стоимость его приобретения путем обмена. Стоимость в обоих случаях может быть сведена к простой рабочей силе, и тогда правило останется в силе таким образом: если за десять дней труда будет изготовлено изделие, а за девять — что-то, что можно на него обменять, — т.е. Если все издержки обмена могут быть покрыты и вещь может быть привезена из-за границы с общей затратой девяти дней труда вместо десяти, — производство этого изделия не выживет. В регионе с изобилием земли и хорошо оплачиваемой рабочей силы правительства взимают главным образом пошлины, которые делают получение произведенных продуктов путем производства других вещей для обмена на них столь же дорогостоящей операцией, как и их непосредственное производство. Плотность населения, чрезмерная обработка земли, мизерная отдача от сельскохозяйственного труда — вот условия, которые в первую очередь определяют среду обитания большинства видов производства. В

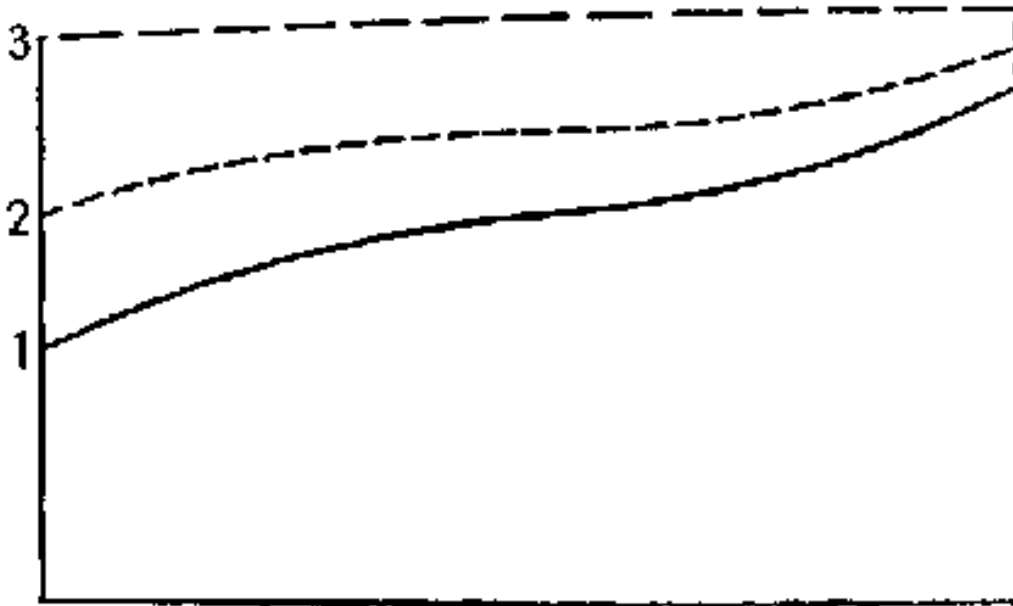
случае с конкретными продуктами эти влияния могут быть преодолены благодаря наличию на ограниченных участках малонаселенной территории исключительных природных преимуществ для производства. Природный газ, особые руды, определенные виды древесины и т.д. Могут привлечь некоторые отрасли производства в регион плодородных земель и высокой заработной платы; но поскольку сравнение, которое мы проводим, является наиболее общим, какое только возможно, мы можем с уверенностью утверждать, что в основном производственные процессы имеют тенденцию, при отсутствии исключительных воздействий, концентрироваться в регионе с плотным населением и низкой доходностью рабочей силы.

Приблизительная статическая корректировка цен.—В целом, и при существующих тарифах, цена на сырье несколько ниже в левой части рисунка, в то время как цена на товары высокого качества заметно ниже в правой части; и при нынешней сравнительной плотности населения и при отсутствии изменений в торговой политике со стороны правительств можно ожидать, что такое положение сохранится. Это примерно статическая корректировка цен. Покупка промышленных товаров в Европе долгое время будет прибыльной, если их можно будет беспошлинно пропускать через таможню, в то время как продукты питания в Америке будут несколько дешевле.

Статическая заработная плата и проценты.— Как уже было сказано, заработная плата сравнительно низкая справа и высокая слева от рисунка, в то время как проценты варьируются в двух регионах одинаково. В людном месте он ниже. Это происходит не из-за присутствия большого количества людей, поскольку само по себе это влияние имело бы тенденцию поддерживать производительную силу капитала и, как следствие, норму процента, и фактически проценты на капитал в Европе были бы ниже, чем если бы население там было менее многочисленным. Преобладающая норма устанавливается производительной силой очень большого фонда искусственного капитала, используемого многочисленным населением, скудно обеспеченным землей. Этот последний пункт является решающим в деле и является

основной причиной низкого интереса. Полное изложение этих фактов, сделанное в графической форме, показывает восходящую линию плотности населения, если двигаться слева направо, восходящую линию цен на сырые продукты, нисходящую линию цен на товары высокого качества и нисходящие линии заработной платы и процентов. Все эти строки отражают факты в широком смысле. Они имеют дело со средними показателями, а не с конкретными показателями. Труд, доходность которого снижается по линии, пронумерованной 5, бывает многих видов, а продукт, средняя стоимость которого изменяется по линиям, пронумерованным 2 и 4, бывает многих разновидностей. Скорость подъема или спуска линий не имеет особого количественного значения, и поэтому на рисунке не подразумевается, что заработная плата снижается быстрее, чем другие факторы. Более того, именно такие большие территории, как Англия, Германия, Франция или долина Миссисипи, включая как города, так и сельские земли, мы имеем в виду, когда говорим о плотности населения как возрастающей по линии, пронумерованной 1. В любом месте мы ожидаем найти города, в которых проживает больше людей на акр, чем в сельских округах. Цель рисунка - дать нам возможность с первого взгляда оценить пять различных корректировок, которые в основном следует рассматривать как приблизительно неизменные в пределах огромного региона, описываемого как экономический центр мира.[5]

Медленное изменение вышеуказанных настроек. — Линия, представляющая сравнительную плотность населения, конечно, медленно меняет свое положение по мере продолжения миграции из старых населенных пунктов в более недавно заселенные регионы. Если нынешнее распределение населения представить линией с номером 1, то распределение через сто лет может быть представлено пунктирной линией с номером 2, а то, что будет существовать по прошествии пятисот лет, может быть представлено пунктирной линией с номером 3. Поэтому даже в пределах экономического центра сравнительную плотность населения в разных районах не следует рассматривать как строго постоянную, и ее ни в каком смысле нельзя рассматривать как постоянную, когда мы прогнозируем эффекты, которые будут реализованы через несколько

столетий. Для проблемы, требующей одного-двух лет, общие условия, которые мы описали, можно рассматривать как, в основном, постоянные.^[6]

СНОСКИ

[1] Это далеко не означает, что экономические законы не работают в исключенной внешней зоне или что причины, берущие начало во внешней зоне, не оказывают никакого воздействия на центральную область. Как это происходит, мы увидим позже.

[2] Окажется, что производство реагирует на плотность населения, во-первых, замедляя эмиграцию из густонаселенной страны в целом; и, во-вторых, вызывая локальные перемещения внутри страны, в результате чего города и деревни растут и сокращают то, что в противном случае было бы избытком рабочей силы в сельскохозяйственных регионах.

[3] В этой связи смотрите обсуждение принципов международной торговли в книге Дж. С. Милля "Принципы политической экономии", книга III, глава XVI.

[4] Не может быть большой площади, из которой исключено производство. В сельской деревне есть свой кузнец, колесник и плотник, свои лесопилки и хрящевки; а производители створок, дверей, мебели и многих орудий труда изобилуют там, где сельское хозяйство является основной отраслью промышленности. Особые преимущества для производства обеспечивают внедрение других отраслей, а преимуществ близости к потребителям достаточно для поддержания многих из них. Ремонт, конечно, должен производиться повсеместно, и при изготовлении некоторых изделий для местного использования лучше всего, чтобы мастер находился там, где клиент всегда может до него дотянуться. Большие транспортные расходы благоприятствуют местной промышленности, высокий уровень производительности в сельском хозяйстве оказывает неблагоприятное влияние, а защитный тариф для производителей снижает отдачу от сельского хозяйства и благоприятствует обрабатывающей промышленности.

[5] Закон распределения занятий по территории, представленной диаграммой, если бы он был более полно разработан, представлял бы собой усиление закона международной торговли, изложенного в "Политической экономии" Милля, согласно которому страны естественным образом производят не только то, в производстве чего они имеют наибольшее абсолютное преимущество, но и то, в чем они имеют наибольшее относительное преимущество.

[6] Причина ограничения внимания центральной зоной отчасти, как мы уже указывали, заключается в том, что только здесь мы получаем быструю реакцию на экономическое влияние. Перепроизводство любого товара быстро снижает его стоимость по всей территории, а масса безработных рабочих влияет на заработную плату по всей территории быстрее, чем в обширной окружающей зоне.

Это, однако, лишь одна из причин такого ограничения объема нашего непосредственного исследования. Серьезным фактом является то, что, если мы включим в него весь мир, мы не сможем установить предложенным нами способом естественные стандарты, к которым стремятся ценности, заработная плата и проценты. Следует напомнить, что в статическом разделе этого трактата мы достигли "естественного" стандарта заработной платы, предположив, что все динамические изменения должны были прекратиться и что труд и капитал должны были перемещаться взад и вперед в системе промышленных групп до тех пор, пока каждый из этих агентов не произведет столько жев одной подгруппе, сколько в другой.

Расчеты такого рода в пределах ограниченной области можно было бы производить периодически, скажем, раз в десять лет, и если бы это было сделано, то был бы получен ряд статичных стандартов заработной платы. Сейчас эти стандарты становятся выше с течением времени. Статическая ставка оплаты труда, как правило, на любую конкретную дату выше, чем была стандартной для даты десятью годами ранее, и ниже, чем будет стандартной для даты десятью годами позже. Нормальная ставка оплаты труда, относительно которой колеблется фактическая заработная плата, является растущей.

Теперь, если мы представим в воображении абсолютно статичное состояние мира в целом, нам придется предположить, что рост населения в целом и увеличение совокупного капитала прекращаются, и что изобретения и новые координации больше не производятся. Затем мы должны подождать достаточно долго, чтобы обеспечить статическое распределение отраслей по всему миру и позволить каждой отрасли найти свою абсолютную среду обитания. Это потребовало бы унификации методов производства любого товара во всем мире. Ручной труд на Востоке должен был бы уступить место машинному производству, как это уже произошло в западных странах. Для строго статического регулирования даже плотность населения в различных секторах должна была бы быть фактически приведена к равенству. Пока продолжается этот почти бесконечный процесс, было бы необходимо, чтобы такие динамичные изменения, которые влекут за собой изобретения и открытия, были абсолютно исключены. Прекратить производство новых видов техники и столетиями ждать, пока по всей земле будет произведена статическая регулировка, — таков был бы порядок.

Итак, подобный тест показал бы падение заработной платы в более благоприятных частях земли, в то время как факты свидетельствуют о росте заработной платы. Приток населения с Востока, не подкрепленный соответствующим притоком нового капитала и более плодотворными методами производства, привел бы к падению заработка американского рабочего, и мы должны были бы на основе такого теста заключить, что его заработной плате в долгосрочной перспективе суждено стать ниже вследствие перемещения огромного населения, которое сейчас населяет великие азиатские страны. Нам следовало бы решить проблему, приостановив рост капитала и прогресс изобретений. Это может быть сделано на ограниченной территории, не давая ложного результата, потому что там корректировки происходят быстрее, и ожидание их не влечет за собой длительного паралича сил, которые создают большее богатство для трудящегося человечества. Примените тест статического состояния к экономическому центру, и он даст в целом верный результат; но он даст ложный результат, если его применить к миру в целом. Простое статическое переустройство мира заняло бы больше веков, чем мы склонны считать, и никакая истина, которую мы ищем, не будет раскрыта, если предположить, что на такой период силы прогресса остановлены.

ГЛАВА XIV

ПОСЛЕДСТВИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ В РАМКАХ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Как общая унификация методов производства сначала требует увеличения вывоза капитала из Центральной области и сдерживает иммиграцию рабочих.—Изучение причин взаимобмена, происходящего между экономическим центром и его окружением, показывает, что движение товаров, распространение современных методов производства товаров и перемещение капитала и рабочей силы через границы изучаемого нами экономического общества взаимозависимы. Открытие поля для прибыльной экспортной торговли повышает производительность труда на родине и, как правило, привлекает иммиграцию. С другой стороны, создание во внешней зоне рынка для продукции центра подготавливает почву для внедрения современных производств в более густонаселенные районы внешней зоны. Компания, которая продает хлопчатобумажные изделия китайцам или индусам, обнаружит, что можно сделать больше, используя дешевую рабочую силу этих народов для производства товаров с помощью эффективного оборудования. Торговля имеет тенденцию распространять знания о наиболее экономичных производственных процессах, и это накладывает определенный отпечаток на миграцию рабочей силы к центру. Со временем это поможет удержать китайцев в Китае и индусов в Индии. Это, однако, вызывает движение капитала из центра вовне, за которым со временем следует создание богатства во внешней зоне для собственников, проживающих в центре. Англичанин получает дивиденды от инвестиций во многие земли, не входящие в сферу, охватываемую настоящими исследованиями. В той мере, в какой он реинвестирует их в качестве капитала в эти земли, они удовлетворяют потребность, которая без них должна была бы удовлетворяться за счет нового вывоза капитала из родной страны, и поэтому они склонны сдерживать такой вывоз. Поскольку дивиденды возвращаются домой, они непосредственно нейтрализуют определенный объем вывоза капитала.

Эффекты, испытываемые Экономическим обществом в результате взаимодействия с Окружающей Средой. Внедрение улучшенных методов производства в центральной зоне обычно требует вложения там капитала, и это в значительной степени обеспечивается за счет чистой прибыли от предыдущей экономии на производстве и, в свою очередь, обеспечит чистую прибыль, которая преобразуется в капитал, необходимый для применения будущих изобретений. Изучение причин увеличения капитала, а также каждого из общих изменений, происходящих внутри центра, мы отложим для последующих глав; но сейчас нам необходимо знать, что изменения, происходящие внутри того, что мы определяем как экономическое общество, зависят от взаимодействия, которое это общество поддерживает со своей средой. Иммиграция через внешнюю границу общего деления увеличивает скорость роста населения внутри него, в то время как эмиграция снижает ее. Экспорт капитала сам по себе снижает норму накопления внутри страны, а импорт увеличивает ее. Внедрение в зарубежные регионы экономических методов, используемых у себя дома, изменяет торговлю, которая ведется между большими территориями, и существует постоянное соперничество между прямым и косвенным процессом получения товаров внутри страны. Когда единица труда может напрямую производить больше A , чем она может получить, производя A и обменивая его за границей на A , производство A является законным и прибыльным, но когда единица труда может производить больше A посредством косвенного процесса, в который вмешивается обмен с иностранным

регионом, статический закон требует прибегнуть к этому косвенному процессу. Мы должны сделать A и купить A' , чтобы получить максимальную отдачу от последнего товара. В этом суть проверенного временем аргумента в пользу свободы торговли, но вывод, к которому он приводит, видоизменяется при рассмотрении дальнейших динамических воздействий, которые будут представлены в свое время.

Как мы можем получить достоверные результаты, изучая только часть Мира.—Вполне возможно самостоятельно изучить деятельность такой части мира, и поэтому мы проведем демаркационную линию между странами, составляющими ее экономический центр, и, таким образом, включим область, в пределах которой экономические причины приводят к быстрым последствиям. Каждая часть этой области быстро реагирует на воздействия, которые возникают в любой другой части. Если сталелитейные заводы в Америке внесут радикальные усовершенствования в свое оборудование, это изменение должно, в отсутствие сильной монополии, повлиять на цены на рельсы в Англии, Германии и т.д. В центральном регионе заработная плата и процент стремятся к единообразию, хотя, как мы видели, они этого не достигают. По ту сторону границы, которая отделяет этот центр от внешней зоны, экономические влияния действуют более слабо и неспособны привести нормы заработной платы и процента даже к приблизительному равенству. Западную Европу, Америку и любые регионы, находящиеся в очень тесной связи с ними, мы рассматриваем как общество, а остальной мир - как его окружающую среду. Этот центр ведет торговлю с окружающим регионом, направляет туда часть капитала и рабочей силы и привлекает часть каждого из них оттуда в родные страны. Вольно или невольно, это обучает население внешнего региона современным методам производства и, таким образом, вызывает то, что мы можем рассматривать как медленную аннексию части внешней зоны экономическим центром и изменение характера промышленности внутри страны и за рубежом. Основное движение рабочей силы происходит во внутреннем направлении, и с нашей точки зрения это иммиграция не только в одну страну, но и во все экономическое общество. Преобладающим движением капитала была внешняя торговля.

Способ изучения взаимобмена между Центром и окружающей зоной.—Все эти движения должны быть признаны при изучении экономической жизни центрального общества. Как, например, рассматривать торговлю с неразвитыми регионами, если мы имеем в виду только центр? Это просто один из двух возможных способов получения товаров. Люди центра могут производить товар, который они используют, или они могут делать что-то для отправки в отдаленные страны в обмен на это. В последнем случае они приобретают его скорее косвенно, чем прямо, но они приобретают его благодаря своей собственной промышленности как в одном, так и в другом случае.

Естественный отбор способов приобретения полезных товаров.—Как мы уже говорили, под влиянием природы люди выбирают наиболее экономичный способ получения того, что они используют, или — что то же самое — они выбирают способ использования своего собственного труда и капитала, который даст им наибольшую отдачу в виде товаров. Существует конкуренция между различными методами непосредственного производства товаров, и выживает наилучший метод. Человек с хорошей машиной недооценивает человека с плохой; этот последний производитель должен улучшить свое оборудование или выйти из строя, и приборы, таким образом, стремятся к максимальной эффективности. Аналогичным образом существует конкуренция между прямым и косвенным способами получения товаров.

Человек, который, затрачивая определенное количество труда в течение недели на изготовление стали для экспорта, может получить в обмен пятнадцать ярдов шелка, может недооценить и вытеснить с поля человека, который, затрачивая такое же количество труда в течение недели на изготовление шелка, может произвести десять ярдов шелка. Импортёр естественным образом вытесняет производителя, когда, обмениваясь с иностранцами продуктом определенного количества труда, он может получить от них больше, чем может быть произведено дома таким же количеством труда. Производители, естественно, выживают, когда прямое производство дает большую отдачу. В наших исследованиях экономики наиболее развитого и централизованного общества мы можем рассматривать все импортируемое как произведенное косвенным путем. В некотором смысле деятельность этого общества почти самодостаточна, поскольку прямым или косвенным методом люди производят в пределах своих собственных границ большую часть того, что они потребляют. При этом они, естественно, максимально экономно используют силы, находящиеся в их распоряжении, и прибегают к трафику, когда это выгодно.

Способ рассмотрения вывоза капитала.— Капитал перемещается через границу в основном во внешнем направлении. Этот факт, сам по себе, был бы эквивалентен простому замедлению темпов прироста капитала внутри экономического центра; но экспортируемый капитал, поскольку он используется за пределами общества-экспортера, приносит доход владельцам, живущим внутри него. Доход поступает в натуральной форме, поскольку он принимает форму товаров, которые являются дополнением к товарам, импортируемым в ходе обычных обменов. Эта дань, выплачиваемая капиталистам в промышленном центре, поступает главным образом в виде потребительских товаров, получение которых не влечет за собой производства чего-либо для отправки в обмен на них. Материальный агент, создающий импортируемые товары, остается вне общества и отправляет свой продукт в общество без каких-либо компенсаций. Факт такого дохода, поступающего из-за пределов экономического общества, вынудил нас уточнить утверждение о том, что экономика общества самодостаточна, поскольку существует небольшая часть его дохода, которая создается не в пределах его границ. Это происходит за счет вывоза капитала и импорта некоторых его продуктов.

Последствия привлечения интереса к инвестициям за пределами социальных границ.— Не все из них являются потребительскими товарами. Некоторые капитальные блага импортируются, и, более того, многие потребительские товары передаются группе, названной в нашей таблице *НН*, — той, которая производит активные орудия производства, — и таким косвенным образом доходы от капитала, инвестированного за границей, увеличивают объем капитала внутри страны. В долгосрочной перспективе вывоз средств для постоянных инвестиций может, в силу других, более косвенных последствий, увеличить их предложение внутри страны. Буквальный факт каждого года заключается в том, что то, что экспортируется, само по себе является уменьшением суммы, которая в противном случае была бы добавлена к домашним запасам, но доход, получаемый от того, что было экспортировано в предыдущие годы, является дополнением к тому, что в этом году накоплено дома. Прежде всего, вывоз капитала следует рассматривать как вызывающий изменение нормы накопления капитала и, в долгосрочной перспективе, увеличение этой нормы.

Движение рабочей силы.— Рабочие пересекают границу в обоих направлениях, но стимулы благоприятствуют движению внутрь. В отсутствие реальных препятствий более плотное население Азии могло бы хлынуть в Америку с поразительной быстротой. Такое перемещение, в

каком бы масштабе оно ни происходило, следует рассматривать как вызывающее ускорение темпов прироста населения в центре. Какие бы результаты ни были получены в результате роста численности населения внутри страны, иммиграция подчеркивает это.

Усвоение экономических методов и форм организации.—Люди без центра заимствуют у него новые и более эффективные методы производства. Азиаты уже производят некоторые вещи с помощью машин, и когда они будут делать это в более широком масштабе, произойдут изменения, которые будут очень революционными в их собственной экономической жизни и повлияют на жизнь самого центра. Обучение использованию тысячи и одной машины разорвет Китай и возмутит Европу и Америку. В целом, более совершенное оборудование и более эффективная организация позволят Азии создавать для себя и, в конечном счете, экспортировать многое из того, что она сейчас импортирует, и это отразится на характере промышленности Америки и Европы. Мы несколько модифицируем наши отрасли промышленности, чтобы извлечь выгоду из новых возможностей для торговли, и некоторые из товаров, которые мы сейчас производим непосредственно, нам, возможно, покажется более выгодным получать путем обмена, то есть косвенного производства. С другой стороны, некоторые иностранные товары, которые мы сейчас получаем с большой экономией труда, потому что товары, которые мы обмениваем на них, дефицитны и дороги в странах, которые их получают, мы будем получать на менее выгодных условиях, потому что товары, которые мы сейчас отправляем в чужие страны, станут там более обильными и дешевыми. В общем, мы должны относиться к открытию прибыльного пути для торговли так же, как к изобретению новой машины, открытию более совершенного электрического передатчика или использованию более дешевой движущей силы. Это дает нам больше товаров в результате определенной затраты труда и капитала и дает прибыль, которая, как мы увидим, сначала достается *предпринимателям*, а затем рабочим и капиталистам в пределах черты оседлости. В конечном счете, те, кто живет за чертой бедности, получают свою долю этой выгоды.

Краткое изложение фактов, касающихся Экономического центра.—Таким образом, мы можем рассматривать определенную ограниченную часть мира как общество само по себе. Он видоизменяется под воздействием окружающей среды, но, в важном смысле, живет самодостаточной жизнью. Экономические изменения, происходящие в ИТ, можно сгруппировать по пяти общим разделам: увеличение количества рабочей силы, увеличение количества капитала, совершенствование методов, совершенствование организации и изменения в желаниях отдельных потребителей.

Географические границы Общества не установлены.—Границы этой центральной области не установлены. По мере того как отношения между центром и ближайшей к нему частью внешней зоны становятся все более и более интимными, прилегающая область приобретает характер центра. С экономической точки зрения он ассимилирован с ней; и таким образом, центр можно рассматривать как присоединяющий к себе пояс за поясом окружающий мир. В конечном счете это, несомненно, аннексирует всю страну; и по этой причине, даже если мы ограничим наши исследования центром, мы установим систему экономических законов, которые, в конце концов, будут применяться ко всему миру. Действительно, это не единственный способ, с помощью которого экономическая жизнь внешнего региона попадает в поле зрения экономиста, поскольку он может изучать ее саму по себе. Эта зона живет своей особенной жизнью, которая является отдаленным отражением жизни центра. Это вид экономической деятельности, в котором работают все первичные силы, но в котором существует множество

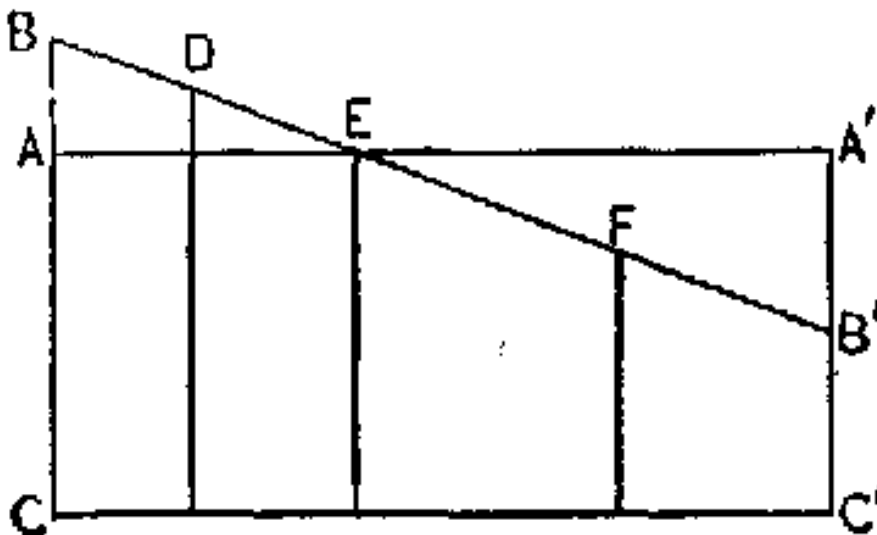
трений и корректировки вносятся крайне медленно. В настоящее время нас интересует жизнь самого центра, и при изучении этого мы принимаем во внимание влияние окружающей среды. Результаты этих воздействий сначала проявляются в изменениях скорости, с которой в центре выполняются пять общих динамических движений. Главный результат - более быстрый прогресс внутри центра.

Что входит в полное изучение относительной плотности населения. Полное рассмотрение вопроса о сравнительной плотности населения в различных местах включало бы расширенное изучение видов промышленности, которые находят свое естественное пристанище в густонаселенных странах, и тех, которые процветают в малонаселенных, и гораздо более подробное, чем это возможно здесь, отслеживание тех изменений в характере отраслей промышленности повсюду, которые являются результатом выравнивания различий в населении. Очевидно, что если бы вся Америка стала такой же перенаселенной, как Голландия и Бельгия, мы должны были бы развивать промышленность иного типа, чем та, которая у нас есть сейчас, и изменение было бы в направлении производства относительно большего количества формальных и относительно меньшего количества элементарных полезных веществ. Труд и капитал переместились бы из подгрупп, которые в нашей таблице мы называли А, В и С, в А, В и С. Мы должны тратить больше нашей энергии на производство готовой продукции и меньше на приобретение сырья. Я отмечу в самых общих чертах изменения в социальной индустрии, вызванные увеличением численности населения, не заглядывая в то отдаленное время, когда плотность населения выравнивается.

Почему приблизительно статичное регулирование отраслей промышленности в пределах Центральной области допускает неодинаковую плотность населения в разных ее частях.— Мы исключаем из поля зрения окончательное статичное регулирование всего мира и довольствуемся приблизительным регулированием внутри общества, как мы его определили. Даже в пределах этого предела существуют неравенства в плотности населения, для устранения которых потребовалось бы очень много времени, и совершенно статичное состояние не может быть достигнуто до тех пор, пока они не будут выровнены. Выбор отраслей промышленности в Техасе и Бельгии может быть, в конечном счете, естественным до тех пор, пока численность населения в этих двух регионах не будет настолько скорректирована, что больше не будет экономического мотива для миграции из одного в другой. Если бы для того, чтобы определить, каким было бы абсолютно статичное состояние центрального общества, мы применили правило представления о том, что все новые динамические влияния исключены, и предоставления времени, достаточного для достижения нормального распределения населения на этой ограниченной территории, мы столкнулись бы с той же трудностью, с которой столкнулись, когда мы предложили достичь аналогичного статичного состояния для всего мира, хотя проблема была бы менее серьезной по степени. Ожидая достаточно долго, пока популяция распределится естественным образом, мы отсекаем влияния, которые в течение этого периода повлияют на производство и распределение гораздо больше, чем изменение численности населения повлияет на них. Что касается Техаса или любого другого недавно оккупированного региона, то исключенные таким образом изменения - это те, которые имели бы тенденцию обратить вспять эффект перераспределения населения. Миграция из Бельгии в Техас, если она будет продолжаться широко и долго, снизит производительную силу рабочей силы в Техасе; в то время как динамические изменения, которые фактически произойдут в течение любого такого периода, увеличат производительную силу этой рабочей силы, и неизвестно, будет ли преобладать то или иное влияние. Для Соединенных Штатов в

целом вполне вероятно, что прогресс в полезных искусствах с лихвой компенсирует приток новых работников и придаст заработной плате тенденцию к росту. Если, однако, мы установим естественный уровень заработной платы, пресекая такой прогресс и позволяя притоку рабочей силы продолжаться, тест даст стандарт ниже нынешнего, что является ложным, а также обескураживающим результатом. Результат всех изменений, которые мы собираемся изучить, вероятно, придаст будущей оплате труда в Америке тенденцию к росту.

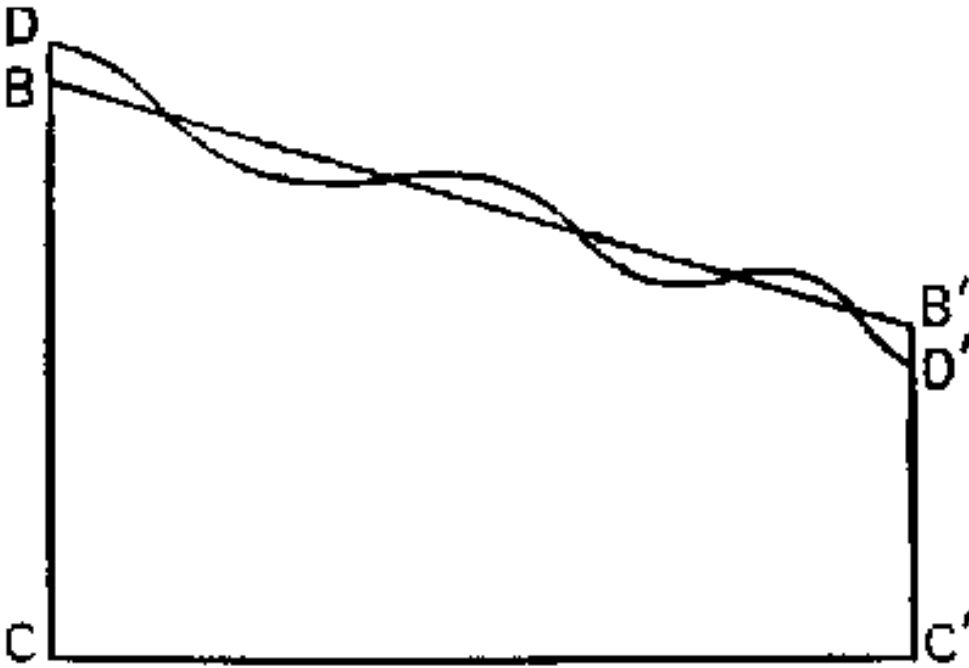
Как отрасли промышленности приспосабливаются к неодинаковой плотности населения.—Ввиду этого факта необходимо признать ближайшее, а не конечное статическое состояние как то, к которому непосредственно стремятся происходящие сейчас корректировки. Мы будем рассматривать неравномерную плотность населения в нашем экономическом обществе как нечто такое, что будет существовать не вечно, но так долго, что оно не будет устранено или существенно затронуто в течение периода, необходимого для других корректировок, которые мы изучаем. Учитывая плотность населения в Бельгии и редкость в Техасе, конкуренция заставит отрасли приобретать те типы, которые они имели бы и сохранили, если бы этой разнице в плотности было суждено стать постоянной. Таким образом, тип, к которому стремится экономическая жизнь обоих регионов, является ближайшим, а не окончательным. В ближайшем будущем каждый регион будет относиться к тому типу, к которому его подталкивают факторы, не предполагающие выравнивания численности населения. Мы получаем истинное направление изменений, происходящих в доходной способности рабочей силы и в форме промышленного организма в обоих регионах, признавая тот факт, что различия в плотности их населения будут сохраняться на протяжении рассматриваемого нами периода.

Если линия BC представляет производительную мощность единицы труда в малонаселенном регионе, а линия BC представляет производительную мощность единицы труда в густонаселенном регионе, мы можем предположить, что AC и AC , которые равны друг другу, представляют продукт единицы в любом населенном пункте, когда, поскольку общий прогресс исключен, разница в плотности населения должна была быть выровнена. Перемещайте людей

сразу и массово до тех пор, пока от их дальнейшего перемещения не останется ничего полезного, — пусть давление населения на землю будет полностью уравнено, — и можно предположить, что вы создадите условия одинаковой производительной силы для работников данного класса во всем регионе. Горизонтальная линия *AA*, которая везде находится на одинаковом расстоянии над линией *CC*, представляет универсальный уровень производительности труда в таком теоретическом условии. Строка *BB* представляет фактические и различные уровни естественного заработка рабочей силы в разных регионах. Предполагая, что все остальные статические корректировки внесены, но выравнивания численности населения не произошло, рабочая сила заработает сумму *до н.э.* в одном месте и сумму *до н.э.* в другом. Где-то он заработает сумму, представленную вертикальной линией, убывающей от *D*, а где-то выраженную линией, убывающей от *F*, в то время как будут места, где заработок рабочей силы измеряется линией, убывающей от *E*, которая представляет собой сумму, которую рабочая сила повсюду создала бы и получала, если бы население можно было быстро привести к нормальной жизни во всех регионах. Уровень заработной платы во всем огромном регионе, в основном европейском и американском, который составляет экономический центр мира, демонстрирует разный уровень в разных странах и частях стран, и фактические ставки в каждом месте колеблются около этого практически нормального для данного места стандарта, стандартная ставка в одном населенном пункте выше, чем в другом.

Линия *AB* превышает по длине линию *AB*, и это выражает тот факт, что выравнивание давления населения на землю в разных регионах больше увеличивает производительность труда в регионе, который сейчас перенаселен, чем уменьшает производительность труда в регионах, которые сейчас малонаселены. Перенаселенность наносит все больший вред, чем дальше она продвигается, и поэтому удаление избытка людей из региона, который сильно пострадал от перенаселенности, приносит облегчение, которое с лихвой компенсирует то, что теряется в других местах при умеренном увеличении населения. Более того, необходимо признать тот факт, что в настоящее время на одну очень густонаселенную территорию приходится десять квадратных миль с небольшим населением, и приведение всех к равенству лишь незначительно увеличило бы число жителей регионов, в которых их сейчас немного.^[1]

Если линия *BB* представляет неодинаковый уровень *естественной* заработной платы в разных населенных пунктах, исходя из предположения, что население остается неравномерным, то волнообразная кривая *DD*, которая пересекает линию *BB*, представляет фактические местные ставки, колеблющиеся относительно стандартных.

Как статическое приспособление к Миру - это динамическое влияние в ограниченной его части.— Товары посредством движения пересекают социальную границу в обоих направлениях, и вместе с товарами уходят и приходят влияния, которые влияют на экономическую жизнь центрального общества. Методам и способам организации бизнеса обучают друг друга в каждом регионе, хотя большая часть обучения проводится сотрудниками центра, а большая часть - представителями окружающей среды. Все это влияет на центр и подпадает под наше исследование. Это оказывает динамическое воздействие внутри центра, хотя является лишь частью статической корректировки мира в целом. Если бы большая отмель Ньюфаундленда опустилась до уровня середины Атлантики, произошел бы мощный прилив воды к тому месту, которое банки занимают сейчас, но это было бы только то, что требуется для приведения общего уровня моря к равновесию. По сути, это было бы статичное явление, но для региона банков оно было бы в высшей степени динамичным. Приток населения из Китая в Америку был бы изменением, стремящимся установить равновесие численности населения в мире, но это было бы поразительной динамикой для Америки. Обучение китайцев всем известным нам механическим искусствам привело бы к созданию равновесия другого рода, при котором методы в двух странах были бы схожими; но для самого Китая это овладение практическими искусствами было бы динамикой, действующей в огромных масштабах. То, что является статической корректировкой для мира, является динамическим изменением для отдельных частей мира, и все такие изменения, которые могут произойти в пределах собственно экономического общества и в течение периода, который мы можем разумно включить в наше исследование, мы должны принимать во внимание. Изменения в населении, богатстве, методах и организации должны быть изучены, независимо от того, откуда они могут исходить.

[1] Исключительные местные условия могут сделать приток населения на какое-то время причиной большей производительности, а не меньшей. Общие и постоянные последствия обстоят иначе, и именно на них основывается настоящий аргумент.

ГЛАВА XV

ПОСТОЯННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Постоянное изменение социальной структуры.— Мы ограничиваемся тем экономическим обществом, по преимуществу которое мы называли промышленным центром мира. В этом регионе экономические влияния постоянно меняют саму структуру общества. Они перемещают рабочую силу с места на место в системе и таким же образом перемещают капитал туда и обратно. Если мы думаем о нашей таблице групп и подгрупп как о представлении всего этого великого индустриального мира, мы должны думать о труде и капитале как о постоянном потоке от подгруппы к подгруппе, делающем одни отрасли промышленности больше, а другие меньше по причине каждого такого движения. Огромная рабочая сила и фонд капитала подобны беспокойным морям, течения которых переносят составляющие их воды то туда, то сюда по мере изменения направления и силы движущих воздействий.

Перемещение рабочей силы внутри Групповой системы, вызванное увеличением численности населения.— Если бы население увеличивалось, в то время как количество капитала и способ его использования оставались прежними, результатом было бы движение как труда, так и капитала в сторону уменьшения в ряде подгрупп, которыми мы представляем индустриальное общество. Труд и капитал имели бы тенденцию покинуть подгруппы А, В и С в нашей таблице и перейти к А, В и С:—

А В С

А В С

А В С

А В С

Причины нисходящего потока рабочей силы в групповой системе.— Увеличение численности населения означает, конечно, не только увеличение объема выполняемой работы, но и увеличение числа потребителей. Это означает, что нужно кормить больше ртов и одевать больше тел. Это влечет за собой также, согласно принципам, которые мы уже изучили, более низкую доходность и более низкую норму оплаты труда. Это означает, что простая еда, дешевая одежда, недорогие дома, мебель и т.д. Составляют больший элемент потребительского богатства общества, чем это было до сих пор. Общество использует меньше предметов роскоши и больше предметов первой необходимости, а предметы первой необходимости - это продукты, в которых преобладает сырье и отсутствуют дорогостоящие формы коммунальных

услуг. Это создает более тяжелую нагрузку на землю, чем производство изделий высокой обработки той же ценности.

Предметы роскоши изготавливаются с использованием большого количества труда ремесленника или художника и относительно небольшого количества труда земледельцев и шахтеров. Подгруппы А, В и С - это те, которые поставляют наименьшее количество сырых материалов, и, следовательно, именно на них приходится наибольшая доля новой рабочей силы, поступающей в поле.

Как экономические трения оборачиваются в ущерб иммигрантам.— Если капитал не растет быстрее, чем население, необходимо преодолеть определенные трудности при поиске мест для новых работников. Если они прибывают в основном как иммигранты, то в пунктах высадки они скапливаются, а затем рассеиваются по большой территории. Возможно, им придется устраиваться на работу, предлагая *предпринимателям* какой-либо стимул взять их на работу. Если капитал не увеличился, и *предприниматели* не испытывают особой нужды в новых сотрудниках, они возьмут их только при достаточно низкой ставке оплаты, которая сама по себе обеспечивает небольшую норму прибыли. Если столица уже увеличилась и требуются новые люди, ситуация благоприятствует им, и их зарплата, вероятно, будет такой же высокой, как и раньше, или даже выше.

Эффект увеличения капитала.—Рост капитала имеет противоположный эффект. Это означает более низкую процентную ставку, хотя и означает больший процент в совокупности, поскольку обеспечивает страхование большего фонда, по которому поступают проценты. Ставка снижается не так быстро, как увеличивается сумма фонда, и это обеспечивает больший валовой доход от фонда; а также обеспечивает больший индивидуальный доход для многих людей. Таким образом, существует большое количество людей, которые в состоянии сделать свое потребление более роскошным, и это вызывает восходящее движение рабочей силы и капитала в групповой системе. Больше рабочих потребуется в подгруппах А, В и С, где завершается обработка сырья, а также в других подгруппах, расположенных выше нижнего уровня. Именно в эти подгруппы поступит большая часть самого нового капитала, а вместе с ним и рабочая сила. Большие доходы, больше роскоши, больше труда, затрачиваемого на разработку товаров, по сравнению с тем, что требуется для закупки сырых материалов, — таков порядок.

Эффект увеличения как рабочей силы, так и капитала.— Ясно, что определенное увеличение капитала могло бы практически нейтрализовать прирост населения в той мере, в какой затронуты рассмотренные до сих пор движения, а большее увеличение капитала обратило бы вспять первоначальное движение вниз, вызванное увеличением рабочей силы, и привело бы к постоянному движению вверх в направлении подгрупп А, В и С. В этом случае мужчины все больше и больше занимаются производством коммунальных услуг высшей формы. Они производят более изысканную одежду, более дорогую мебель и т.д., и для нового производства требуется пропорционально меньше сырья, чем для старого. Это предположение, которое соответствует реальным фактам. Капитал растет быстрее, чем рабочая сила, и потребление становится относительно более роскошным; жилища, обстановка, экипировка, одежда и продукты питания улучшаются по качеству больше, чем по количеству. Товары высокой стоимости преобладают все больше и больше, и подгруппы, которые их производят, получают все большую долю как рабочей силы, так и капитала. Население перемещается локально к центрам производства и торговли. Он движется в сторону городов и деревень, чтобы попасть в

подгруппы, которые имеют там свои основные жилища. Рост городов является видимым признаком восходящего движения рабочей силы в ряду подгрупп.

Изменение относительного размера общих групп.— Если бы были указаны все устойчивые движения труда и капитала, то оказалось бы, что относительное увеличение количества труда по сравнению с количеством капитала увеличило бы три основные группы, *АА*, *ВВ* и *СС*, и уменьшило бы сравнительный размер общей группы *НН*, которая поддерживает фонд капитала, восполняя растрату активных инструментов. Прирост капитала, рассчитанный на душу населения, привел бы к тому, что относительно большая часть рабочей силы и большой объем фонда капитала были бы переданы группе *НН*. Движение к верхним подгруппам, которое действительно происходит, сопровождается дрейфом к этой общей группе. Рост потребления предметов роскоши и увеличение постоянного запаса средств производства идут рука об руку.

Регулярность и медлительность движений, вызванные изменениями в количестве Труда и капитала.—Важным фактом в отслеживаемых до сих пор движениях является то, что они устойчивы и медленны. Они не часто требуют удаления из одной части системы зрелых мужчин, которые были обучены там работать. Это перемещения *рабочей силы* которые, в основном, не предполагают какого-либо значительного перемещения *работников* из группы в группу. Сыновья мужчин из подгруппы *А* не все продолжают занятия своих отцов, но многие из них поступают в *А*, *А* и *А*, так что труд переходит из низшей подгруппы в высшую. Такое перемещение рабочей силы влечет за собой мало трудностей для кого-либо, и в целом следует сказать, что все перемещения рабочей силы и капитала, вызванные количественными изменениями в предложении этих агентов, носят этот сравнительно безболезненный и не вызывающий трений характер. Об изменениях, вызванных новыми методами производства, можно рассказать другую историю. Преобразование мира не обходится без некоторых тревожных результатов, какими бы вдохновляющими ни были отдаленные перспективы, которые они дают. Нерегулярность общего движения, тот факт, что оно осуществляется импульсами вперед, за которыми следуют частичные остановки, является еще одним серьезным фактом. Трудные времена представляют собой серьезные проблемы, и нам нужно знать, необходимо ли, чтобы динамика — естественное поступательное движение промышленной системы — порождала их. Эта проблема будет рассмотрена позже.

Движения, вызванные изменениями в процессах производства. Механические изобретения являются типичными движущими силами труда и капитала — постоянными нарушителями того, что в противном случае было бы сравнительно спокойным состоянием. Динамо-машины для выработки электроэнергии и устройства для ее отвода на большие расстояния от источников много сделали для перестройки общества десятки лет назад, подобно тому, как это делали экономичные паровые двигатели в более ранние времена. Каждое устройство, которое "экономит труд", требует *перераспределения рабочей силы* в системе организованной промышленности.

В совершенно статичном состоянии, как мы видели, существовала бы стандартная форма для всего общества, что означает нормальное распределение труда и капитала между производящими группами и подгруппами, а также между локальными подразделениями общей территории. Стихии пришли бы в состояние равновесия и стали бы неподвижными, по мере того как вода достигает своего уровня и становится неподвижной в защищенном бассейне. Масса жидкости принимает свою стандартную форму и сохраняет ее до тех пор, пока не возникает

возмущающая сила. Общество имело бы такую стандартную форму и потребовало бы, в отсутствие динамичных изменений, относительно короткого времени для того, чтобы более или менее точно соответствовать ей, если бы не неестественное распределение населения в разных частях ареала, на котором обитает общество, и препятствия, с которыми сталкиваются массовые миграции. Для решения проблем настоящего и ближайшего будущего мы должны принять в качестве стандарта квазистатическую адаптацию населения и вытекающий из нее квазистатический отбор отраслей в различных локальных подразделениях обширной территории - механизм, который мы описали как размещение избытка обрабатывающей промышленности в более густонаселенных районах и избытка сельского хозяйства в менее заселенных. С учетом этой оговорки можно сказать, что существует стандартное распределение труда и капитала между производящими группами и что эти агенты сильно и даже быстро тяготеют к нему. Если бы в *A* было определенное количество труда и капитала, в *B* - определенное количество, и так по всей системе, была бы достигнута эта стандартная форма, и элементы не двигались бы, за исключением того, что очень медленное движение было бы вызвано изменениями в сравнительной плотности населения различных регионов.[1] Эта стандартная форма долгое время оставалась бы практически неизменной, если бы не появление динамических воздействий, которые столь активны в изучаемой нами области.

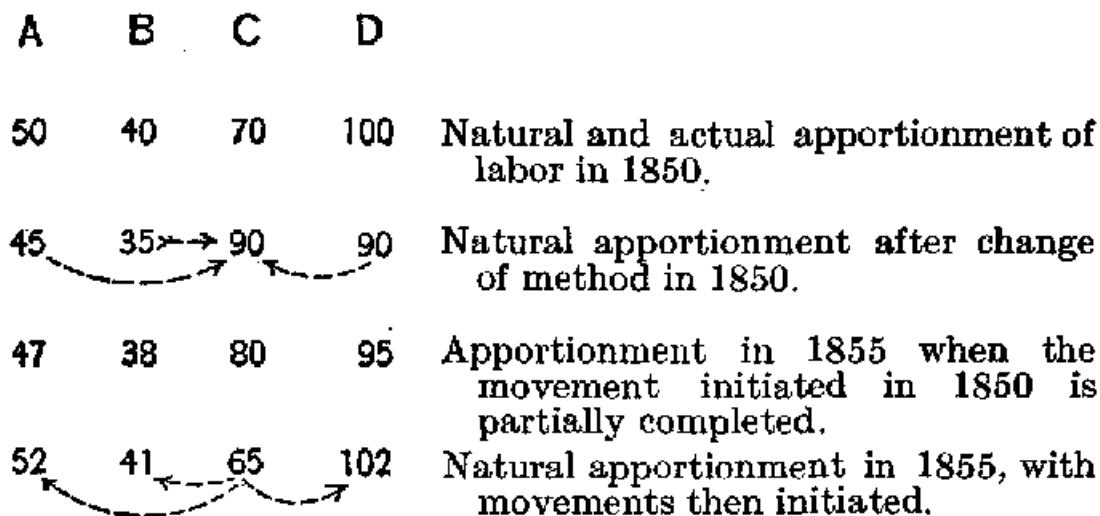
Изменения в направлении движений, вызванные улучшенными методами.—В динамическом состоянии сама эта стандартная форма - приблизительно статичная — постоянно меняется. Например, в определенный момент времени существуют условия, требующие определенного количества труда в *A*, другого количества в *B* и т.д. Немного позже эти соответствующие величины в *A*, *B* и т.д. Уже не являются естественными или стандартными величинами; ибо произошло нечто, требующее меньшего труда в *A*, большего в *B* и т.д. Если *A* представляет собой выращивание пшеницы, то количество труда, которое потребовалось при сборе зерна серпами, больше, чем необходимо при сборе самосвальными жатками, всегда при условии, что не произошло увеличения численности населения, что потребовало бы увеличения запасов продовольствия. Следовательно, общество не достигнет того, что сейчас стало его стандартной формой, пока люди не перейдут из подгруппы, занимающейся выращиванием пшеницы, в другие.

Если бы за изобретением жнеца не последовали никакие другие и если бы не произошло других тревожащих изменений, рабочая сила ушла бы из одной группы, распределилась среди других и привела систему к новому равновесию; но у нее нет времени для этого. Он начинает двигаться таким образом, что новые условия, вызванные внедрением жатвенной машины, побуждают его двигаться; но прежде чем передача вообще завершена, где-то в другом месте системы появляется новое изобретение, которое запускает движение в каком-то другом направлении. Прежде чем труд из *A* будет должным образом распределен в *B*, *C* и т.д., в *B* появляется изобретение, которое направляет часть его в другие точки.

Почему движение является как постоянным, так и изменчивым.— Такие улучшения постоянны, и динамичное общество ни на мгновение не находится в состоянии покоя. Если бы беспокоящие причины прекратились, элементы общественного организма нашли бы свое постоянное место; и важным фактом является то, что в любой момент времени такое место отдыха есть для каждого работника и каждой крупы капитала во всей системе. Как мы видели, люди и производственные фонды направились бы к этим точкам, если бы не тот факт, что прежде чем они успевают добраться до них, происходят новые беспорядки, которые заставляют

их двигаться в новых направлениях. Снова и снова происходит одно и то же, и нет никакой возможности разместить труд и капитал именно в тех точках, к которым их призывают недавние изменения, прежде чем дальнейшие улучшения начнут призывать их в другом месте.

Почему технические изменения вызывают большее беспокойство, чем общий приток или отток населения.—Когда перемещение рабочей силы происходит постепенно, оно осуществляется не столько путем перевода конкретных людей с одной профессии на другую, сколько путем направления молодых людей, которые вот-вот вступят на трудовую поприще, в те места, где рабочая сила наиболее необходима. Когда сын сапожника, вместо того чтобы учиться ремеслу своего отца, становится плотником, ни один *рабочий* не бросил привычного занятия и не посвятил себя другому; но *труд* перешел из сапожного ремесла в плотницкое. Человек часто остается там, где он есть, до конца своей жизни, хотя в течение этой жизни труд свободно перешел от его занятия к другим. Если мы представим факты диаграммой, они будут выглядеть следующим образом:—

A, B, C и D представляют разные профессии или подгруппы в таблице, которую мы использовали ранее. В какой-то момент статическая корректировка требовала пятидесяти единиц рабочей силы в A, сорока в B, семидесяти в C и ста в D. Пятью десятилетиями позже, после улучшений в A, B и D, статические силы, если бы им позволили проявить свой полный эффект, оставили бы только сорок пять человек в A и тридцать пять в B, но они разместили бы девяносто в C и в D. Первые движения, которые могли бы привести к этому, совершаются в направлении, указанном пунктирными линиями. Переводы осуществляются не путем принудительного перевода мужчин из A, B и D в C, а главным образом путем направления в C молодых рабочих, которые в противном случае перешли бы в A, B и D, чтобы заменить мужчин, которые уходят из этих групп.

Теперь, перед завершением переводов, происходит нечто такое, что требует другого перемещения. Предположим, что пока только три единицы труда перешли из A в C вместо пяти, оставляя сорок семь в A; только две перешли из B, оставив тридцать восемь; и только пять перешли из D, оставив девяносто пять на тот момент. Тогда восемьдесят было бы при C, и статическая регулировка не была бы достигнута идеально. Именно в этот момент происходит новое изменение условий, которое требует пятидесяти двух единиц в A, сорока одной в B, шестидесяти пяти в C и ста двух в D. C теперь вносит некоторый вклад в A и B, но больше он дает

D; и колебания продолжают вечно. Отдельные люди могут чаще, чем кто-либо другой, оставаться на своих местах, поскольку поступающего потока новой рабочей силы, направляясь туда, где это необходимо, может быть достаточно, чтобы внести коррективы, поскольку они вносятся постепенно; но труд, в смысле количества энергии, воплощенной в череде поколений людей, никогда не находится в состоянии покоя. Это настоящий Странствующий еврей, отличающийся неугомонностью и находящийся в вечных поисках мест, где он мог бы остаться. Более того, следует принимать во внимание изменения, настолько внезапные, что они переводят конкретных работников из одной группы в другую.

Постоянное стремление соответствовать Стандартной Форме, которая сама меняется. Таким образом, мы думаем об обществе как о стремлении к бесконечному ряду идеальных форм, никогда не достигая ни одной из них и никогда не удерживая в течение какого-либо периода времени какую-либо одну действительную форму. Одно движение не завершается до начала другого, и ни в одно время труд не распределяется между группами точно в тех пропорциях, которых требует статический закон. Людям жизненно интересно знать, на что им надеяться или чего бояться из-за этой постоянной необходимости, когда какой-то труд должен перемещаться от пункта к пункту.

Вопросы, касающиеся последствий этих преобразований.—Эти изменения формы связаны как с затратами, так и с выгодами. Выгоды постоянны, а издержки преходящи, но не по этой причине неважны. Они могут ложиться на плечи людей, которые не получают полной меры компенсирующей выгоды. Что мы хотим знать о любых экономических изменениях, так это то, как они повлияют на человечество, и особенно на работающих людей. Улучшит ли это положение трудящихся или ухудшит его? Если в конечном итоге это принесет им пользу, навлечет ли это на них немедленные трудности? Заставит ли это даже некоторых из них дорого заплатить за выгоду, которая разделяется всеми классами? Есть ли среди них, таким образом, особые мученики прогресса, страдающие ради общего блага?

Естественные преобразования Общества увеличивают его производительную мощь.—Нет сомнений в том, что изменения формы, через которые проходит социальный организм, приводят к росту его силы и эффективности. Как мы видели, в результате этих превращений появляется все больше и больше производительной силы. Они всегда связаны с перемещением *рабочей силы* внутри организации и часто предполагают смену работников, вывод некоторых из них из подгрупп, в которых они сейчас работают, и перевод их в другие, что невозможно сделать без затрат.

Непосредственный эффект экономии рабочей силы.—Изобретение машины, способной выполнять работу двадцати человек, приведет к увольнению некоторых из этих двадцати. Они чувствуют бремя поиска новых мест работы, и если они квалифицированные рабочие и их ремесло больше не стоит того, чтобы им заниматься, они теряют все преимущества, которыми они пользовались благодаря особым навыкам в своей профессии. Получают ли они сами какую-либо адекватную компенсацию за это, или общество в целом распределяет выгоду таким образом, что те, кто оплачивает почти все расходы, получают лишь ничтожную часть прибыли? Присуща ли прогрессу в экономическом искусстве нечестность, и должны ли мы оправдывать это движение только на основании полезности, хотя и зная, что моралист осудил бы его? Таковы некоторые из общих вопросов, которые должны быть решены в ходе изучения этой фазы экономической динамики. Нам нужно знать как то, что движение в конечном итоге сделает для

человечества, так и то, что оно сразу же сделает для конкретных работников.[2] В дополнение к выяснению того, какими будут конечные результаты движения, нам необходимо с максимальной точностью отследить последствия нарушений, которые связаны с благоприятными изменениями в целом.

СНОСКИ

[1] Очевидно, что капитал, так же как и население, распределены с неравномерной плотностью по территории, занимаемой обществом; но движение капитала менее затруднено, чем движение большого количества людей, и, более того, главным препятствием для перемещения капитала является главным образом тот факт, что люди не рассредоточены по территории естественным образом. Это происходит легко, когда сопровождается миграцией рабочих.

[2] Наше исследование может привести к моральному вердикту, не являясь само по себе этическим исследованием; мы ограничиваем исследование вопросами фактов, но понимаем, что некоторые факты такого рода, что они должны побудить читателя осудить или одобрить социально-экономическую систему.

ГЛАВА XVI

ЭФФЕКТ ОТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДОВ ПРОИЗВОДСТВА

Замещение труда и капитала изобретениями.—Изобретения "сберегают труд". Работодатели соревнуются друг с другом в сокращении затрат, связанных с производством товаров, и распространенным способом добиться этого является разработка оборудования, которое будет делать то, что до сих пор делали рабочие. То же самое достигается путем разработки дешевых источников движущей силы или внедрения новых товаров, которые являются хорошей заменой более дорогим. Механические автоматы в тысячах случаев забрали труд из человеческих рук; электричество, которое "обуздыивает ниагару", может когда-нибудь обуздать волны и ветры и заставить их вращать буквальные колеса механического прогресса. Такие вещи, заставляющие данное количество труда производить большее количество потребительского богатства, являются мультипликаторами продукта; но это то же самое, что сказать, что они дают данный продукт с меньшими затратами труда, и поскольку мы чаще видим их эффект в этом свете, мы называем их экономителями труда.

Почему экономия труда не всегда и не везде приветствуется.— На первый взгляд может показаться, что увеличение производства - это величайшее благо, которое с экономической точки зрения может прийти к человечеству; и если рассматривать общие и постоянные последствия, то это так. Охотник-одиночка, которому приходится ловить и дубасить свою дичь, получил бы безусловную выгоду от владения луком и стрелами; рыбак получил бы ту же пользу от каноэ, возделыватель почвы - от лопаты и т.д. Общество в целом является изолированным существом и получает аналогичные выгоды от двигателей, ткацких станков, печей, пароходов, железных дорог, телеграфа и т.д. И все же внутри великого социального организма есть люди, для которых выгода от одного особого улучшения может быть небольшой, а цена - большой. Нет никого, кому не стало бы лучше благодаря всем улучшениям в прошлом и настоящем.

Общий спрос на рабочую силу не уменьшился.—Общеизвестно, что новые машины вытесняют рабочую силу. При своем внедрении экономичный прием часто вынуждает некоторых людей искать новые профессии, но он никогда не снижает общий спрос на рабочую силу. По мере того, как прогресс закрывает одну сферу занятости, он открывает другие, и так получилось, что после столетия с четвертью блестящих изобретений и быстрой и повсеместной замены ручного труда машинным, доля трудящегося населения, пребывающего в праздности, сейчас не больше, чем в начале периода.

Добровольное сокращение объема тяжелого труда желательно и вероятно.—Всестороннее изучение последствий технического прогресса покажет, что в результате этого никогда не происходит сокращения общего поля для трудоустройства. Происходит повышение заработной платы, и это вызывает определенное нежелание работать столько часов, сколько раньше работали люди; и также происходит изменение в характере операций, которые выполняет рабочая сила, которое имеет тенденцию к большему комфорту и менее болезненному труду. Знаменитое утверждение Дж. С. Милля о том, что "Сомнительно, что все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили повседневный труд любого человека", мы можем смело заменить следующим: "Это естественная тенденция полезных изобретений облегчать труд рабочих и давать им, при этом, большее вознаграждение за их труд". Механический прогресс - это самое большое основание для надежды на будущее трудящегося человечества, и своими последствиями, прямыми и косвенными, он уже обеспечил значительное облегчение тяжелого труда и увеличение его вознаграждения. Это помогло противостоять перенаселению мира, которое продолжается уже столетие, и уменьшению отдачи от сельского хозяйства, которое влечет за собой перенаселение. Изобретения могут создавать помехи, и их лучшему эффекту можно временно и локально противодействовать; но общество, в котором действуют правила конкуренции, несомненно, обеспечит выгоды в конечном итоге и, фактически, обеспечивает их во все большей и большей мере с годами. Таковы некоторые из тезисов, которые будут подтверждены исследованиями.

Факты, касающиеся нарушений, сопутствующих прогрессу.—Сначала мы должны принять во внимание нарушения. Они занимают видное место в экономических дискуссиях и являются предметом одного из серьезных обвинений, выдвинутых против системы конкурентоспособной промышленности. На самом деле в прошлом они создавали большие трудности, поскольку квалифицированные ремесленники стали свидетелями использования машин, которые по скорости и точности работы превосходили лучшие результаты, которые раньше давало длительное ученичество. Теперь, когда машины захватили большую часть поля, больше нет прежней возможности вытеснять работников ручного труда; но нельзя упускать из виду остальные трудности, сопутствующие прогрессу. Эта часть динамичного движения предполагает нынешние местные жертвы ради будущих общих завоеваний. Следовательно, здесь налицо развитый антагонизм интересов, который может препятствовать прогрессу и, если бы он был достаточно обширным, мог бы, предположительно, поставить под сомнение будущее рабочего класса. Хотя нет особого желания подвергать сомнению конечную выгоду, которую обеспечивает механический прогресс, существует некоторая неопределенность относительно процесса, посредством которого эта выгода распространяется на работников, и ведется борьба за то, чтобы избежать немедленных затрат. В некоторых кругах существует склонность оценивать стоимость настолько высоко, что можно сделать вывод, что нам необходимо принять социалистический план жизни ради того, чтобы дать работникам возможность избежать трудностей и обеспечить себе преимущества "экономии труда". Однако, если мы поймем

существенные факты того, что мы можем назвать динамикой метода, окажется, что его тенденция заключается в уменьшении бремени, которое влечет за собой прогресс, и в распространении значительной доли его преимуществ среди рабочего класса. Далее окажется, что социалистический план организации промышленности, по крайней мере, поставил бы под сомнение сам прогресс. Ничто, в целом, не представляет будущее промышленности, основанной на конкурентном плане, в более оптимистичном свете, чем факт прогресса в методах производства, который он обеспечивает. Это сильнейшая гарантия "наступления хорошего времени", когда все человечество будет радоваться, когда оно наступит, и должно радоваться в ожидании.

Закон, обеспечивающий выживание только Полезных процессов.— Самоочевидно, что везде, где есть экономия рабочей силы, необходимой для производства данного количества и вида продукта, происходит увеличение возможного продукта, который создается с помощью данного количества рабочей силы. Если сами рабочие получают долю прибыли, этот факт проявится в том благотворном сокращении рабочего дня, о котором мы упоминали. Люди не захотят терпеть усталость и ограничение, связанные с работой в течение слишком большого количества часов, и будут склонны брать больше отпусков; все это, когда это происходит естественным образом, является признаком того, что промышленный организм в целом положил руку на новый и мощный рычаг и с его помощью обогащает своих членов. Однако ей приходится менять характер своей работы, а это означает, что часть рабочей силы должна быть передана от одной подгруппы к другой. Работник, вытесненный изобретением в определенный момент, по-прежнему где-то востребован. Когда он и другие находят себе новое занятие, появляется хороший результат — увеличение и усовершенствование производимых товаров, — и тогда общество в целом получает выгоду, которая была бы получена отдельным работником, который, не прекращая своего труда, обнаруживает, что его приборы становятся лучше, а плоды его труда крупнее. Коллективное тело получает больший доход, чем раньше, и работники разделяют эту прибыль.

Важность новых форм, которые принимает Социальный доход.— Этот растущий доход принимает форму, в которой он сейчас требуется обществу, и именно это приводит к перераспределению рабочей силы — или изменениям в количестве рабочей силы, используемой в определенных подгруппах, — которые вызывали трудности в прошлом.

Природа Случайных Зол, которых следует опасаться. Проблема, с которой нам приходится сталкиваться, заключается в опасности того, что рабочая сила может быть вытеснена либо (1) из конкретной точки производственного предприятия, на которой она сейчас работает, либо (2) из производственного предприятия в целом, либо (3) из подгруппы, либо (4) из общей группы, частью которой является подгруппа. Таким образом, она не может быть вытеснена из индустриального общества в целом. Есть случай, когда люди, чьи ремесла вытеснены машинами, могут все остаться на своих местах и управлять машинами; но это предполагает принуждение других людей менять свои занятия. Есть и другие случаи, когда эти люди могут остаться на фабрике или в магазине, где они работают, но не в том же отделе информационных технологий. Есть еще больше случаев, когда они могут оставаться в своих первоначальных подгруппах, и в большинстве случаев они могут оставаться в своих общих группах. В любом случае для них найдется место в рабочем обществе.

Изгнание рабочей силы на местах.— Когда один работодатель, являющийся одним из многих конкурентов в отрасли, внедряет важное средство экономии труда, у него может оказаться возможным сохранить всех своих сотрудников на работе и позволить усовершенствованию полностью проявить себя как средство увеличения выпуска продукции. Он может создать машину, которая будет делать то, что раньше делали двадцать человек. Если бы можно было разрезать верх дюжины башмаков быстрым движением одной матрицы, машина, на которой установлена эта арматура, выполнила бы работу, возможно, двенадцати ножей, которыми управляло такое количество умелых рабочих. Если бы в отделе раскроя было сохранено первоначальное количество рабочих и если бы каждый из них был оснащен новым приспособлением, это означало бы, что было бы срезано в двенадцать раз больше обрезков, чем было срезано до внесения изменений. Конечно, было бы бесполезно пытаться производить так много раскроя верха обуви, не выполняя в двенадцать раз больше шитья, прорезания швов, изготовления подошв и каблуков и т.д., А для обеспечения всего этого сразу потребовалось бы двенадцатикратное расширение завода производителя. Это слишком много, чтобы обеспечить безопасность сразу. Фабрикант, возможно, смог бы удвоить производительность своего стана и почти удвоить число своих работников, но для этого потребовались бы только два из двенадцати резцов, которые у него были раньше. Новые рабочие будут работать в других частях фабрики, кроме той, где была достигнута большая экономия рабочей силы. Десять человек были бы уволены из раскройного цеха, и двое оставшихся там вырезали бы с помощью новых станков вдвое больше деталей верха, чем все вырезанное ранее, а это потребовало бы поставки двойного количества всех других деталей обуви и удвоенной рабочей силы для их изготовления. Для этой цели будут доступны десять человек, освобожденных из раскройного цеха, а также будут привлечены новые, которые займутся шитьем, подкладкой, закреплением, рантованием и т.д. Таким образом, в рамках одного предприятия радикальная экономия рабочей силы в какой-то момент обычно влечет за собой некоторое перемещение рабочей силы из этой точки в другие, хотя это может увеличить общее число занятых на предприятии, что обеспечивает экономичное устройство.

Влияние Улучшения, произведенного одним предпринимателем, на Подгруппу.—Если работодатель, имеющий такой опыт, является одним из ста в обувной промышленности и единственным, кто обеспечивает безопасность режущего станка, рынок получит такое же значительное увеличение объема продукции, какое можно было бы получить, умножив производительность его фабрики в два раза, не требуя более чем незначительного снижения цены. Усовершенствование, монополизированное на какое-то время одним предпринимателем, редко приводит к необходимости сокращения совокупного объема рабочей силы, используемой им по найму. Гораздо чаще в его интересах увеличивать численность и привлекать новых работников на все участки завода, где не было сделано никаких улучшений в методах. Однако часто бывает так, что рабочей силе приходится покидать другие предприятия в этой подгруппе, и этого может быть достаточно, чтобы количество во всей подгруппе стало несколько меньше по причине улучшения. В случае с одним работодателем существует реальная вероятность того, что в результате экономичного изобретения никто не будет перемещен даже из одной части завода в другую. Производитель, изображенный на нашем рисунке, мог бы даже оставить в работе свои двенадцать резцов после внедрения упомянутых станков и выполнять в двенадцать раз больше резки, при условии, что он смог бы быстро увеличить выпуск готовой обуви в двенадцать раз по сравнению с прежним объемом. Есть практические причины, по которым он почти никогда не мог этого сделать; но

если бы он действительно это сделал, он мог бы, несколько снизив цены на обувь, найти рынок сбыта для этого подорожавшего продукта. Если бы снижение цен было значительным, некоторые конкуренты, вероятно, сразу же вышли бы из бизнеса; но в политику успешного производителя никогда не входит излишняя поспешность в снижении цен, и, как правило, снижение происходит постепенно. Увеличение выпуска продукции с очень эффективной фабрики должно вызвать определенное снижение скорости, с которой она продает свои товары, и это может вынудить производителей, которые особенно плохо оснащены и не могут угнаться за темпами совершенствования, которые устанавливает их предприимчивый конкурент, выйти из бизнеса. Таким образом, они избавляют рынок от той части продукта, которую внесли сами, и освобождают место для увеличения производительности недавно оборудованного завода. В таком случае общий объем производства подгруппы увеличивается не очень сильно, и цену продукта не нужно сильно снижать.

Стандартные цены, установленные по себестоимости в самом экономичном Заведении.— Это жизненно важный факт, как мы скоро увидим, что цена товара в динамично развивающемся обществе всегда стремится к стоимости его изготовления, причем не в самом неэффективном заведении, где он производится "в самых невыгодных условиях", а в самом эффективном из всех. Конечным результатом любого значительного улучшения, естественно, является закрытие магазинов *всех работодателей, которые не принимают его или не получают какого-либо эквивалентного преимущества*. В конечном итоге вся подгруппа будет в состоянии эффективности, которого она достигла бы, если бы улучшение было принято каждым предпринимателем при его первом появлении.

Эффект улучшения производства, который быстро внедряется Целой Подгруппой.— Когда улучшение немедленно принимается не только одним работодателем, но и всеми работодателями в подгруппе, это, вероятно, приведет к более быстрому вытеснению рабочей силы из подгруппы в целом. Очень экономичная машина, представленная ее изобретателем или изготовителем и быстро принятая на вооружение всеми предпринимателями в А, почти всегда заставляла бы определенное количество рабочих покидать эту отрасль и искать работу в другом месте, если бы не один коммерческий факт, а именно снижение цены продукта и, как следствие, увеличение спроса на него.

Как рабочая сила может быть вытеснена из Общей группы.—Количество А, которое может быть создано, зависит от количества А, которое может быть предоставлено в качестве материала для преобразования в А, а также от количества А, которое будет использовано для преобразования в А. Это опять же зависит от количества А, которое будет принято работодателями в А и продано в этой последней форме потребляющей публике. Если рынок для А не может быть значительно увеличен умеренным снижением цены на него, некоторую рабочую силу, возможно, придется перевести в группу В's или С's; и в любом случае должна быть новая рабочая сила в А, А и А, если продукт А увеличивается. Теперь мы можем измерить разницу между эффектом от внедрения улучшения сначала одним работодателем, а гораздо позже другими, и эффектом от быстрого внедрения его всеми. В этом последнем случае увеличение выпуска товаров происходит без особых задержек, и рынок для них не успевает расшириться из-за роста численности населения и богатства сообщества. Если нынешний рынок не будет принимать увеличенное количество готовой продукции, не требуя, чтобы цена была ниже новых затрат на ее изготовление, часть рабочей силы должна будет покинуть общую группу.

Как патенты могут привести к увеличению числа рабочих мест.—Что мы часто наблюдаем, так это почти одновременное внедрение устройства для экономии труда всеми ведущими работодателями в одной отрасли. Нечто подобное происходит, когда производители ценной машины сохраняют патент на нее в своих собственных руках и настаивают на продаже ее всем производителям, которые ею пользуются. Однако в этом случае производители обычно устанавливают цену машины на такую цифру, которая, хотя и дает стимул к ее покупке, не снижает стоимость товаров, которые она помогает производить, настолько, чтобы вызвать значительное увеличение спроса на них. Владельцы патента на новое устройство взимают за него плату, "которую выдержит трафик"; и пока срок действия патента не истечет, пользователям машины приходится продавать свои товары почти по таким же высоким ценам, как и раньше. Если машина позволяет одному человеку выполнять работу дюжины, одиннадцать человек должны найти себе другое занятие. Они могли бы найти их в своей собственной отрасли, если бы ее продукция была увеличена в результате использования машины; но если высокая цена запатентованной машины препятствует этому, они должны обратиться в другое место. Когда срок действия патента истечет, отрасль, вероятно, значительно расширится, и насколько важен этот факт, мы скоро увидим.

Как улучшения, требующие рабочей силы для конкретного предприятия, могут вытеснить рабочую силу из Группы.— Другой типичный случай, когда какой-то один работодатель на какое-то время исключительно использует трудосберегающее устройство и доводит свое производство до предела, чтобы получить от него полную выгоду. Здесь видны более характерные эффекты такого улучшения. Это *привлекает рабочую силу* к работодателю, который на какое-то время монополизирует новое орудие производства, но это *отвлекает рабочую силу от* подгруппы, членом которой является этот работодатель. Он увеличивает объем своей продукции, и со временем это снижает цену продукта. В этой области есть маргинальные фабрики или те, которые настолько устарели, неудачно расположены или плохо управляются, что, продавая свой продукт по прежней цене, они едва могли поддерживать свои позиции; и теперь, когда цена снижена, они теряют деньги, работая. Они должны прекратить работу, и это делает практически возможным дальнейшее увеличение объема продукции эффективной мельницы. Туда направляется много рабочей силы, но какая-то часть того, что покидает заброшенные мельницы, поступает в другие подгруппы. На самом деле, не часто приходится обращаться к другим общим группам. Дешевое преобразование материала A в A расширяет рынок для A и требует больше рабочей силы в A , и это включает в себя больше $at A$ и A . Если бы изменение метода было постепенным, рост общественного спроса на A , вероятно, исключил бы необходимость отправки какой-либо рабочей силы из всей группы A . Даже быстрое изменение часто переводит рабочую силу из одной подгруппы в другие подгруппы этого ряда, а не в другие общие группы.

Усовершенствование, которое должно снизить затраты на переработку кожи в обувь, потребовало бы за счет продажи обуви большего количества кожи, большего количества скота, большего количества приспособлений, большего количества дубления и больших зданий для обувных фабрик, оснащенных большим количеством сапожного оборудования и большей движущей силой, даже несмотря на то, что конкретные машины, усовершенствованные изобретением, стали настолько эффективнее, что в них больше не было необходимости. Это зависит от того, в какой степени определенное снижение стоимости продукта расширяет рынок сбыта для него.

Принципы, регулирующие увеличение реального спроса на один товар.—При определении того, насколько снижение цены на отдельный товар сразу расширит рынок сбыта для него, необходимо учитывать две вещи, а именно эластичность самой потребности, которой удовлетворяет данное изделие, и степень, в которой изделие, удовлетворяющее конкретную потребность, может быть заменено другими изделиями, предназначенными для удовлетворения той же потребности. Потребность в драгоценностях и других предметах личного украшения очень велика, и падение цен на любой предмет такого рода вызывает относительно значительное увеличение его потребления. Поскольку потребность, удовлетворяемая дорогостоящим украшением, таким образом, эластична, удешевление всех предметов, удовлетворяющих эту потребность, увеличило бы потребление всех из них. Удешевление какого-либо конкретного из этих изделий, если бы на рынке имелось много других такого же общего вида, привело бы к тому, что это одно из них широко использовалось бы в качестве предпочтительного по сравнению с другими. За счет увеличения общего количества используемых декоративных изделий и относительного предпочтения определенного из них за счет других продажи этого изделия увеличились бы вдвое. Удешевление алмазов может означать более широкое их использование без какого-либо значительного сокращения использования других драгоценных камней; но если окажется, что для целей, которым служат алмазы, доступно много других драгоценных камней, использование этих других будет ограничено, а количество алмазов непропорционально увеличится.

Ценность товаров зависит от существования каст.—Одна из причин, по которой рынок драгоценных камней настолько эластичен, заключается в том факте, что они служат знаками касты, как это может быть только что-то дорогостоящее. Следовательно, если бы все драгоценные камни стали намного дешевле, произошли бы две вещи: (1) относительно бедные люди стали бы покупать некоторые из них — частично вместо имитаций и более дешевых настоящих драгоценных камней; и (2) богатым людям пришлось бы покупать больше и дороже, чем было необходимо ранее, чтобы сохранить свои позиции в социальных слоях. Этот принцип влияет на потребление широкого спектра предметов, обладание которыми, по крайней мере внешне, свидетельствует о принадлежности владельцев к определенному слою общества. Это увеличивает спрос на изысканную одежду, обстановку и экипировку, умножает социальные функции и побуждает к участию во всевозможных дорогостоящих развлечениях. Эластичность рынка предметов роскоши, как правило, значительно повышается благодаря действию этого мотива. Их удешевление приводит к их потреблению низшими классами и делает использование большего количества или более высокого качества продуктов социальной необходимостью для высших классов.[1]

Вскоре мы увидим, что снижение стоимости какого-либо предмета обычно приводит к тому, что его использование сокращается по сравнению со всеми видами товаров, которые находятся на пределе потребления и не удешевляются подобным образом.

Изменения стоимости различных товаров никогда не бывают одинаковыми.—Стоимость всех товаров никогда не снижается одновременно, и невозможно, чтобы все они оставались в том же порядке желательности в оценке покупателей. Однако многие вещи часто дешевеют одновременно, хотя и в разной степени. Все, что дает очень распространенный сырьевой материал по более низкой цене, чем это было принято ранее, как, например, изобретение бессемеровского процесса выплавки стали, делает дешевле все, в состав чего входит этот материал. Снизив стоимость железных дорог и паровозов, автомобилей и пароходов,

бессемеровский процесс косвенно снизил цены на товары, которые необходимо перевозить, а это означает практически все. Дешевая движущая сила действует таким же образом и снижает затраты на производство неограниченного количества товаров. Даже в случае таких общих улучшений, как это, снижение цен неравномерно. На некоторые товары это влияет сильнее, чем на другие. Дешевая сталь снижает стоимость мостов больше, чем жилых домов, и в случае многих улучшений эффект ограничивается ограниченным классом продукции, если не одним изделием.

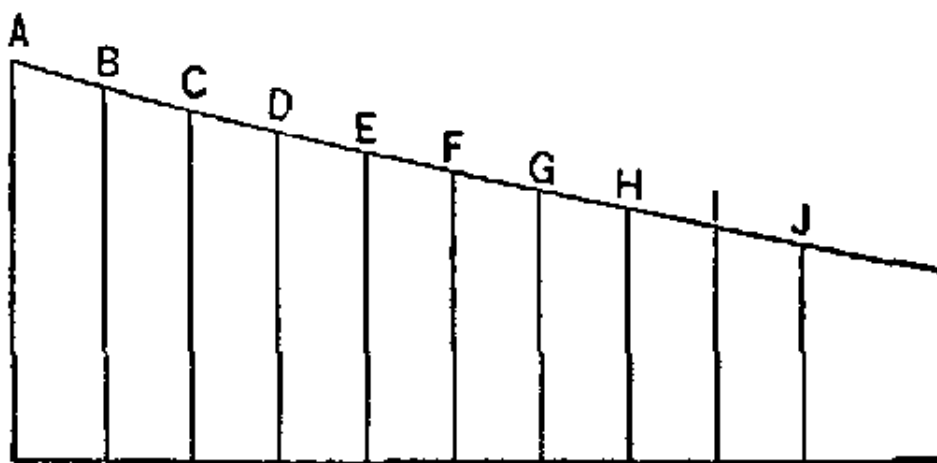
Как ограничен Тревожный эффект одного Улучшения.— В случае потребительских товаров усовершенствования происходят почти непрерывно и в стольких точках, что эффект почти такой же, как если бы каждое изобретение удешевляло большинство из них сразу. Вредные нарушения уменьшаются до мельчайших размеров за счет умножения изменений, каждое из которых, если бы оно происходило само по себе, имело бы пагубный эффект. Многие изобретения компенсируют неблагоприятные эффекты друг друга способом, который мы рассмотрим позже. Что нам теперь нужно сделать, так это выделить единственное продуктивное изменение и посмотреть, существуют ли силы, работающие над уменьшением его собственной независимой мощности для создания случайных помех. Что ограничивает возможности одного нового и экономичного процесса по вытеснению работников с привычных мест их работы? Здесь нельзя дать подробный ответ на этот вопрос, но краткое изложение охватит задействованные общие принципы. Очевидно, что вытеснение изменяется обратно пропорционально степени, в которой повышение дешевизны увеличивает потребление затронутого изделия. Если, заставляя тысячу человек производить столько же товара, сколько производили две тысячи ранее, вы настолько уменьшаете издержки, что удваиваете потребление изделия, вы сохраняете всех людей, которые раньше производили его, на их обычных рабочих местах. Эластичность самой потребности, которую удовлетворяет данный предмет, является одним из двух элементов, определяющих увеличение его потребления; но когда это увеличение происходит из-за широкой замены этого предмета другими в списках покупок потребляющей публики, результатом является значительное сокращение вытеснения рабочей силы, которое влечет за собой новый и экономичный метод производства. Такие замены носят очень общий характер и являются важным фактором в спасении мужчин от трудностей, связанных с увольнением с работы, к которой они привыкли.

От чего зависит Расширяющийся рынок инструментов и сырья.— Рынок сырья и инструментов зависит от рынка потребительских товаров в готовом виде. Если A , сырье, поступает только в, it can be sold in increasing quantities only as $A' \cdot \cdot$. Главный факт, касающийся инструментов и материалов, заключается в том, что они могут использоваться для производства большого количества готовых изделий, и значение этого факта мы скоро увидим. Максимальная способность найти рынок для всех продуктов нижних подгрупп зависит от того, удастся ли найти рынок для продуктов самых верхних подгрупп — A , B и C из нашей таблицы. Сначала необходимо изучить законы, управляющие рынком готовой продукции со снижающейся стоимостью.

Эффект замены одних потребительских товаров другими.— Снижение стоимости всего привело бы к абсолютному увеличению потребления всего; но снижение стоимости отдельной вещи всегда вызывает, как мы видели, относительное увеличение потребления этого одного продукта. В то время как спрос на другие товары может расти не совсем меньше, он становится относительно меньшим из-за сравнительной дешевизны одного продукта.^[2] Замена одного

товара другим в списках товаров, используемых населением, является универсальным явлением, сопровождающимся улучшением, которое затрагивает производство только одного товара. Когда стоимость *A* выходит за пределы покупательного лимита для большого класса людей, умеренное снижение стоимости этого предмета сделает его более желанным предметом покупки, чем предметы, стоимость которых не превышает этого лимита, и его будут покупать вместо одной или нескольких из этих вещей. Такие замены в значительной степени способствуют привлечению новых покупателей на готовый продукт за счет снижения его цены. Когда новый товар добавляется в список потребителя, тот, который считался его маргинальной или наименее желательной покупкой, исключается из него. Именно *относительная* желательность покупки того или иного из этих товаров влияет на покупателя в его выборе между ними, и это не может не измениться благодаря чему-либо, что снижает стоимость одного, оставляя неизменной стоимость другого.

Если стоимость единицы каждого из десяти изделий представить линиями, идущими от букв *A*, *B*, *C* и т.д. К основанию рисунка, значительное снижение стоимости *A* сделает ее ниже стоимости каждого из других представленных изделий. Если для большого класса людей, которые ранее не покупали ничего из *A*, это так же желательно, как и любой из этих товаров, оно займет свое место в качестве наиболее желательного предмета покупки вместо наименее желательного. Те, чьи доступные средства позволили им приобрести все товары от *I* до *B* включительно, но их не хватило на *A*, теперь возьмут *A* и опустят *B*. Те, чьи покупки закончились на *C*, заменят этот товар *A*, и, как правило, каждый покупатель любой из этих вещей, который до сих пор не приобрел *A*, теперь заменит им тот, который приобретать стоило меньше всего.

Замены, вызванные удешевлением одной Пользности в Изделии, состоящем из нескольких. — Когда разные товары стоят разное количество, но являются объектами одинаково сильных желаний, только один из них является маргинальной покупкой, а остальные приносят потребителю личную выгоду, которая не компенсируется затратами. Мы видели, что это правило применимо к различным полезностям в одном товаре. В случае с каждым изделием, несколько сортов которого продаются, есть один составной элемент или одна полезность, которые стоят для покупателя ровно столько, сколько они стоят, в то время как остальные

обеспечивают излишек для потребителей. Если буквы на диаграмме обозначают не целые статьи, а полезности в статьях, как обсуждалось в главе VI, это будет точно отражать существенные факты. В таких случаях, которых очень много, необходимо снизить цену на одну полезность, которая сейчас просто оправдывает свою стоимость, чтобы побудить больше потребителей покупать сорт, содержащий эту полезность, вместо более низкого сорта того же самого товара. Поступая таким образом, они вообще отказываются от покупки чего-либо другого или довольствуются этим другим товаром более низкого качества. Если бы часовые футляры с драгоценными камнями подешевели, некоторые люди заменили бы их простыми футлярами и отказались бы от покупки, скажем, картин, которые были как раз в пределах их покупательского лимита, или удовлетворились бы более дешевыми картинками. Такое изъятие одной вещи в пределах нормы потребления и отказ от других происходит гораздо реже, чем изъятие более низкого качества одного вида товаров ради обеспечения более высокого качества другого.

Почему замещения сокращают перемещение рабочей силы.— Действительно, возникнет вопрос, почему бремя, вызванное изменением, не может быть просто переложено на людей в отраслях, продукция которых вытесняется в результате замещения. Нечто подобное произошло бы, если бы в результате удешевления одного изделия от любого другого обычно отказывались. Важным фактом является то, что это не какая-то одна вещь, а широкий спектр вещей, которые потребляются в меньших количествах вследствие изменения; и влияние любого из них на производителей невелико. Если тысяча человек начнут покупать *A* из того стола, которым мы часто пользовались, некоторые из них откажутся от *B*, некоторые от *C* и так далее по списку; и рынок ни для одной из этих вещей сильно не пострадает. Более того, почти всеобщим фактом является то, что человек, который начинает покупать один предмет, которым он никогда прежде не пользовался, экономит на нем, довольствуясь несколько более дешевым качеством ряда других. Он откажется от дюжины полезных услуг в отношении такого же количества целых товаров, чтобы иметь возможность купить один полный товар, который он добавляет в свой список покупок. Сокращение спроса настолько широко распределено, что вызывает относительно небольшое перемещение рабочей силы.

Замещение является важной причиной различных продаж товаров.— Таким образом, замещение является общим правилом всякий раз, когда удешевление товара привлекает к нему новых покупателей. Эта практика на самом деле не является универсальной в случае тех, кто ранее потреблял эти товары. Бывшие покупатели товара, который подешевел, не могут ничего изменить, кроме как купить его больше или лучшего качества за ту же сумму, которую они привыкли тратить на товар более низкого качества. Тогда они не обязаны экономить в каком-либо другом направлении, и это изменение не отражается на их потреблении других товаров. С другой стороны, иногда бывает так, что они продолжают использовать первоначальное количество товара, который подешевел, и используют высвободившиеся средства покупки — "деньги", как их обычно называют, — для покупки других товаров. Таким образом, удешевление *A* даже увеличивает спрос на *B*, *C* и т.д. Таким образом, есть два случая, в которых снижение стоимости одной вещи не приведет к уменьшению использования других вещей.

Замена в более общем случае для новых потребителей.— Замена удешевленного предмета другими является доминирующим фактом в случае новых потребителей такого предмета, в то время как повышенное потребление других вещей иногда происходит в случае старых потребителей. Это не имеет такого большого коммерческого эффекта, как другое изменение.

Если мы производим более дешевую обувь, нам легче приобрести хорошую, и те, кто раньше довольствовался низшей обувью, берут обувь получше. Это означает, что они добавляют в свои списки покупок более высокую полезность, которая присутствует в одном сорте и отсутствует в другом. Они покупают новый элемент товаров, а не большее количество этих товаров, и хотя они не всегда могут изменить свое потребление предметов другого рода, они чаще делают это. Те, кто начинает употреблять что-то, без чего раньше они вообще обходились, обычно отказываются от использования какого-то товара или какого-то качества в нем, или обходятся меньшим его количеством, чтобы сделать новую пожелание практически осуществимой. Человек, который, когда велосипеды подешевели, купил первый в своей жизни велосипед, вероятно, отказался от какого-то другого удовольствия.

Как увеличивается продажа товаров, которые изнашиваются в процессе использования, по мере падения цены.—Когда товары портятся по мере старения, пользователям часто приходится покупать новые, если они не хотят использовать те, которые изношены и некачественны. Если мы хотим всегда носить одежду хорошего качества, мы воздерживаемся от слишком длительного ношения костюма. Мы выбрасываем многие вещи, когда они несколько пришли в негодность, и это вынуждает нас покупать в течение нескольких лет большее их количество, чем мы должны были бы сделать в противном случае. Мы выбрасываем ковры и обивку как можно раньше, когда они настолько дешевы, что мы можем себе это позволить. Таким образом, мы улучшаем качество наших товаров, дополняя их количественно.

Замещения обеспечивают защиту рабочей силы от необоснованных перемещений.—Итак, упомянутые нами замены не только имеют коммерческое значение, но и направлены на сохранение рабочей силы в группе, где была произведена "экономия рабочей силы". Они помогают не допустить, чтобы этот процесс был эквивалентен изгнанию рабочей силы в той мере, в какой это касается либо общей группы, либо подгруппы, поскольку они увеличивают общественный спрос на продукты данной группы и вызывают относительное снижение спроса на другие вещи. Совершенно очевидно, что по этим причинам существует большая потребность в рабочей силе внутри этой группы и меньшая - в других местах. Таким образом, дешевая обувь никогда не может означать меньшего количества сапожников, а дешевые часы никогда не могут означать меньшего количества часовщиков.

Замена одного Основного товара другим.—Спрос на тот или иной товар может значительно возрасти не только в сфере потребления из-за дешевизны. То же самое происходит и в сфере производства, но здесь замена одной вещи другой является еще более заметной причиной расширения использования конкретного товара. Алюминий и медь являются конкурентами в качестве носителей электроэнергии, причем в настоящее время преимущество несколько в пользу меди. Как только стоимость производства алюминия будет снижена на умеренную долю, он станет более дешевым материалом для таких целей и, если не произойдет падения цен на медь, будет использоваться для изготовления троллейбусных проводов и других электрических проводников. Обладание тем или иным материалом огромным рынком сбыта зависит от их относительной стоимости, и она может легко измениться настолько, что большая часть спроса переместится с одного материала на другой. Дальнейшее снижение стоимости алюминия сделало бы его доступным для обшивки корпусов судов и сделало бы его широко используемым для изготовления многих предметов домашнего обихода, в то время как достаточное снижение сделало бы его ведущим строительным материалом и предоставило бы ему безграничный рынок для обрамления и отделки крупных конструкций. В этих различных областях применения

он заменил бы собой не только медь, но и сталь, камень, дерево и другие материалы, и изменение было бы достаточно масштабным, чтобы обеспечить ему огромный рынок сбыта, не требуя соответственно значительного снижения его стоимости. Снижение стоимости алюминия на треть может, просто сделав его основным носителем электроэнергии, увеличить его нынешнее использование в десять раз, а снижение на две трети может увеличить его нынешнее использование в сто раз. Если это произойдет, экономия рабочей силы будет чем угодно, только не вытеснением ее с ее позиции в группе производителей алюминия. Когда для изготовления тонны металла стало требоваться меньше рабочей силы, в отрасли, которая его производит, стало использоваться больше рабочей силы.

Пока замещение, вызванное удешевлением алюминия, затрагивает только медь, это может быть серьезной проблемой для производителей меди; но когда дело доходит до замены в некоторой степени стали, камня, кирпича, дерева и других материалов, эффект будет настолько размытым и раздробленным, что вызовет небольшие нарушения в любой из этих отраслей.

Эффект снижения стоимости материалов, которые уже используются во многих готовых изделиях.— В случае алюминия перспектива значительного увеличения рынка влечет за собой вероятность того, что он может стать составной частью продукции, в которую в настоящее время он в значительной степени не входит. Такие предметы, как сталь, камень и дерево, уже составляют важные компоненты большего количества изделий, чем можно сосчитать, и нет большой перспективы, что они войдут в гораздо большее разнообразие изделий. В случае с этими материалами существует перспектива того, что дешевизна проявится в снижении стоимости готовых изделий, которые из них изготавливаются, и что эти готовые изделия будут использоваться в больших количествах без замены их другими вещами столь радикальным образом, как тот, который мы описали в случае с алюминием. Снижение стоимости стали действительно привело бы к замене этого материала другим в каждой точке, где сталь и что-то еще сейчас находятся на одном уровне желательности. Тип здания, которое сейчас строится с простыми кирпичными стенами и деревянными полами, поскольку такой дешевый способ строительства позволяет получать несколько больший процент от его стоимости, часто строился со стальным каркасом и бетонными полами. В каждой такой предельной точке сталь несколько выигрывала бы у своих конкурентов в степени своего использования; но в дополнение к этому расширению рынка для нее за счет замещения, можно было бы рассчитывать на увеличение ее использования из-за увеличения использования очень многих изделий, которые уже производятся из нее. Некоторые из них удовлетворяют потребности с высокой эластичностью, и людей, которые используют некоторое их количество, можно побудить использовать больше, не отказываясь ни от чего другого. Такое абсолютное увеличение потребления весьма вероятно в случае любого материала, входящего в состав огромного количества продуктов, и этого, вместе с увеличением, возникающим в результате замещения, может быть достаточно, чтобы создать большой спрос на сырье и потребовать от производящей его подгруппы такого же количества рабочей силы, какое использовалось до внесения улучшения. В случае промышленного сырья ресурсами для завоевания расширенного рынка путем замещения являются:—

(1) Замена материала другим в целях, отличных от тех, в которых он используется в настоящее время;

(2) замена им других материалов в маргинальных областях его нынешней деятельности, где он уже почти так же доступен, как и другие вещи;

(3) Замена изготовленных из него готовых потребительских товаров другими потребительскими товарами.

В дополнение ко всему этому наблюдается прямое увеличение использования готовых товаров, полностью или частично изготовленных из данного материала, лицами, которые по этой причине не выбрасывают никакие другие товары.

Это утверждение расставляет различные воздействия в порядке их относительной эффективности в большинстве случаев, в которых они действуют.

Последствия удешевления промышленных инструментов.— То, что верно для сырья, которое входит во многие готовые изделия, верно и для промышленных инструментов, которые используются для многих целей. Токарный станок, строгальный станок или циркулярная пила помогают изготавливать большое количество изделий, и к ним применимы утверждения, которые мы сделали относительно стали, камня или дерева. По мере того, как она становится дешевле, она добивается расширения своего рынка за счет сочетания четырех только что перечисленных факторов. Он находит новое применение, в большей степени используется в своих нынешних предельных целях и требуется в большем количестве, потому что его продукты заменяют другие вещи и также требуются в больших количествах независимо от этих замен.

Дешевая движущая сила.— Движущая сила настолько универсальна в своих применениях, что разработка ее дешевого источника во многом похожа на совершенствование метода производства всего и обеспечение всеобщего увеличения количества выпускаемой продукции. Мы увидим, почему такое общее увеличение выпуска продукции во всех цехах не приводит к перемещению рабочей силы, которое влечет за собой трудности. Если власть используется больше в высших подгруппах, чем в низших, — если она чаще используется для изготовления сырья, чем для его производства в сельском хозяйстве или горнодобывающей промышленности, — то ее развитие в некоторой степени сдерживает перемещение рабочей силы из низших подгрупп в высшие, о чем говорилось в предыдущей главе.

Использование силы Ниагары, альпийских потоков и других неиспользуемых ручьев, морских волн и того, что долгое время дремало в отвалах угольных шахт, откроет возможности для производства практически всего; и хотя масштабы увеличения выпуска будут различаться в разных случаях и будет оказано некоторое влияние на передвижение рабочей силы, серьезных трудностей будет немного, и большинство людей, которые вообще пострадают от этих изменений, получат компенсирующую выгоду от увеличения производительности промышленности.

СНОСКИ

[1] Также верно, что все разнообразие драгоценных камней или других вещей этого рода может из-за простой дешевизны быть названо слишком распространенным для использования очень богатыми, за исключением новых и более дешевых способов украшения.

[2] Стоит отметить (1), что равномерное снижение стоимости всего вызвало бы *сравнительные* изменения в потреблении. Все, что должно снизить четверть стоимости каждого товара из всего

перечня социальных товаров, увеличит потребление одних товаров больше, чем других. Существует исключительно теоретический случай, когда фактический спрос на некоторые товары может даже уменьшиться, потому что равномерное сокращение на двадцать пять процентов привело бы к тому, что они были бы широко заменены другими товарами. Эта мыслимая возможность практически не важна.

Подробное исследование показало бы (2), что снижение стоимости любого отдельного товара во всем перечне социальных продуктов приводит к увеличению потребления товаров в целом. Как изолированный человек, которому приходилось упорно трудиться ради простой еды и довольствоваться немногими удобствами и без всякой роскоши, будет предаваться роскоши, когда производство продуктов питания станет намного проще, так и общество в целом будет увеличивать свои поблажки по всей линии всякий раз, когда работа по добыванию чего-либо одного сокращается и, таким образом, высвобождается некоторое количество рабочего времени.

ГЛАВА XVII

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ, КОТОРЫЕ УМЕНЬШАЮТ ТРУДНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ДИНАМИЧЕСКИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ

В отсутствие необычайно большого увеличения потребления изделия усовершенствование, снижающее его стоимость, имеет тенденцию вытеснять рабочую силу. Первое, что придет в голову любому, кто ищет факторы, смягчающие это зло, - это тот факт, что экономические изменения происходят почти во всех точках системы и что это сводит на нет большую часть вытесняющего влияния. Если что-то отправляет мужчин из группы *A* в группы *B* и *C*, в то время как что-то другое отправляет их из группы *B* в группы *A* и *C*, и еще какое-то влияние толкает мужчин из *C* в *A* и *B*, реальных перемещений, вероятно, будет очень мало. В таком случае возникнет вопрос о том, не могут ли три движения изгнать рабочих из всех групп и вернуть их в состояние праздности. История ясно показывает, какой ответ она дает на этот вопрос; такого результата не произошло, и в конце столетия блестящего механического прогресса количество вынужденного безделья не больше, чем было в начале. Остается показать, что экономический закон исключает всеобщее перемещение и навсегда страхует рабочих от того, чтобы они не оказались во власти промышленной системы, которая нигде не нуждается в их услугах. Широко внедряемые производительные устройства означают большие и всеобщие выгоды при сравнительно небольших затратах. Они означают то, что на первый взгляд должно означать, - больше комфорта и меньше труда для всех. Прежде чем изучать это влияние — взаимное действие улучшений, рассеянных по общей экономической системе, — мы должны определить действие одного или двух других факторов, которые также уменьшают нарушения, вызываемые прогрессом.

Можно видеть, что быстрое внедрение экономичного устройства в каждом цехе подгруппы в то время, когда все остальные отрасли промышленности находятся в стационарном состоянии, обычно приводит к вытеснению части рабочей силы из этого цеха. Если бы потребители в больших масштабах заменили продукты этой подгруппы продуктами других производителей,

это могло бы спасти ситуацию; но общий факт заключается в том, что потребление удешевленного продукта должно увеличиваться в соотношении, превышающем соотношение, представляющее экономию труда, затраченного на его изготовление, чтобы предотвратить вытеснение рабочей силы. Если мы продолжим затрачивать две трети труда, которого раньше требовало изготовление товара из сырья, мы не сэкономим двух третей общих затрат на изготовление готового изделия; и все же, чтобы сохранить весь труд, который сейчас задействован в бизнесе, мы должны продать в полтора раза больше прежнего количества произведенных товаров.^[1]

Противодействующие влияния. Важность постепенного, а не быстрого внедрения улучшений заключается в том факте, что это позволяет этим влияниям выполнять свою работу и часто делает ненужным фактический перевод работников даже из их подгруппы. Время - это спасение работника, которому угрожает неминуемое смещение с его поля. Когда мы увидим, что является главным результатом всех динамических воздействий, которые мы изучаем, мы увидим, как происходит эта нейтрализация и аннулирование рабочей силы, вытесняющей рабочую силу. Но для них одно изолированное изменение привело бы к вытеснению рабочей силы из ее подгруппы и почти всегда отсылало бы ее подальше от точки внутри предприятия, где внедряется новое устройство. Обычно это привлекает рабочую силу в это заведение, подальше от неэффективных или маргинальных. Постепенное внедрение усовершенствования дает время не только для общего увеличения размера и богатства сообщества, но и для других воздействий, которые действуют быстрее и на практике почти всегда делают ненужным сокращение общего количества рабочей силы в отрасли, производящей товары, пользующиеся постоянным спросом. В подтверждение этого общего утверждения можно с уверенностью обратиться к статистике.

Динамический закон цен и его последствия. — Мы кратко отметили мимоходом, что цена продукта, изготовление которого подвергается неоднократным усовершенствованиям, естественным образом стремится к стоимости его на предприятии, обладающем новейшими методами и самыми большими возможностями для производства. Естественная цена в любое время - это стоимость той части предложения, которая создается с наибольшим преимуществом, а не стоимость части, произведенной с наибольшим недостатком, как выражала старая формула. Фабрика, производящая товары дешевле всего, расширяет ассортимент своей продукции и снижает цену до уровня себестоимости; как только другие предприятия овладевают усовершенствованием, они помогают ускорить процесс, а поскольку они получают еще более совершенное оборудование, они помогают снизить цену до еще более новых и низких стандартов.

Причина совпадения Максимальной стоимости и Прайса. — В любой момент, это правда, существуют неудачно расположенные, плохо оборудованные или плохо управляемые заводы, которые ничего не производят и, вероятно, вскоре будут заброшены. Это маргинальные фабрики, о которых мы говорили, и товары, которые они производят, стоят столько, сколько покупатели готовы за них отдать. Это гарантирует совпадение цены товара с затратами на его производство на такой фабрике, но это всего лишь случайность в процессе ликвидации неэффективных предприятий на местах. На фабрике, которая на данный момент находится на грани вытеснения, стоимость товаров равна их отпускной цене и превысит ее, как только цена опустится до более низкой отметки. Эта стоимость временно совпадает с ценой, но не

регулирует ее. Это затраты, которые несет лучшая фабрика, поскольку она устанавливает стандарт, к которому должна стремиться цена.[2]

Важность отсрочки закрытия маргинальных заведений.—Теперь этот процесс выглядит так, как будто из-за закрытия заводов, которые отстали в гонке улучшений, рабочая сила должна быть вытеснена из подгруппы. Так было бы, если бы снижение цены до ее нового статического уровня было мгновенной операцией, и фабрики более низкого качества были бы вынуждены таким же мгновенным образом закрыть свои двери. Это, однако, постепенные операции, и прежде чем они смогут произвести свой полный эффект, будут приведены в действие влияния, которые будут противодействовать тенденции к вытеснению. В качестве такого влияния мы приводили общий рост численности населения, богатства и потребительской способности общества, что дает группе возможность, когда происходят экономические изменения, производить и продавать больше товаров, чем раньше, и сохранять для этого привычную силу труда. Существуют определенные, более специфические влияния, которые оказывают аналогичный эффект и делают его столь же ненужным, сколь и бесполезными попытки сопротивляться ходу совершенствования.

Централизация бизнеса - следствие прогресса.— Из приведенных здесь фактов следует, что консерватизм такого рода, который сопротивляется любым изменениям, обрекает *предпринимателя* на гибель. Он должен оставаться в движущейся процессии, чтобы выжить. Поскольку существенной вещью, которая меняется, является стоимость товаров, определяющая цену, *предприниматель* должен позаботиться о том, чтобы на его предприятии затраты снижались. Хотя это не обязательно означает, что каждое такое заведение должно постоянно расширяться, поскольку существуют местные условия, в которых относительно небольшие магазины могут быть достаточно экономичными, чтобы выжить, все же те, которые обслуживают общий рынок и непосредственно сталкиваются с конкуренцией крупных производственных предприятий, должны, как правило, иметь преимущества большого размера в свою пользу или рано или поздно будут вытеснены с рынка. Многие из более мелких компаний отходят на второй план, и бизнес, которым они занимались, переходит к их и без того крупным конкурентам. В чем заключаются преимущества большого магазина и как тот, размер которого меньше максимального, может выжить, несмотря на них, - это вопросы для дальнейшего рассмотрения.

Как замещается перемещенная рабочая сила.— Когда мужчины фактически вынуждены покидать отрасль, — говорят представители подгруппы А, — они оказываются в поисках работы в том же положении, что и группа недавно прибывших иммигрантов в поисках работы. Мужчины любого класса должны предлагать себя по цене, которая побудит работодателей принять их. Если в последнее время было создано много нового капитала, то, естественно, мужчины могут получить работу без необходимости преодолевать серьезные трения или снижать свои требования в плане оплаты труда. В отсутствие таких дополнений к капиталу им, возможно, придется предложить работодателям некоторый стимул, чтобы преодолеть их нежелание вносить изменения в свои магазины. Однако в свое время мы увидим, что там, где улучшения хорошо распределены в индустриальном обществе и имеют свой естественный эффект, они имеют тенденцию увеличивать общий спрос на рабочую силу при первоначальной норме оплаты.

Эффекты серии Улучшений, ограниченных одной отраслью, контрастировали с эффектами Улучшений, распределенных по Группам. Непрерывная серия радикальных улучшений, все происходящие в одной точке, сами по себе имели бы тенденцию вызывать серию оттоков рабочей силы из этой точки, и простой рост населения и богатства мог бы не настолько полностью противодействовать этой тенденции, чтобы предотвратить положительный отток рабочей силы из затронутой сферы деятельности. Простое относительное сокращение рабочей силы в этой профессии не вызвало бы особых трудностей, поскольку это означало бы только то, что другие отрасли привлекали бы все большее число молодых рабочих, выходящих на работу и постепенно составляющих все большую и большую часть всего трудоспособного населения. Если люди, действительно находящиеся в А, смогут остаться там, никто не пострадает; но слишком большая концентрация улучшений на этом этапе может заставить некоторых из них уйти. Такая концентрация противоположна общему правилу. Улучшения не ограничиваются одной или несколькими точками, а возникают в очень многих, и этот факт нейтрализует их тенденцию к вытеснению рабочей силы и может свести ее практически к нулю. Если бы труд можно было сделать более эффективным в каждой группе всей системы, результатом было бы увеличение количества всех видов товаров. Производство большего количества собственного продукта означает приобретение возможности покупать больше продуктов других; и увеличение общего объема производства товаров, таким образом, ведет к увеличению спроса на все виды товаров, а также предложения. Если ты шьешь одежду, а я обеспечиваю тебя едой, и мы обмениваемся продуктами, но не удовлетворяем потребности друг друга до полного насыщения, то для нас обоих будет хорошо, если ты сможешь шить больше одежды, а я - добывать больше еды. Тогда мы сможем продолжать заниматься нашими первоначальными занятиями, и оба будем жить лучше. При этом вообще не происходит никакого перемещения рабочей силы; и также не должно быть никаких нарушений, вызванных увеличением в четко выверенных пропорциях выпуска каждой группы и подгруппы в системе промышленности. Там, где раньше единица А обменивалась на единицу В или С, теперь две единицы А выдаются за две единицы В или С, и у каждого есть больше продуктов для потребления, чем у него было раньше.[3]

Рабочая сила, привлекаемая к Подгруппе в результате Улучшений, которые производятся в других местах. — Необходимо принимать во внимание тот факт, что спрос потребителей на различные товары неодинаково эластичен. В групповой системе есть два различных вида движений, вызванных усовершенствованием метода. Каждое улучшение само по себе имеет, как правило, эффект вытеснения рабочей силы, но этот эффект частично нейтрализуется общим ростом потребления и в еще большей степени улучшениями, происходящими в других местах. Рабочая сила, выброшенная из группы А, естественным образом переходит в группы В, С и т.д.; Но если, как мы только что видели, аналогичные влияния имеют тенденцию вытеснять рабочую силу из групп В и С, рабочая сила может по большей части оставаться там, где она есть, в результате чего потребителям предлагается больше А, В и С. *Увеличение объема производства одной группы само по себе является средством удержания рабочей силы в других группах,* хотя благодаря простым методам это предполагает производство большего количества любого другого вида товаров.

Предложение одного вида товаров Эквивалентно спросу на Другие. — В этой связи не должно возникнуть никаких трудностей с интерпретацией традиционного утверждения о том, что "предложение одного вида товаров представляет собой спрос на другой". Приращение А и приращение В, возникающие вместе, обеспечивают потребности, общие для их двух групп

производителей, и обе группы могут выиграть от обмена такими частями своих соответствующих продуктов, которые они не оставляют для собственного использования. Если бы *A* и *B* были единственными используемыми потребительскими товарами, часть избытка каждого из них была бы распределена между членами группы, производящей их, а остальная часть была бы отдана в обмен на некоторые товары другого вида, также для распределения среди членов первой названной группы. Это то, что на самом деле происходит, когда множество предметов потребления производится во все возрастающих количествах.

Влияние увеличения индивидуальных доходов на характер потребляемых товаров. Такое увеличение производительной силы группы означает, конечно, увеличение индивидуальных доходов, и это заставляет людей, как мы видели, потреблять лучшие вещи, а не их большее количество. Происходит определенное, чисто количественное увеличение потребления каждым человеком товаров данного вида, каждый использует больше A'''' , чем он использовал раньше; но наибольшее изменение проявляется в качестве того, что он использует. Каждый человек покупает и потребляет лучшие товары *вида A*, а также других видов. Его пища, одежда и т.д. Приготовлены более сложным способом, и у него больше того, что мы называем полезностью формы, которая является результатом создания вещей, и относительно меньше элементарной полезности, которая присуща исходному материалу. В товарах, которые ему требуются для личного потребления, несколько больше сырья и гораздо больше формальной полезности. Это требует, чтобы рабочая сила продвигалась вверх в групповой системе и чтобы больше ее, чем раньше, приходилось на те подгруппы, где производится обработка сырья и где наносятся последние штрихи на товары. Следовательно, эффект постоянного совершенствования всех производственных процессов в том, что касается воздействия на рабочую силу, сродни эффекту увеличения капитала, поскольку он продвигает рабочую силу вверх в ряду подгрупп. Это приводит к увеличению рабочей силы на фабриках и в цехах, производящих предметы комфорта и роскоши.

Характер Движений, фактически вызванных Улучшениями.— Это движение вверх не может продолжаться так же гладко и с такими незначительными нарушениями, как то, которое вызвано увеличением капитала. Всякий раз, когда в одной точке достигается больший выигрыш, чем в другой, срабатывает влияние, которое само по себе имеет тенденцию направлять рабочую силу из одной точки в другую. Медлительность, с которой происходит смена метода, дает время, необходимое для охраны труда в первой названной группе, поскольку до того, как начнут ощущаться эффекты улучшений, произведенных во второй группе, происходит небольшое движение. Если в 1906 году будет произведено улучшение, которое в течение пяти лет приведет к перемещению части рабочей силы из подгруппы *A* в подгруппу *B*, а в 1907 году будет произведено соответствующее улучшение в последней отрасли, равновесие будет восстановлено до того, как произойдет достаточное нарушение, требующее какого-либо абсолютного сокращения рабочей силы в *A*. Факты таковы (1) что новых работников, когда они выходят на поле, больше тянет к верхним подгруппам, чем к низшим, — к *A* и *B*, а не к *A* и *B* из двух рядов, — и что при продвижении вверх их сначала сильнее тянет к *B*, а затем сильнее к *A*. Это почти постоянный факт в промышленности и является главной результирующей всех сил, которые мы описали, — восходящий поток, который является непрерывным, но не следует строго вертикальным линиям. Когда молодые люди — сыновья работников *A*, *B*, *C* и *D*, которые в противном случае могли бы остаться на поприще своих отцов, — переходят в подгруппы, стоящие выше в нескольких рядах, сначала они в большем количестве направляются к *B*, чем к *A*, а затем в большем количестве — к *A*. В постоянном потоке рабочей силы наблюдается

волнообразное движение вправо, а затем влево от групп, создающих сырье, к тем, кто придает этим материалам ту форму полезности, в которой они нуждаются, чтобы приспособить их для использования. Фактическое уменьшение числа рабочих во всей группе вследствие улучшения метода производства практически неизвестно, и даже положительное уменьшение числа в подгруппе чрезвычайно редко.

Очевидные исключения из Правила.— Исключения из этого правила, которые скорее кажутся, чем реальны, будут встречаться с каждым. Открытие больших запасов минерального масла положило конец использованию китового жира в осветительных целях, хотя и позволило сохранить китобойный промысел в меньших масштабах и производить масло для других целей, поскольку самый сырой материал, сами киты, не были истреблены. Исчерпание запасов сырья было здесь доминирующим фактом, и последствия, которые оно вызвало, можно снова ожидать, когда минерального масла, в свою очередь, станет не хватать. Люди выйдут из подгруппы, добывающей сырую нефть, поскольку природа вынуждает их к этому, но их переход нельзя отнести просто к улучшению способа добычи нефти или ее транспортировки и переработки. Факт, иллюстрирующий изложенное нами правило, заключается в том, что, хотя минеральное масло вытеснило китовый жир с промысла в качестве осветительного средства, это не уменьшило количество мужчин в общей группе, производящей осветительное масло. На нефтяных промыслах работало больше людей, чем прекратило работу на китобойных судах. При создании аналогичного готового продукта было использовано новое сырье, и по мере того, как отрасль в целом, производившая этот продукт, росла, а не уменьшалась, общий спрос на рабочую силу при добыче нефти не уменьшался. Это не доказывает, что старые моряки не пострадали от перемен. Молодые моряки могли отправиться на нефтяные промыслы или куда-либо еще, но люди, которые не были способными к адаптации, не могли этого сделать, и связанные с этим трудности нельзя упускать из виду. Однако мы формируем суждение о движениях, которые пронизывают обширную промышленную систему, и нам больше всего нужно знать, каков их главный результат. Если бы это было всеобщим вытеснением рабочей силы, вызывающим рост праздности и страданий, система, приводящая к такому результату, была бы осуждена. Общий результирующий результат противоположен этому.

Смещение рабочей силы в сторону определенных Общих групп. Мы только что заметили, что движение рабочей силы в групповой системе, вызванное усовершенствованием метода, состоит главным образом в восходящем потоке рабочей силы, сопровождаемом нерегулярными боковыми движениями, когда рабочая сила смещается вправо или влево, поскольку она сильнее притягивается то к одной точке, то к другой в одной и той же горизонтальной плоскости. Его основная масса отклоняется то вправо, то влево в своем общем восходящем русле, хотя на самом деле ни одна из них не может быть выброшена. Это описание течения рабочей силы слишком общее даже для того, чтобы описать все постоянные течения. Некоторые целые группы производят только предметы роскоши или в основном предметы роскоши, и для них наблюдается такое же перераспределение рабочей силы, как и для верхних подгрупп общего ряда. Если есть группа *D*, производящая изделие, которое могут позволить себе использовать только состоятельные люди, оно увеличится в размерах и объеме своей продукции по тем же причинам - усовершенствованным методам и общему обогащению, - которые заставляют *A*, *B* и *C* перерастать *A*, *B* и *C*.

Перемещения работников зрелого возраста, естественно, имеют тенденцию к сокращению.— Когда улучшение производится в одной из верхних подгрупп, в то время как

общий поток рабочей силы направлен в сторону этих групп, эффект обычно заключается не в уменьшении абсолютного числа работников в верхней подгруппе, где было сделано улучшение, а просто в том, чтобы не допустить получения *пропорциональной* доле рабочей силы, которая перемещается вверх к этому уровню подгрупп от нижестоящих. Изменение в распределении общественной рабочей силы между верхними подгруппами и низшими производится постепенно, без насильственных перемещений отдельных людей из пункта в пункт, а просто путем направления в верхние подгруппы непропорционально большого числа молодых работников, выбирающих сферы своей деятельности. В общем, *рабочая сила* перемещается из точки в точку в системе, не требуя для этого большого количества *конкретных работников*. Поскольку фактическая потеря рабочих мест лицами зрелого возраста является главным злом, связанным с изменениями в методах производства, весьма отраднo, что влияние, которое мы изучаем, естественным образом имеет тенденцию к уменьшению его масштабов.

Увольнение пожилых работников в основном вызвано дальнейшим влиянием.—Совершенно независимо от спроса на меньшее количество рабочей силы на определенном этапе системы, может произойти увольнение мужчин просто из-за возраста и замена более молодыми мужчинами. Таким образом, в учреждениях с быстрым темпом работы мужчинам приходится уступать место молодым преемникам в более раннем возрасте, чем тот, в котором мужчины уступают место на других должностях. Эффект некоторых механизмов заключается в повышении шансов стариков, в то время как эффект других механизмов заключается в их снижении. Облегчение труда и сокращение рабочего дня сохраняют силы людей и позволяют им дольше оставаться на работе.

Естественная тенденция, извращенная монополией.—Когда трудности достигают больших масштабов в результате увольнения рабочих, они происходят главным образом из-за ненормального влияния, которое сейчас проявляется уродливыми и тревожными способами во всей промышленной системе, а именно монополии. Сокращение сил ради сокращения производства и повышения цен - вот что приносит вред. Это влияние во многих случаях сводит на нет благотворный эффект свободной конкуренции и создает серьезные трудности для отдельных работников, не принося никакой компенсирующей выгоды потребляющей публике. Это предвещает зло как для общества в целом, так и для трудящихся классов, на которые может быть сильно наложена его рука. В совершенно естественной системе, в которой конкуренция делала бы все, что предполагала чистая теория в начале этого исследования, зло, вызванное локальными улучшениями, было бы относительно небольшим, а распределенные выгоды огромными. По мере того, как движение приближается к стабильности и по мере того, как достигаются успехи, не за счет радикальных изменений, то здесь, то там, то в другом месте, с длительными интервалами между ними, а за счет более мелкой экономии, осуществляемой почти повсеместно и в очень быстрой последовательности, причина трудностей уменьшается. Происходит меньше насильственного вытеснения рабочей силы с ее полей и больше постепенного смещения *рабочей силы* скорее, чем отдельных работников из подгрупп, создающих элементарные продукты, к тем, которые придают им изящные и дорогостоящие формы. Естественный отбор новых работников для тех профессий, где они наиболее необходимы, сопряжен с небольшими трудностями, и часто перевод человека, который ухаживал за машиной одного типа, на машину другого типа не представляет особой сложности. Все еще существуют примеры, когда ручное мастерство сводится на нет изобретением механического автомата, который выполняет работу быстрее и точнее, чем это может сделать рука человека; и рабочий, обладающий этим навыком, обычно должен в таких случаях

довольствоваться работой, где его более общие способности могут сослужить ему хорошую службу и обеспечить ему по крайней мере среднюю заработную плату. Особые способности, которыми он обладал для выполнения одной операции, ничего не значат; и это происходит, когда люди, работавшие в одном цехе фабрики, вынуждены соглашаться на работу в других цехах той же фабрики или на других должностях.

Конкретные потери рабочего по сравнению с его долей Социальной выгоды.—Контрольный вопрос в подобных случаях заключается в том, помогает или вредит человеку общий эффект улучшений, включая не только то, которое заставило его сменить профессию, но и все другие, которые произошли с тех пор, как он начал работать. На этот вопрос может быть только один ответ: в течение жизни баланс склоняется в пользу прогресса даже в случае *среднестатистической жертвы движения*, и это в подавляющем большинстве случаев так и в случае других. То, чем человек жертвует, когда его переводят с одной машины на другую, обычно с лихвой компенсируется в течение нескольких лет тем, что он приобретает в результате общего увеличения производительной силы труда. В момент вытеснения он страдает, но своим постоянным ростом благосостояния и производительности общество с лихвой искупает нанесенный ущерб. Товаров, выпускаемых на фабриках, становится больше; доля, приходящаяся на рабочую силу, поскольку эта доля определяется критерием конечной производительности, неуклонно увеличивается; и люди, которые никогда ни в чем не проходили длительного ученичества, но быстро освоили свои нынешние профессии и могут так же быстро осваивать новые, производят и получают гораздо больше, чем они могли бы получить при режиме квалифицированного ручного труда или низших машин, а также гораздо больше, чем их преемники получают впоследствии, если в результате какого-либо бедствия механические изобретения перестанут внедряться и другие производители продукции будут лишены доступа к рынку. Надежда работающего человечества заключается главным образом в продолжении изменений, которые дают ему постоянно расширяющуюся власть над природой. Некоторые классы могли бы безбедно жить и без этого, но для рабочего это дает основную надежду на повышение комфорта и наступление времени всеобщего изобилия.

СНОСКИ

[1] Математическая задача стоит так: если все подгруппы серии A имеют одинаковое количество рабочей силы, и машина позволяет половине рабочей силы, находящейся сейчас в A , выполнять все, что требуется для преобразования обычного запаса A в обычное количество A , то часть рабочей силы в A в большинстве случаев это привело бы к появлению совершенно других отраслей промышленности. Избыточный труд в A составил бы восьмую часть всего труда, необходимого для полного создания A . Если бы заработная плата составляла единственные издержки, которые *предприниматель* должен покрывать, цена A была бы снижена до семи восьмых от прежней цены, а это могло бы в случае некоторых товаров увеличить спрос до восьми седьмых от его прежнего объема и, таким образом, сохранить всю рабочую силу в общей группе. Поскольку помимо заработной платы необходимо покрыть расходы, это снижение заработной платы на восьмую обычно не приводит к снижению общих издержек более чем на двенадцатую, и даже если цена быстро снизится до одиннадцати двенадцатых от ее прежнего объема, было бы чрезмерным ожидать, что потребление A увеличится на седьмую, за исключением случаев, когда такое снижение цены привело к тому, что A занял место B , C и т.д. В списках покупок многих потребителей. Увеличение потребления должно было бы происходить в соотношении, большем, чем то, которое представляет собой экономию затрат.

Стоящий на одиннадцатой двенадцатой дорожке, чем раньше, товар должен продаваться на восемь седьмых так же свободно, что возможно только тогда, когда он широко занимает место других потребительских товаров. Даже тогда некоторую рабочую силу пришлось бы перенести из А в другие подгруппы серии. Половина объема рабочей силы, ранее работавшей в А, выполняет всю работу, ранее выполнявшуюся там, и для поддержания всего этого в рабочем состоянии на этом этапе потребовалось бы удвоить производительность всей группы. Экономия одной двенадцатой стоимости не могла обеспечить продажу двойного количества товаров. С этой точки зрения улучшения имели бы угрожающий вид, хотя их конечный эффект по-прежнему казался бы таким же благотворным, как и прежде, если бы не тот факт, что возникающие в результате них нарушения были относительно небольшими из-за изучаемых нами влияний.

[2]

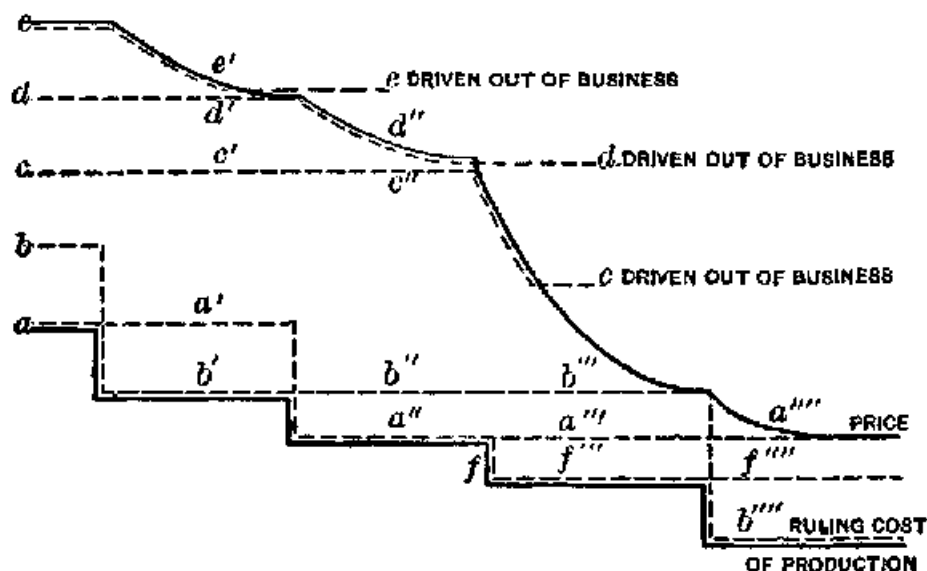
Улучшения и цены в условиях конкуренции

На рисунке представлена подгруппа, в которой работают пять производителей: a , b , c , d и e . Позже вводится новое учреждение f . Верхняя темная линия представляет цену единицы продукта, а нижняя темная линия - стоимость изготовления единицы в заведении, которое на данный момент является наиболее эффективным.

Пунктирными линиями показаны соответствующие производственные затраты на различных заводах, начиная от a , самого эффективного, до e , который едва справляется сам.

Происходящее на рисунке представлено следующим образом:—

b сначала вносит улучшение, которое снижает его производственные затраты, как показано нисходящей пунктирной линией. Это позволяет ему увеличить объем производства и, таким образом, оказывает влияние на цену, которая снижается. Теперь производитель e уже продавал товар по себестоимости, но его не сразу выгнали из бизнеса. Вместо этого, даже несмотря на то, что он не может получать полные проценты от первоначальной стоимости своего постоянного предприятия, он будет продолжать работать до тех пор, пока сможет заставить свое предприятие вообще что-либо зарабатывать. Результатом является фактическое снижение капитализированной стоимости предприятия (проценты по которому являются статьей затрат), и это то, что представлено снижением пунктирной линии, которая представляет собой производственные затраты e . Теперь ситуация представлена серией пунктов — b , a , c и т.д., представляющих на втором этапе различные уровни затрат у разных производителей.

Следующее, что происходит, - это улучшение, внесенное *a*, в результате чего себестоимость его продукции падает ниже, чем у *b*. Вызванное этим падение цен теперь окончательно вытесняет *e* из бизнеса; он больше не может вообще ничего зарабатывать на своем стационарном предприятии. Мы можем предположить, что производители *a*, *b* и *c*, которые получали прибыль, увеличили свои производственные мощности настолько, чтобы полностью обеспечивать рынок без участия *e*. *d* сейчас находится в том же положении, в котором *e* был на предыдущем этапе, — ничего не зарабатывая на своем постоянном предприятии и с трудом удерживаясь от продолжения бизнеса.

Следующее представленное событие - открытие нового, большого и очень эффективного завода компанией *f*. Эффект аналогичен эффекту улучшений, но более сильный. Падение цен вытесняет из бизнеса как *d*, так и *c*. *b* сейчас находится на грани, но спасает себя от потерь вторым улучшением, что снова делает его самым эффективным производителем. И так продолжается до бесконечности.

Этот рисунок иллюстрирует тот факт, что, хотя в любое время цена товара примерно равна его стоимости для наименее эффективных производителей, все же эта стоимость не *определяет* цену. Определяющим фактором являются затраты на наиболее эффективной мельнице, к которым стремится цена; и все, что определяет стоимость на наименее эффективной мельнице, - это то, как долго эта мельница будет продолжать работать.

Для того, чтобы сделанное здесь утверждение о том, что цена равна издержкам в заведении, которое вот—вот будет вытеснено с рынка, было обоснованным, необходимо с определенной осторожностью определять термины. В типичном случае работодатель, которому суждено вскоре закрыть свой бизнес, имеет, возможно, устаревшую фабрику, которая сама по себе ничего не платит, но позволяет своему владельцу использовать оборотный капитал и рабочую силу таким образом, чтобы получать проценты с этого капитала и заработную плату за труд. Предприятие не взимает никаких процентов со стоимости устаревшей мельницы, за исключением случаев, когда участок и здание могут быть проданы для нового использования. Если они полностью утратили всякую производительную силу, они вообще не являются, в том

смысле, в каком мы используем термины, капитальными благами; и в этом случае единственный процент, который *предприниматель* должен учитывать как издержки, - это тот, который начисляется на другой капитал, используемый в связи с бесполезной фабрикой. Если участок и здание имеют некоторую ценность для другого назначения, и если оборудование имеет некоторую ценность как хлам, то все, что владелец может получить, избавившись от завода, составляет сумму, проценты с которой составляют стоимость производства товаров на этом заводе. Это сумма, от которой владелец завода отказывается до тех пор, пока он воздерживается от продажи завода. Он может позволить себе использовать его в производстве до тех пор, пока цена продукта покрывает определенные таким образом затраты, но должен прекратить, когда это прекратится.

[3] Будет видно, что поддержание нынешних обменных соотношений между *A*, *B*, *C* и т.д., когда затраты на все из них снижаются, потребовало бы, чтобы эти затраты были снижены в абсолютно одинаковой степени в каждом случае и чтобы количество, продаваемое по новым себестоимым ценам, было увеличено в неодинаковой степени, чтобы привести различные цены к уровням затрат. Спрос на один товар более эластичен, чем на другой. Небольшое увеличение предложения *A* может привести к значительному снижению отпускной цены, в то время как для достижения этого эффекта может потребоваться значительное увеличение предложения *B*. Следовательно, должны произойти некоторые изменения в относительном количестве рабочей силы в различных подгруппах, даже несмотря на то, что во всех них была достигнута равная "экономия рабочей силы" или снижение затрат. Это изменение настолько незначительно по сравнению с тем, что было бы вызвано улучшениями, ограниченными одной подгруппой, что оно осуществляется с относительно небольшими трудностями и главным образом за счет постоянного притока новой рабочей силы в тех местах, где она необходима.

ГЛАВА XVIII

ИЗМЕНЕНИЕ МЕТОДА ВЛИЯЕТ НА КАПИТАЛ

Экономия рабочей силы и концентрация капитала.— Существует распространенное мнение, что все, что экономит труд, обычно требует увеличения капитала в отрасли, где обеспечена экономика, и это впечатление подтверждается опытом столетия, последовавшего за изобретением паровой машины и первых текстильных машин. Ручное прядение и ткачество требуют небольшого количества основного капитала, в то время как фабрики, на которых прядение и ткачество производятся с помощью пара или воды, требуют больших затрат. К счастью, в течение любого длительного периода этот капитал поступает в таком изобилии, в каком он необходим, за счет прибыли того самого бизнеса, который его требует, и не уменьшает капитал других отраслей. Прибыль одного года обеспечивает новые орудия, необходимые в следующем; но непосредственным результатом замены ручного труда дорогостоящей машиной является концентрация капитала или вызов его из мест, куда он в противном случае был бы направлен.

Освобождение капитала путем изобретения.— Долгое время общим правилом было то, что механическое изобретение сначала вызывало капитал в той точке, в которой оно было

применено, хотя впоследствии оно создавало новый капитал и расходовало его на создание более чем хорошего проекта, который оно создало изначально. Это правило больше не применимо повсеместно. Когда изобретение удешевляет средства производства, оно высвобождает капитал. Ясно, что сто двадцать пять лет назад было мало шансов на то, что изобретение высвободит очень много капитала за счет снижения стоимости изготовления инструментов, зданий, рельсов, механизмов и т.д., поскольку их было так мало, что можно было удешевить. Теперь, когда под рукой имеются машины в бесчисленных формах, велика вероятность того, что изобретение заменит многие из них другими, менее дорогостоящей конструкции. В этих случаях на одну машину потребуется меньше капитала, чем требовалось ранее.

Упрощение форм машин и удешевление их материалов.—История изобретений показывает, что ранние машины иногда принимали громоздкие и дорогие формы, которые позже были заменены простыми и более дешевыми. Все это время происходит значительное упрощение механических устройств, и это, конечно, высвобождает некоторый капитал. Изготовление инструментов любого вида из более дешевых материалов имеет тот же эффект, что и все, что снижает стоимость изготовления инструментов. Бессемеровская сталь сделала рельсы, мосты, корабли, здания, паровые котлы и огромное количество механических инструментов и приспособлений менее дорогостоящими, чем они были, и таким образом высвободила часть капитала, который раньше воплощали подобные вещи. После того, как одна из машин более дорогостоящего типа заработает средства, на которые полагается ее владелец для замены ее по мере износа, выясняется, что части этого фонда будет достаточно для приобретения совершенно хорошей замены ей, а остальная часть может быть использована для приобретения других производственных приспособлений.

Удешевление процесса изготовления инструментов.—Если мы вернемся к таблице, в которой представлены группы

А В С Н

А В С Н

А В С А

В В Ч Н

из промышленной системы мы увидим, что усовершенствования методов в общей группе *Н-Н* имеют эффект высвобождения капитала в других группах и подгруппах. *Н* - это универсальный символ, обозначающий активные инструменты всех видов. Это двигатели и котлы, ткацкие станки и шпиндели, токарные и строгальные станки, рельсы, автомобили, мосты, туннели, каналы, корабли, здания и все мириады инструментов, которые активно помогают человеку создавать то, что он хочет для потребления. Новые методы в *Н-Н* удешевляют поставку всего этого, что означает, что труда и капитала группы *Н-Н*, которые потребовались бы для замены инструментов, используемых в других группах, будет более чем достаточно для этой цели, и часть их времени может быть отдана изготовлению оборудования и т.д., которые ранее не использовались. Это равносильно высвобождению части основного капитала в трех группах, производящих *А*, *В* и *С*, хотя полученный таким образом свободный капитал может быть

частично использован для изготовления дополнительных приспособлений для использования в этих же группах.

Локальная концентрация капитала, которая приводит к его общему высвобождению.— В таком случае новый метод, используемый в *H*, при его внедрении может потребовать больше капитала, чем использовалось ранее на этом этапе системы. Строительство бессемеровских конвертеров было дорогостоящей операцией, хотя последующее производство дешевой стали сэкономило гораздо больше капитала, чем требовалось конвертерам. Электрические каналы Ниагары чего-то стоят, но продукты, созданные с их помощью, удешевляют многие промышленные инструменты; и подобные эффекты сопровождают большинство применений электричества для использования водопадов и передачи на большие расстояния энергии, которую они генерируют. Они достигают значительных масштабов по мере того, как добыча угля в угольных шахтах экономично сжигается и используется для выработки пара и привода динамо-машин. Любое удешевление транспорта, помимо удешевления потребительских товаров, оказывает такое же воздействие на товары производителей и, таким образом, высвобождает капитал. Это приводит к тому, что одно производительное устройство обходится дешевле, чем оно могло бы стоить в противном случае, и позволяет использовать для других целей часть затрат, которые ранее требовались для его замены в конце срока службы.

Эффект ускоряющихся машин.— Увеличение скорости станка - это операция, требующая высвобождения капитала, поскольку она позволяет определенному количеству станков выполнять работу за большее количество станков. Быстрая эксплуатация шпинделей и ткацких станков, хотя для данного количества продукции требуется меньше рабочих, также требует меньшего количества шпинделей и ткацких станков.

Случаи, когда высвобожденный капитал частично остается в той же отрасли, в которой он был использован.— Необходимо тщательно проводить различие между использованием меньшего количества капитала *на единицу* физического продукта и использованием меньшего количества капитала в конкретной профессии независимо от количества продукта. Если мы удешевим процесс изготовления ткани, мы увеличим потребление ткани, и таким образом мы сможем привлечь новый капитал в этот бизнес, даже если мы сможем построить и оборудовать фабрику данной мощности дешевле, чем раньше. В данном случае мы высвободили капитал в этом бизнесе и сразу же повторно использовали его в той же точке. Если мы будем использовать столько же ткацких станков, сколько и раньше, для более быстрой работы потребуются больше шпинделей для выработки пряжи, а для новых шпинделей потребуются двигатели и котлы большего размера или большее количество водяных колес, колесных ям и резервуаров для подачи энергии. Расширение бизнеса таким образом обычно требует увеличения общего капитала *в отрасли*, хотя для данного выпуска требуется меньше капитала; и поразительным фактом является то, что этот эффект может быть реализован с помощью устройств, которые фактически экономят капитал в определенных точках отрасли. Если бы после появления механических ткацких станков какой-нибудь изобретательный гений заставил их стоить всего лишь на четверть дороже, чем при их первом внедрении, прибыль предприятия увеличилась бы и со временем потребовалось бы гораздо больше капитала в виде прядильных машин, двигателей и т.д., чем раньше использовалось в этих формах. С общим ростом населения и богатства возросшее потребление ткани требует, в конце концов, увеличения капитала в виде самих ткацких станков.

Общее потребление, на которое влияет конкретное увеличение производительной силы.— Потребление в общем виде — использование потребительских товаров любого вида — растет по мере увеличения способности производить товары; но очень важным моментом является то, что любое *конкретное* увеличение производительной силы приводит к *общему* увеличению потребления. Это приводит к более всестороннему созданию и использованию товара. Если в дальнейшем мы сможем поставить *точку* в нашей таблице, затратив на ее создание вдвое меньше труда и капитала, чем мы использовали до сих пор, высвободившиеся агенты производства станут доступны для производства всего, что наиболее необходимо, и они, фактически, будут использованы для увеличения предложения всех трех типов потребительских товаров, представленных в таблице. Они дадут нам больше *A*, *B* и *C* в количествах, регулируемых законами стоимости. Результатом этого является то, что экономия на производстве *A* на самом деле дает нам больше *A*, *B* и *C*. Мы становимся все большими потребителями всего из-за удешевления всего, что входит в наш список товаров для личного пользования. Это представляет собой еще один аспект процесса перемещения рабочей силы и капитала от группы к группе, в котором заложена возможность возникновения трудностей для конкретных людей. Вывод, к которому нас уже привело справедливое взвешивание последствий механического прогресса, состоит в том, что очень немногие, даже из рабочих, страдающих от перемещений такого рода, в течение своей жизни не приобретают намного больше, чем теряют в результате общего прогресса; и последствия удешевления капитальных благ в какой-то момент и, таким образом, высвобождения капитала для использования в других точках, усиливают этот благотворный эффект. Особые затраты на изготовление новых видов машин были велики на ранних стадиях процесса, но впоследствии стали меньше; и по мере того, как машины вошли во всеобщее употребление, высвобождение капитала за счет удешевления машин становилось все более и более важным фактором. Часть капитала, высвобождаемого при *A*, идет на помощь рабочей силе в производстве дополнительного количества *B* и *C*, которого требует расширенное потребление.

Трудности, которые несет с собой прогресс для капиталистов. Поскольку старые ремесла в настоящее время в значительной степени вытеснены машинами, а трудности, которые постоянный прогресс влечет за собой для рабочих, значительно уменьшились, с прогрессом связано новое бремя, которое целиком ложится на капиталистического работодателя. Машина сама по себе часто является безнадежным специалистом. Он может выполнять одно-единственное действие, и только это, и когда появляется новое и лучшее устройство для выполнения этого одного действия, машине приходится уходить, и не на какое-то новое место работы, а на свалку мусора. Таким образом, происходит значительная трата капитала в результате механического и другого прогресса. Поскольку в обиход вошли судовые котлы, изготовленные из стали и способные выдерживать очень высокое давление, прежние котлы низкого давления пришли в негодность. С появлением цилиндров тройного расширения, сдвоенных винтов и улучшенных и более крупных корпусов суда старого типа потеряли свою ценность; и подобные вещи происходят в каждой производственной линии. Строится новая мельница, оснащенная лучшим оборудованием, известным на момент ее постройки; но не проходит и года, как все машины в одном цехе настолько устаревают, что их лучше всего выбросить. Действительно, быстрое выбрасывание инструментов, которые едва начали выполнять свою работу, часто является секретом успеха предприимчивого менеджера; но это влечет за собой разрушение капитала. Что легко увидеть, так это (1) то, что однократное изменение такого рода немедленно влечет за собой сокращение общего фонда доступного

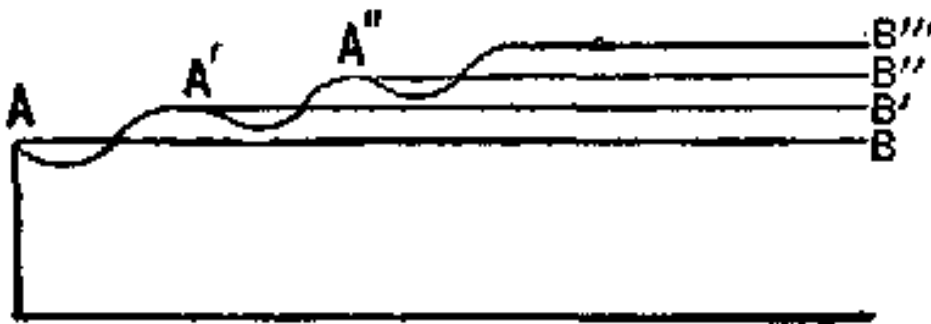
социального капитала; и (2) то, что это сокращение, как правило, вскоре окупается увеличением. Почти новое оборудование выбрасывается, когда кажется, что другое вскоре заработает достаточно, чтобы возместить вызванные этим потери, и парадокс заключается в том факте, что *предприниматель*, который быстро уничтожает капитал, на самом деле экономит его, в то время как тот, кто, используя старое оборудование, пытается удержать капитал, теряет его, поскольку жертвует прибылью, от которой можно было бы получить больше. Управляя своим устаревшим двигателем, человек, не занимающийся предпринимательством, вынужден довольствоваться небольшой прибылью и тем временем видит, как его фактический производственный фонд сокращается из-за износа старого оборудования.

Компенсация за капитал, уничтоженная изменением метода.—То, что произошло в таком случае с предприимчивым человеком, - это потеря личного капитала. То, что он только что заплатил за замененные приборы, ушло впустую. Его финансовое положение скорее улучшилось, чем пострадало, из-за предполагаемой прибыли, которую принесут новые приборы. То, что случилось с человеком, который сохранил старую технику, - это частичная или полная потеря всего, что он недавно вложил в нее, не компенсируемая такой прибылью. Сохраняя свои капитальные блага, он теряет свой капитал, не имея гарантированной перспективы его возвращения у своего конкурента. Компенсируют ли выгоды, достигнутые теми, кто быстро выбрасывает устаревшие приборы, потери, понесенные теми, кто хранит их слишком долго, — это вопрос, требующий больше места, чем может быть отведено здесь; но ответ определяют следующие факты: -

- (1) Средний возраст инструментов, естественно, на любой момент времени равен примерно половине срока их службы.
- (2) Отказ от всех инструментов одного вида в любой определенный срок потребовал бы привлечения фонда социального капитала примерно на половину суммы, необходимой для замены этих инструментов.
- (3) Очень немногие сразу отбрасываются при изобретении улучшенных типов.
- (4) Ничто, кроме падения цены продукта, созданного с помощью этих старых машин, не может помешать им заработать оставшуюся часть средств, необходимых для их замены. Если они делают это, они предотвращают любое реальное разрушение капитала, к которому приводят многие изобретения.
- (5) Когда только один *предприниматель* представляет новое устройство, его производство обычно увеличивается, но не до такой степени, чтобы вызвать быстрое падение цен. Это дает пользователям старой бытовой техники, чьи установки еще не достигли конечной точки неэффективности, возможность продолжать накапливать средства для замены. Прибыль пользователя более совершенного устройства тем временем растет.
- (6) Когда все *предприниматели* одновременно внедряют новое устройство, они делают это — при условии, что их действия разумны, — потому что экономия, достигнутая в стоимости производства, делает изменение выгодным, несмотря на связанные с этим потери. Они ожидают получения всеобъемлющей чистой прибыли в течение периода до того, как цена продукта упадет до нового уровня, и они ожидают, что это даст им больше, чем требуется для выплаты процентов, затрат на будущую замену более совершенных инструментов и дефицита на счетах, вызванного досрочным списанием замененных приборов.

(7) Не рассматривая эту предполагаемую прибыль, получаемую при новом устройстве, как капитал, мы должны рассматривать ее как гарантию того, что вскоре появится новый капитал. Использование новых приборов может принести большие выгоды, и некоторые из них пополнят постоянный фонд производственного богатства.

(8) Стоимость новой бытовой техники может быть покрыта за счет ранее накопленных средств ее владельца или за счет займов. В любом случае они поступают из социального фонда, который создается в основном за счет средств, которые в предыдущий период приносили особые выгоды. Современная машина оплачивается из имеющегося излишка, созданного машиной более раннего времени, и ряд изобретений увеличивает общественный фонд капитала, несмотря на все растраты, с которыми это связано.

Эффект, который ряд улучшений оказывает на величину социального капитала, если мы измеряем фонд исключительно на основе стоимости капитальных благ, которые его воплощают, может быть представлен следующим образом: — Горизонтальная линия измеряет время и измеряется годами от одного до десяти. Расстояние от точки над этой базой представляет собой сумму капитала, оцененную в единицах стоимости, находящуюся во владении общества на момент осуществления конкретного улучшения, и оставалась бы неизменной, если бы общество было статичным. Уровень линии AB представляет то, что при таких условиях стало бы столицей десятилетия. Изогнутая линия AB , опускающаяся ниже AB , а затем поднимающаяся выше нее, выражает тот факт, что единственное важное улучшение сначала влияет на объем используемого капитала, а вскоре компенсирует вычет и вносит положительное дополнение. Это повышает общую сумму капитала до уровня последней части строки AB . Изогнутая линия AB , сначала опускающаяся ниже AB , а затем поднимающаяся выше нее, выражает тот факт, что второе улучшение, произведенное через год или два после первого, приводит к уменьшению суммы капитала, определенной первым улучшением, а позже добавляет более чем достаточно, чтобы компенсировать это сокращение. Третье улучшение, проводимое в конце двух или трех последующих лет, имеет эффект, выраженный линией AB ; то есть оно сначала снижает фонд ниже уровня, на котором он в противном случае находился бы в то время, — но ни в коем случае не до уровня, на котором он находился, когда началась серия улучшений, — а позже поднимает его выше линии, выражающей наивысший уровень, которого он достиг бы без этого улучшения. В той мере, в какой эти три улучшения влияют на уровень социального капитала за десятилетний период, он находится на уровне, указанном строкой $AAAB$, и никакое последующее улучшение, даже во время его внедрения, не дает большего, чем небольшое

сокращение прироста капитала, получаемого от продуктов предыдущих улучшений. Серия экономических изменений означает постоянное увеличение социального капитала, а также постоянное улучшение способа применения рабочей силы. Прирост капитала за счет более ранних изменений намного больше, чем требуется при введении любых более поздних изменений.

Невозможность сокращения капитала за счет слишком быстрого прогресса.—Существует теоретический вопрос, может ли этот ряд быть слишком быстрым, чтобы обеспечить такой результат. Если бы интервал составлял месяц, а не несколько лет, и если бы сумма капитала, вложенного в новые приборы, была такой же, какой они требуют на рисунке, результатом было бы двенадцать вычетов из суммы общественного капитала в течение года, что привело бы к некоторому снижению его первоначального уровня, *в то время как в течение этого одного года* не было бы времени для накопления прибыли для восстановления и пополнения фонда. В следующем и последующих годах это произойдет, и результатом в течение десяти лет будет доведение социального капитала до еще более высокого уровня, чем тот, которого он достигает вследствие более медленной последовательности экономических изменений. Увеличение скорости продуктивных изобретений только умножает прирост социального капитала.

Мы можем резюмировать основные факты, касающиеся технического прогресса, следующим образом:—

(1) Прогресс может выбросить отдельных людей с их нынешней работы, но не может уничтожить общественный спрос на их труд. Где-то в обществе для них найдется место.

(2) Если улучшения долгое время ограничивались одной подгруппой, они могли бы направить рабочую силу в другие подгруппы и даже в другие общие группы. Происходя практически во всех звеньях системы, они очень редко требуют абсолютного уменьшения количества рабочей силы в подгруппе и практически никогда не вызывают такого сокращения в группе в целом.

(3) Постепенное внедрение улучшения важно, поскольку оно дает время для увеличения общественного спроса на продукт, который, таким образом, удешевляется, и для внедрения во многих других аспектах улучшений, которые в значительной степени нейтрализуют эффект первого улучшения, вытесняющий рабочую силу.

(4) Технические достижения являются крупнейшим источником увеличения общего объема социального капитала. Постоянный приток нового капитала облегчает размещение работников там, где они необходимы.

(5) Тот факт, что элементарные полезности, производимые сельским хозяйством, удовлетворяют менее эластичный спрос, чем формальные полезности, являющиеся продуктом производственных профессий, привел к медленному перемещению рабочей силы из низших подгрупп различных рядов в высшие, поскольку производительная сила труда в сельском хозяйстве возросла.

(6) Это движение настолько постепенное, что его можно осуществить почти полностью, направляя в отрасли, составляющие верхние подгруппы, увеличенную долю новых работников по мере того, как они выходят на поле в поисках работы. Молодые люди перебираются с фермы в деревню и город.

(7) В дополнение к восходящему потоку рабочей силы в серии подгрупп необходимо принимать во внимание некоторые боковые перемещения, или переводы из группы в группу. Тот факт, что улучшения широко распространены и что в каждой точке они происходят последовательно, позволяет осуществлять эти горизонтальные перемещения рабочей силы тем же способом, которым осуществляется перемещение внутри групп, а именно путем размещения новых людей, которые выходят на работу, в тех местах, где они наиболее необходимы.

(8) Эти факты не всегда препятствуют тому, чтобы отдельные люди теряли особую выгоду, которую им обеспечивало квалифицированное ремесло, поскольку за машиной, к управлению которой они вынуждены прибегать сами, часто с таким же успехом могут ухаживать люди, которые никогда не обучались такому ремеслу.

(9) Потери, которые таким образом влекли за собой ремесленники, были очень велики в течение первоначального процесса вытеснения ручного труда машинами, но в дальнейшем, вероятно, будут относительно небольшими, поскольку меньшее количество людей проходит длительное и дорогостоящее обучение, и поскольку оператор одной машины обычно может научиться управлять другой с минимальными затратами времени.

(10) Те травмы, которые отдельные люди сейчас получают от внедрения экономичных устройств, как правило, с лихвой искупаются даже для этих людей большей производительностью общественного труда, поскольку он применяется новыми способами, и большим изобилием социального капитала. Эти достижения являются результатом улучшений, достигнутых в предыдущие периоды, и они приносят пользу каждому, кто трудится.

(11) Новый капитал, созданный производительными изобретениями, является существенной причиной продолжающегося роста рабочего класса.

(12) Хотя большинство изобретений сначала вытягивают капитал из общественного фонда до момента их применения, многие из них вскоре высвобождают капитал за счет удешевления конкретных средств производства, и почти все они за счет обеспечиваемой ими прибыли в конечном итоге увеличивают общественный капитал.

Жизненная важность постоянного совершенствования.—Разумное изучение сделает ясным для каждого, что любое утверждение о том, что техника является врагом труда, не просто ошибочно, оно противоречит самому поразительному и важному факту, связанному с общим прогрессом. Прирост рабочей силы за прошедшее столетие, который был частично обусловлен освоением новых территорий, был в значительной степени обусловлен механическими изобретениями и техническими открытиями, которые предоставили силы природы в столь обширное распоряжение человека. Действительно, эти силы работали на благо всего общества, но в основном они работали на людей, которые трудятся, будь то на фабрике, в магазине, на железной дороге или на ферме. Их воздействие является всеобъемлющим, поскольку они означают увеличение производительной силы той конечной единицы общественного труда, от которой обычно зависит заработная плата. Всеобщее богатство было и должно оставаться общепризнанным благом. Как изолированный человек, работающий, подобно Крузо, только для себя, извлекает выгоду из каждого технического открытия, которое он может сделать, и из всего, что он может добавить к своему запасу производственных приспособлений, так и общество, великий и изолированный организм, являющийся арендатором нашей планеты, извлекает выгоду из каждого возможного усовершенствования, а

силы распределения следят за тем, чтобы это благо проходило через всю систему и улучшало положение самых скромных членов. Поскольку огромные площади новых земель больше недоступны в качестве будущих ресурсов, надежда на труд в ближайшие столетия при любой форме промышленной организации, будь то конкурентная или социалистическая, основывается на перспективе продолжения технических достижений — бесконечной последовательности обращений к неиссякаемой силе природы.

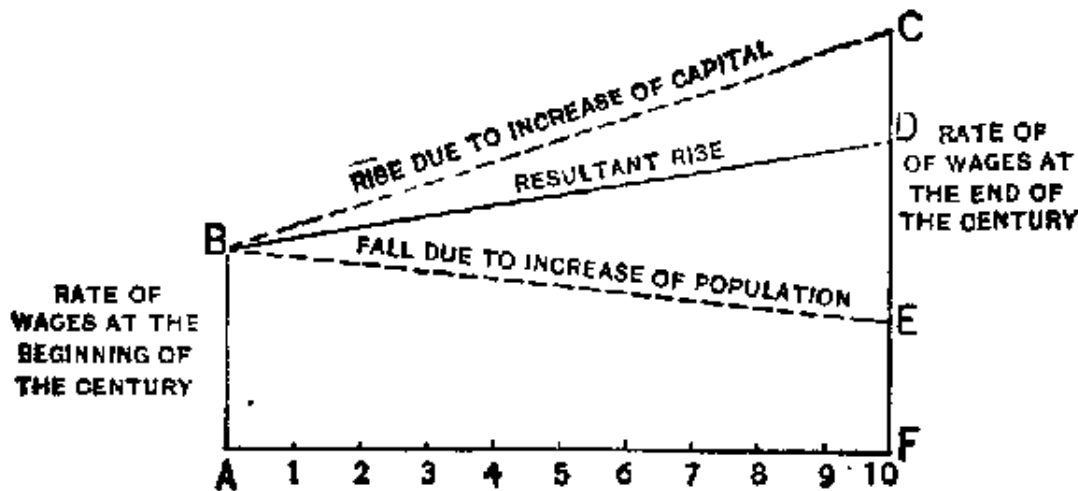
Влияние изменений в относительных количествах труда и капитала. Закон заработной платы, изложенный в одной из ранних глав этой работы, делает очевидным, что увеличение численности населения при неизменном общественном фонде капитала привело бы к снижению продукта предельного труда и, следовательно, уровня заработной платы. В каждом предприятии, на которое должно было прийти больше рабочих, при том, что его капитал оставался прежним по величине, способность отдельного рабочего производить товары уменьшалась бы. Более того, любой приток работников в общество в целом сопровождался бы их распределением по всем группам и подгруппам, так что способность отдельного работника создавать какие-либо товары была бы уменьшена. Это означает, что труд частично утратил свою способность создавать *товары*, что является конкретным названием всеобщего богатства, и соответственно его заработная плата падает.

Приток капитала без какого-либо изменения численности работников имел бы противоположный эффект. Это увеличило бы производительную силу предельного труда. Поскольку новый капитал распространился бы по производящему организму, он повсюду увеличил бы продукт рабочих. Зарплата частично зависит от численного соотношения между единицами капитала и единицами труда, поскольку они взаимодействуют в производстве; и изменение соотношения, вызываемое увеличением капитала, улучшает положение трудящихся. Капитал также распространяется по всей системе, каждая подгруппа получает свою долю от него, и рабочая сила повсюду реагирует на это влияние и производит больше, чем раньше. В изменении этого соотношения — в увеличении *на душу населения* богатства в продуктивных формах — кроется одно влияние, имеющее огромную власть над судьбой человека и являющееся одной из главных причин благополучия или горя грядущих поколений. Метод по мере его совершенствования двояко связан с этим критическим изменением соотношения капитала к численности населения. Это важная причина увеличения капитала. То, что люди зарабатывают, жонглируя ценностями и облагая налогами других людей, ничего не добавляет к совокупному богатству; но то, что они зарабатывают с помощью усовершенствованных методов производства, приводит к чистому добавлению к нему. Совершенствование метода также непосредственно усиливает влияние увеличения капитала, повышая производительность труда и увеличивая отдачу от него.

Результат Пяти Динамических изменений, действующих вместе. — До тех пор, пока увеличение капитала с лихвой компенсирует увеличение численности населения, конечным результатом всех пяти общих изменений, характеризующих динамичное состояние, является повышение благосостояния работников. Перемещение рабочей силы из пункта в пункт в системе промышленных групп является необходимым средством обеспечения наибольшей выгоды для общества в целом и распределения этой выгоды между всеми членами. Именно наемные работники наиболее многочисленны и наиболее нуждающиеся, и наибольшая выгода, которую можно приписать любому экономическому влиянию, — это та, которая принимает форму повышения заработной платы. Более того, тенденция к повышению уровня оплаты труда имеет

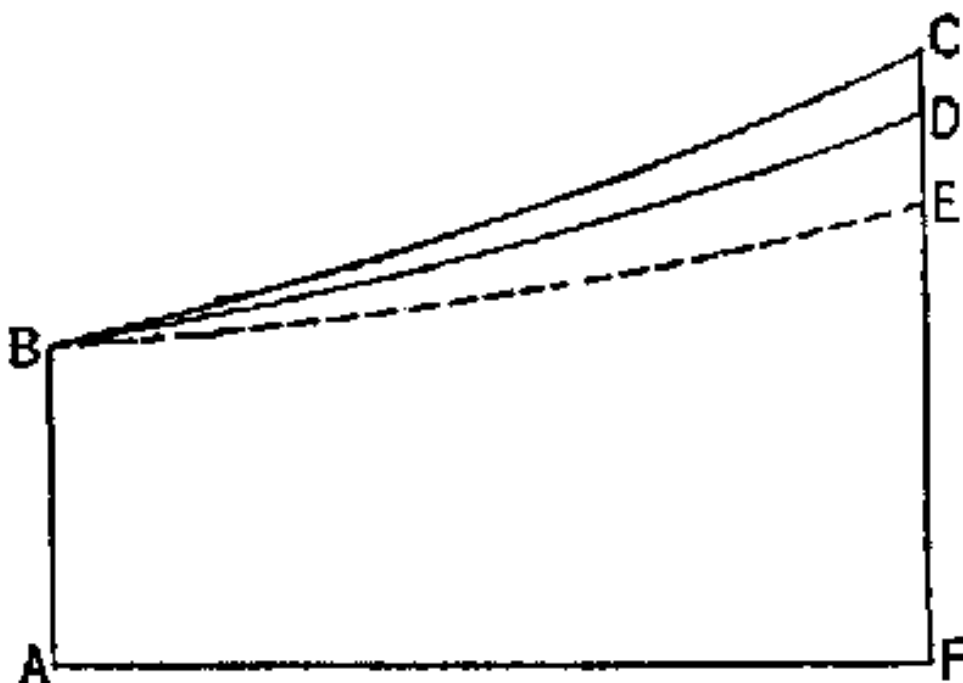
гораздо большее значение, чем уровень ставки в любой конкретный момент времени. Система, которая должна обеспечивать высокую нынешнюю заработную плату, была бы осуждена, если бы исключала всякую возможность повышения заработной платы в будущем; в то время как система, которая должна начинаться с низкой ставки и обеспечивать гарантию того, что она будет расти с каждым годом до скончания веков, обладала бы самым важным достоинством, которым может обладать любая система. Перспективы, которые это открыло бы для человечества, намного перевесили бы те трудности, которые выпали на долю нынешнего поколения. Нынешнее чистилище с динамическими возможностями должно в конце концов превзойти любой земной рай, который прочно удерживается в неподвижном состоянии.

Мы можем представить равнодействующую фактического роста населения и капитала следующей цифрой:—

Измеряя время десятилетиями вдоль горизонтальной базовой линии и уровень заработной платы в начале столетия линией AB , мы обозначаем увеличение оплаты труда, которое было бы вызвано увеличением капитала, не встречающим противодействия со стороны какого-либо другого влияния, пунктирной линией BC , а сокращение, которое было бы вызвано увеличением численности населения, пунктирной линией BE . Строка BD описывает результирующий эффект этих двух изменений, действующих совместно, исходя из предположения, что во второй половине столетия рост населения несколько замедлился и что преобладающим влиянием является увеличение капитала.

Далее мы можем представить изменение уровня заработной платы, вызванное усовершенствованием методов и организации, линиями, поднимающимися выше той, которая выражает тенденцию заработной платы, поскольку на нее влияет только увеличение капитала и населения.

AF по-прежнему измеряет время, а AB - уровень оплаты труда в начале века. Пунктирная линия BE представляет рост заработной платы за счет увеличения капитала, поскольку это более чем противодействует росту населения. Подъем строки BD выше BC представляет собой дополнительное повышение заработной платы, вызванное усовершенствованием метода, и, наконец, повышение BC выше BD выражает дальнейшее увеличение оплаты труда, которое происходит по причине улучшения организации. Самая верхняя строка BC описывает результирующую всех динамических изменений, если предположить, что они происходят естественным образом.

Будет видно, что BC сначала быстро поднимается над BD , а позже проходит почти параллельно ей. Это отражает тот факт, что, хотя доходы, застрахованные организацией, могут сохраняться в течение длительного периода, их сумма не сильно увеличивается после того, как был обеспечен достаточно эффективный тип организации. С другой стороны, тот факт, что BD поднимается выше BE на все более и более широкий интервал, выражает тот факт, что выгоды, получаемые от технических улучшений, могут увеличиваться в течение неопределенно долгого времени.

Процентная ставка контрастировала с ее Абсолютной величиной; эта Величина увеличивалась.—Изменения, которые повышают заработную плату, вызывают падение процента, и, по-видимому, общая прибыль частично компенсируется; но главной причиной снижения нормы процента является увеличение общей суммы капитала. Размер дохода, который получают капиталисты как класс от всего их инвестированного состояния, увеличивается везде, где сумма фонда увеличивается быстрее, чем падает норма процента. Миллион долларов, приносящий четыре процента, дает больший доход, чем полмиллиона, приносящие пять или шесть. Это условие, подобное тому, которое мы описали в общих чертах, и оно позволяет владельцам инвестиций получать постоянно увеличивающуюся общую прибыль, хотя процент, приносимый данной инвестированной суммой, постоянно уменьшается.

Условия повышения благосостояния в будущем. Реализация этой равнодействующей всех динамических сил требует, чтобы темпы роста населения подвергались естественному ограничению, чтобы увеличение капитала не замедлялось чрезмерно, чтобы продолжались технические усовершенствования и чтобы созданная организация была такой, которая обеспечивает эффективность, но не монополию. Конкуренцию необходимо поддерживать. В измененном виде, действительно, ее основная сила должна навсегда доминировать в промышленной системе, как это будет происходить, если государство будет выполнять свой долг, а не иначе. Динамичное общество требует динамичного правительства, расширяющиеся функции которого определяются экономическими условиями.

ГЛАВА XIX

ЗАКОН НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Поскольку оптимистичный вывод, сделанный в предыдущей главе, зависит от увеличения благосостояния, которое не нейтрализуется увеличением численности населения, остается выяснить, имеет ли население тенденцию расти такими темпами, которые дают основания опасаться такой нейтрализации. Имеет ли тенденцию прогресс в методах и в богатстве стимулировать такое увеличение числа работающих людей, которое, по их мнению, привело бы прогресс к концу? Является ли динамическое движение самозаторможным и обязательно ли оно прекратится? Ответ на этот вопрос частично зависит от закона народонаселения.

Закон Мальтуса. — Сначала нам нужно знать, подчиняется ли рост населения какому-либо закону, и если да, то гарантирует ли этот закон поддержание нынешних темпов прироста или замедление их. Закон народонаселения, сформулированный Мальтусом в начале прошлого века, является единственным обширным и важным вкладом в экономическую динамику, внесенным ранними экономистами. Она была основана больше на статистике и меньше на *априорных* рассуждениях, чем большинство классических доктрин. Даже сейчас утверждение, сделанное Мальтусом, не требует по форме обширных дополнений, и все же требуемого изменения достаточно, чтобы полностью изменить первоначальный вывод учения. Мальтузианство составляло особенно "мрачный" элемент ранней политической экономии, и все же, как утверждал его автор, оно открывало возможность комфортного будущего для рабочего класса. Кто-то мог бы с радостью отнестись к каждому описанному в нем угрожающему влиянию, если бы мог быть уверен, что так называемый "уровень жизни", от которого все зависит, повысится. Трудность заключалась в том факте, что учение не давало никаких доказательств того, что оно таким образом повысится. Общее впечатление читателей заключалось в том, что ему было суждено оставаться неизменным и к тому же на низком уровне. Рабочие времен Мальтуса не привыкли получать гораздо больше, чем самые скромные средства к существованию, и не многие экономисты ожидали, что они получают намного больше, даже несмотря на то, что мир в целом должен был получить прибыль.

Популярный вывод из закона мальтузианства. — Если мы сформулируем вывод, который большинство людей сделало из закона мальтузианства в его простой и унылой форме, то он таков: всякий раз, когда повышается заработная плата, население быстро увеличивается, и это

увеличение снижает норму оплаты до прежнего уровня. Заработок зависит от числа рабочих; уменьшение числа рабочих повышает их заработок, а увеличение снижает его; и поэтому, если каждое повышение заработной платы вызывает быстрый рост населения, труд никогда не сможет удержать свои доходы; каждое повышение является причиной последующего падения.

Квалификация Мальтусом своего Утверждения.— Как мы уже говорили, Мальтус так квалифицировал свое утверждение, что он не утверждал положительно, что это будет описывать опыт будущего; снижение заработной платы, которое должно последовать за увеличением численности, не всегда может быть таким значительным, как первоначальное повышение, и когда должно произойти более позднее повышение, последующее за ним падение может быть меньше, чем это второе повышение. В некотором смысле работники могут настаивать на более высоком уровне жизни после каждого своего периодического повышения.

Почему этого требования недостаточно.— Сам по себе факт того, что уровень жизни может предположительно повыситься, мало что делает для того, чтобы сделать перспективы оптимистичными, если только мы не сможем найти какие-то веские основания предполагать, что он повысится и что экономические причины заставят его это сделать. Мы не должны слишком полагаться на медленные изменения, которые может произвести образование, или основывать наш закон на чем-либо, что предполагает улучшение человеческой природы. Мы должны видеть, что чисто экономический прогресс делает дальнейшее продвижение легче и надежнее и что достижения рабочего класса не самоуничтожаются, а самовоспроизводятся. Мы можем рискнуть утверждать, что таков факт: когда работники повышают свою норму оплаты труда, они, как правило, скорее всего, получают дальнейший выигрыш, чем понесут убытки. Хотя должны быть незначительные колебания заработной платы, естественным и вероятным следствием экономического закона является неуклонное повышение общей ставки, и ничто не может остановить этот рост, кроме извращения системы. Это может сделать монополия, или плохое правительство, или продолжительные войны, или анархия, вырастающая из борьбы классов; но каждая из этих вещей, не исключая монополию, естественно, была бы временной, и даже несмотря на них, тенденция к повышению доходности рабочей силы должна была бы утвердиться. Вместо того чтобы безнадежно тонуть под тяжестью, которую он не может сбросить, труд будущего справедливо претендует на то, чтобы быть поддержанным неустойчивым влиянием.

Опровержения мальтузианства.— Мальтузианский закон народонаселения так часто "опровергался", что это доказывает его жизнеспособность. В основном она так же прочно укоренилась в вере ученых, как и прежде, и некоторые из аргументов, на которые опирались, чтобы опровергнуть ее, требуют только изложения, чтобы быть отброшенными. Одним из них является утверждение о том, что положения закона не соответствуют действительности, поскольку в течение столетия, когда американский континент, Австралия, части Африки и обширные территории в других местах находились в процессе оккупации, человечество фактически не выходило за пределы прожиточного минимума. Ни одна разумная точка зрения не рассматривает этот факт иначе, как иллюстрацию мальтузианского закона. Обширное расширение имеющихся в мире земель, конечно, отсрочило бы время заселения земель и катастрофические результаты, которых от этого ожидали, но при неуклонном росте населения прекращение пагубного влияния было бы лишь временным.

Возражение, основанное на более высоком уровне жизни.—Второе возражение также является скорее иллюстрацией, чем опровержением мальтузианской доктрины; оно утверждает, что уровень жизни сейчас выше, чем был, и население увеличивается недостаточно быстро, чтобы заставить рабочих снижать его. Весь вывод Мальтуса зависел отсюда. Уровень оплаты соответствовал определенному стандарту, и если бы этот стандарт был низким, заработная плата была бы такой же; в то время как если бы она была выше, заработная плата также была бы выше.

Реальный вопрос, касающийся Доктрины народонаселения.—Во всех подобных заявлениях присутствует реальная неполнота. Имеет ли сам уровень жизни тенденцию повышаться с повышением заработной платы и оставаться выше своего прежнего уровня? Когда люди добиваются успехов, могут ли они удержать их или, по крайней мере, какую-то их часть, или они должны вернуться к тому уровню, с которого начали? И это равносильно вопросу о том, достаточно ли времени после повышения заработной платы до того, как в противном случае можно было бы ожидать снижения, чтобы позволить силе привычки сработать, приучить людей к лучшему образу жизни и предотвратить поведение, которое привело бы их к низвержению на прежнее положение. Уровень жизни, конечно, повлияет на заработную плату только путем контроля количества рабочих, и разочарование, вызванное мальтузианством, заключается в том факте, что оно, по-видимому, утверждает, что число рабочих предопределено увеличиваться так быстро после повышения заработной платы, чтобы довести их до прежнего уровня. Делает это компания или нет - вопрос факта, и ответ на него предельно ясен. Более высокие стандарты на самом деле обусловлены более высокой оплатой труда, и у них было время зарекомендовать себя. Прожиточный минимум уступил место заработной плате, обеспечивавшей комфорт, а они снова сменились ставками, обеспечивавшими больший комфорт и скромную роскошь; и прогресс продолжался так долго, что, если привычка имеет хоть какую-то силу, даже сам мальтузианский закон дает гарантию, что заработки не упадут до их прежнего уровня и даже близко к нему.

Радикальное изменение теории.—Прогресс самовоспроизводящийся. Вместо того, чтобы обеспечивать регресс, он вызывает дальнейший прогресс. Человек, поднявшийся с положения, в котором он зарабатывал на жизнь, до положения, в котором он зарабатывает на комфорт, именно по этой причине, вероятно, продвинется дальше и получит скромную роскошь, которая входит в бюджет хорошо оплачиваемого рабочего. "Тому, кто имеет, будет дано", и это в силу прямого действия экономического закона. Это радикальный отход от мальтузианского вывода.

Три возможных условия для класса, получающего заработную плату.—Рабочие находятся в одном из трех возможных условий:—

- (1) Они могут иметь фиксированный стандарт и очень низкий. Всякий раз, когда они получают больше, чем требуется по этому стандарту, они могут рано жениться, создавать большие семьи и видеть, как их дети опускаются до их первоначального состояния.
- (2) Они могут иметь фиксированный стандарт, но более высокий. Возможно, они не желают вступать в брак раньше срока, по крайней мере, на какие средства они могут прожить, но могут сделать это, как только их зарплата станет хоть немного комфортной.

(3) Они могут иметь прогрессивный стандарт. В их психологии может быть что-то динамичное, и для них может стать ментальной необходимостью жить с возрастом все лучше и выше и ставить своих детей в более высокое положение, чем они сами когда-либо получали.

Исторический факт.—Способ, которым Мальтус на самом деле интерпретировался, был в такой же степени обусловлен положением рабочих в его время, как и всем, что он сам говорил. Было слабым утешением знать, что, согласно закону народонаселения, заработная плата предположительно может стать выше и оставаться такой из-за более высокого уровня жизни, при условии, что более высокий уровень никогда не будет достигнут. Факты долгое время были обескураживающими. В свое время они изменились к лучшему. Открытие обширных территорий новых земель дало о себе знать. Это повысило оплату труда быстрее, чем рост населения смог ее снизить. Это привело к установлению не только более высокого, но и растущего стандарта, и по мере того, как одно поколение сменяло другое, оно привыкало к лучшему образу жизни, чем это было возможно раньше. Этому добились сама сила новой земли, дополненная новым капиталом и новыми методами производства. Это привело к росту заработной платы, несмотря на все, что само по себе привело бы к ее снижению.

Замедленный рост населения.—Если бы мальтузианство, как его понимало большинство людей, было правдой, население должно было бы расти наиболее быстрыми темпами в этот период великого процветания и должно было бы сделать все возможное, чтобы нейтрализовать влияние новых земель, нового капитала и новых методов. В некоторых местах рост был аномально быстрым, и на местном уровне это возымело свое действие; но если мы включим в наш обзор все то, что мы определили как цивилизованное индустриальное общество, то темпы роста за этот период не стали более быстрыми, а скорее замедлились. В одной процветающей стране, а именно во Франции, численность населения практически не изменилась. Даже в Америке, стране, в прошлом отличавшейся самыми быстрыми темпами роста, рост, за исключением иммиграции, был намного медленнее, чем в первой половине девятнадцатого века. Таким образом, рост населения может происходить медленнее или вообще прекратиться, даже несмотря на то, что богатство и способность зарабатывать растут. Если это так, то дальнейшему накоплению капитала и дальнейшему совершенствованию методов не придется бороться с последствиями более быстрого роста численности, и их последствия будут становиться более заметными по прошествии десятилетий. Влияние этих сил, приносящих плоды труда, будет все слабее и слабее, и они будут продолжаться бесконечно, наделяя работающее человечество все большей производительной силой и большими накоплениями позитивного богатства. Владение домом, вклады в сберегательных банках, инвестированный капитал и комфортная жизнь могут быть все более и более распространены среди мужчин, доход которых зависит главным образом от труда их рук. Это больше, чем просто возможность? Существует ли экономический закон, который каким-либо образом гарантирует это? Можем ли мы даже сказать, что всеобщее богатство, без особого сомнения, будет способствовать постоянному благосостоянию рабочего класса, и что чем больше будет этого процветания, тем меньше опасность того, что они лишатся его каким-либо своим поведением? Ответ на эти вопросы следует искать в третьем историческом факте.

Низкий уровень рождаемости среди высших слоев общества.—В большинстве стран именно у состоятельных слоев населения маленькие семьи, а у бедных - большие. Именно из интерпретации этого факта мы можем вывести наиболее важную модификацию мальтузианского закона. Именно добровольное поведение различных классов определяет,

будет ли уровень рождаемости большим или маленьким; и факт заключается в том, что в случае богатых он невелик, в случае бедных - сравнительно велик, в то время как в случае определенного среднего класса, состоящего из мелких работодателей, наемных работников, профессионалов и множества высокооплачиваемых работников, он не является ни очень большим, ни очень маленьким, а умеренным. В общем случае уровень рождаемости изменяется обратно пропорционально доходной способности классов в данном случае, хотя величины различий не соответствуют друг другу с какой-либо арифметической точностью. Если один класс зарабатывает на душу населения вдвое меньше, чем другой, из этого не следует, что в семьях, принадлежащих к этому классу, будет в два раза больше детей. В среднем у них действительно больше детей. Таким образом, существует, по крайней мере, обнадеживающая вероятность того, что продвижение многих мужчин из третьего класса в средний заставит их соответствовать привычкам класса, к которому они присоединились. В настоящее время этот класс в основном состоит из людей, поднявшихся из низших классов, и любое будущее изменение, в результате которого третий класс станет меньше, а второй - больше, несомненно, замедлит средний уровень рождаемости во всем обществе.

Мотивы поведения различных классов. История и современные факты снова поучительны в том смысле, что они раскрывают главный мотив, определяющий скорость увеличения численности населения. Когда дети с раннего возраста становятся самостоятельными, бремя, лежащее на отце, когда у него их сравнительно небольшое количество, становится таким большим, каким оно когда-либо будет. Если они смогут зарабатывать все, что им стоит, когда им исполнится десять лет, содержание детей будет стоить столько же, когда старший ребенок достигнет этого возраста, сколько это будет стоить в любое более позднее время. Даже при том, что каждый год или два в семье прибавлялся один человек, каждый год или два один выходил из положения иждивенца, и число людей, постоянно нуждающихся в поддержке отца, вероятно, не превышало бы пяти или шести, каким бы большим ни стало общее число. Большое количество детей в семьях ранней Новой Англии и их большое количество во франко-канадских семьях в недавнее время были вызваны тем фактом, что земли было в избытке, расходы были небольшими, и десятилетний мальчик, работающий на земле, мог вкладывать в семейный магазин столько, сколько требовало его содержание. Проблема продовольствия не была серьезной в те первобытные места и времена, как и проблемы одежды, жилья и образования. Именно в этом последнем пункте лежал ключ к изменению условий, поскольку пришло время, когда потребовалось больше образования, когда бремя содержания детей продолжалось дольше, и условия самообеспечения были достигнуты не так рано, как это было в сельских колониях.

Эффект предоставления детям образования и собственности.—Когда дети нуждаются в всестороннем образовании, бремя содержания семьи, конечно, возрастает. Чрезмерно большая семья означает снижение нынешнего уровня жизни для всех и снижение будущего уровня жизни для детей. У большинства рабочих нет возможности ни наделить многих детей собственностью, ни дать им сложное образование. Таким образом, страх потерять нынешний комфорт для семьи в целом и страх потерять кастовую принадлежность, увидев, как семья позже опустится до более низкого социального класса, являются аргументами против больших семей.

Почему экономический прогресс увековечивает сам себя.—Экономический мотив, который заставляет прогресс увековечивать себя и обеспечивать все больший прогресс, - это

решительное сопротивление снижению социального статуса. Семья не должна терять кастовую принадлежность. Он не должен жертвовать ни одним из абсолютных удобств, к которым привык, особенно когда это влечет за собой деградацию. Такова природа человека, что нежелание отказываться от чего-то, к чему человек привык, является гораздо более сильным стимулом к действию, чем стремление получить что-то, к чему он не привык; и однажды достигнутое социальное положение не сдается без борьбы. Упорное поддержание статуса - это мотив, который играет наиболее заметную роль в контроле за ростом населения и приумножением капитала. Богатые поддерживают статус семьи за счет вложенных средств, бедные делают это за счет образования, а представители среднего класса делают это за счет сочетания того и другого.

Статус поддерживается Образованием.— В случае наемных работников потребность в обучении детей и преимущества, которые вытекают из этого, перевешивают потребность в завещании им собственности; и все же потребность в завещании какой-либо собственности также является мощным мотивом. Важно дать им возможность приобрести инструменты для какого-либо ремесла или обезопасить себя от опасностей, связанных с болезнью или несчастным случаем. Более того, при этом учитывается не только техническое образование. Культура сама по себе является средством не только непосредственного наслаждения, но и поддержания социального статуса. Хорошо информированный человек достигает непосредственно того, чего состоятельный человек достигает косвенно, в том смысле, что он получает прямые удовольствия от жизни, которых не могут получить другие люди, и он пользуется уважением других и оказывает на них влияние, чего не может неосведомленный человек. Таким образом, необходимость давать детям образование ради того, чтобы сделать их хорошими производителями, и необходимость делать это с целью сделать их хорошими потребителями и дать им возможность максимально использовать то, что они производят, работает против слишком быстрого увеличения численности.

Действие фабричного законодательства.—Эти мотивы значительно усиливаются, когда они подкрепляются общественным мнением и позитивным правом. Стремление трудящихся обеспечить принятие законов, запрещающих прием на работу детей моложе шестнадцати лет, является, с этой точки зрения, разумным желанием, которое, если его осуществить, будет способствовать благосостоянию будущих поколений. Несомненно, это не единственный мотив, и необходимо придавать определенное значение желанию сократить количество доступной рабочей силы и защитить взрослых, обслуживающих машины, от конкуренции детей, которые могли бы делать это так же хорошо или даже лучше. Однако в умах работников существует неопределенное ощущение, что, когда все дети работают с раннего возраста, заработная плата всей семьи каким-то образом становится низкой, и что всем им приходится делать для семьи то, что родители могли бы делать при других условиях. Мальтузианский закон показывает, как в долгосрочной перспективе это достигается. Возросший спрос на фабричные законы и обязательное образование является положительным доказательством роста мотивов, сдерживающих население.

Речь идет как об Абсолютном, так и об Относительном статусе.— На карту поставлены и абсолютный комфорт, которым может наслаждаться семья, и ее социальное положение, и нам не нужно утруждать себя вопросом, перестанет ли действовать сравнительный мотив — необходимость идти в ногу с другими в стремлении к совершенствованию — если все сообщество продвигается вперед сообща. Ссамого начала мы видели, что этот мотив мощно

действует на высший класс, который имеет перед глазами низший класс, в ранг которого некоторые из его членов, возможно, опустятся. Низший класс всегда должен присутствовать, как бы ни развивалось сообщество, и состоятельный работник всегда будет бояться попасть в него. Если бы их становилось все меньше и меньше, и если бы второй из трех классов, о которых мы говорим, становился все больше, страх перехода от одного к другому не исчез бы. Относительный статус — то, что апеллирует к кастовому чувству и желанию считаться с другими, — продолжал бы оказывать влияние, так же как и стремление к положительным удобствам; и мотив, основанный на сравнениях, мог бы даже стать наиболее сильным, когда низший класс сократился бы настолько, что в нем мало кто остался бы, кроме калек, престарелых или слабоумных. Эффективный работник больше боролся бы за то, чтобы его семья не принадлежала к такому классу, чем за то, чтобы она не принадлежала к тому, на ком было бы только обычное клеймо бедности.

Проверки становятся более эффективными по мере увеличения благосостояния. — Ясно, что доминирующие мотивы, сдерживающие рост населения, действуют более мощно на зажиточные классы, чем на бедные. Потребность в вложенном богатстве, потребность в образовании, решимость придерживаться социальных стандартов комфорта и избегать потери касты сильнее у представителей высших классов, чем у представителей низших, и становятся более доминирующими в обществе, поскольку все больше и больше его членов принадлежат к высшему и среднему классам.

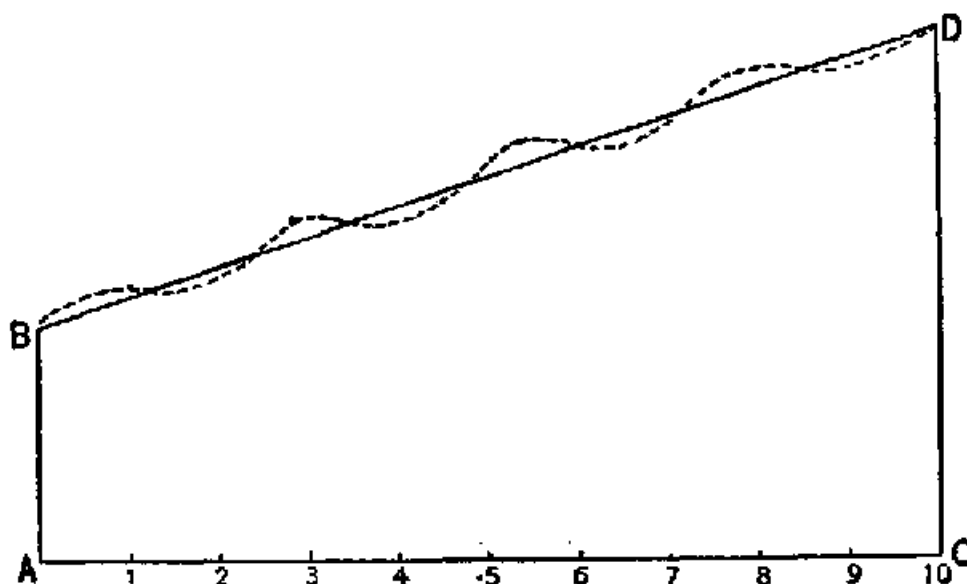
Непосредственные причины медленного увеличения численности населения. Экономический мотив медленного роста населения может возыметь свое действие только в том случае, если он ведет к определенной линии поведения, обеспечивающей этот результат. Для достижения желаемой цели должны быть приняты меры, и когда кто-то смотрит на некоторые из средств, к которым на самом деле прибегают, у него может сложиться впечатление, что необходимый экономический результат в некоторой степени может быть достигнут путем недопустимого морального проступка. Должно ли общество будущего приобретать свои удобства ценой своего характера? Очевидно, что нет, если *должно* в данном случае толковаться буквально. Низкий уровень рождаемости может быть обеспечен не ценой добродетели, а самодисциплиной, которая вполне гармонирует с добродетелью и, несомненно, придает ей мужественный характер, который она теряет, когда мужчины мало сдерживают свои порывы. Поздние браки у мужчин являются законным следствием желания поддерживать высокий уровень жизни и передать его потомкам; а поздние браки у женщин стоят на первом месте среди нормальных причин замедленного роста населения. Более того, та же самая моральная сила, которая побуждает мужчин откладывать вступление в брак, диктует внимательное и осмотнительное поведение после него и предотвращает создание чрезмерно больших семей, не нанося морального ущерба, который влечет за собой безрассудное поведение. С другой стороны, люди, которым не хватает моральной стойкости и которые легко впадают в порок, могут на неопределенный срок отложить вступление в брак. Существуют жестокие меры, которые не стоит здесь называть подробно, которые сокращают число рождений или увеличивают число смертей, в основном внутриутробных, хотя детоубийство прежних времен не исчезло. Силой, а также слабостью, добродетелью, а также пороком является выполняемый экономический мандат, который ограничивает темпы роста населения. Должен быть установлен предел роста, если человечество хочет максимально использовать себя или ресурсы окружающей среды. Нет больших сомнений в том, что так оно и будет навязано, и большая проблема заключается в

выборе между двумя способами этого; а именно, тем, который ожесточает людей и развращает их морально и физически, и тем, который ставит их на высокий моральный уровень.

Моральные потери, сопутствующие цивилизации.—Нет никаких сомнений в том, что порок принес выгоды, которые катастрофическим образом уменьшают благоприятные в остальном результаты увеличения богатства. "Ускоряющиеся бедствия", которые, как говорят, сопровождают накопление богатства и упадок мужественности, достигли тревожной степени и заставили нас сформулировать счастливые выводы, к которым приводит изучение чисто экономических тенденций. Зло не ограничивается сферой семейных отношений, оно проникает в политику, "высокие финансы" и значительную часть сферы социальных удовольствий. Чем богаче мир, тем он более сибаритский — потакающий своим желаниям и нетерпимый ко многим моральным ограничениям; и если кто-то рассчитывает сохранить безоговорочное доверие к будущему, он должен найти способ, с помощью которого экономические выгоды, на которые он надеется, могут быть достигнуты без отказа от моральных стандартов, которые необходимы. Величайшим возможным достижением в этом направлении был бы отказ от порочных ограничений численности населения и общее усиление предусмотрительности и самообладания, которые даже сейчас составляют основную опору для удержания рождаемости в разумных пределах.

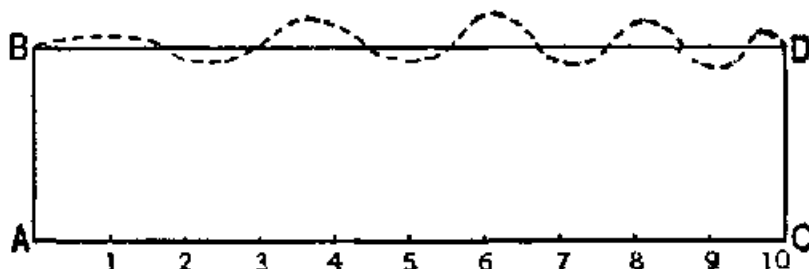
Действие мальтузианства в короткие периоды в отличие от Противоположной тенденции в Длительные.— Нет никаких сомнений в том, что в результате длительного процесса технического совершенствования, увеличения капитала и повышения заработной платы рабочий класс более преуспевающих стран привык к уровню жизни, который в целом хорошо поддерживается и в большинстве этих стран имеет тенденцию к повышению. Существует также небольшая неопределенность в отношении того, что замедленный рост населения в некоторой степени способствовал этому результату. Один из фактов, которые наблюдал Мальтус, согласуется с этой общей тенденцией. Даже при том, что тенденция линии, представляющей уровень жизни, неуклонно повышается, рост фактической заработной платы может происходить неравномерно, в виде быстрых движений вперед и пауз или остановок, поскольку общее состояние бизнеса является процветающим или подавленным. Во времена "бума" заработная плата растет, а в трудные времена она падает, хотя движения вверх больше, чем движения вниз, и общим результатом является выигрыш.

Теперь за таким быстрым ростом заработной платы следует увеличение числа браков, а за быстрым падением следует сокращение их числа. Уровень рождаемости несколько выше в хорошие времена, чем в плохие. Молодые мужчины, у которых есть уровень дохода, которого им необходимо достичь, прежде чем взять на себя заботу о жене и детях, внезапно обнаруживают, что получают такой доход, и соответственно женятся. Не будет времени для существенного изменения самого стандарта, прежде чем произойдет это быстрое увеличение числа браков, и общий результат этого неравномерного роста общего благосостояния может быть выражен следующей цифрой: —

Линия AC измеряет время в десятилетиях и указывает цифрами в диапазоне от 1 до 10 на прошедшее столетие. AB представляет собой уровень заработной платы, который в среднем необходим для поддержания уровня жизни в начале века; а CD измеряет сумму, необходимую в конце. Пунктирная линия, которая пересекает линию BD , описывает фактическую оплату труда, варьирующуюся то выше стандартной ставки, то ниже ее. Всякий раз, когда заработная плата поднимается выше стандарта, рождаемость несколько ускоряется, а всякий раз, когда она падает ниже него, она замедляется; но увеличения ставки недостаточно для того, чтобы фактически снизить заработную плату до ее прежнего уровня. Снижение пунктирной линии не равно росту, и на протяжении столетия заработки рабочей силы колеблются примерно на уровне, который постоянно растет.

Пессимистический вывод, который дает мальтузианский закон в его несостоятельной форме, требует (1), чтобы уровень жизни был постоянным и низким, и (2) чтобы заработная плата колебалась около этого низкого уровня. С этой точки зрения факты были бы описаны следующим рисунком:—

AC измеряет столетие, как и раньше, десятилетиями, а высота BD над BC измеряет уровень жизни, преобладающий на протяжении этого времени. Пересекающаяся пунктирная линия BD выражает тот факт, что заработная плата иногда поднимается выше установленного стандарта и

быстро приближается к нему, а затем опускается ниже из-за быстрого увеличения числа рабочих.

Представители высших классов не защищены от действия мальтузианского закона, если ему подчиняется многочисленный низший класс.—Ясно, что если рабочие должны быть защищены от угнетающего эффекта, который следует за слишком быстрым ростом населения, мальтузианский закон в его радикальной форме не должен действовать в отношении низшего из трех классов, пока это многочисленный класс. Сдержанного роста двух высших классов было бы недостаточно для их защиты, если бы низший класс значительно превосходил их численностью, и если бы он также демонстрировал быстрый рост численности всякий раз, когда повышалась зарплата его членов. Молодые рабочие, принадлежащие к этому классу, в достаточном количестве проникли бы во второй класс, чтобы снизить заработную плату его членов до уровня, который приблизился бы к стандарту низшего класса. При надлежащих условиях этого не происходит, ибо радикальное действие мальтузианского закона имеет место не в случае третьего класса в целом, а только в случае небольшой прослойки внутри него.

Страны аналогичным образом подвергаются опасностям со стороны других стран. Нечто подобное справедливо и для ряда стран, которые находятся в тесных связях друг с другом. Если бы повышение заработной платы дало большой толчок росту населения в Европе, и если бы это снизило заработную плату до ее первоначального уровня или еще ниже, эмиграция ускорила бы; и хотя естественный прирост в Америке мог бы быть медленнее, американский рабочий мог бы не быть должным образом защищен. Приток иностранцев мог бы с лихвой компенсировать медленный естественный прирост населения в самой Америке. Наиболее важной иллюстрацией этого принципа является новая связь, которую Америка устанавливает с азиатскими странами по ту сторону Тихого океана.

ГЛАВА XX

ЗАКОН НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Адам Смит и многие другие заметили, что рост капитала зависит от интеллекта и дальновидности населения. Следовательно, он должен увеличиваться быстрыми темпами по мере роста интеллекта. Высокая оценка будущего является признаком интеллекта, и нет никаких причин, по которым полностью рациональное существо должно ценить выгоду, ожидающую его в будущем, меньше, чем выгоду, полученную сразу. Совершенно рациональные оценки настоящего и будущего, если нет никаких факторов, влияющих на выбор, кроме этих простых различий во времени, означают, что они находятся на одном уровне. Когда-то предполагалось, что склонность делать сбережения из своего текущего дохода напрямую зависит от нормы процента на капитал, который таким образом накапливается, и в основном это до сих пор рассматривается как почти самоочевидное утверждение. Воздержание налагает текущие издержки на любого, кто его практикует. Тот, кто откладывает доллар, упускает удовлетворение, которое мог бы принести этот доллар. Он может считать эту жертву постоянной. Это заставляет его обходиться без своего предельного удовлетворения, каким бы оно ни было. Если проценты за год составляют двадцать пять центов, то в конце года у человека

есть один доллар и двадцать пять центов, с которыми он может делать все, что пожелает. Он может потратить их, если захочет, и получить все удовлетворение, которое могут принести доллар с четвертаком. Если проценты составляют пять процентов годовых, его воздержание будет приносить ему только один доллар и пять центов в год, и это, или все, что он может получить с помощью этого, является меньшей выгодой, чем та, которую он мог бы получить за один доллар с четвертью. Если едва ли стоит обходиться без чего-либо сейчас, чтобы иметь доллар и пять центов в будущем, то более чем стоит сделать это, чтобы иметь доллар с четвертью на ту же дату в будущем. Если человека побуждают откладывать только доллар ради того, чтобы иметь доллар и пять центов в конце года, почему бы ему не отложить два доллара, чтобы иметь два с половиной доллара в то время? Почему бы его нынешним лишениям не увеличиться, когда избыток выгоды, которую он может извлечь из этого в будущем, станет еще больше? Таково рассуждение, и оно кажется вполне правдоподобным, если мы предположим, что человек теряет удовлетворение, которое он мог бы получить, потратив свой доллар, и что то, что он приобретает, - это выгода от его траты и накопление процентов в конце года. Предполагается, что человек предполагает в определенный момент в будущем потратить основную сумму или капитал, который он приобретает, откладывая в настоящем, вместе с тем, что он мог бы заработать в виде процентов; что он оценивает личную выгоду, которую он может получить от этих расходов, и находит, что большая выгода лучше стоит фиксированной жертвы в настоящем, чем меньшая.

Истинная цель воздержания.— Большая часть капитала откладывается без каких-либо ожиданий когда-либо потратить основную сумму. Мотивом является постоянный доход, который будет приносить капитал. То, что человек оценивает в своем уме, - это не личная выгода, которую он может получить, потратив доллар и пять центов в конце года; это выгода, которая будет получена от траты пяти центов в конце первого года, еще пяти центов в конце второго и более или менее аналогичной суммы в конце каждого последующего года. Это постоянный доход, и поскольку жизнь человека ограничена, большая его часть должна достаться другим, кроме него самого. Удовлетворение, которое он получит от этого ближе к концу своей жизни, в целом связано с перспективой передачи основного капитала в целости и сохранности другим и с обеспечением им и их преемникам постоянного дохода, который приносит фонд.

Даже на этом основании можно было бы предположить, что большой постоянный доход давал бы большой стимул к сбережениям, чем меньшой, и, следовательно, сумма сбережений была бы больше, когда норма процента была бы выше. Это было бы верно, если бы важность постоянного дохода можно было оценить таким простым способом, исходя только из его суммы.

Условия, влияющие на важность будущего дохода.— Важность будущего дохода может быть велика из-за предполагаемой беспомощности или бедности того, кто рассчитывает им наслаждаться. Рабочий может откладывать с большими текущими затратами для себя, чтобы прокормиться на старость или болезнь, и в этом случае доход от сбережений, а часто и сами сбережения, были бы средством предотвращения большого бедствия. Обезопасить себя от лишений в будущем стоит большего, чем увеличивать свой комфорт в настоящем. Если человеку необходимо определенное минимальное количество, чтобы предотвратить голодную смерть в конце жизни, он должен обеспечить себе это количество любым способом, как бы сильно это ни сказалось на его нынешнем комфорте. Теперь, поскольку сумма, которую он может иметь к концу своей жизни, в значительной степени зависит от процентной ставки, которую принесут его сбережения, в течение того времени, пока они могут оставаться в

продуктивной форме, с его стороны потребуется больше решительного воздержания, чтобы уберечь себя от голодной смерти при низкой процентной ставке, чем при высокой. Если бы вообще не было процентов, ему пришлось бы откладывать из своего дохода весь свой фонд на старость. Если бы ставка составляла сто процентов годовых, было бы достаточно изъять очень небольшую часть фонда из дохода за годы его активной деятельности, поскольку остаток приносил бы сам фонд. Должен ли доход, который предусмотрен на будущее, рассматриваться как переменная сумма в дополнение к какому-либо другому доходу, или его следует рассматривать как фиксированную сумму, которая необходима для какой-то определенной цели? От ответа на этот вопрос зависит весь вопрос о том, что является большим стимулом для сбережений - низкая или высокая процентная ставка.

Обычно требуются более или менее фиксированные будущие доходы.—Недавние авторы обратили внимание на тот факт, что во многих случаях сбережения направлены на получение определенного дохода в будущем. Владелец земельной собственности, который намеревается оставить ее сыну, может попытаться выделить из своей арендной платы средства, которые спасут от нужды или от несчастливости отношения к нужде его дочерей и младших сыновей. Действительно, он мог бы достичь этого без какой-либо нынешней экономии, установив арендную плату или заложив свою землю, но это резко сократило бы доход, который его наследник может получать от нее. Это уменьшило бы положение, которое наследник может поддерживать, и привело бы к тому, что он выпал бы из класса, к которому принадлежал его отец. Вместо того чтобы сделать это, нынешний владелец обычно снижает нынешний уровень жизни всей семьи и пытается убедиться, что ее будущий уровень не упадет ниже установленного таким образом. Кажется, лучше поддерживать несколько более низкий уровень на протяжении ряда поколений, чем делать нынешний образ жизни более роскошным за счет отказа от классификации себя и своих наследников в более поздний период.

Этот факт до сих пор недооценивался. Авторам, приведшим этот общеизвестный факт, кажется, что требуется лишь частичная поправка к общему утверждению о том, что высокая норма процента обеспечивает больше сбережений, чем низкая, и вывод, который естественно вытекает из этого предполагаемого факта, заключается в том, что растущее богатство, как все еще предполагается, снижает стимул к накоплению большего богатства. Такое накопление является существенной частью общего прогресса и практически необходимо для поддержания уровня заработной платы. Таким образом, здесь, если это предположение верно, мы могли бы увидеть важное влияние, имеющее тенденцию останавливать прогресс. Огромное богатство как результат прогресса, снижение мотивации для приобретения еще большего богатства, замедление прогресса — такова была бы последовательность. Таким образом, динамика была бы, в очень важном отношении, самозападающей, если не самоостанавливающейся.

Будущий уровень жизни - важный элемент.—Фактический факт, как мы можем рискнуть утверждать, заключается в том, что уровень жизни, который необходимо поддерживать в будущем, является важнейшим элементом в данном случае. Рабочему человеку необходимо избежать голодной смерти или работного дома; хорошо оплачиваемому ремесленнику кажется необходимым сделать это и обеспечить своим детям пропитание, которое удержит их в одном классе с ним самим. Капиталисту, который благодаря успешному бизнесу поднялся над классом ремесленников, кажется необходимым, чтобы его дети были выше того ранга, с которого он поднял семью; и тот же принцип применим ко всем более богатым классам. Упорство, с которым мужчина придерживается определенного положения в жизни,

перевешивает его желание увеличить свою нынешнюю роскошь, а его стремление обеспечить своим детям определенное положение намного перевешивает его желание увеличить их нынешнюю роскошь.

На важность Будущих Стандартов не влияет тот факт, что Мужчины отличаются альтруизмом.— Это вовсе не ставит вопрос о том, сколько людей заботятся о своих детях так же сильно, как о себе. Речь идет не об этом принципе. *В той мере, в какой мужчины действительно заботятся о своих детях*, цель, к которой они стремятся, - дать им возможность избежать того, что кажется катастрофой, а не добиться положительных результатов на пути к комфортной жизни. Даже в случае с теми, у кого мало альтруизма, то, что они делают для потомков, продиктовано скорее желанием удержать их в рамках определенного класса, чем каким-либо подсчетом того, сколько удобств или роскоши мог бы дать им избыточный доход в любой сумме. Какое бы обеспечение детей ни предпринимал эгоистичный или скучный человек, оно продиктовано одним и тем же мотивом, который побуждает его обеспечивать свое собственное будущее, и в обоих случаях это главным образом поддержание стандарта, который он обычно имеет в виду.

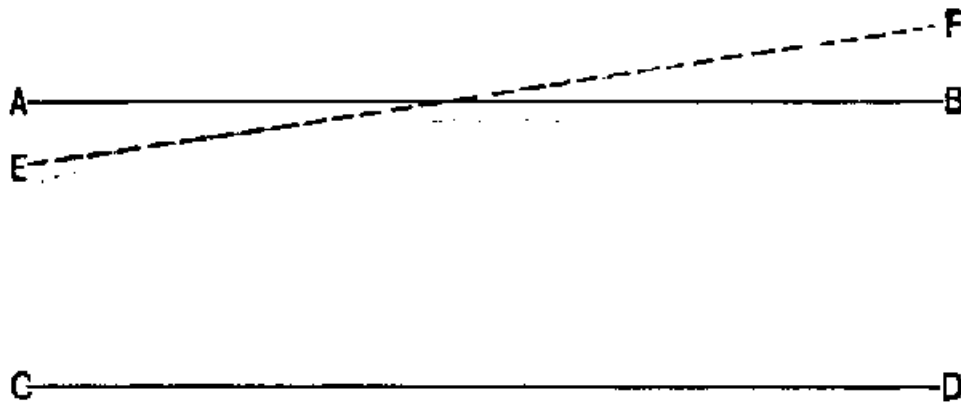
Этот принцип не отменяется тем фактом, что Предусмотрительность часто бывает слабой.— Все мотивы для экономии могут быть чрезмерно слабыми. Этот человек может заботиться о будущем гораздо меньше, чем следовало бы, и может выделять на это неоправданно мало средств. Неспособность оценить важность этого положения, а также степень эгоизма, исключая осуществление самоотречения на благо других, являются не единственными причинами такого пренебрежения будущим. Существует естественный оптимизм; и религиозная вера, которая велит человеку не слишком тревожиться о завтрашнем дне, иногда может доходить до пагубного оправдания пренебрежения грядущими годами и их нуждами. Разумная вера в Провидение, однако, побуждает человека в полной мере выполнять свой долг, и именно лучшие люди делают больше всего для того, чтобы предотвратить будущее зло от своих семей. Принцип, которого мы придерживаемся, столь же полностью применим к тем, кто делает небольшие запасы на будущее, как и к любым другим. В большинстве случаев все, что они сберегают, откладывается главным образом для поддержания определенного уровня жизни теми, кто получает от этого выгоду; а для поддержания любого уровня, будь то высокого или низкого, требуется большее состояние при низких процентах, чем при высоких.

Предусмотрительность ограничена по охватываемому ею Промежутку Времени.— Существует небольшая опасность того, что мы совершим какую-либо ошибку, приписывая страху упасть ниже уровня жизни большее влияние на накопление капитала, чем любой другой мотив. Это станет понятнее, если мы посмотрим на фактический способ оценки и сравнения настоящего и будущего. Дело не в том, что большинство людей чрезмерно мало заботятся обо всех будущих благах по сравнению с нынешними, а в том, что они сбрасывают с себя ответственность за все будущее за пределами ограниченного периода. Перспектива не столько чрезмерно уменьшает размер удаленных объектов, сколько полностью закрывает их обзор. Заглядывая в ближайшие годы, человек подвержен определенной экономической близорукости. Можно было бы сравнить то, что он видит, с тем, что видит человек в туманной атмосфере, если бы не тот факт, что вид сравнительно близких объектов четкий. Как будто круг тумана окружил его и несколько резко отрезал вид на все, что было далеко. На небольшом расстоянии человек видит все со сравнительной ясностью, но безграничные пространства, лежащие за его пределами, он не видит вообще. Мы видели, что степень воздержания, которую

он будет практиковать сейчас ради того, что он или другие получат позже, варьируется в зависимости от того, рационален он или глуп, бескорыстен или эгоистичен, и также верно, что продолжительность его взгляда в будущее меняется таким же образом. У тех, кто создает капитал, есть все степени дальновидности; но даже сравнительно близорукие люди обычно обеспечивают поддержание того или иного стандарта в течение периода, который попадает в поле их зрения, и это требует, чтобы они сберегали больше при низких процентах, чем при высоких.

Маргинальные капиталисты.—В этой связи, однако, следует отметить, что экономическая близорукость может дойти до крайности, сделав людей почти безразличными ко всем будущим стандартам. В этом случае они представляют собой исключение из общего правила, поскольку все, что они сберегают, если они вообще сберегают, скорее всего, будет больше при высоких процентах, чем при низких. Это маргинальные капиталисты, на которых не влияют никакие выгоды, кроме сиюминутных, и которых интересует только, сколько инвестиции прибавят к их собственным доходам со дня их осуществления. Чем выше ставка, тем привлекательнее. Более того, другие капиталисты, на которых в основном влияет забота о будущем уровне жизни, в некоторой степени зависят от сиюминутной выгоды, которую предельные сберегатели имеют исключительно в виду. В той мере, в какой это так, чем выше уровень их немедленной отдачи, тем сильнее они побуждаются "воздерживаться" и накапливать. Существенным фактом является то, что предельных капиталистов немного, и их сбережения мало что значат, когда они поступают в общий фонд, и что большинство капиталистов, включая почти всех, кто откладывает большие суммы, делают это главным образом из желания поддерживать себя и своих потомков на установленном уровне жизни. В основном социальные мотивы сбережений - это те, которые мы описали.

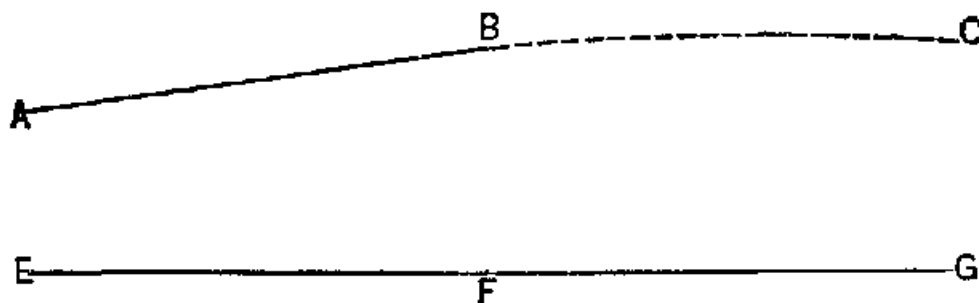
Наслаждение в значительной степени телеологично.—Есть особая причина, по которой рациональный человек, если ему предложат наслаждение сейчас или позже, по его выбору, вполне вероятно, воспользуется им позже. Наслаждение в основном телеологично. Оно заключается в сознательном подходе к желаемой цели. Знание того, что усилия человека по достижению желаемой цели успешны и что хорошее действительно грядет, проливает свет на настоящее. Действительно, именно предвкушение и воспоминание продлевают любое наслаждение, и из них предвкушение более эффективно. Осознание того, что в определенное время тебе предстоит отправиться в зарубежное турне, доставляет перед отплытием удовольствие, которое часто является чем-то большим, чем предвкушение. Это часто соперничает с удовольствием, которое человек сознательно получает от самой поездки. Человек может годами быть счастлив в перспективе успеха в бизнесе или избрания на государственную должность, и многие годы напряженного труда в научных исследованиях могут быть озарены ожиданием окончательного открытия и его последствий. Есть веская причина, по которой даже средний человек, равно как и мудрый, захочет распределить свои расходы на разные периоды своей жизни и отдавать предпочтение будущему всякий раз, когда это необходимо, чтобы позволить ему сохранять в течение своих ранних лет комфортную уверенность в том, что его последующие годы будут хорошо обеспечены.

Если линия *AB* обозначает своим расстоянием над *CD* фиксированный уровень жизни в течение десяти лет, то высокорациональный человек предпочтет взять что-то из удовольствий первых пяти лет и посвятить это вторым пяти. Сознание улучшения, того факта, что каждый год будет приносить новое наслаждение, которого никогда прежде не испытывали, делает всю жизнь ярче, чем она могла бы быть при любом другом расположении доступных средств получения удовольствия. Уровень жизни человека в течение всего десятилетнего периода будет представлен восходящей пунктирной линией *EF*.

Эффект ограбления будущего.—Если бы человек пошел противоположным курсом, взяв что-то из будущего, чтобы добавить желательности настоящему, установив таким образом падающий уровень жизни, ему пришлось бы каждый год отказываться от чего-то, к чему он привык, что причиняло бы ему острую боль. Таким образом, очень чрезмерные достижения настоящего стали бы источниками несчастий в более поздний период, в то время как ожидание более поздних несчастий бросило бы тень на настоящее. Люди, которые, несмотря на все это, живут безрассудно и растрачивают свое нынешнее состояние, делают это не столько потому, что недооценивают ту часть будущего, которая входит в их компетенцию, сколько потому, что они настолько крайне близоруки, что почти все будущее у них практически отсутствует.

Настоящее Поведение очень Разумного Человека. Реальный факт в случае с разумным человеком представлен следующей цифрой:—

Линия *EF* измеряет пятьдесят лет, а линия *FG* - еще пятьдесят. Жирная линия *AB*, поднимающаяся вправо, представляет растущий уровень жизни, который разум человека заставляет его поддерживать в течение периода, на который у него ясное видение, в то время как пунктирная линия *BC* представляет стандарт, который он, пусть и несовершенным образом, обеспечивает в течение следующих пятидесяти лет. В более поздние периоды его видение

вообще не расширяется. Оно теряет ясность после того, как пройден пункт *B*, и в той же пропорции теряет влияние на поведение человека. Поэтому он примиряет себя с любым стандартом, который может преобладать, даже если бы он оставался неизменным в течение последней части времени. Однако очень редко мужчина сознательно снижал планку даже в этот более поздний период.

Влияние ограниченного видения на оценку постоянного дохода. Этот недостаток зрения, или экономическая близорукость, объясняет тот факт, что бесконечная серия выплат процентов, которые принесет сумма инвестированного капитала, не перевешивает, по оценке человека, основную сумму, от расходования которой он должен воздерживаться, чтобы их получить. Если проценты составляют пять процентов, воздержание от использования ста долларов для текущего удовольствия даст в руки человека через двадцать лет сумму, равную основной сумме, еще через двадцать лет другую такую же сумму, и так далее до бесконечности. Можно сказать, что человек, который размышляет о том, накопить ему сто долларов или потратить их, сравнивает важность ста нынешних долларов с бесконечным количеством будущих. В его сознании это число не бесконечно, потому что его видение не распространяется на большую часть будущего. Наиболее важным фактом, определяющим, приводит ли низкий процент к небольшим сбережениям, является то, что при взвешивании важности долларов, которые будут использованы в течение периода, на который распространяется его видение, средний человек руководствуется желанием поддерживать определенный уровень жизни, который предполагает, что чем больше сбережений, тем ниже процентная ставка.

Действие Мотива экономии на Умы разной степени Разумности. Не только человек, который смотрит немного вперед, но и человек, устроенный так, что он может довольствоваться падающим стандартом, вынужден откладывать больше, если процент низкий, чем если процент высокий, до тех пор, пока он считает необходимым поддерживать вообще какой—либо стандарт; но большое значение по-прежнему придается вопросу, является ли стандарт, который человек надеется поддерживать, повышающимся, постоянным или падающим. Средний человек, действительно, надеется поддерживать по крайней мере неизменный стандарт в течение той части будущего, о которой он так заботится. Этот способ распределения удовольствий проявляется как в малых, так и в великих делах. Совершая прогулку ради удовольствия, человек с большей вероятностью сначала поднимется на ступеньку выше, а потом спустится вниз, чем сначала спустится вниз, а потом будет терпеть усталость от восхождения. Хотя могут быть те, кто предпочел бы играть до полудня и работать после полудня, когда выбор предоставляется в начале дня, среди классов, от которых зависит капитал общества, безусловно, больше тех, кто отложил бы работу на полдень, а удовольствие - на вторую половину дня или вечер. Если бы человек отправлялся в путешествие на каное по быстротекущему ручью, он бы греб на своей лодке вверх по течению, а затем спустился вниз по течению, вместо того чтобы позволить ей плыть по течению, а затем грести обратно. Если подумать, что это верно только для особо рационального ума, то можно сказать, что класс капиталистов представляет людей, которые в этом отношении более рациональны, чем обычно. Они щедры, дальновидны и с любовью относятся к потомкам. Мужчины, которые действительно делают сбережения для общества, имеют больше возможностей заставить их думать и действовать разумным образом, который мы описали, чем обычные мужчины. Скупцом, образцом воздержания, вряд ли можно назвать человека, который слишком много думает о будущих удовольствиях, поскольку он не помышляет о таких удовольствиях, которые требуют тратить деньги, поскольку он никогда не собирается их тратить. Он ненормальный тип, и, к

счастью, редкий. Для него существует стандарт *владения*, который необходимо поддерживать, а не уровень наслаждений, и это всегда растущий стандарт, поскольку он ни о чем так не заботится, как о том, чтобы его имущество увеличивалось. Чтобы заставить их расти с любой заданной скоростью, когда прямые доходы от капитала невелики, требуется более строгое воздержание, чем это было бы, если бы капитал приносил большую прибыль.

Эффект увеличения числа людей, стремящихся поддерживать Растущий уровень жизни.— Хотя верно, что даже полуразвитые интеллекты, которые мало заботятся о грядущих годах, если они вообще заботятся о них, оказываются вынужденными сберегать больше капитала при малых процентах, чем при больших; верно также и то, что умы высокого порядка сберегают больше, чем умы низкого. Чтобы прожить последние годы жизни, не подвергаясь опасности работного дома, человеку не нужно слишком полагаться на комфорт и удовольствия, которыми он может наслаждаться большую часть своей жизни; но если он полон решимости прожить до конца своих дней так же хорошо, как он это делал когда-либо, и помочь своим детям сделать то же самое, он должен практиковать более суровое самоотречение и накопить большой фонд. Еще острее становится воздержание и еще больше накапливается фонд, в котором люди обеспечивают будущий образ жизни, превосходящий нынешний. Важность этого факта заключается в следующем: условие, которое влечет за собой низкую норму процента, возникает из-за большого числа людей, которые таким образом ценят будущий уровень жизни, который будет, по крайней мере, постоянным, если не положительно возрастет. Растущий размер социального капитала подразумевает более общее понимание важности будущего благополучия. Поскольку экономическая психология людей стала такой, какая она есть, и поскольку она все еще меняется к лучшему, есть вторая причина ожидать, что накопление капитала в дальнейшем не замедлится. Мы не делаем здесь никаких экстравагантных заявлений относительно количества людей в сообществе, придерживающихся более рациональных взглядов на настоящее и будущее. Численность каждого класса такова, какова она есть; но факты показывают, что поддержание определенного стандарта является наиболее эффективным мотивом для сбережений в случае каждого из них, и что низкий процент, следовательно, требует больших накоплений. Они действительно показывают, что число тех, кто придерживается более рациональных взглядов, является растущим классом, что они накапливают больше, чем другие классы, и что каждое увеличение их относительной численности способствует более быстрому накоплению в обществе, членами которого они являются. Таким образом, существуют две решающие причины полагать, что рост капитала никогда не прекратится и не остановит дальнейший рост. Однако есть и другие факты, которые имеют отношение к этой проблеме.

Важность характера Повышений, которые являются крупнейшими источниками накопления.—Если у кого-то есть сомнение в том, что крупные суммы, поступающие в капитал, который постоянно накапливается, сберегаются под влиянием желания поддерживать стандарт, это сомнение будет устранено рассмотрением источника, из которого происходят большие накопления. В основном они поступают из чистой прибыли *предпринимателя*. Кроме того, они поступают от заработка за то, что должно быть классифицировано как труд, хотя большая часть этого труда относится к особому и очень высокому виду. Зарплата, которую получает глава корпорации, гонорары, которые получают ее юристы, гонорары, которые получают выдающиеся хирурги или инженеры, - все это плата за труд; и все это, вместе с заработками хорошо оплачиваемых ремесленников, преуспевающих фермеров и очень многих

других, составляет второй вклад в накопление капитала. Сбережения от простых процентов сами по себе составляют третий вклад.^[1]

Так вот, из этих источников дохода чистая прибыль и заработная плата высококвалифицированных работников являются преходящими, а прибыль - особенно преходящей. Человек, чья фабрика зарабатывает пятьдесят процентов в определенный год, был бы в высшей степени глуп, если бы использовал все это в качестве дохода. Это означало бы краткое и буйное наслаждение, за которым последовало бы самое болезненное отклонение от установленного таким образом стандарта. Он, естественно, потратит какую-то часть феноменальных дивидендов и отложит их в достаточном количестве, чтобы обеспечить гарантию того, что его будущий доход не упадет ниже нынешнего. Человек, который в лучшие годы своей трудовой жизни получал зарплату или профессиональные гонорары в размере ста тысяч долларов в год, был бы почти таким же глупцом, если бы тратил все это так, как зарабатывает, оставляя свою семью без средств к существованию, а свои собственные последующие годы подвергая страданиям от резкого сокращения расходов. Временные доходы предполагают для каждого, у кого есть хоть какая-то степень разума, необходимость установления и поддержания определенного будущего уровня жизни и достаточных инвестиций для достижения этой цели. Конечно, это более верно, когда процентная ставка низкая.

Важность необходимости расширения бизнеса.— Существует особая причина, по которой законная прибыль от бизнеса, с моральной точки зрения, в значительной степени откладывается для инвестиций. Человек сказал бы, что он "нуждается в них в своем бизнесе". Они приходят в то время, когда есть стимул расширить масштабы его прибыльных операций. Человек, получающий дивиденды в размере пятидесяти процентов годовых, должен заготавливать сено, пока светит солнце, и он может сделать это, удвоив мощность своей мельницы. То, что он производит и что может занять, он использует для увеличения своей продукции, которую важно обеспечить в прибыльный период. Все это означает быстрое увеличение общего существующего капитала.

Прибыли монополии не являются временными, но, вероятно, будут как долговременными, так и крупными, и может показаться, что они будут представлять собой большой источник пополнения капитала, чем те прибыли, которые получаются от технического совершенствования. Есть несколько причин, почему это не так. Во-первых, мы обсуждаем добавление прибыли к общему капиталу общества, а не к капиталу какого-либо отдельного человека или корпорации. Монополия извлекает выгоду, забирая что-то из карманов широкой публики, и в какой-то мере это снижает способность широкой публики делать сбережения.

Однако можно было бы утверждать, что, поскольку монополия снижает заработную плату и проценты, увеличивает прибыль и создает огромные доходы для нескольких человек, на самом деле она отвлекает доходы от множества людей, которые сэкономили бы очень мало, и кладет их в карманы нескольких человек, которые, вероятно, сэкономят большую их часть. Можно было бы предположить, что это увеличило бы капитал общества, если бы не тот факт, что более надежные и регулярные прибыли монополий становятся основой крупной капитализации. Компания, которая зарабатывает двадцать пять процентов своего реального капитала в год, может разводить свои акции четвертями частями воды и выплачивать только пять процентов дивидендов от своей капитализации. Это выглядит как интерес, и те, кто его получает, склонны

относиться к нему как к таковому. Следовательно, это не более выгодный доход для накопления капитала, чем проценты на реальный капитал. Внезапные выгоды, которые получают промоутеры и манипуляторы консолидированными компаниями, действительно являются временными выгодами и могут быть в значительной степени добавлены к капиталу. Введение режима монополии может обеспечить период значительных сбережений для класса, который извлекает из этого выгоду; но последующее развитие монополии неблагоприятно для роста капитала.

Особый эффект предполагаемого снижения процентной ставки.—Если процент, который сохраняется стабильно на низком уровне, создает особенно сильный стимул для сбережений, то из этого следует, что падающая ставка, которая начинается с низкого уровня и постепенно становится ниже, создает еще более сильный стимул. Средняя ставка в течение будущих лет, которую предусмотрительный человек предусматривает, конечно, ниже, чем была бы, если бы ставка была постоянной. Это влияние, вероятно, не столь эффективно, как было бы, если бы отдаленное будущее было включено в поле зрения тех, кто обеспечивает получение капитала. Из-за близорукости, на которую было обращено внимание, процентная ставка, начинающаяся с четырех процентов и очень медленно снижающаяся до трех с половиной, представляет для людей с этим дефектом зрения тот же стимул к сбережениям, что и ставка, начинающаяся с четырех процентов и стабильно остающаяся на этом уровне. Что, однако, верно, так это то, что следует ожидать снижения ставки, что этот факт действует как стимул для сбережений в случае более дальновидных классов и что число людей в этих классах увеличивается.

В той мере, в какой речь идет об увеличении капитала, общество защищено от опасности достижения стационарного состояния. Рост благосостояния не воздвигнет преграду против самого себя, ограничивая ресурсы, на которые в дальнейшем придется полагаться трудящимся. Когда мы исследуем источники, из которых в основном поступает капитал, мы далее проверим вероятность того, что инструменты, добавляющие производительной силы к человеческим усилиям, будут увеличиваться в течение самого длительного периода, который наука должна учитывать.^[2]

СНОСКИ

[1] Прибыль, получаемая от владения землей, стоимость которой растет быстрее, чем накапливаются проценты с цены на нее, должна оцениваться как часть чистой *прибыли* предпринимателя.

[2] Несколько похожий взгляд на влияние падения процента на накопление капитала см. В книге Уэбба "Промышленная демократия", т. II, стр. 610-632.

ГЛАВА XXI

УСЛОВИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ПРОГРЕСС В МЕТОДЕ И ОРГАНИЗАЦИИ

Возможность существования закона технического прогресса.—Может показаться, что изобретения не подвержены никакому влиянию, которое можно описать под названием закона.

Гениальность, безусловно, следует своим собственным приемам, и можно предположить, что изобретательская сила, в которой есть хоть капля гениальности, делает то же самое. Однако опыт показывает, что некоторые обстоятельства благоприятствуют фактическому проявлению этой способности и усиливают ее, в то время как другие влияния сдерживают ее. Более того, важно не просто создание изобретений, но внедрение таких из них, которые являются ценными, в производственную деятельность мира. Некоторые факторы благоприятствуют этому, а другие выступают против, и вполне возможно распознать условия, в которых быстро происходит экономия на производстве в реальной промышленности разных стран.

Технический прогресс был особенно быстрым в Соединенных Штатах, хотя в этом отношении Германия в последние годы была сильным соперником, и с тех пор, как появились паровые двигатели и текстильное оборудование, Англия продолжала демонстрировать блестящие результаты. Франция, Бельгия и ряд других стран Европы развили отрасль, которая находится в высокой степени динамики, и Япония сейчас находится в списках и обещает выстоять перед лучшими из своих конкурентов. Возникает вопрос, есть ли что-то в людях или что-то в их природной и коммерческой среде, что определяет различия между различными темпами их прогресса.

Изобретательские способности широко распространены.—В том, что касается возникновения важных изменений, бдительность ума и научная подготовка, без сомнения, оказывают большое влияние. Некоторые расы от природы обладают большей изобретательностью, чем другие, но в круге наций, которые мы включаем в нашу компетенцию, ни у кого нет никаких претензий на монополию этого качества. Любой человек, способный совершать открытия в области физики, может делать практические изобретения и, безусловно, сделает это, если у него будет большой стимул для этого. Более того, бдительность при обнаружении и тиражировании чужих изобретений так же важна в реальном бизнесе, как и создание новых устройств. В настоящее время общеизвестным фактом является то, что немцы не только изобретают машины, но и быстро учатся изготавливать и использовать машины, произведенные в других странах, и демонстрируют их ценность в снижении себестоимости производства; а далекие японцы не только превзошли всех остальных в быстром освоении экономических методов, зародившихся в западных странах, но и применили к ним свой собственный подход и выявили существование изобретательской способности, которая, вероятно, сделает их достойными соперниками западных рас.

Важность стимулов к созданию и использованию изобретений.— При широком распространении изобретательских способностей фактическое количество действительно полезных изобретений, которые делаются, должно зависеть от предлагаемого стимула. Принесет ли экономичное устройство адекватную отдачу человеку, который его обнаружит, и человеку, который внедряет его в производственную деятельность? Если это произойдет, мы можем ожидать, что блестящая череда таких устройств войдет в обиход и что способность человечества использовать элементы природы себе на службу быстро возрастет.

Полезность Временной монополии на Новое устройство для производства.— Если бы изобретение стало общественной собственностью в тот момент, когда оно было сделано, кто-либо получил бы небольшую прибыль от его использования, а кто-то еще меньшую - от его создания. Почему один предприниматель должен нести расходы и риск, экспериментируя с новой машиной, если другой может посмотреть, хорошо ли работает устройство, и

воспроизвести его, если оно окажется успешным? При таких условиях человек, который наблюдает за другими, избегает их потерь и разделяет их выгоды, - это тот, кто зарабатывает деньги; и система, которая не дает человеку контроля над использованием его изобретений, привела бы к соперничеству в ожидании других, а не к попыткам дистанцировать других в создании улучшений. Этот факт дает основание для одной разновидности монополии. Изобретателю в любом цивилизованном государстве предоставляется исключительное право производить и продавать экономичное устройство на срок, достаточный для того, чтобы заплатить ему за его совершенствование и другим за его внедрение. Патенты стимулируют совершенствование, и общая практика стран свидетельствует об их признании этого факта. Все они предоставляют изобретателю временную монополию на новое устройство, которое он изобретает, но эта монополия отличается от других тем существенным фактом, что человеку позволено иметь исключительный контроль над чем-то, что в противном случае могло бы не появиться, а часто и вовсе не появилось бы. Если бы это было не так, — если бы запатентованное изделие было чем-то, что общество вообще не обеспечило бы себе без патентной системы, — монополия изобретателя никому не повредила. Как будто каким-то волшебным образом он заставил источники воды течь в пустыне, или суглинок покрывать бесплодные горы, или плодородные острова подниматься со дна моря. Его выгоды заключаются в том, чего никто не теряет, даже пока он наслаждается ими, и по истечении срока действия его патента они свободно распространяются по всему обществу.

Возможные злоупотребления патентной системой. — Конечно, верно, что патент часто может быть выдан на что-то, что было бы изобретено в любом случае, а выданные патенты иногда делаются слишком широкими и поэтому охватывают большое количество устройств для достижения одной и той же цели. В этих случаях общественность в некоторой степени оказывается в проигрыше; но по причинам, которые будут приведены ниже, эта потеря с лихвой компенсируется выгодой, которую приносит с собой система патентов.

Доходы изобретателя не могут значительно превышать период, охватываемый его патентом, если только не возникнет какая-либо дальнейшая и менее законная монополия. Если использование важной машины создает крупную корпорацию, которая впоследствии, в силу своего размера, способна потеснить конкурентов, которые хотели бы войти в ее сферу деятельности, общественность платит больше, чем должна, за то, что она получает; и все же даже в этих случаях она почти никогда не платит больше, чем получает. Выгода, которую он извлекает, просто менее дешева, чем должна быть. Большая часть власти телефонной монополии была распространена за пределы срока действия ее самого важного патента, и этот патент в свое время был шире, чем следовало бы; и все же никогда не было времени, когда использование телефона для облегчения ведения бизнеса и экономии времени и неприятностей множеством способов не намного перевешивало общие затраты, которые несли пользователи телефонов. Как мы вскоре увидим, важные изобретения неизменно приносят определенную пользу публике с самого начала. Владелец нового устройства должен найти рынок сбыта для своих продуктов и предлагать их на условиях, которые позволят широко использовать их в интересах общественности.

Эффект конкуренции в умножении улучшений. — Конкуренция обеспечивает безопасность большого числа изобретателей и дает каждому из них большой стимул использовать свои таланты и возможности. Крупная корпорация может нанимать оплачиваемых изобретателей и, благодаря своему большому капиталу и большому доходу, может экспериментировать с

изобретениями с гораздо меньшим риском для себя, чем обычно рискует изобретатель. Когда крупные корпорации активно конкурируют друг с другом, наем оплачиваемых изобретателей для них очень выгоден; и улучшения в производстве происходят быстрее, чем они, вероятно, будут делать после того, как эти фирмы объединятся друг с другом и перестанут чувствовать стимул, который дает опасность дистанцироваться в гонке. Это факт наблюдения, а не просто умозаключения, что монополии не столь предприимчивы, как конкурирующие компании.

Влияние монополии на дух предпринимательства.—В монополиях, теоретически, существует тот же стимул к внедрению изобретений, что и в случае конкурирующих фирм, за исключением мотива самосохранения. Монополия может зарабатывать деньги на усовершенствованиях, как это сделали бы конкурирующие фирмы. Совершенно разумная монополия с незаинтересованным руководством приняла бы предложенное ей усовершенствование так же быстро, как и любая конкурирующая фирма, если бы единственным мотивом была прибыль. Нет никаких причин, по которым разумная монополия должна держаться за устаревшее оборудование, когда современное оборудование позволило бы ей выдержать затраты на внедрение и, кроме того, добиться чистого улучшения. Конкурирующий производитель получает преимущество перед своими конкурентами, отказываясь от старого оборудования и внедряя новое точно в нужное время, ни слишком поздно, ни слишком рано. Истинная точка отказа от старой машины, как мы уже видели, достигается тогда, когда труд и капитал, которые сейчас работают в связи с ней, могут усилить оттенок, отбросив его и создав комбинацию лучшего рода; и это правило применимо как к монополиям, так и к конкурентам. Как раз в тот момент, когда конкурент может получить преимущество перед конкурентами за счет модернизации своего оборудования, монополия может на этом заработать.

Важным фактом является то, что мотивом монополии является получение прибыли для своих акционеров. Это не только менее мощный мотив, чем самосохранение, но и привлекает в основном лиц, которые сами не контролируют бизнес. Отсутствие собственности - главный недостаток монополии. У менеджеров могут быть и другие интересы, помимо получения крупных дивидендов, и в таких случаях монополия склонна слишком долго ждать, прежде чем менять свои методы. Не нужно торопиться покупать новое изобретение, и это может задержать и утомить патентообладателя, чтобы установить с ним хорошие отношения; и такая практика мало поощряет независимого изобретателя. В целом, подлинная и абсолютно безопасная монополия означала бы определенную степень застоя там, где прогресс до сих пор был быстрым.

Почему общество зависит от конкуренции в получении своей доли выгод от улучшений.—Другой вопрос заключается в том, приносят ли две системы, конкурентная, с одной стороны, и монополия, с другой, равные выгоды обществу благодаря вносимым ими улучшениям. Конкуренция делает это с величайшей быстротой. Как мы видели, она преобразует чистую прибыль, обусловленную экономией, в приращения прибыли для капиталистов и рабочих во всем обществе. Сегодняшняя заработная плата представляет собой главным образом преобразованную прибыль вчерашнего дня и неопределенного ряда предыдущих вчерашних дней. Человек, который сейчас получает прибыль, увеличивает объем своего производства, вытесняя менее эффективных конкурентов и предоставляя потребителям преимущества своей вновь достигнутой эффективности в виде более низких цен на товары. На практике соперники по очереди возглавляют процессию; то у одного есть самый экономичный метод, то у другого, и

цены, а нисходящая кривая FJ представляет падение цен, которое происходит по мере увеличения выпуска товаров. Теперь, когда себестоимость продукции находится на уровне строки CI , объем продукции, который принесет наибольшую чистую прибыль, равен сумме, представленной длиной строки AM . Это количество продукта может быть продано по цене, указанной в строке MG . Валовая прибыль от продажи будет выражена площадью прямоугольника $AEGM$, а площадь $CEGN$, которая находится выше линии затрат, CI , представляет собой чистую прибыль. Они больше, чем были бы, если бы линия MG была перемещена вправо или влево, т.е., если бы объем производства был увеличен или уменьшен. Теперь, если себестоимость продукции упадет до уровня линейки BJ , лучше всего будет увеличить выпуск с AM до AL . Тогда вся доходность будет представлена прямоугольником $ADHL$, а область $BDHO$ представляет прибыль, при этом затраты находятся на новом и более низком уровне. Они несколько больше, чем были бы, если бы на выходе оставалось только количество AM . При свободной конкуренции цена упала бы до уровня BJ , чистая прибыль исчезла бы, и общественность в полной мере воспользовалась бы улучшением производства.

Цель системы патентов.—Патенты - это юридический инструмент для продвижения улучшений, и они достигают этого, ссылаясь на принцип монополии, который сам по себе враждебен усовершенствованию. Они, как правило, не создают исключительной привилегии производить какой-либо вид потребительских товаров, но они предоставляют их владельцам исключительное право использования какого-либо инструмента или какого-либо процесса их изготовления. Патентообладатель — не единственный, кто может достичь цели - производства определенного изделия, — но он единственный, кто может достичь ее определенным путем. Запатентованная машина для сшивания обуви никому не мешает изготавливать обувь, но она вынуждает всех, кто хотел бы ее изготовить, за исключением патентообладателя или его правопреемников, прибегать к менее экономичному процессу.

Патенты с ограниченным сроком действия незаменимы в качестве динамичных агентов.— Если бы у изобретателя не было такой защиты, преимущество, которое он мог бы получить, было бы практически нулевым, и не было бы никакого стимула для создания предприятий, кроме удовольствия от достижения или чести, которая могла бы быть результатом этого. В случае бедных изобретателей это было бы слабым утешением, учитывая время и затраты, которых требует большинство изобретений. Не только на *априорных* основаниях, но и на основании реального опыта и универсальной практики мы можем сказать, что патенты являются неотъемлемой частью динамичной системы промышленности. Также важно, чтобы монополия на метод, которую дает патент, была ограниченной по продолжительности. Если метод хорош и прибыль от его использования велика, то семнадцать лет, в течение которых в нашей стране может действовать патент, дают не только адекватное вознаграждение изобретателю, но и стимул для множества других изобретателей подражать ему и пытаться повторить его успех. Изобретательные умы, которые работают повсюду, обычно не позволяют владельцам того или иного патента сохранять какое-либо решающее преимущество над конкурентами в течение всего семнадцатилетнего периода. Задолго до истечения этого времени какое-нибудь устройство другого типа может позволить конкуренту создать тот же продукт с более чем равной экономией, и тогда лидерство в производстве переходит к этому конкуренту, чтобы оставаться за ним до тех пор, пока еще одно устройство не приведет к еще большей экономии и не перенесет лидерство в другое место. Та смена руководства, которую мы описали и проиллюстрировали, происходит в значительной степени вследствие нашей системы патентов; и все же каждый конкретный патент предоставляет его владельцу квазимонополию.

Бесконечная череда их обеспечивает широкое распространение преимуществ. По истечении срока действия каждого патента, даже если он не был заменен более поздним и более ценным, общественность получает выгоду от полной экономии, которую он обеспечивает, и везде, где патент с истекшим сроком действия заменяется новым, общественность получает эту выгоду гораздо раньше. Себестоимость продукции имеет тенденцию к быстрому снижению, и общественность является постоянным бенефициаром.

Патенты как средство ограничения монополий. — Хотя патент иногда может поддерживать мощную монополию, он также может стать лучшим средством для ее разрушения. Часто мелкие производители, используя запатентованную технику, неуклонно продвигались по пути крупных комбинаций, пока сами не стали крупными производителями, обеспеченными владением обширным месторождением и обильной прибылью. Более того, в случае патента, который создает монополию и действует в течение полных семнадцати лет своего действия, не подпитываясь никакими конкурирующими устройствами, общественность, скорее всего, получит больше выгоды, чем патентообладатель или даже компания, использующая его изобретение. Расширяя рынок сбыта своей продукции, компания должна постоянно обслуживать новые круги маргинальных потребителей и должна предоставлять всем, кроме маргинальных, все возрастающую выгоду, превышающую то, чего это им стоит. Вероятно, в Америке было выдано немного патентов, которые иллюстрировали бы неблагоприятные черты системы более полно, чем патент Bell telephone, который на длительный период предоставил одной компании монополию на телефонный бизнес; и все же мало найдется деловых людей, которые не понимают, что в экономии времени, которую обеспечил телефон, и в ускорении бизнеса, которое он вызвал, они с самого начала выиграли больше, чем потеряли в виде высоких гонораров. Нечто подобное можно сказать и о пользователях домашних телефонов, поскольку, хотя они могут стоять дороже, чем следовало бы, они вносят свой вклад в обеспечение более высокого уровня комфорта для тех, кто ими пользуется.

Закон выживания эффективной организации. — В общих чертах мы описали условия, благоприятствующие техническому прогрессу. Существует закон выживания, который, когда правит конкуренция, устраняет плохие методы и внедряет лучшие в бесконечной последовательности. При режиме надежной монополии этот закон выживания почти не действует, хотя стремление к наживе приводит к прогрессу, который менее быстр и надежен. То же самое можно сказать и об изменениях в организации, в той мере, в какой это означает координацию труда и капитала внутри предприятия. Когда управляющий заводом так выстраивает свои силы, чтобы получить гораздо больший продукт на человека и на доллар вложенного капитала, чем это может сделать конкурент, он отдает этого конкурента на растерзание и может поглотить его бизнес и вытеснить его с поля. Чтобы выжить, любой производитель должен идти в ногу с агрессивными и растущими конкурентами на пути совершенствования, будь то усовершенствованные инструменты торговли или улучшенное мастерство в обращении с людьми и инструментами. Столь же безжалостным, как закон выживания хороших технических методов, является закон выживания эффективной организации, и до тех пор, пока организация ограничена силами, находящимися под контролем одиночных и конкурирующих *предпринимателей*, к ней применимо то, что мы сказали о совершенствовании методов. Это благотворный процесс для общества, хотя его будущие масштабы более ограничены, чем возможности технического совершенствования, поскольку расстановка сил в учреждении может быть доведена настолько близко к совершенству, что существует предел дальнейшим достижениям. Более того, организация, в конце концов,

перестает ограничиваться рабочими силами отдельных *предпринимателей*, но часто продолжается до тех пор, пока не объединит конкурирующих производителей в профсоюз.

Распространение Организации на целые Подгруппы. Оба этих способа прогресса приводят к укрупнению заведений, и конечным результатом этого является передача рынка товаров любого вида нескольким заведениям, которые чрезвычайно велики и находятся в чем-то вроде единого уровня эффективности. Тогда организующая тенденция принимает зловещий облик создателя "трестов" и гасителя соперничества, которое обеспечило прогресс. Когда корпорации, подобные монстрам, однажды начинают конкурентную борьбу друг с другом, это очень жестоко и очень дорого обходится им самим; и это дает стимул для принятия того последнего шага в организации, который положит конец конкуренции. Это организация другого рода, и ее результаты сильно отличаются от результатов процесса координации, который происходит внутри нескольких учреждений. На этой, своей последней стадии, организующая тенденция объединяет целую подгруппу и сводит на нет многое из того хорошего, чего она достигла на своей более ранней стадии, когда совершенствовала отдельные учреждения внутри подгруппы. В то время как более ранний процесс увеличивает предложение товаров определенного вида и удешевляет их, последний делает его меньше и дороже; и в то время как более ранний процесс распределяет выгоды между потребителями, последний налагает налог на потребителей в виде более высоких цен на товары. И все же союз, который образуется между цехами, является, в некотором смысле, естественным продолжением предварительной организации, которая имела место внутри них и помогла сделать их малочисленными и крупными. Траксты являются продуктом экономической динамики, и мы изучим их в свое время. Организация, которую мы здесь имеем в виду, является более ранней, которая имеет место в рамках нескольких учреждений. Она подчиняется закону выживания, в котором конкуренция является движущей силой, хотя и приводит к состоянию, при котором предпринимаются усилия по прекращению конкуренции. Эта более ранняя организация наиболее благотворна по своим общим и постоянным последствиям; и то, что было сказано о результатах прогресса в технике производства, может, с изменением терминов, быть снова сказано о прогрессе в искусстве координации используемых агентов. Это источник временной выгоды для *предпринимателей* и постоянной выгоды для рабочих и капиталистов. Это увеличивает общую сумму общественного продукта и оставляет его распределяться в соответствии с принципом, который при отсутствии неблагоприятных влияний справедливо относился бы к производителям, — принципом, который стремится предоставить каждому производителю долю, более или менее эквивалентную его вкладу. По своей природе и результатам она противоположна тому другому типу организаций, который стремится положить конец конкурентному соперничеству и в той мере, в какой это удастся, отделяет вклад людей в общественный продукт от доли, которую они из него извлекают.

ГЛАВА XXII

ВЛИЯНИЯ, КОТОРЫЕ ИЗВРАЩАЮТ СИЛЫ ПРОГРЕССА

До сих пор мы имели дело с тем, что мы называли природными силами. Явления, которые мы изучали, не были вызваны какими-либо сознательными и целенаправленными действиями

людей в целом. Они не были вызваны ни властью правительств, ни чем-либо еще, что отдает так называемым коллективизмом. Люди делали все, что хотели, стремясь продвигать свои собственные интересы в условиях большой свободы, и результатом стала система социальной индустрии, которая является высокопродуктивной, прогрессивной и в целом честной. Производство постоянно увеличивалось, и продукт распределялся под влиянием закона, который, если бы свобода была вполне полной, а конкуренция совершенной, давал бы каждому производителю то, что он вносит в совокупный продукт великой общественной мастерской. Мы утверждали, что в мире, каков он есть, находящемся под влиянием огромного количества возмущающих сил, эти фундаментальные законы все еще действуют и имеют тенденцию создавать условия продуктивности, прогресса и честности, которые являются их естественным результатом. Если фактическое условие не соответствует этому, то это происходит главным образом из-за ограничения свободы и вмешательства в конкуренцию, которая является результатом свободы.

Влияния, замедляющие статическую регулировку. На протяжении всего исследования мы уделяли должное внимание тем обычным элементам "экономических трений", которые признавали все авторы-теоретики и которые авторы-практики выдвигали на первый план; и мы обнаружили, что, хотя они оказывают влияние, которое следует принимать во внимание при любом изложении принципов, они никоим образом не лишают силы сами принципы. По большей части это воздействия, которые замедляют те движения, которые приводят к статической корректировке. Изобретение удешевляет производство какого-либо изделия, и сразу же естественный или статический стандарт его цены падает; но фактическая цена снижается медленнее, и тем временем производитель, владеющий эффективным методом, извлекает из него плоды в виде прибыли. Тормозящее влияние - это факт, который должен быть так же полно признан в изложении закона прибыли, как и любой другой. Его существование является элементом теории *прибыли* предпринимателя. Усовершенствования, которые снижают стоимость товаров, увеличивают продукт труда, и это устанавливает более высокий стандарт заработной платы, чем тот, который господствовал до сих пор; но происходит задержка, прежде чем оплата труда рабочих повышается до нового стандарта. Необходимо внести коррективы, которые требуют времени, и это такие же очевидные элементы, которые должны быть включены в экономическую теорию, как и все, с чем ей приходится иметь дело.

Влияния, которые препятствуют динамическим движениям. — Если есть что-то, что, не нанося ущерба движущим силам экономического прогресса, создает препятствие на пути движения, к этому следует относиться как к одному из тех элементов трения, о которых мы только что говорили. В нашем обсуждении роста населения, увеличения богатства, совершенствования методов и т.д. мы обратили внимание на противодействующие силы, а также на другие, и попытались определить, что является результирующей всех из них. Силы сопротивления занимают свое место в изложении динамических законов.

Влияние, которое извращает Силы Прогресса. — Нам приходится иметь дело не только с такими тормозящими влияниями, но и с позитивным искажением силы, способствующей прогрессу. Повсюду мы осознали, что конкуренция — здоровое соперничество в служении обществу — необходима для того, чтобы для выживания были выбраны наилучшие методы и наиболее эффективная организация, и что промышленность должна демонстрировать постоянный рост производительной силы. В нашем исследовании вопроса о том, способствуют ли усовершенствованные методы и улучшенная организация дальнейшему

совершенствованию или препятствуют ему, мы обнаружили, что эти благотворные изменения естественным образом являются самовоспроизводящимися до тех пор, пока продолжается всеобщая пружина прогресса - конкуренция. В наш оптимистичный прогноз относительно экономического будущего мира волей-неволей была включена оговорка— если ничто не будет подавлять конкуренцию, прогресс будет продолжаться вечно.

Монополия и экономический прогресс. Самой противоположностью конкуренции является монополия, и именно она, согласно общепринятому мнению, уже утвердилась в местах наибольшего экономического могущества. "Конкуренция прекрасна, но мертва", - сказал социалист в недавней дискуссии; и это заявление выражает то, во что верят многие. Во многих кругах сложилось впечатление, что монополия будет доминировать в экономической жизни двадцатого века, подобно тому как конкуренция доминировала в девятнадцатом. Если это впечатление верно, прощай прогресс, который в прошлом столетии был таким быстрым и вдохновляющим. Ослепительные видения будущего, вызванные техническими достижениями, должны быть заменены ожиданием, столь же мрачным, как и все, что когда—либо предлагала Политическая экономия классических времен, - ожиданием силы подавления, сдерживающей восходящее движение человечества и, в конце концов, толкающей его вниз. Никакое описание не может преувеличить зло, которое уготовано обществу, безнадежно скованному режимом частной монополии. Под этим всеобъемлющим названием мы сгруппируем наиболее важные из факторов, которые не просто сопротивляются действию естественного экономического закона, но и положительно искажают его. Монополия сдерживает прогресс в производстве и привносит в распределение элемент грабежа. Это извращает силы, которые стремятся обеспечить индивидам все, что они производят. Это делает цены и заработную плату ненормальными и искажает форму производственного механизма. При изучении этого извращающего влияния мы включим исследование средств его устранения и восстановления промышленности в ее нормальном состоянии. Мы обнаружим, что это возможно — что конкуренцию можно освободить, хотя освобождение может быть достигнуто только трудными действиями со стороны государства.

Сравнительно узкое поле нынешних действий государства. Экономическая теория всегда признавала существование и сдерживающее действие гражданского законодательства, которое запрещало многие вещи, к которым эгоизм отдельных людей побудил бы их совершить. Определенные должностные лица государства составляют, как мы видели в ранней главе, один общий класс работников, одна из функций которых заключается в сохранении в состоянии присвоения вещей, которым другие люди придали полезность, то есть в защите собственности и, таким образом, в сотрудничестве с созданием богатства. В нескольких направлениях они оказывают услуги, которые частные работодатели могли бы оказывать менее эффективным способом. Государство через своих специальных служащих дает образование детям и молодежи, охраняет здоровье населения, поощряет изобретения, стимулирует определенные виды производства, собирает статистические данные, разносит письма и посылки, обеспечивает валюту, улучшает состояние рек и гаваней, сохраняет леса, сооружает водохранилища для орошения и роет каналы и туннели для транспорта. Этими и другими путями она вступает в область позитивного производства; но в основном она оставляет это поле на попечение частных работодателей труда и капитала. Бизнес по-прежнему индивидуалистичен, поскольку те, кто иницирует предприятия и контролирует их, являются либо физическими лицами, либо искусственными юридическими лицами - корпорациями.

Растущее поле деятельности корпораций.— До недавнего времени в руках корпораций, достаточно крупных, чтобы на них не распространялись те же экономические законы, которые применяются к кузнецу, плотнику или портному, было сравнительно мало производства. Преобладали индивидуальное предпринимательство и в целом свободная конкуренция. Государство не сдерживало их, и огромные скопления капитала, которым мы даем название "трасты", в этот более ранний период не были достаточно сильными, чтобы сдерживать их. Поле для предпринимательской деятельности было открыто для отдельных лиц, партнерств и корпораций; они бесстрашно вступали в него, и в результате возникла свободная для всех конкуренция. Это свободное действие находится в процессе подавления со стороны официальных органов капиталистов, крупных корпораций, с которыми закон все еще обращается так, как если бы в своей коллективной целостности каждый из них был индивидуумом. Они создают полугосударственную власть — квазигосударство внутри общего государства — и, помимо того, что искажают действие экономических законов, извращают правительства. Они нападают на свободу, на основе которой постулируются экономические законы, а также на гражданскую свободу.

Как корпорации извращают действие экономических законов.—Все, что мешает индивидуальному предпринимательству, препятствует действию законов стоимости, заработной платы и процента и искажает саму структуру общества. Цены не соответствуют стандартам издержек, заработная плата не соответствует стандарту конечной производительности труда, а процент не соответствует предельному продукту капитала. Система промышленных групп и подгрупп выведена из равновесия из-за того, что в одни моменты вкладывается слишком много труда и капитала, а в другие — слишком мало. Прибыль становится не только временной премией за улучшение — наградой за придание человечеству динамичного импульса, — но отчасти добычей людей, чье влияние враждебно прогрессу. При режиме трестов перспективы будущей рабочей силы туманны, поскольку темпы технического прогресса не такие, какими они были бы при спонтанных действиях многих конкурентов. Прирост производственной мощности, который обеспечивает напряженная гонка за совершенством, замедляется и, предположительно, может быть остановлен появлением корпораций, в значительной степени освобожденных от такой конкуренции. Будущее рабочей силы находится под угрозой, поскольку уровень заработной платы, устанавливаемый производительностью труда, не повышается должным образом, а фактический уровень заработной платы отстает от стандарта на неестественно длительный промежуток. Существует слишком большая разница между тем, что производит рабочая сила, и тем, что она должна производить, и существует аномально большая разница между тем, что она фактически производит, и тем, что она получает.

Поля для монополий разного рода. Монополия, таким образом, является общим извращением промышленной системы; но есть два вида монополии, из которых только одна прямо осуждается как враг человечества. В отношении государственной монополии всегда есть что сказать. Даже социализм — владение всем капиталом и управление всей промышленностью правительствами — выступает в наши дни в защиту самого себя, что завоевывает множество приверженцев, а требование социализации нескольких конкретных отраслей привлекает гораздо больше внимания. Муниципальная собственность на осветительные установки, уличные железные дороги и тому подобное, а также собственность государства на железные дороги, телеграфные линии и некоторые шахты настоятельно востребованы и, возможно, могут быть обеспечены. Мы можем справедливо предположить, что в течение периода времени,

входящего в компетенцию этой работы, всеобщий социализм введен не будет. В нескольких ограниченных областях люди могут согласиться с государственными монополиями, но в основном нам приходится иметь дело с частными монополиями; и именно им, если их не остановить, нам придется приписать катастрофические изменения в той в целом честной и прогрессивной системе производства, которая развилась под влиянием частного предпринимательства.

Два способа приближения к монополистическому состоянию.—Подход к монополии может быть экстенсивным или интенсивным. В какой-то части промышленной сферы может быть установлена довольно полная монополия, и тогда область ее деятельности может быть расширена. Предприятия по выплавке чугуна и стали, получив исключительное владение своими первоначальными областями производства, могут стать перевозчиками, производителями руды, проволоки, листовой и конструкционной стали, а также строителями кораблей, мостов и т.д.

С другой стороны, крупная корпорация может вначале обладать небольшой монопольной властью, а затем приобретать ее все больше и больше в первоначальной сфере своей деятельности. Сначала это может затруднить конкуренцию и сокрушить нескольких своих соперников, а затем, по мере роста своей мощи, это может сделать конкуренцию практически невозможной на большей части своего поля и отогнать почти всех оставшихся соперников. Необходимо сформировать более точное представление, чем то, которое обычно преобладает, о том, что представляют собой настоящие монополии, о том, что они на самом деле делают, о том, что они делали бы, если бы были вполне свободны в волеизъявлении, и о том, что они будут делать, с другой стороны, если они будут эффективно контролироваться суверенным государством. Регулирование монополий у нас должно быть; это не дискуссионный вопрос. Суверенитет государства будет сохранен в промышленности и в других местах, и совершенно безопасно утверждать, что только с помощью новых и неопробованных способов утверждения этого суверенитета промышленность в будущем может быть в каком-либо смысле естественной, должным образом вознаграждающей труд, обеспечивающей прогресс и открывающей перед глазами всех классов перспективу светлого и гарантированного будущего. Мы зависим от действий государства в отношении результатов и перспектив, которые мы ранее обеспечивали без него; но хотя мы вынуждены жестко обходиться с теориями *невмешательства*, мы делаем это для достижения цели, которую имели в виду эти теории, а именно, системы, приводимой в действие живительной силой конкуренции, со всем тем, что означает настоящее и будущее благо.

Природа настоящей монополии. Исключительная привилегия производить и продавать продукт — это монополия в ее наиболее полной форме. Это означает не только то, что есть только одно учреждение, которое действительно создает продукт, но и то, что есть только одно, которое способно это сделать. Этот человек может производить столько или так мало, сколько ему заблагорассудится, и он может повышать цену на то, что он продает, не принимая во внимание никаких других соображений, кроме своего собственного интереса.

Возможность формы монополии без Власти над Ней.—Бизнес, однако, может иметь форму монополии, но не свою подлинную власть. Она может объединить в одну большую корпорацию всех производителей товара, которые отправляют свои товары на общий рынок, и если после этого не появится конкурентов этой корпорации, общественность будет вынуждена покупать у

нее все, что ей нужно из того конкретного вида товаров, который она производит. Потребители А из нашей таблицы могут обнаружить, что они не могут получить ничего из этого, кроме как от одной компании. Тем не менее, цена, предположительно, может быть нормальной. Она может быть ненамного выше издержек производства для самой монополии. Если это так, то это потому, что более высокая цена вызовет конкуренцию. Великая компания предпочитает продавать все необходимые товары по умеренной цене, а не приглашать конкурентов на свою территорию. Это монополия по форме, но не по факту, поскольку она лишена своей пагубной силы; и то, что твердо держит ее в узде, - это *потенциальная конкуренция*. Тот факт, что конкурент *может* появиться и *появится*, если цена превысит разумный уровень, на котором она находится, побуждает корпорацию производить товаров в количестве, достаточном для поддержания цены на этом уровне. При таких почти идеальных условиях общественность получила бы все преимущества экономики, которые дает очень крупное производство, несмотря на то, что фактическая конкуренция не продолжалась бы. Цены по-прежнему колебались бы вблизи низкого уровня издержек. Наиболее экономичное государство, какое только можно себе представить, - это такое, при котором во многих сферах бизнеса одна крупная корпорация должна производить все товары и продавать их по цене, настолько ненамного превышающей их себестоимость, что у любого другого производителя не будет стимула выходить на рынок. С момента образования первых трестов эффективность потенциальной конкуренции демонстрировалась настолько постоянно, что нет никакой опасности, что этим регулятором цен когда-либо будут пренебрегать. Тресты на собственном опыте убедились, что слишком большое повышение цен на их продукцию "создает фабрики". Это приводит к тому, что новые производители, которые только потенциально работали в этой области, фактически приходят в нее и начинают производить товары. Чтобы предотвратить это, тресты научились проводить более консервативную политику и довольствоваться меньшими надбавками к ценам на свои товары. Если бы не эта регулирующая работа потенциального конкурента, у нас был бы режим монополии с его невыносимыми пороками; и если бы, с другой стороны, регулирующий орган был настолько эффективным, насколько он должен быть, у нас была бы естественная система, в которой царила бы полная свобода. Безграничная разница между этими условиями измеряет важность потенциальной конкуренции.^[1]

Себестоимость продукции на независимых заводах является стандартом цены. — Консолидированная компания в конечном счете будет иметь реальное, но небольшое преимущество перед конкурентом в стоимости производства и продажи своих товаров; но в настоящее время преимущество часто на стороне конкурента. Его завод часто превосходит многие из тех, которыми управляет трест. Когда объединение доведет свои заводы до максимальной эффективности, а затем получит *дополнительное преимущество*, которое обеспечивает сама консолидация, оно сможет получать небольшую прибыль, продавая товары по той же цене, что и на заводах своего конкурента. Эти издержки, которые понесет потенциальный конкурент, если он действительно выйдет на поле, устанавливают естественный стандарт цены в новом режиме кажущейся монополии; и будет видно, что если бы эта естественная цена действительно господствовала, монополия существовала бы только формально. Она была бы лишена возможности облагать общественность налогами.

Частичные монополии стали обычным явлением. — То, что мы имеем, не является ни полной монополией, ни просто формальной, но обладает достаточной властью, чтобы причинять вред на производстве и представлять угрозу для промышленности и политики. Если это долго будет извращать промышленность, то только потому, что это будет извращать политику — потому что

это сбивает с толку людей в их усилиях по созданию и обеспечению соблюдения законов, которые поддерживали бы силу конкуренции. С точки зрения нашей таблицы подгруппы становятся похожими на отдельные разросшиеся корпорации. Каждая из них, где происходит это движение, стремится к состоянию, в котором у нее будет единственный *предприниматель* — одна из тех разросшихся корпораций, которые напоминают монополии и которые обычно так называются. Полными монополиями, как мы уже говорили, они не являются; и все же, с другой стороны, они ни в коем случае не лишены монопольной власти. Они в некоторой степени сдерживаются потенциальными конкурентами, о которых мы упоминали, но проверка работает несовершенно. В некоторых моментах это довольно жестко сдерживает корпорации и приближает к идеальным результатам, при которых консолидация очень продуктивна, но совсем не угнетающая; в то время как в других местах контроль имеет очень мало силы, преобладает угнетение, и если что-то и удерживает требовательность корпораций в рамках, так это уважение к высшей власти правительства и понимание того, что могут сделать люди, если их спровоцировать на решительные действия.

Две политики, открытые для государства.—Альтернативы, которые открыты для нас, с этой точки зрения сводятся к двум. Сама консолидация неизбежна. Если в какой-либо крупной отрасли производства это создаст настоящую монополию, которую невозможно контролировать иным способом, требование о том, чтобы бизнес был передан правительству и работал на благо общества, станет непреодолимым. Если это не станет настоящей монополией, бизнес может остаться в частных руках. Нам предлагается неизбежная консолидация с выбором между государственным производством и частным производством. Мы вольны выбирать последнее только в том случае, если потенциальная конкуренция станет удовлетворительным регулятором действий крупных корпораций.

Будущее зависит от сохранения поля открытым для конкурентов.—Потенциальная конкуренция, от которой, как казалось бы, зависит большая часть того хорошего, что есть в нынешней экономической системе, также имеет в своих руках судьбу будущего. Существующее зло будет уменьшаться или увеличиваться в зависимости от того, хорошо или плохо будет работать этот регулятор. Однако столь же верно и то, что будущее находится в руках правительства, поскольку потенциальная конкуренция будет слабой, если правительство ничего не предпримет для ее усиления. Он действительно работает сейчас и работал в течение десятков лет, за которые выросли крупные тресты; но результаты его работы были неодинаковыми в разных случаях, и можно с уверенностью сказать, что в области в целом его эффективность в последнее время несколько снизилась. При дальнейшем спаде, если он наступит, цены будут расти еще больше, заработная плата упадет, а прогресс затормозится. На карту поставлен естественный характер динамичного движения, и сохранение той его части, которая сохранилась сейчас, и восстановление того, что было утрачено, зависят от действий государства.

Невозможность политики невмешательства.— Действительно, велик контраст между нынешним состоянием и тем, в котором правительству ничего не оставалось делать, кроме как оставить промышленность в покое. Когда-то было желательно оставить свободных конкурентов в покое, но о том, чтобы предоставить монополии самим себе, не следует и думать. Это действительно привело бы прямо к социализму, при котором правительство наложило бы лапы на бизнес столь радикальным образом, что полностью устранило бы частных *предпринимателей*. Если мы попытаемся ничего не делать и будем слишком долго

упорствовать в этой попытке, то в конце концов можем оказаться вынужденными делать все. Что имеет первостепенное значение, так это то, к какой новой работе призвано правительство. В основном это работа суверена, а не производителя. Это работа законодательной власти, которая объявляет, что можно и чего нельзя делать в сфере предпринимательской деятельности. Это также работа правоохранительной власти, которая следит за тем, чтобы ее указы были чем-то большим, чем благочестивые пожелания или утверждения того, что является абстрактно правильным. Все это согласуется со старой концепцией государства как защитника собственности и хранителя свободы. Интересы народа, которым угрожает монополия, должны быть защищены. Право каждого частного конкурента траста входить в сферу бизнеса и обращаться к закону за защитой всякий раз, когда ему угрожает опасность быть несправедливо изгнанным из нее, - это то, что государство должно сохранить. Это всего лишь защита собственности более тонкими и сложными способами, чем те, которыми государство всегда ее защищало. Чиновник, который сдерживает монополию на грабеж, сохраняет честное богатство и открывает поле для независимого предпринимательства, делает в больших масштабах нечто сродни работе сторожа, патрулирующего улицу, чтобы поддерживать порядок и арестовывать грабителей.

Возможное поле для производства государством.— Существует вероятность, что в некоторых областях производства американское правительство может настолько далеко пойти по пути, намеченному европейскими государствами, что станет владеть заводами и даже управлять ими, и может сделать это *в интересах общей конкуренции*. Он может построить несколько каналов с особым расчетом на контроль сборов, взимаемых железными дорогами. Оно может владеть угольными шахтами и либо эксплуатировать их, либо контролировать режим их эксплуатации с целью обуздания поборов владельцев-монополистов и обеспечения непрерывных поставок топлива. Оно может даже владеть некоторыми железными дорогами, чтобы более полно контролировать расходы на перевозку. Подобные действия могут быть несколько аномальными, поскольку они отходят от политики всегда регулировать и никогда не владеть; тем не менее, они являются частью общей политики регулирования и средством ухода от политики собственности. Продажа угля государством может помочь сохранить независимое производство, а транспортировка угля государством может сделать это более заметным образом. Если это так, то эти меры имеют в целом антисоциалистический эффект, поскольку они препятствуют росту частной монополии, которая является ведущей причиной роста социализма.

Зло внутри современной корпорации.— Крупная корпорация приносит с собой некоторое внутреннее зло, которое могло бы существовать, даже если бы она никогда не получила монополии в своей области. К этому классу относятся телесные повреждения, нанесенные должностными лицами корпорации ее владельцам, акционерам. Типичному директору-грабителю приходится отвечать за то, что он делает со своими собственными акционерами, даже больше, чем за то, что он и корпорация могут преуспеть в том, чтобы сделать для общества. По фактическому количеству совершаемого зла ограбление акционеров менее важно, чем обложение потребителей налогами и снижение заработной платы, которые происходят, когда усилия по установлению монополии успешны; но по количеству беззакония и сущностной подлости, которые оно подразумевает со стороны тех, кто его практикует, оно занимает первое место, и его влияние на извращение экономической системы нельзя упускать из виду. Директор, который покупает собственность, чтобы разгрузить свою собственную корпорацию, значительно увеличив ее стоимость, или который попеременно сокращает бизнес

своей корпорации, а затем восстанавливает его, чтобы получать прибыль от падения и повышения курса акций, не только делает то, что должно ограничить его будущую работу такой, какую он мог бы выполнять в исправительном учреждении, но и многое делает для того, чтобы ослабить действие экономического закона, который, если бы он работал в совершенстве, давал бы частному капиталисту доход, соответствующий предельному продукту принадлежащего ему капитала. Здоровая отрасль требует, чтобы государство защищало собственность там, где этой обязанностью сейчас грубо пренебрегают.

Если больше рекламы поможет сделать это, если зажигание уличных фонарей в моральных трущобах положит конец некоторым из наиболее отвратительных поступков, совершаемых мужчинами, которые доверяют собственность других людей, — здоровая экономика будет частично зависеть от этой меры, но частично и от более позитивных.

Инвестирование капитала не поощряется, и важная часть динамичного движения затруднена везде, где акционеры оказываются в небезопасном положении; и поэтому все отношения директоров с теми, чьей собственностью они владеют в доверительном управлении, нуждаются в надзоре с гораздо большей строгостью, чем когда-либо предпринималось в соответствии с американским законодательством. Когда инвестированный капитал окажется вне пределов досягаемости пиратов, он будет производить больше, увеличиваться быстрее и лучше выполнять свою роль в поддержании заработной платы за труд.

Извращения Экономической системы в результате действий Промоутеров. — Государство будет проводить свою установленную политику, если оно будет эффективно контролировать действия промоутеров по отношению к потенциальным инвесторам. Человек, которому предлагается стать акционером, имеет право знать факты, от которых зависит стоимость предлагаемого ему имущества. Сколькими заводами владеет объединенная корпорация? Сколько они стоили? Каково их нынешнее состояние эффективности? Каковы были их доходы за последние годы? Относительно этих вещей и других, которые необходимы для правильной оценки стоимости того, что продает промоутер, покупателю необходима полная и заслуживающая доверия информация, и очевидная функция закона состоит в том, чтобы позаботиться о том, чтобы он ее получил. То, что такие действия защитят личные права инвесторов, является, конечно, причиной для их принятия; но причина, которая нам здесь импонирует, заключается в том факте, что это устранило бы второе извращение экономической системы, ускорило бы приумножение капитала и помогло бы обеспечить распределение богатства, которое было бы более приближено к естественному закону.

Извращения Системы, вызванные действиями Корпораций в целом. — Более непосредственно в области чистой экономики находятся отношения между типичной крупной корпорацией и большинством общественности, которая полностью находится вне ее. В обычном сознании это отношение также часто предстает как отношение грабителей и награбленного, и то, чем оно часто было на самом деле, — это отношение между корпорациями, взимавшими определенную дань, и группой потребителей, которым приходилось платить дань. С этим общим отношением между производственной корпорацией и потребляющей общественностью связано отношение между ней и производителями сырья, которое она покупает, и с рабочими, которых она нанимает. В этом последнем отношении под угрозой находится нормальный уровень оплаты труда, настоящий и будущий. Меры, защищающие потребителей, защищают другие стороны, на которых влияет политика крупной корпорации. Работники находятся в безопасности, а

производители сырья - в определенной степени в безопасности, если сохраняется сила конкуренции при производстве и продаже товаров. Если мы помешаем тресту взимать дань с покупающей публики, мы тем же способом помешаем ему угнетать рабочих и фермеров.

Почему бизнес монополии никогда не следует рассматривать как Частный интерес.— Люди уже оставляют позади себя и должны полностью выбросить из головы идею о том, что бизнес монополии - это частное предприятие, которым ее должностные лица имеют право управлять так, как им заблагорассудится. Корпорация становится государственным функционером с того момента, когда она вытесняет с поля боя так много своих конкурентов, что люди становятся зависимыми от нее. С таким же успехом официант, подающий еду к столу, может утверждать, что это исключительно его личное дело и что клиенты и менеджер не имеют права вмешиваться, как бы хорошо или плохо ни обслуживались клиенты, подобно тому, как группа упаковщиков может утверждать, что любая важная деталь их бизнеса касается только их. Иллюстрация слабая, поскольку в случае с трестом, который контролирует продукт, необходимый общественности, именно полное величие народа в целом находится под угрозой быть сведенным на нет. Такая компания является государственным служащим во всех существенных чертах, и хотя ей разрешается сохранять определенную автономию при выполнении своих функций, эта автономия не распространяется на свободу причинять вред обществу или какой-либо его части. Сохранение здоровой промышленной системы требует, чтобы правительства предотвращали ущерб, который интересы монополистической корпорации вынуждают ее наносить. Никакое прекращение предоставления основных услуг, никакое их ограничение и никакое требование грабительской прибыли за них не могут быть терпимы без извращения экономической системы. Законы природы, которые мы представили, будут работать несовершенно если, например, опасность нехватки угля будет постоянно нависать над населением или если это топливо будет продаваться по грабительским ценам. Рабочие, действительно, больше, чем другие, заинтересованы в поддержании справедливого поля для конкурирующих производителей и открытого рынка рабочей силы, но другие классы ощущают ущербность промышленной системы, которая возникает при отсутствии справедливого поля и открытого рынка.

Почему Мотив, который когда-то благоприятствовал невмешательству государства в промышленность, теперь благоприятствует вмешательству.— Мы говорили, что необходимы энергичные действия государства по сохранению силы, на которую приверженцы политики невмешательства возлагали свои надежды на справедливость и процветание. Эти плоды естественного развития всегда зависели от конкуренции, и они все еще зависят от нее, хотя ее мощь придется проявлять по-новому. Это требует специальных действий со стороны государства; но, предпринимая такие действия, правительство приводит свою политику в соответствие с существенной частью *доктрины невмешательства*. Сегодня оно накладывает руки на промышленность по той же причине, которая вчера вынуждала его не допускать их - необходимость сохранения благотворного соперничества в области производства.

Америка - родина консолидированных корпораций.—Такого рода консолидации, которые требуют энергичного подхода со стороны государства, имеют свой особый дом в Америке. Они приняли ряд форм, но все больше и больше приобретают наиболее эффективную форму, которую они когда-либо принимали, - форму корпорации. Холдинговая компания является преемницей бывшего траста. Метод объединения, при котором акционеры нескольких корпораций передавали свои сертификаты акций группе попечителей и получали взамен так

называемые трастовые сертификаты, был отменен, и готовность, с которой это было сделано, объяснялась тем фактом, что существуют более эффективные способы достижения поставленной цели. Может быть сформирована новая корпорация, и, благодаря тем небольшим государствам, которые процветают за счет выдачи каперских удостоверений, она может быть наделена очень широкими полномочиями. Конечно, он может покупать или сдавать в аренду мельницы, печи и т.д., Но что ему легче всего сделать, так это владеть контрольной долей обыкновенных акций компаний, которым принадлежат заводы. Холдинговая компания обладает зловещим совершенством в своем способе передачи меньшинству капитала контроля над большинством. Возможно, что фактический капитал первоначальной корпорации может быть в основном заемным фондом и может быть представлен выпуском облигаций, в то время как акционеры, возможно, внесли незначительный вклад в стоимость своих заводов и их оборотного капитала; и все же эти обыкновенные акции могут предоставить своим владельцам контроль над всем бизнесом. Корпорация, которая покупает абсолютное большинство этих обыкновенных акций, может обладать абсолютной властью над производственными предприятиями и их деятельностью. Если холдинговая компания обеспечит большую часть своего собственного капитала путем выпуска облигаций, сумма, которую должны были бы внести ее собственные акционеры, составляла бы лишь ничтожную долю капитала, находящегося в их руках, и все же это могло бы обеспечить им контроль над областью, которая является не чем иным, как промышленной империей, если, конечно, они сами не будут вынуждены передать управление ею самому узкому кругу директоров.

Более ранние формы объединения.—Существуют формы объединения, которые менее полны, чем эта, и получили широкое распространение. Между конкурирующими производителями существовало первоначальное соглашение поддерживать фиксированные цены на свои товары. Это было обещание, которое каждая сторона сделки была обязана честью сдерживать, но вынуждена была нарушить из-за интереса; и с моральной точки зрения оно было неизбежно нарушено. Был заключен тот же контракт на поддержание цен, усиленный соответствующим контрактом на удержание объема производства каждого завода в определенных пределах. Если бы это второе обещание было выполнено, то было бы выполнено и первое, поскольку мотивом снижения согласованной цены всегда было обеспечение крупных продаж, а это было невозможно без соответствующего большого производства; но для выполнения второго обещания требовалась гарантия. Эта безопасность была в свое время обеспечена, и была усовершенствована форма объединения, которая была излюбленной, поскольку она не объединяла и не уничтожала первоначальные корпорации, а позволяла им вести свой бизнес по-прежнему, хотя и с ограниченным объемом производства и ценами, диктуемыми объединениями. Как правило, каждая из компаний платила штраф в казну пула, если производила больше выделенной ей суммы, и получала бонус или субсидию, если производила меньше. Эта форма имеет большее родство с *Картелем* Германии, чем другие американские формы, и она могла бы продолжать преобладать в нашей стране, если бы закон относился к ней терпимо. Это ослабляет возможности конкуренции в меньшей степени, чем консолидированная корпорация, законы которой более терпимы. Подавляя те союзы, которые можно легко определить и рассматривать как монополии, мы вызвали к жизни другие, которые являются гораздо более монополистическими и опасными. Экономические принципы, на которых основывается регулирование всех таких объединений, особенно применимы к более тесным союзам, принимающим корпоративную форму. В той мере, в какой другие формы объединений обладают какой-либо монопольной властью, те же принципы применимы и к ним; но мы увидим,

почему пулы, запрещенные законом, обладают малой долей этой власти, а корпорации - большей.

Условие, исключаящее Истинную Монополию.—Монополия возникает, когда компания настолько тщательно охраняет свое экономическое поле, что новые конкуренты не могут войти в него, не подвергая себя опасности. Как мы видели, не всегда необходимо создавать компанию-конкурента. Достаточно того, что он должен быть в состоянии сформироваться и безопасно выйти на поле. В этом случае он действительно появится, если будет предложен стимул. Такой стимул всегда возникает, когда трест устанавливает неестественно высокую цену на свой продукт — цену выше того стандарта, установленного издержками производства, который был бы господствующим на нормальном рынке.

Специфические средства подавления конкуренции.— На практике создаются условия, при которых новые конкуренты появляются неохотно, поскольку у консолидированной компании есть опасное оружие, с помощью которого она может напасть на них. Компания часто может обеспечить специально низкие тарифы на транспортировку своей продукции, и иногда этого бывает достаточно, чтобы сделать перспективы конкурента безнадежными. Далее, "трест" — с помощью или без помощи, предлагаемой специальными и низкими тарифами на перевозку, — может проникнуть в определенный уголок области, где действует небольшой конкурент, продавать товары дешевле, чем они стоят, и вытеснить конкурента, сохраняя при этом себя за счет высоких цен, которые он устанавливает повсюду. Опять же, это может снизить цену на одну разновидность товаров, которые производит конкретный конкурент, и сокрушить его, в то время как оно получает прибыль от всех других разновидностей товаров. И все же, опять же, он может прибегнуть к "соглашению фактора", отказавшись продавать по обычным оптовым расценкам какой-либо из своих собственных продуктов продавцу, который занимается производцией его конкурентов. Если некоторые из его товаров относятся к тому виду, который должен быть у продавца, эта мера ставит его в тупик, заставляет отказываться от обращения с независимыми продуктами и затрудняет для конкурирующего производителя доступ к общественности со своим предложением товаров. Трест может организовывать специальные корпорации для ведения войны с конкурентами, при этом сам уклоняясь от ответственности. Фиктивная компания, которая в случае отягчающих обстоятельств является псевдонимом материнской корпорации, может быть создана с целью более безопасного выполнения различных видов хищнической работы.

Экономическая необходимость делать то, что сложно с юридической точки зрения.— С точки зрения экономического теоретика достаточно показать, что практика, которая лишает потенциального конкурента безопасного доступа в сферу производства, настолько извращает экономическую систему, что сдерживает ее самую фундаментальную силу - конкуренцию. Они сводят на нет действие всех законов, которые зависят от конкуренции. Стоимость, заработная плата, проценты, прибыль и сама структура общества ощущают извращающее воздействие этого подавления силы, которая при нормальных условиях служит для их корректировки. С практической точки зрения достаточно показать, что существование такой практики — если монополии, которые вырастают из нее, будут продолжаться и увеличиваться — представляет людям альтернативу принятия невыносимого экономического состояния или достижения законным путем того, что многие уже объявляют невозможным. Для целей настоящего трактата

достаточно указать на тот факт, что было предпринято мало заслуживающих упоминания попыток подавить любую из этих практик, за исключением первой — фаворитизма в связи с фраховыми сборами, - и что в случае с этой практикой было предпринято только начало серьезных усилий. Хотя есть какое-то оправдание для отказа от цели, когда длительные и решительные усилия по ее достижению потерпели неудачу, нет никакого возможного оправдания для вывода, *перед такими усилиями*, что систематическая политика, которая обещает спасти нас от невыносимого результата, неосуществима. Все опоры монополии должны быть убраны, а не только одна, и до того, как это будет опробовано, радикальные меры будут неуместны. Социализм не будет справедлив перед народным парламентом до тех пор, пока он не станет единственным выходом из состояния частной монополии. Экономический закон ясно показывает, что монополия не наступит, если будут подавлены практики, от которых она зависит, и людям можно доверять в определении того, возможно ли такое подавление. Чтобы они могли решить этот вопрос, перед ними должен быть поставлен вопрос, который зависит от него; и все, что входит в сферу компетенции экономиста, - это изложение последствий монополии, причин ее существования и общественных действий, которые, если будут предприняты, устранят эти причины. Сохранение нормальной промышленной системы и нормального распределения производимой продукции требует подавления всех тех практик крупных корпораций, от которых зависит их монопольная власть.

СНОСКИ

[1] За ранним изложением этого принципа читателя отсылают к главе "Сохранение конкуренции" профессора Ф. Х. Гиддингса в работе под названием "Современный процесс распределения", написанной совместно профессором Гиддингсом и автором настоящего документа. Эта глава впервые появилась в виде статьи в "*Political Science Quarterly*" за 1887 год.

ГЛАВА XXIII

ОБЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ТРАНСПОРТ

Из всех различных клубов, используемых trusts для нападения на соперников и удаления их с поля, первым по порядку является тот, который зависит от получения специальных тарифов на транспортировку. Железные дороги создают монополии в своей собственной сфере, а также вносят значительный вклад в развитие монополий в других местах. Второй факт более важен, но оба требуют внимания. В силу своей особой связи с монополиями производителей функция общего перевозчика имеет большое значение для решения вопроса о том, надвигается экономическая революция или нет. Можно с уверенностью сказать, что это неизбежно как возможность и станет вероятным, если фаворитизм, проявляемый перевозчиками по отношению к крупным грузоотправителям, не будет эффективно подавлен.

Как Консолидация железных дорог облегчает подавление фаворитизма. — Также можно с уверенностью сказать, что такие репрессии будут легкими, если консолидация самих железных дорог действительно будет максимально возможной. Поскольку все линии находятся под единым центральным контролем, а доходы полностью объединены, не было бы никакого мотива

для предоставления особых услуг какому-либо грузоотправителю, за исключением того, что это могло бы быть связано с коррумпированными отношениями между грузоотправителем и некоторыми должностными лицами железных дорог. Для компании-перевозчика предоставление скидки означало бы просто отказ от некоторой возможной прибыли. С консолидацией железных дорог угроза крупного грузоотправителя перенаправить свой груз с одной линии на другую утратила бы всю свою эффективность, и интересы акционеров общей транспортной компании потребовали бы от всех высоких ставок. Закон, запрещающий скидки и все другие формы фаворитизма, помог бы железнодорожной компании проводить ее собственную политику, и ей подчинились бы с той готовностью, с которой естественно исполняется приказ о присвоении увеличенной прибыли.

Опасность, которая становится все больше по мере уменьшения дискриминации.— Это показывает тот факт, что консолидация, которая облегчает подавление дискриминации, сделает возможным всестороннее повышение ставок, поскольку речь идет только об экономических влияниях. Ничто, кроме власти самого государства, не может предотвратить это; и хотя консолидация, которая была бы достаточно совершенной, чтобы положить конец дискриминации, еще не произошла, обеспечена достаточная консолидация, чтобы вызвать некоторое повышение общей шкалы транспортных сборов и угрожать гораздо большим. Предотвращение этого второго зла уже лежит на правительстве. Монополии, распространяющиеся по всей сфере производства, означали бы требование социализма, которому вряд ли можно было бы противостоять; и даже несколько монополий в промышленности, которым помогала крупная монополия на транспорте, означали бы почти то же самое.

Общие экономические принципы, регулирующие перевозки.— Чтобы определить, какое отношение транспорт имеет к проблеме экономической свободы и, следовательно, к перспективе избежать альтернативы государственному социализму, нам нужно сформулировать основные принципы теории железнодорожного транспорта.

Тот факт, который делает необходимым огромное количество затрат, заключается в том, что сельское хозяйство подчиняется закону убывающей отдачи, в то время как производство подчиняется противоположному закону. При обработке почвы труд и капитал приносят все меньшую отдачу по мере того, как все больше и больше их используется на данной территории; и поэтому оба этих агента должны широко распространяться по земле, чтобы использовать ее экономически. При производстве основных сельскохозяйственных культур, которые могут свободно перевозиться через моря и континенты, естественной тенденцией является расселение сельского населения с некоторым приближением к равномерности по всей земле, доступной для выращивания таких культур. Рыночное садоводство требует меньше земли на человека, и площади, отведенные под него, гораздо более густонаселены; но даже в рамках этого департамента сельского хозяйства закон остается верным, что на акр земли не должно затрачиваться слишком много труда и капитала. В целом сельское хозяйство рассеивает население, в то время как производство концентрирует его. Эта последняя работа выполняется наиболее экономично в крупных учреждениях.

Закон убывающей отдачи от Земли не ограничивается землей, используемой в сельском хозяйстве.— Обычно говорят, что обрабатывающая промышленность отличается от сельского хозяйства тем, что она подчиняется закону возрастающей отдачи; но это утверждение верно

только при тщательном толковании его терминов. Снижение отдачи от сельского хозяйства и увеличение отдачи от обрабатывающей промышленности не являются двумя противоположными следствиями одной и той же причины. Действительно, есть логическая аномалия в том, чтобы противопоставлять их друг другу. В сельском хозяйстве мы получаем все меньшие и меньшие результаты на единицу труда и капитала когда мы чрезмерно обрабатываем участок земли заданного размера, затрачивая на него все больше и больше труда и капитала. Проблема здесь в том, что земля, с одной стороны, и труд и капитал, с другой, не сочетаются в выгодных пропорциях; и точно такой же эффект вызывается одной и той же причиной в производстве. Можно перегружать территорию завода, удерживая все большие и большие суммы капитала в пределах данной территории. Если площадка настолько мала, что здание приходится поднимать далеко на воздух и снабжать стенами, достаточно прочными, чтобы противостоять грохоту машин на многих этажах, производство становится гораздо менее экономичной операцией, чем это было бы, если бы площадка была больше, а завод ниже. Выгода от централизации производственного процесса частично объясняется увеличением размеров конкретных предприятий; но для этого необходимо увеличить каждую часть заводов, включая земельные участки. По мере того, как предприятие в целом становится больше, его продукт становится дешевле; но при расширении не должно быть чрезмерного сокращения количества используемой земли. Таким образом, как в сельском хозяйстве, так и в обрабатывающей промышленности наблюдается потеря производительной силы, когда площади земли непропорционально малы по сравнению с количеством труда и искусственного капитала; но в сфере обрабатывающей промышленности крупные предприятия, управляемые *одиночными предпринимателями, объединяя агентов производства в нужной пропорции, увеличивают производительную силу людей и инструментов*, чего они не делают в сельском хозяйстве. Большие фермы не отличаются такой экономией, как большие мельницы.

Основа закона возрастающей отдачи в производстве.—Увеличение размеров предприятий привело бы к некоторому увеличению отдачи в производстве, даже если бы работа выполнялась вручную; но, безусловно, большая часть преимуществ обусловлена оборудованием. Изобретение паровой машины положило этому начало, а изобретение текстильного оборудования обеспечило быстрое продолжение революционных изменений. Почти во всех отраслях производства, за исключением сельского хозяйства, машины слишком сложны, чтобы их можно было использовать в бытовой промышленности. Можно сказать, что превращение мира в одну огромную ферму, усеянную великолепными мастерскими, со всеми социальными и политическими изменениями, которые это влечет за собой, назревало в чайнике, за которым, как говорят, наблюдал мальчик Уотт, когда крышка поднималась клубами пара и сама собой напрашивалась мысль о паровой машине. Механическая сила пара сразу же начала централизовать производство. Это сделало необходимым увеличение транспортировки, и вскоре тот же элемент, пар, стал средством этой обширной транспортировки. Конечно, необходимо доставлять продукты фермы на мельницу, а также доставлять промышленные товары обратно на ферму; и ни то, ни другое не потребовалось бы в сколь-нибудь крупных масштабах при системе домашней промышленности. Экономия, которая приводит к этому, в целом заключается в большей дешевизне производства. Разница между затратами на изготовление материалов в домашних условиях и затратами на производство на фабрике настолько велика, что это привело бы к строительству мельниц и созданию производственных центров, с перевозками, которые это предполагает, если бы не появились ни железные дороги, ни пароходы. Рост фабричных поселков достиг некоторого прогресса в то

время, когда не существовало сложного оборудования; но если бы это состояние сохранялось, производственные центры были бы меньше, многочисленнее и более разбросанными, чем они были до сих пор. Именно дешевизна перевозок по железным дорогам и пароходам позволила извлечь максимальную выгоду из так называемого закона возрастающей отдачи в производстве.

Добыча полезных ископаемых в связи с транспортировкой.— Добыча полезных ископаемых - это процесс, который должен быть местным, потому что руды и уголь добываются природой местным способом; и можно было бы упомянуть это как вторую причину интенсивных перевозок. Значительная часть связанных с этим затрат действительно зависит от роста производственных центров, поскольку мельницы и печи нуждаются в большом количестве топлива. Средства для обогрева частных жилищ, приготовления пищи и т. Д., Предположительно, могли бы доставляться местным способом, за счет роста лесов; но топливо, необходимое для центров производства и торговли, должно поступать из отдаленных пунктов. Таким образом, закон возрастающей отдачи в производстве и естественное расположение рудников являются наиболее распространенными причинами транспортировки. Система, которая возникла в результате, дает каждому больше и качественнее пищи, а также больше и качественнее товаров любого рода, чем он мог бы иметь, если бы сохранялась примитивная система местного производства. Дешевизна, с которой создается полезность формы на заводе, и полезность места на железной дороге - вот две действующие причины.

Соперничество между производителями утилит формы и производителями утилит формы и места.— Говоря техническим языком экономики, имело место соревнование в эффективности между созданием полезности формы, которое осуществляется, когда товары производятся в домашних хозяйствах или в небольших деревнях, и тем совместным процессом создания полезности формы и места, который заключается в изготовлении товаров в центральных точках и доставке их в широко разбросанные дома потребителей. Последний процесс, поскольку он предполагает необходимость создания двух утилит вместо одной, в настоящее время намного дешевле.

Предельный размер платы за транспортировку.— Сборы за транспортировку, как правило, ограничивают разницу между стоимостью изготовления товаров в одной точке и стоимостью их изготовления в другой. Это правило применимо, конечно, только к тем многочисленным случаям, в которых физически возможно создать товар в обеих точках. Если их можно изготовить в пункте А за десять долларов, затратив пять дней труда, и в пункте В за двадцать долларов, затратив десять дней труда, то десять долларов будут представлять собой крайний предел возможной платы за их доставку из пункта А в пункт В. В определенном числе случаев фактический заряд приближается к этому крайнему пределу. С мельницей в А, работающей с большей экономией, и рядом домашних мастерских в В, производящих с меньшей экономией, продукт крупной мельницы может проникать на территорию, поставляемую маленькими мастерскими, и перевозчик может получить взамен за транспортировку примерно столько же, сколько разница между двумя издержками производства. С большой мельницей в пункте А и маленькой мельницей в пункте В может произойти то же самое.

Обычно применяются более узкие ограничения.—В гораздо большем количестве случаев такая разница между затратами превышает возможности перевозчика. Обычно существует какой-то альтернативный способ закупки товаров в пункте В, который не предполагает фактического изготовления их на месте в условиях серьезных невыгодных условий. Возможно, удастся доставить их в пункт В из третьего населенного пункта, С, где они изготавливаются более выгодным способом. Если эта перевозка осуществляется каким-либо процессом, в котором правит конкуренция, — если, например, С находится недалеко от В, так что товары могут быть доставлены туда телегами, — стоимость изготовления товаров в С плюс естественные или конкурентные затраты на их доставку в В вместе составят естественные затраты на их приобретение в этом последнем населенном пункте. Разница между этим и стоимостью доставки в большой центр, который мы назвали А, составит предельную стоимость перевозки из этого города в В; и даже если перевозчик обладает монополией на перевозки между этими двумя пунктами, он не может получить больше.[1]

Другие применения того же правила.—Это правило применяется даже в тех случаях, когда товары, произведенные в С, приходится перевозить на большие расстояния, при условии, что перевозка осуществляется каким-либо конкурентоспособным способом по низкой цене, основанной на себестоимости. Потребители в В могут иметь возможность доставлять товары водным путем, вдоль побережья или через океан со скоростью, при которой стоимость их приобретения в В ненамного превышает стоимость их изготовления в А. Если это так, то эта небольшая разница в затратах представляет собой все, что может получить любой перевозчик за их перемещение из пункта А в пункт В, и хотя эта перевозка может осуществляться железной дорогой, которая обладает монополией на свой маршрут, за ее услуги будет взиматься не более высокая ставка, чем та, которая, таким образом, естественно установлена для нее. Ставка определяется затратами, но не затратами, понесенными железной дорогой. Всякий раз, когда правит конкуренция, отдача от любой производственной функции стремится соответствовать издержкам, и мы здесь предполагаем, что это правило действует (1) при производстве товаров в пункте А и (2) при приобретении товаров каким-либо альтернативным методом в пункте В. Разница между этими затратами устанавливает максимальный предел платы за перевозку между пунктами А и В, и это может превышать стоимость данной услуги и приносить прибыль перевозчику, использующему этот маршрут.

Стоимость и стоимость фрахта.—Отдача от производственной операции любого рода напрямую зависит от ценности, которую она придает чему-либо; а в случае переноса ценность измеряется величиной "полезности места", которую создает перенос. Это всего лишь одно из применений универсального закона. Стоимость товаров там, где они потребляются, за вычетом

их стоимости там, где они производятся, равна сумме, которую можно получить за их перемещение из одной точки в другую. Стоимость фрахта определяется по принципу "ценности услуги", но то же самое относится и к расходам на изготовление товара. Когда вещи производятся и используются в одном и том же месте, прибыль производителя равна стоимости его продукта, и это закреплено принципом конечной полезности. Однако общеизвестным экономическим трюизмом является то, что сама эта ценность в условиях конкуренции стремится соответствовать затратам на ее создание. В нашем примере доходность производства определяется стоимостью услуги, а также стоимостью обслуживания, как и доходность транспортировки товаров из пункта С в пункт В; но доходность транспортировки товаров из пункта А в пункт В, где преобладает монополия, определяется не стоимостью услуги, а затратами, понесенными в другом месте.

А
А
А'
А

Транспортные расходы и себестоимость.—Закон издержек, а также закон ценности, в целом, справедливы в отношении транспортировки. Конкуренция в этой области имеет тенденцию приводить создаваемые ценности к определенному равенству на единицу затрат и вознаграждать труд и капитал, которые используются при переноске, так же хорошо, как они вознаграждаются в других местах, а не лучше. Если бы наша таблица производственных групп была составлена, то между А и А, а также между А и А и между смежными подгруппами по всей таблице был бы символ, который должен представлять работу, выполняемую перевозчиком; и казалось бы, что, естественно, эта работа не поощряется и не ущемляется при распределении вознаграждений. Свободная конкуренция, если бы она существовала в совершенстве повсюду, была бы совершенно беспристрастным распределителем доходов и распределяла бы всю прибыль в соответствии с затратами.

Отклонения стоимости перевозки от статических стандартов.—Стоимость размещения не является исключением из общего правила определения стоимости; и все же стоимость перевозки фактически остается на большем расстоянии от стандартов, определяемых прямыми затратами на транспортировку, чем доходность за другие услуги, определяемая соответствующими стандартами. В этом отделе существует подход к монополии, и когда существует прямая конкуренция, здесь это более несовершенный процесс, чем где-либо еще. Более того, издержки, которые здесь фигурируют в качестве элемента корректировки стоимости перевозки, носят особый характер, который, хотя и не является чем-то неизвестным в других отраслях производства, нигде больше не имеет такого большого влияния и важности. Изучение железных дорог и их стоимости сбивает с толку не потому, что экономические силы здесь вообще не действуют, а потому, что здесь они сталкиваются с исключительно сильным и упорным сопротивлением. Квазимонополия, которая в других местах сохраняется лишь на короткое время, в этой области производства сохраняется надолго; но она подчиняется тем же принципам, которые господствуют повсюду.

Способы подхода к изучению фрахтовых сборов. При изучении платы за перевозку мы можем, если захотим, начать с запутанных тарифов железных дорог в их нынешнем виде и попытаться

найти какой-нибудь принцип, который, если его применить, внес бы порядок в массу капризных и непоследовательных тарифов. В конечном счете такое правило будет необходимо, но лучше всего его можно получить, изучив с самого начала транспортировку, которая осуществляется простыми средствами и в условиях активной конкуренции. Будет обнаружено (1), что основные принципы применимы ко всем перевозкам, будь то по железной дороге или более простыми способами; (2) что на ранних этапах развития каждой системы общего транспорта действие этих принципов нарушается; (3) что в случае более примитивных систем нарушения быстро преодолеваются, но что они продолжают дольше и производят гораздо большие эффекты в случае железных дорог; (4) что одно важное влияние такого рода имеет тенденцию естественным образом исчезать, в то время как другое продолжается и требует регулирования со стороны государства; и (5) что это регулирование должно основываться на естественных тенденциях и соответствовать требованиям законодательства. законы, которые, когда действует конкуренция, регулируют доходность всех классов производителей.

Типичный пример частичной монополии на транспортировку.—Теперь мы можем проследить развитие из чисто конкурентного состояния простого примера того, что обычно называют монополией, хотя при строгом использовании терминов это вряд ли можно так назвать. Это монополия, власть которой ограничена. До тех пор, пока товары, произведенные в пункте А, перевозятся в пункт В каким-либо примитивным методом, обеспечивающим присутствие конкурирующих перевозчиков, доходность от перевозки будет, как правило, покрывать только затраты. При обычной корректировке цена товара в пункте А покрывает только затраты на его изготовление, и если они вместе с расходами на транспортировку будут меньше затрат на изготовление товара в пункте С и его транспортировку в пункт В, ни один из них не поступит в пункт В таким последним способом. Производители в пункте А и перевозчики по маршруту отсюда в пункт В будут владеть рынком, и стоимость места, которую приобретают товары при доставке в пункт В, будет определяться непосредственно затратами на транспортировку.

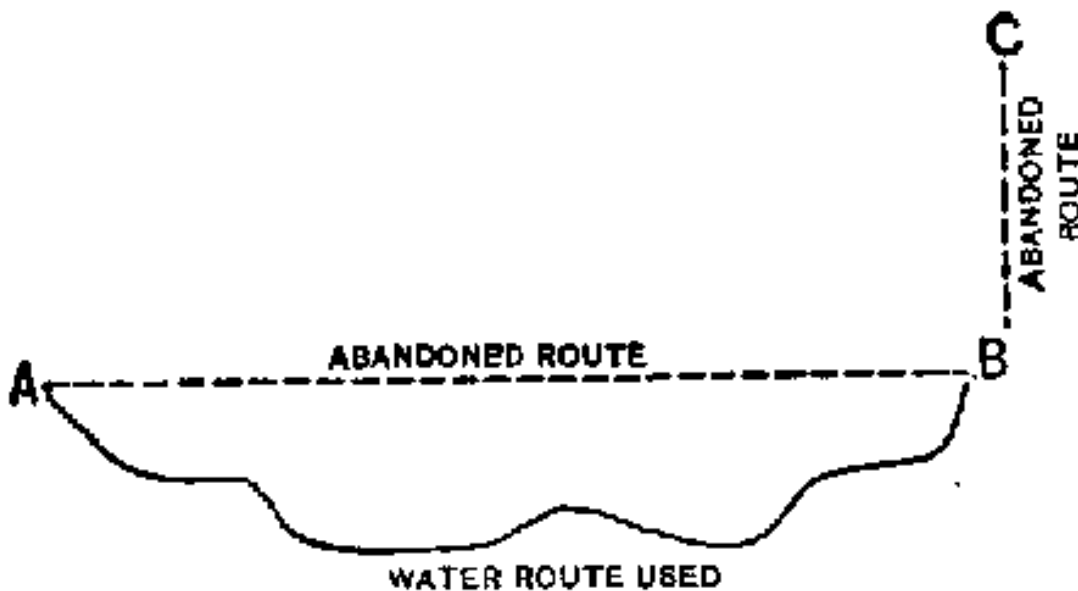
Типичный случай частичной монополии возникает, когда отсутствует эффективная конкуренция на маршруте между пунктами А и В, в то время как существует свободная конкуренция при производстве товаров как в пункте А, так и в пункте С, а также при их перевозке из пункта С в пункт В.

Цена товара в пункте А - это определенная сумма, установленная конкуренцией между производителями, а цена в пункте В - это также определенная сумма, установленная конкуренцией между различными производителями в пункте С и между различными перевозчиками между пунктами С и В. Разница между этими суммами устанавливает

предельный размер платы за транспортировку из пункта А в пункт В; но в этой операции на короткий период отсутствует эффективная конкуренция. Для простоты предположим, что сначала эта перевозка осуществляется единственным фургоном, принадлежащим его водителю, и что его плата за оказываемую им услугу почти равна разнице между затратами на изготовление товара в пункте А и на его получение в пункте В из какого-либо альтернативного источника. Таким образом, этот одинокий и честный машинист иллюстрирует практику современной железной дороги, поскольку он "взимает плату за проезд". Товары, которые он перевозит, имеют одну естественную стоимость в пункте А и другую в пункте В. Эти две стоимости определяются отдельно и способами, которые совершенно независимы от перевозчика и его политики. Когда он начинает выполнять свою работу, он взимает сумму, которая примерно равна разнице между двумя значениями.

Невозможность получения прибыли в течение длительного времени в случае примитивных перевозчиков.—С ростом трафика скоро появится прямая конкуренция. На маршрут будет пущен второй вагон, а затем и еще один, и борьба за фрахт снизит сборы до уровня себестоимости. За короткий сезон привилегированный извозчик смог получить почти всю разницу между стоимостью товара на месте его изготовления и его стоимостью на месте использования, *поскольку эти две ценности определялись независимыми причинами, к которым он не имел никакого отношения.* Теперь он и его конкуренты действительно могут получить разницу между стоимостью товара в одной точке и его стоимостью в другой; но теперь эта разница напрямую определяется стоимостью транспортировки. Эта плата, опять же, определяется стоимостью оказания услуги. Был короткий промежуток времени, когда стоимость услуги и ее стоимость составляли разные суммы; но сейчас они совпадают. Мы увидим, что существенное различие между перевозкой примитивными средствами и перевозкой по железной дороге заключается в том факте, что в последнем случае период, когда стоимость различается, значительно продлевается.

Появление более эффективного конкурента.—С ростом пассажиропотока парусное судно начинает использоваться на маршруте, соединяющем пункты А и В, и затраты на транспортировку товаров таким образом меньше, чем на транспортировку их по проезжей

части. Плата, взимаемая парусным судном, ниже, чем плата, взимаемая погонщиками, и, таким образом, товары доставляются в пункт В достаточно дешево, чтобы привлечь к водному маршруту всех перевозчиков из пункта А и положить конец всем перевозчикам из пункта С. Бывшие перевозчики между В и С теряют свой бизнес, а производители в С теряют какую-то часть своего, точно так же, как любой производитель теряет трафик, когда конкуренты занижают цену. Общество выигрывает в той мере, в какой происходит снижение стоимости товаров, доставляемых потребителям на рынке В точке В; тем не менее ситуация по-прежнему предполагает ограниченную монополию. У парусного судна теперь нет эффективного конкурента, и оно может взимать плату, "какую выдержит трафик", а это почти равно стоимости перевозки грузов вагонами. Появление судна принесло пользу обществу; однако оно рассматривается как составляющее новую монополию, и выгода, которую получает общество, меньше, чем она получит, когда появится действительно эффективный конкурент парусного судна.

Принцип, регулирующий взимание платы неравными Конкурентами.— Принцип, который в данном случае регулирует стоимость фрахта, действует во всех производственных подразделениях. Мы видели, что производитель товаров, который только что приобрел монополию на более совершенный метод, может на какое-то время взимать плату в размере стоимости товара, произведенного с помощью более низких процессов. Если производитель располагает каким-либо запатентованным оборудованием, обеспечивающим большую экономию, он не обязан сразу же устанавливать свои цены исходя из того, сколько стоят товары на его собственной фабрике, но может взимать примерно столько, сколько они стоили бы, если бы производились на более низком оборудовании, которым он пользовался ранее. Это то, сколько они все еще стоят на заводах определенных конкурентов, и, таким образом, кажется, что своего рода конкуренция устанавливает его цену на товары, которые он создает, но это конкуренция менее способных производителей, и она не приносит пользы обществу, как это сделало бы соперничество равных. Если в такой монополии, как эта, и есть зло, то это не потому, что общественность страдает от появления более дешевого метода. Улучшение обычно начинает приносить пользу потребителям в момент его появления, благодаря усилиям эффективного производителя по обеспечению безопасности трафика. Это приводит к снижению цен, хотя поначалу падение лишь незначительное, и потребитель возражает против монополии метода на том основании, что он не может получить дальнейшую выгоду. Он получит это дополнительное преимущество всякий раз, когда появится продюсер, который может конкурировать на равных с тем, кто сейчас командует на поле.

Неравная конкуренция, типичная для перевозчиков.—На нашем недавнем примере показаны аналогичные условия перевозки. Публика получает небольшую выгоду от появления парусного судна, но она не получает дополнительной выгоды, которую в конечном итоге принесет появление второго судна. Какое-то время стоимость фрахта составляет почти столько же, сколько взимают водители. Для получения более дешевых тарифов населению приходится ждать прибытия другого судна.

Причина частичной монополии на ношение.— Ничто не мешает направить по этому маршруту вторую шхуну, если ожидаемая отдача оправдывает это. Вначале новое судно будет получать лишь около половины объема перевозок, которыми пользуется первое, и ставки, вероятно, будут снижены из-за конкуренции между ними. До тех пор, пока доходность первого судна не станет крупной, ему нечего опасаться соперничества, но ясно, что его монополия держится на очень

ненадежном владении. Вряд ли удастся долго пользоваться преимуществами каких-либо сборов, которые приносят большую прибыль. Рост трафика в свое время привлечет конкурирующее судно, и правило возврата, которое покрывает только расходы, снова утвердится. Владелец первого парусного судна какое-то время мог взимать плату за "стоимость оказанной им услуги", поскольку эта стоимость определялась независимо от его собственных действий; но теперь эта стоимость сама зависит от его действий и действий конкурирующих перевозчиков, использующих тот же маршрут, и она регулируется уровнем затрат.

Эффект частично неиспользуемых сосудов для перевозки.—Этот случай иллюстрирует другой принцип, который является столь же общим. *Предприниматель*, производственные мощности которого используются лишь частично, часто может брать некоторые заказы дешевле, чем их выполнение, поскольку обычно понимаются затраты, и он все равно будет в выигрыше. Как в производстве, так и в транспортировке существуют "фиксированные сборы"; существуют затраты, которые составляют определенную сумму, не зависящую от объема перевозок, в то время как другие затраты увеличиваются по мере роста объема. Это "переменные издержки", и их необходимо дополнительно классифицировать, поскольку некоторые из них увеличиваются не так быстро, как растет бизнес, в то время как другие увеличиваются с той же скоростью, что и сам бизнес. Производители швейных машин, пишущих машинок, жаток и косилок, да и вообще машин в целом, обычно могут увеличить выпуск своей продукции без соответствующего увеличения своих затрат. Они могут производить товары и продавать их на внешнем рынке по ценам, которые нанесли бы ущерб и даже могли бы разорить их, если бы они применялись к продажам, производимым в их собственной стране. Этот факт наиболее очевиден, когда оборудование производителя не полностью работает или когда все оно работает только часть времени. В этом случае увеличение производительности является особенно дешевой операцией. Когда возможности перевозчика частично не используются — когда судно перевозит груз в одном направлении и возвращается в балласте, или когда оно отправляется в оба рейса с заполненным лишь наполовину трюмом, — оно готово перевозить дополнительные грузы по низкой цене при условии, что эта политика не деморализует его существующий бизнес. В нашем примере мы предположили, что некоторый товар производится в пункте А и потребляется в пункте В, но вполне может быть, что товары какого-то вида производятся в пункте В и потребляются в пункте А. В пункте В могут быть каменоломни, а в пункте А может возникнуть потребность в камне для мощения или строительства, и судно может перевозить обратный груз такого рода в любом случае, который не намного превышает простые затраты на его погрузку и разгрузку, и от этого будет лучше. Если вся разница между стоимостью камня в пункте В и стоимостью его добычи в пункте А из какого-либо другого источника очень незначительна, то ее количество все равно представляет собой все, что корабль может получить за перевозку камня. Максимум, на что способен трафик, — это разница в издержках; и все же бизнес будет принят, поскольку отдача превышает просто переменные издержки, которые он влечет за собой. Фиксированные платежи, проценты от стоимости судна и расходы на его содержание не должны оплачиваться какой-либо частью доходов от этого дополнительного бизнеса. Они уже предусмотрены.

Если бы вместо возвращения из пункта В с совершенно пустым трюмом судно совершило оба рейса с трюмом, заполненным только наполовину, результат был бы аналогичным. Тогда компания смогла бы предложить низкую цену за дальнейшие перевозки в обоих направлениях. Если это не влечет за собой снижения ставок за перевозку первоначального груза, судно может

перевозить дополнительные грузы с любой выгодой, превышающей просто переменные затраты.

Производство, которое выгодно, хотя и не окупает всех затрат. — Есть два общих условия, при которых расширение производства выгодно как при производстве товаров, так и при их транспортировке, хотя дальнейшая прибыль, получаемая таким образом, не покрывает всех затрат. Во-первых, производитель должен иметь неиспользуемые мощности для производства или перевозки товаров. В таком случае возможно произвести или перевезти *приращение* количества товаров, не влек за собой увеличения стоимости, пропорционального перевозимому количеству. В его бухгалтерском учете на его первоначальный бизнес возлагаются расходы в размере определенной суммы на единицу произведенных или перевезенных товаров. На его дальнейший бизнес возлагаются меньшие затраты на единицу продукции.

Во-вторых, должна быть возможность требовать отдельных и независимых возвратов за различные партии товаров, чтобы снижение ставки, взимаемой за одну часть перевозки, не повлекло за собой снижения ставки, взимаемой за другую. В случае производителя это обеспечивается либо путем доставки некоторых товаров на удаленный и полностью независимый рынок, либо путем производства какого-то нового вида товаров, низкая цена на которые никак не повлияет на продажи или цены на другие виды. В случае с перевозчиком это достигается множеством аналогичных способов. Он может принимать обратные грузы по низкой цене. Если он останавливается в разных портах на своем маршруте, он может взимать меньшую плату за товары, выгруженные в определенных портах, чем за товары, выгруженные в других. Он может классифицировать свой груз и перевозить часть его с такой скоростью, с какой он не мог бы позволить себе перевозить весь груз целиком. Однако с ростом перевозок это условие имеет тенденцию исчезать. Его существование требует, чтобы средства перевозчика использовались лишь частично. По мере того как судно приобретает все больше и больше грузов, становится невыгодно заполнять трюм товарами, за которые платят более низкие цены, чем за другие; точно так же фабрика, которая, возможно, какое-то время работала частично на товарах, дающих большую отдачу, а частично на тех, которые дают небольшую, постепенно отказывается от производства более дешевых товаров по мере увеличения спроса на более дорогие. Судно, которое может получить полный груз прибыльных товаров, перестанет уделять какое-либо место тому, что менее прибыльно. В конце концов, судно на нашем рисунке будет перевозить в обоих направлениях весь первоклассный груз, который оно может принять, и не примет ни камень, ни товары, отправленные в порты, куда их можно доставить только по самым низким тарифам.

Результат эффективной конкуренции на всем Маршруте Перевозчика. — Только что описанное условие — полная загрузка прибыльных товаров — неизбежно привлекает конкурирующее судно, и тогда начинают проявляться обычные последствия конкуренции. Суды следуют одним и тем же маршрутом, обслуживают одни и те же перевозки, и если они пытаются вести бизнес друг с другом, снижают свои сборы. Война может даже заставить их снизить тарифы до уровня, при котором покрываются только переменные издержки, — политика, которая, если ее продолжать, обанкротит их обоих; и здесь, как и в случае с железными дорогами, есть мощный мотив для объединения и прекращения войны. Обычно это приводит к просто молчаливому соглашению "живи и давай жить другим" — одновременному воздержанию от фатальной крайности конкуренции. Произведенные сокращения должны быть

общими и применяться ко всем видам перевозок, и если за каждую часть перевозимого груза не выплачивается *пропорциональная* доля фиксированных сборов, понесенных в бизнесе, перевозки осуществляются с убытками. Исходя из сделанного нами предположения, что специальное и сравнительно убыточное увеличение объема перевозок было прекращено, как только первое судно смогло использовать все свое грузовое пространство для перевозки товаров высокого класса, прибытие второго судна может привести к возобновлению менее прибыльных перевозок, поскольку лучшего судна не хватит для двух полных грузов. Более того, нормальный вид конкуренции не приведет к войне, которая доведет обоих соперников до банкротства, и оставит тарифы на уровне, при котором поступления каждого перевозчика покрывают все его расходы.[2]

СНОСКИ

[1] Случай, когда железная дорога может получить всю разницу между стоимостью товаров в пункте, из которого она их перевозит, и их стоимостью в месте доставки, но добровольно воздерживается от этого, смотрите в примечании в конце этой главы.

[2] При всестороннем обсуждении пределов платы за перевозку следует учитывать тот факт, что "то, что понесет трафик", является эластичной суммой. Зарождающаяся отрасль будет нести меньшие расходы, чем зрелая; и, более того, ставка, которую она будет нести без прекращения своего существования, может быть достаточной для сдерживания ее роста. Железная дорога может быть заинтересована в ускорении своего роста. Когда товары имеют одну стоимость в точке А и другую в точке В, железнодорожная компания может перевозить их из одной точки в другую дешевле, чем разница между затратами, потому что она хочет, чтобы отрасль в точке А росла и обеспечивала грузоперевозки. Фермеры, которые внедряют новую культуру в отдаленной от рынка части страны, могут быть поощрены ставкой за выращивание, которая оставляет им определенную прибыль. Именно тогда, когда отрасль производства более близка к своим естественным размерам, плата за транспортировку ее продукта имеет тенденцию приближаться к своему наивысшему пределу.

ГЛАВА XXIV

ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНИМЫ К ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПРОБЛЕМЕ

Простые случаи взимания платы, "Сколько выдержит трафик". — Ценность изучения примитивных перевозчиков и их политики заключается в том факте, что оно иллюстрирует принципы, применимые к перевозкам по сложной системе железных дорог, хотя в этом последнем случае их нелегко распознать. Несовершенная конкуренция - это то, что существует в отделе ношения. Пока у железной дороги нет конкурентов, она может, в некоторых случаях, взимать плату за перемещение товаров из одного пункта в другой примерно столько, сколько затраты на их изготовление в последнем пункте превышают затраты в первом. Это самый простой случай взимания платы за трафик. Или, опять же, в третьей точке ситуации могут доминировать производители, которые могут производить товары и доставлять их в то место,

которое мы можем назвать рынком, за меньшие затраты, чем затраты на их производство непосредственно в этом последнем месте. В таком случае дорога может потребовать сумму, почти равную той, на которую затраты на изготовление товаров в доступном третьем пункте и их транспортировку на тот, который является их рынком сбыта, превышают затраты на их изготовление в названном первом месте; и это немножечко более простой случай взимания платы за проезд. Это присвоение разницы между двумя естественными величинами, ни одну из которых сама железная дорога не фиксирует.

Начисления, основанные на различных видах затрат.— Тарифы железной дороги могут быть ограничены конкуренцией неполноценных перевозчиков, которые используют свой собственный маршрут, таких как водители, чьи вагоны ездят по шоссе общего пользования, проходящему параллельно ее собственным путям. Здесь сборы основаны на издержках, но не на тех, которые несет железная дорога. Это издержки, которые несут водители поездов; и если у железной дороги большой бизнес, ее собственные издержки меньше, и она получает прибыль. Сборы могут основываться на затратах, понесенных более экономичными перевозчиками, такими как владельцы судов, и в таком случае ставка, которую может получить железная дорога, может быть меньше ее собственных затрат, если они рассчитаны простым способом путем деления общих затрат на общее количество перевезенных единиц груза. Ставка основана на расходах судовладельцев, и они настолько низки, что могут обанкротить железную дорогу, если она снизит все свои сборы до такого уровня. Таким образом, это снижает их только на конкретном маршруте, где встречается конкуренция на воде, и удерживает их в других местах на более высоком уровне. В случае перевозок по железной дороге по таким маршрутам "стоимость перевозок" определяется низкими сборами, установленными судами; а это означает, что она определяется определенной стоимостью перевозки грузов между самими пунктами, которые соединяет железная дорога.

Исключительная важность фиксированных сборов в случае железных дорог. Железная дорога, в только что упомянутом случае, устанавливает свои ставки ниже издержек, поскольку они рассчитываются простым способом, но сохраняет самую низкую из них несколько выше переменных издержек, которые мы определили; и здесь проявляется важный факт, что постоянные издержки, понесенные железной дорогой, составляют беспрецедентно большую часть ее общих расходов. Проценты с затрат на дорожное полотно, железнодорожные пути, мосты, туннели, терминалы и т.д. - это то, для чего нет справедливой аналогии в случае с вагонами или судами. Это первый уникальный факт, касающийся железных дорог и их политики; и второй заключается в том, что они очень долго остаются в том промежуточном состоянии, которое мы проиллюстрировали на примере судна, которое имело лишь частичный груз и было вынуждено осуществлять некоторые перевозки по особой и низкой ставке. В течение многих лет железная дорога использует свой завод лишь частично; и до тех пор, пока это так, ее естественной политикой является жесткая дискриминация между различными частями ее бизнеса. Третье важное отличие железной дороги от других перевозчиков проявляется, когда, хотя ее пропускная способность все еще используется лишь частично, она сталкивается с прямым соперничеством других железных дорог, которые стремятся к бизнесу; тогда конкуренция принимает форму, которая непреодолимо толкает участников к какому-либо объединению. Союз может быть негласным или формальным, и он может зависеть от личных отношений или от некоторого слияния корпораций; но к чему-то, что заставит соперничающие линии действовать одновременно и с взаимной терпимостью, ситуация подталкивает их с уникальной силой.

Таким образом, общие характеристики железнодорожных тарифов таковы —

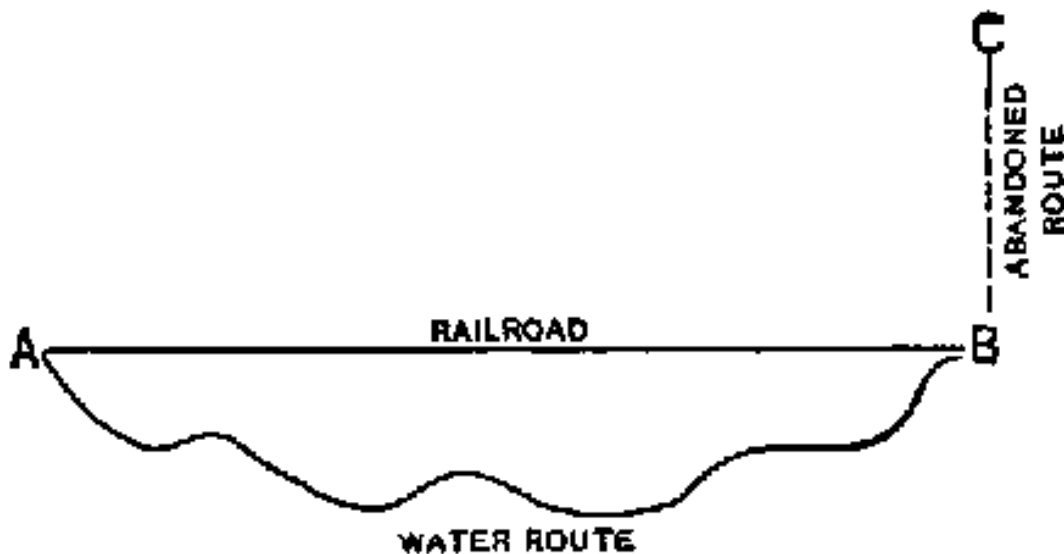
- (1) Некоторые сборы, основанные на разнице между естественной стоимостью товара в пункте отправления и его стоимостью в пункте доставки, поскольку эта последняя стоимость определяется причинами, не зависящими от тарифов, взимаемых за перевозку между двумя пунктами;
- (2) Корректировка других сборов в соответствии с расходами, понесенными независимыми перевозчиками, работающими между одними и теми же пунктами;
- (3) Исключительная важность "постоянных издержек" железной дороги и резко различающиеся ставки, к которым это приводит;
- (4) непреодолимый мотив объединения, когда возникает прямая конкуренция между железными дорогами, соединяющими одни и те же пункты.

Мы говорим о состоянии железных дорог как о промежуточном состоянии, потому что это состояние, из которого естественное развитие выводит других перевозчиков, когда их возможности по обслуживанию полностью используются. Та же причина — полная загрузка заводов — имела бы аналогичный эффект в случае с железными дорогами; но причина так медленно вступает в полную силу, что мало кто думает о том, что это вообще влияет на проблему. Проблема платы за фрахт на железных дорогах обычно рассматривается так, как если бы промежуточному состоянию было суждено оставаться вечным. Однако совершенно верно, что полное использование заводов железных дорог привело бы к выводу их из этого состояния. Если бы рост бизнеса произошел после того, как была осуществлена комбинация, это, как правило, положило бы конец резкой дискриминации, к которой привела страстная погоня за перевозками. Разным грузоотправителям было бы легче обеспечить одинаково благоприятный режим. Перевозка грузов низкого качества была бы менее желательной, поскольку в противном случае пространство, которое для этого потребовалось бы, могло бы быть доступно для бизнеса более прибыльного рода, и ставки на такие перевозки выросли бы. Увеличение объема перевозок позволило бы получать большие дивиденды без увеличения сборов за перевозки более низких классов и при значительном снижении сборов за перевозки более высоких классов; но для обеспечения такой корректировки не было бы никакой экономической силы. Государство путем позитивного регулирования могло бы обеспечить это и могло бы более или менее приблизить доходы и сборы железных дорог к нормальным стандартам, которые преобладают там, где действует конкуренция; но если бы конкуренция здесь только начиналась, она привела бы к совершенно иным результатам. Это восстановило бы старое состояние частично используемых вагонов, путей и т.д. И вызвало бы новую напряженность в дорожном движении, что привело бы к тому, что часть грузов бралась бы по очень низким тарифам, но привело бы к неизбежной консолидации и более высоким сборам.

В целом отраслевая конкуренция имеет тенденцию регулировать цены таким образом, чтобы приносить проценты на капитал, заработную плату за все виды труда, включая труд управленца, и ничего более, и этого результата везде требует рост бизнеса в сочетании с теоретически нормальным и совершенным действием конкуренции; но особенности конкуренции между железными дорогами не приводят к эволюции, которая дала бы этот результат. Объединение осуществляется задолго до того, как доходы от общего трафика станут нормальными и до того, как доходы от разных его частей будут приведены в законное соответствие друг с другом. После

объединения конкурирующих компаний железные дороги продолжают находиться в том промежуточном состоянии, в котором эффект неиспользованной пропускной способности естественным образом сказывается на сборах, которые сильно различаются между различными населенными пунктами и между различными видами грузов. Железнодорожное движение действительно начинает следовать тому курсу, который мы проиллюстрировали на примере водного транспорта. Требуется несколько шагов в этом направлении, но дальнейший прогресс затем останавливается комбинациями.

Фундаментальные законы экономики все еще действуют. Существует статический стандарт фрахтовых сборов, и можно составить некоторое представление о том, какими были бы фактические сборы, если бы силы, которые в других местах стремятся привести цены к их теоретическим стандартам, могли здесь действовать беспрепятственно. Препятствия, однако, таковы, что определенно исключают такой результат. Ставки не становятся в истинном смысле нормальными. Даже при такой активной конкуренции, какая иногда существует, они не становятся таковыми, в то время как без конкуренции они никогда не стремятся стать такими. Однако было бы грубой ошибкой предполагать, что статические стандарты вообще не применимы к железнодорожным перевозкам. Весь предмет легче всего понять, когда эти стандарты сначала определены, а затем отдельно изучаются сбивающие с толку факторы, которые не позволяют фактическим расценкам соответствовать им. Существуют факторы, которые приводят различные тарифы железных дорог к определяемому расстоянию от нормальных стандартов.

Ситуацию с железными дорогами мы берем такой, какой мы ее находим, — ситуацию полной консолидации в случае многих дорог и гармоничных действий, или квазиконсолидации, в случае других. Как правило, их сборы устанавливаются стоимостью места, которую они создают, поскольку эта стоимость определяется факторами, отличными от самих сборов. Может показаться, что плата за хранение фиксирует стоимость места. Все, что требует железная дорога для перевозки грузов из пункта А в пункт В, измеряет повышенную стоимость, которую они получают при перемещении; но если бы они обладали в пункте В той же стоимостью, что и

сейчас, даже если бы железной дороги вообще не существовало, очевидно, что именно эта стоимость за вычетом стоимости товаров в пункте А определяет плату за перевозку, а не то, что эти сборы фиксируют стоимость места. Мы видели в очень простых и общих случаях, как работает этот принцип, и теперь должны очень кратко проследить его действие на примере системы железных дорог. Специальный метод расчета затрат, о котором мы говорили, является важным элементом этого процесса.

"Калькуляция затрат" сравнительно проста в бухгалтерском учете конкурирующих производителей.—При изучении обычных отраслей промышленности мы столкнулись с условиями, которые упрощают бухгалтерский учет производителя и заставляют его относить все свои затраты пропорционально всему своему продукту. Если его товары и товары его конкурентов относятся к одному виду и продаются на одном рынке, снижение цены на любую часть продукта влечет за собой соответствующее снижение объема производства в целом. Невозможно выделить какую-либо конкретную надбавку для снижения цены и оставить ставку неизменной для остальной части. Там, где продукты бывают разных видов, можно провести их классификацию таким образом, чтобы получить большую прибыль от одних, небольшую - от других и вообще никакой - от третьих. Когда конкуренция не выполняет свою работу в полной мере, нечто подобное происходит во многих сферах бизнеса. Неравная выгода от разных частей продукции сохраняется еще долгое время после того, как были реализованы некоторые эффекты конкуренции. В конце концов, однако, она должна уступить, если конкуренция сама выполнит свою работу в полном объеме, и всякий раз, когда мы героически придерживаемся гипотезы статического состояния, мы исключаем это неравенство обвинений. Соперники, борющиеся друг с другом за прибыльный бизнес, доводят цены на товары, приносящие наибольшую прибыль, до такого уровня, что фабрика, производящая этот вид товаров, будет платить пропорционально своему капиталу не больше, чем фабрика, производящая другие виды товаров. Общая стоимость производства, как постоянная, так и переменная, в то время, как мы видели, была бы едва покрыта и могла бы быть правильно распределена пропорционально между всеми частями продукта.

Влияние расширения бизнеса на сравнительные издержки.—Конкуренция такого совершенного вида не существует на производстве и далека от того, чтобы существовать в отделе транспортировки, и важно знать, существует ли какая-либо тенденция к выравниванию издержек в связи с ростом бизнеса и обострением соперничества. Упрощение способа расчета затрат. Когда у завода больше заказов, чем он может выполнить, те, от которых он хочет избавиться, приносят наименьшую прибыль. Они обременяют фабрику и препятствуют выполнению более прибыльных заказов; и естественным способом сокращения объема этой нежелательной части продукции является повышение затрат на нее. Это происходит без особой помощи со стороны конкуренции, поскольку, когда все производители обнаруживают, что их мощности перегружены, у них нет мотива для острой борьбы за бизнес. Занижение цен преследует цель привлечения бизнеса конкурентов и является нерациональной операцией, когда у всех достаточно заказов и их не хватает. Конкуренция в значительной степени ослабевает, когда бизнес, который может быть у любого человека, в избытке.

Эти принципы применимы к перевозке.—То, что мы здесь утверждаем относительно товаров, произведенных независимыми заводами, было бы справедливо и для товаров, перевозимых независимыми судами, если бы они курсировали между одними и теми же двумя портами без промежуточных остановок. Если бы их пропускная способность в какой-либо момент была

перегружена, они не снизили бы сборы на более высоких классах, но повысили бы их на более низких классах, и классификация грузов отчасти утратила бы свое значение. Снижение сборов за перевозки высоких категорий грузов произойдет тогда, когда прибыль бизнеса привлечет новых перевозчиков, которые, естественно, будут стремиться к наиболее высокооплачиваемым перевозкам, пока все виды перевозок не будут платить примерно одинаково. В этом случае способ подсчета затрат может стать простым — *пропорциональное* распределение общих затрат между всеми подразделениями бизнеса.

Условие единообразной калькуляции никогда не применялось на железных дорогах. — В настоящее время на железных дорогах не выполняется ни одно из существенных условий уравненных сборов и единой калькуляции затрат, и есть только одно из них, которое приближено. Отдельные рынки для различных частей трафика предусмотрены характером бизнеса. Каждая точка, в которую доставляются товары, представляет собой такой особый рынок, и услуга доставки товаров на него оплачивается определенным кругом клиентов. Из этого следует, что некоторые ставки могут быть снижены, не затрагивая другие, и это регулярно происходит. Второе условие, заключающееся в максимально возможном использовании пропускной способности железных дорог, достижимо, но оно очень отдаленно. Временами возникает скопление грузов, и, в целом, мощности существующих станций используются в большей степени, чем это было раньше; но за счет увеличения подвижного состава они могли бы перевозить больше, чем они перевозят, и дополнительные перевозки обошлись бы намного дешевле, чем та часть, которая уже перевозится. Более того, без увеличения подвижного состава во многих пунктах можно было бы добиться весьма значительного увеличения перевозок. В-третьих, конкуренция между железными дорогами в настоящее время недостаточно эффективна, чтобы снизить более высокие сборы и упростить возврат средств и издержек. Объединение происходит задолго до отмены дискриминационных сборов. Низкосортные грузы продолжают перевозиться бок о бок с высокосортными, которые оплачиваются лучше. Сборы в конечных пунктах остаются низкими, в то время как сборы в промежуточных пунктах высоки. В некотором смысле можно сказать, что тенденция к прекращению этих практик существует, но этой тенденции настолько эффективно сопротивляются, что ее естественные результаты реализуются лишь в малой степени. Если поперек водохранилища построена плотина, удерживающая воды с одной стороны на десять футов выше, чем с другой, можно сказать, что воды имеют тенденцию достигать равномерного уровня, поскольку сила тяжести действует в этом направлении; но плотина препятствует этой тенденции. И вот в работу железных дорог вмешивается нечто такое, что сдерживает силу конкуренции или устраняет ее совсем, задолго до того, как дискриминация в тарифах на перевозку будет устранена или значительно снижена.

Промежуточное состояние, ставшее относительно Постоянным. Как мы уже говорили, состояние движения на железных дорогах аналогично тому, которое в случае производителей и примитивных перевозчиков рассматривалось бы как переходное состояние, которое вскоре останется позади; но в случае железных дорог оно относительно постоянное. Это состояние, при котором энергично действуют определенные естественные экономические силы, и, если бы им не противодействовали другие силы, они в конечном итоге внесли бы естественные коррективы и установили нормальные тарифы как для перевозчика, так и для производителя. В этом промежуточном состоянии естественным силам противодействуют, и корректировки никогда не вносятся, и то, что нам нужно изучить, - это степень их приближения.

Простой случай специальных затрат, применяемых к определенным перевозкам.—

Предположим, что А и В соединены железной дорогой, в то время как С и В соединены шоссе, по которому транспортировка осуществляется примитивными средствами - лошадьми и повозками. Это похоже на один из случаев, о которых мы уже говорили, за исключением того факта, что перевозчиком по более длинному маршруту является железная дорога. Предел того, что может получить железная дорога, - это естественная разница между затратами на изготовление товаров в пункте А и совокупными затратами на их изготовление в пункте С и доставку в пункт В. Это определенно ограничивает железнодорожные сборы. Какую бы разницу в затратах железная дорога ни имела, она может получить, если захочет, и за исключением любых вычетов, которые она может сделать, чтобы стимулировать производство на уровне А и обеспечить движение для себя, она ее получит. Тариф, установленный для железной дороги, может быть достаточным для покрытия общих расходов, связанных с этой частью ее перевозок, по простому *непропорциональному* плану калькуляции затрат, или, с другой стороны, он может покрывать только часть постоянных затрат или вообще не покрывать никакой части. Это означает, что стандарт, который устанавливается из-за разницы в стоимости товаров в пунктах А и В, может приносить прибыль железной дороге, а может и не приносить. Если она настолько мала, что не покрывает даже переменных затрат на перевозку грузов, железная дорога не будет их перевозить, и поставкам будет разрешено поступать из С, а не из А. Если это покроет больше, чем эти переменные затраты, дорога примет и перевезет груз. Если перевозки обеспечивают сколько-нибудь заметную маржу сверх переменных издержек, политика железной дороги будет заключаться в том, чтобы сделать свои сборы достаточно низкими, чтобы привлечь перевозки, и это немного снизит рыночную стоимость товаров на В и сделает ее ниже затрат на их закупку у С. Таким образом, железная дорога обеспечит безопасность всего движения, за исключением того, которое поступало из С. Если затраты на изготовление товаров в пунктах А и С одинаковы, то плата за перевозку из пункта А в пункт В будет ровно настолько ниже общих затрат на перевозку в вагонах из пункта С в пункт В, чтобы остановить перевозку по этому более короткому маршруту и присвоить весь бизнес; но эта плата может не покрывать общих затрат на перевозку из пункта А. Это может дать лишь незначительную прибыль по сравнению с переменными издержками, связанными с этой частью бизнеса железной дороги. Таким образом, представляется, что этот перевозчик может с выгодой принять груз по ставке, которая при совершенно нормальном ведении бухгалтерского учета ниже себестоимости, в то время как водители на дороге из С не могут этого сделать.

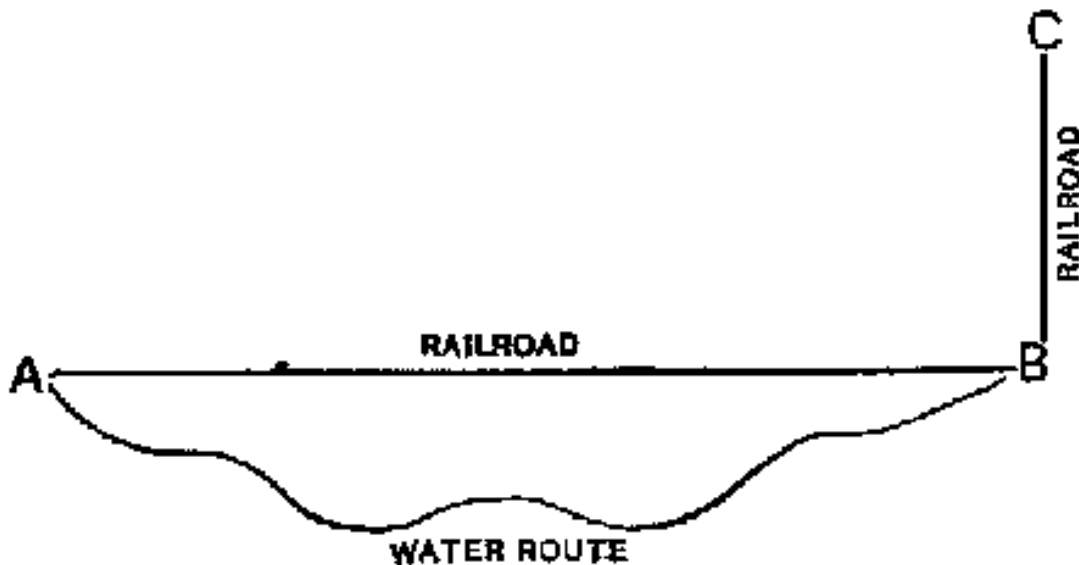

Второй случай, когда перевозка осуществляется на любую сумму, превышающую переменные затраты.—Теперь предположим, что существует железная дорога от С до В, а также железная дорога от А до В. В настоящее время существует конкуренция между производителями в А и перевозчиками из А в В, с одной стороны, и производителями в С и перевозчиками из С в В, с другой стороны; и то из этих квазипартнерств, которое доставляет товары в В по более низкой цене, получает весь трафик. Согласно нашему предположению, производители в обоих местах предлагают товары по себестоимости, и любое снижение цен, которое должно быть произведено, должно быть произведено перевозчиками. Снижение цен на товары на заводах в любом населенном пункте привело бы к банкротству некоторых из них. Мы предположим, что между железными дорогами нет консолидации и никаких других средств одновременного действия, и что, таким образом, весь трафик будет направляться по маршруту, по которому установлены более низкие тарифы. Для простоты мы по-прежнему будем придерживаться предположения о равных затратах на производство и неодинаковых затратах на транспортировку. По мере снижения платы за перевозку та или иная железная дорога достигнет точки, когда переменные затраты на эти перевозки едва покрываются, в то время как на другой линии они более чем покрываются. Там, где соперничество никоим образом не смягчается, плата, взимаемая конкурирующими дорогами, падает до уровня, при котором доходность покрывает только переменные издержки, понесенные одним из конкурентов, хотя в случае с другим она может быть несколько выше.

Как покрываются постоянные затраты.— Это действительно подразумевает, что фиксированные расходы на обеих дорогах должны каким-то образом покрываться за счет доходов от других перевозок; и это предположение соответствует фактам. Война за фрахт может временно поднять тарифы до уровня, при котором часть перевозок не покрывает переменные затраты и когда общий объем перевозок не покрывает общих затрат. Такая ситуация не может продолжаться долго, и естественным изменением в условиях активной конкуренции является такое изменение, при котором ставки на трафик, за который борются две линии, чуть ниже переменных затрат, понесенных одной линией, но выше тех, которые несет другая. Ничто не мешает более сильной железной дороге снизить таким образом свои тарифы, привлечь к себе весь объем перевозок и положить конец соперничеству другой линии. Это означало бы банкротство для этой линии, если бы у нее не было других источников дохода.

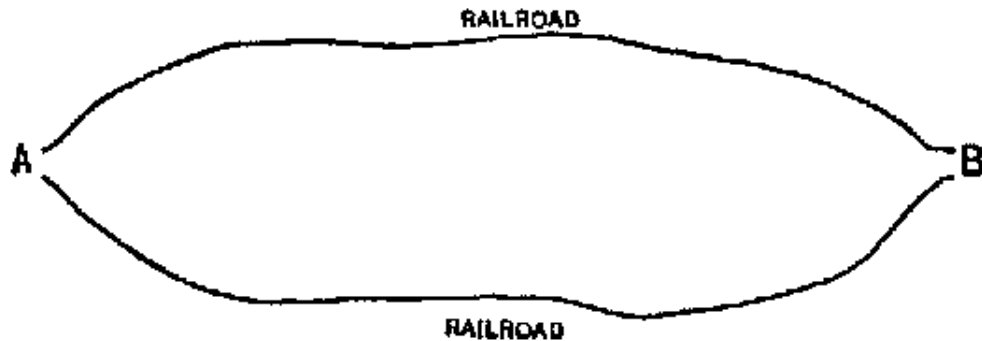
Влияние банкротства на издержки.—Банкротство означает снижение фиксированных сборов железной дороги до такого уровня, чтобы общий объем перевозок мог их покрыть; но это не позволяет компании возобновить бизнес, который не принесет достаточной прибыли для покрытия переменных затрат. Придерживаясь предположения, что между конкурирующими

линиями нет взаимопонимания, пула и других подходов к консолидации, мы можем с уверенностью сказать, что общее правило, которое в других странах регулирует ставки, остается верным и здесь. Две дороги, активно конкурирующие за одинаковый трафик, как правило, доводят сборы до уровня, при котором переменные сборы, связанные с этим трафиком на одном маршруте, не совсем покрываются, и трафик переходит на другую линию.^[1]

Принцип, регулирующий конкуренцию между железными дорогами и морскими перевозчиками. — В третьем случае между A и B может быть также железная дорога и водный маршрут, в то время как между C и B есть только железная дорога. Исходя из сделанного нами предположения, что конкуренция между перевозчиками по воде сделала свое дело в полной мере, плата за перевозку чего—либо по воде из пункта A в пункт B должна быть достаточной для покрытия *пропорциональной* части общих расходов. Этого может быть достаточно для покрытия чисто переменных затрат, связанных с эксплуатацией железной дороги, а может и нет. Если этого не произойдет, железная дорога не возьмет на себя никакой части бизнеса, кроме той, которую она может взять на себя из-за большей скорости, с которой она может перевозить грузы. Если, однако, общие затраты на перевозку по воде на приемлемую величину превысят чисто переменные затраты на перевозку по суше, железная дорога сможет взять на себя перевозки. Если этот транспорт направляется по водному маршруту, плата, взимаемая железной дорогой от C до B, регулируется простым правилом. Эта железная дорога может получить естественную разницу между стоимостью товаров в пункте C и стоимостью аналогичных товаров, произведенных в пункте A и доставленных по воде в пункт B. Если железная дорога обеспечивает движение между пунктами A и B, а водный маршрут прекращается, ситуация становится такой же, как та, которую мы уже рассматривали, — транспортировка осуществляется со скоростью, которая не позволяет одной из линий покрывать свои чисто переменные издержки и обеспечивает весь трафик для другой линии. Перевозка из пункта A в пункт B осуществляется по суше или по воде, в зависимости от того, меньше переменные издержки в первом случае или *пропорциональная* доля общих издержек в другом; и ничто не может быть перевезено из пункта C в пункт B, если оно не может быть доставлено в пункт B по цене, столь же низкой, как товары, произведенные в пункте A, и транспортируемые по только что описанному тарифу. Если затраты на размещение в пунктах A и

С равны и есть три перевозчика, ищущих трафик, как предполагается, естественным результатом будет передача всего бизнеса тому, кто предложит за него самую низкую цену. Любая железная дорога предложит цену на уровне переменных издержек, связанных с перевозками; в то время как владельцы судов предложат цену не ниже ставки, покрывающей расходы обоих видов.^[2]

Случай железных дорог, имеющих общие конечные пункты.—В четвертом случае, помимо других перевозчиков, существуют две железные дороги между пунктами А и В, которые конкурируют за перевозки в этих конечных пунктах, но не в промежуточных. Их возможности для сквозного движения одинаковы. Местное движение на разных линиях отличается, поскольку на него влияет характер регионов, через которые проходят железные дороги; но сборы, взимаемые за местное движение, регулируются сравнительно простыми принципами, которые мы изложили вначале. В борьбе за доставку грузов на промежуточные станции мы можем сказать, что железной дороге приходится конкурировать с вагонами на шоссе, но нет ничего более эффективного. Следовательно, сборы за местные перевозки могут быть чрезвычайно высокими, в то время как, если железные дороги действительно конкурируют так энергично, как того требует чистая теория, и если нормальные результаты конкуренции полностью реализованы, ставки, которые могут поддерживаться между пунктами А и В для любых перевозимых грузов, будут не выше тех, которые покрывают переменные издержки, связанные с маршрутом, который является менее экономичным из двух. Линия, которой этот тест присваивает трафик между пунктами А и В, должна затем выдержать дальнейшие испытания, которые мы описали, — те, которые участвуют в борьбе за бизнес с перевозчиками, использующими соответственно водный маршрут и железную дорогу от пункта С до пункта В.

Условие, ведущее к снижению постоянных затрат.— Можно с уверенностью предположить, что на одной из двух железных дорог от А до В местное движение больше, чем на другой. Возможно, что даже при таком преимуществе его общая прибыль всех видов может оказаться недостаточной для покрытия общих затрат. В этом случае общая прибыль от любого менее выгодного маршрута должна быть еще меньше суммы, необходимой для покрытия всех расходов; и если мы будем придерживаться предположения, что ни консолидации, ни чего-либо похожего на нее не происходит, мы имеем случай, когда обе железные дороги должны подвергнуться реорганизации. Фиксированные сборы на лучшем маршруте должны быть уменьшены, и кредиторы этой железной дороги должны смириться с убытками, в то время как на другом маршруте фиксированные сборы должны быть снижены еще больше, и кредиторы должны понести большой убыток. Само собой разумеется, что перспектива такого бедствия означает консолидацию. Очевидно, с какой альтернативой сталкиваются конкуренты в случаях,

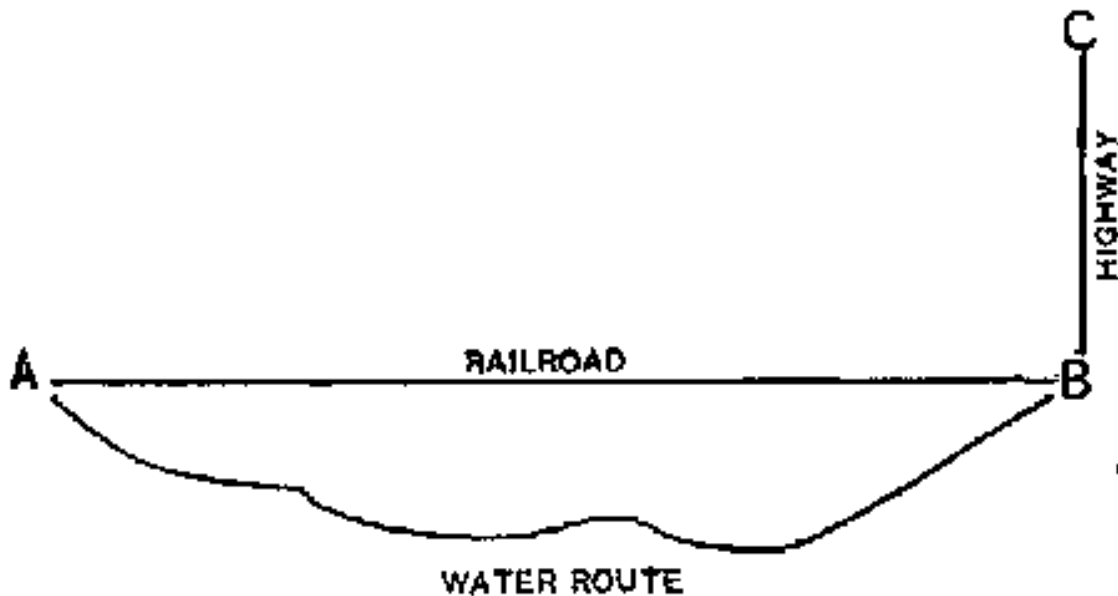
когда героическая конкуренция продолжается до победного конца. Как правило, это нереализованная альтернатива. Одной перспективы связанного с этим бедствия достаточно, чтобы положить конец независимой деятельности различных железных дорог. При существующих сейчас возможностях комбинирования для достижения этого достаточно гораздо меньшего стимула.

Случай железных дорог, все маршруты которых параллельны. — Мы должны рассмотреть только еще один типичный случай, чтобы иметь в своем распоряжении достаточное их количество для установления общих принципов, регулирующих сборы за перевозку грузов по железным дорогам. Вариаций можно перечислить бесчисленное множество; и, действительно, опыт железнодорожной системы этой страны допускает эти вариации и показывает результаты, вытекающие из условий, которые они создают. Железные дороги могут представлять собой строго параллельные линии, идущие по одному и тому же маршруту и конкурирующие как за местное, так и за сквозное движение. Если случай, который мы недавно рассмотрели, гарантирует консолидацию, — и действительно, все случаи, о которых мы рассказали, мощно подталкивают компании к этому, — этот последний случай делает консолидацию вдвойне надежной. Строго параллельные железные дороги, конкурирующие за движение по всем своим маршрутам, и ни объединение, ни демонстрация каких-либо подходов к объединению были бы невозможны. Постоянная конкуренция тогда означала бы снижение всех издержек до уровня, установленного переменными издержками, что не оставило бы никаких доходов для покрытия постоянных издержек и привело бы компании к банкротству, от которого даже реорганизации не смогли бы их избавить, поскольку они не могли уничтожить все постоянные издержки.

Случай задержки развития. — Очевидно, что во всей политике железных дорог тот факт, что их пропускная способность никогда не использовалась полностью, играет очень важную роль. Это делает различие между постоянными и переменными затратами ведущим элементом при корректировке расходов. При полном использовании пропускной способности железных дорог, как и пропускная способность судна, которое перевозит полный груз в каждом рейсе, это различие потеряло бы большую часть своего значения. В этом случае расширение бизнеса потребовало бы расширения каждой части завода и, таким образом, повлекло бы за собой новые постоянные затраты, которые пришлось бы относить на счет нового бизнеса. По мере того как интенсивность движения на любой железной дороге приближается к максимуму, затраты, которые влечет за собой каждое отдельное дополнение к ней, становятся все больше и больше. Когда машин мало и они заполнены только наполовину, увеличение трафика влечет за собой очень небольшое увеличение расходов. Когда вагоны заполняются и для новых перевозок требуется закупить их больше, стоимость этого дополнения к трафику становится выше. Когда дальнейшие дополнения к перевозимому грузу требуют расширения железнодорожных путей, дворовых помещений, складских помещений и т.д., Они обходятся намного дороже, чем предыдущие дополнения; и новые партии грузов в конечном итоге обходятся почти столько же за единицу, сколько общая стоимость предыдущих перевозок, когда все расходы были списаны на них. Железная дорога приближается к состоянию

упомянутых полных судов, при котором для дальнейших грузов требуются дополнительные суда со всеми вытекающими отсюда расходами. Различие между различными видами калькуляции затрат постепенно стирается, и железные дороги неуклонно приближаются к тому конечному состоянию, к которому быстрее приближаются другие перевозчики, при котором каждая часть перевозимого груза должна нести свою долю связанных с этим общих затрат. Однако задолго до достижения этого состояния происходит объединение, и движение фрахтовых сборов к их статическому стандарту приостанавливается.

Стандарт фрахтовых сборов при режиме монополии. Консолидация, настолько полная, что она объединила бы все конкурирующие линии под единым управлением и объединила бы все их доходы, восстановила бы первоначальное состояние, описанное в связи с одним из наших примеров — состояние единой железной дороги между A и B, имеющей в качестве конкурентов только парусные суда и вагоны. Он способен взимать плату за трафик в простом и буквальном смысле этого слова. Консолидированные строки могут, при желании, получать для каждого бита переноса разницу между стоимостью товаров в точке, где они приняты, и их стоимостью в точке, где они доставлены. Эти значения примерно такие, какими они были бы, если бы не существовало железной дороги. Перевозка, осуществляемая самой железной дорогой, не участвует в их расчете. Естественная стоимость товара в пункте A - это стоимость его производства там, а стоимость в пункте B - это либо стоимость его изготовления в пункте B, либо стоимость изготовления в пункте C и перевозки в вагонах в пункт B, либо стоимость изготовления в пункте A и доставки по воде в пункт B. В любом случае существует естественный и простой процесс установления затрат как на уровне A, так и на уровне B, и разница между ними - это предел, до которого железная дорога может увеличить свои расходы, если захочет. Там, где бизнес, осуществляющий перевозку грузов, развит не в полной мере, железная дорога может снизить свои сборы ради того, чтобы позволить ему расширяться. Надежда на увеличение трафика в будущем может привести к снижению спроса в настоящем. Мы увидим, какие другие факторы могут удерживать сборы ниже их возможного уровня; но естественная разница между двумя местными ценностями товаров является основой платы за их перевозку из одной точки в другую. Объединенные линии, если бы у них была такая же совершенная монополия на перевозки по железной дороге, как у единой линии на нашем примере,

основывали бы свои сборы на этом простом принципе, хотя по ряду причин они могли бы брать не все, что позволяет этот принцип.

Как работает несовершенная консолидация.—Несовершенная консолидация, когда она следует за периодом острой конкуренции, сталкивается с препятствиями, которые препятствуют полному осуществлению этой политики. Многие ставки стали намного ниже, чем предполагало бы правило монополии, и на пути их повышения возникают трудности. Слабое сочетание параллельных линий может удерживать расходы в рамках, отчасти из опасения, что более крупные могут дать слишком большой стимул к тайному снижению тарифов и таким образом могут развалить профсоюз, а отчасти из уважения к тому, что могут сделать люди, если требования железных дорог станут слишком высокими. Более совершенным формам консолидации не стоит опасаться первой из этих опасностей; и если, не будучи сдерживаемыми государством, их расходы остаются умеренными, это происходит главным образом из-за того, что другие, менее прочно консолидированные линии не могут безопасно добиться радикального повышения ставок, и это часто препятствует такому курсу в случае линий, которые в противном случае были бы в состоянии пойти на это.

Ограничения на расходы Системы сильно консолидированных линий.—Это означает, что там, где огромная система железных дорог, занимающая всю обширную территорию, настолько прочно консолидирована, что обладает полной монополией на железнодорожные перевозки внутри региона, на нее все еще косвенным образом влияет возможное соперничество линий вообще за пределами ее территории. Чрезмерная плата за фрахт из Чикаго в Нью-Йорк может привести к перевозке по железной дороге из Чикаго в Норфолк, а оттуда водным путем в Нью-Йорк. Это может привести к тому, что зерно, мука и т.д. Будут поставляться в Европу из южных портов, а не из портов на атлантическом побережье. Эти и другие случаи не подпадают под принципы, существенно отличающиеся от уже изложенных, но они требуют применения тех же принципов в сложных условиях, которые наше исследование слишком краткое, чтобы охватить. Существует предположительный случай, когда почти все, что могла бы обеспечить любая железная дорога, соединяющая Чикаго с Атлантическим побережьем, даже если бы каждая линия на территории между ними была собственностью одной корпорации, были бы переменными затратами на перевозку товаров по линии, идущей в порт на Мексиканском заливе. Размышление легко покажет, как уже изложенные принципы применимы к этому случаю и другим.

Последствия общей и сильной консолидации.—Поскольку все торговые линии в этой стране и Канаде находятся в сильной консолидации, повышение ставок до предела, установленного принципом естественной стоимости места, или значительно ближе к нему, неизбежно произойдет, если только власть государства каким-либо образом не предотвратит это. Железные дороги могли бы получить разницу между стоимостью товаров в пункте А, в показательном случае, и стоимостью их изготовления или закупки в пункте В, не используя соединительную железнодорожную линию. Когда апелляция к государству только назревает, — когда власть правительства еще не реализована, но нависает над каждой железной дорогой, которая устанавливает необоснованные сборы, — ставки могут быть в значительной степени сдержанными. Здоровое уважение к *возможностям* законодательства здесь заменяет действующие законы. Уважение к закону проявляется до его вступления в силу и может быть равносильно представлению ставок несовершенным и нерегулярным образом на утверждение государства. Этот эффект, когда он будет реализован, частично следует приписать законам,

которые никогда не будут приняты. Просто потенциальный закон — тот, который люди, вероятно, потребуют, если их сильно спровоцируют, но не иначе, — может оказаться более сильным сдерживающим фактором, чем перспектива принятия более умеренного законодательства. В целом, значительная часть экономического законодательства будущего, несомненно, будет вызвана требованиями слишком жестоких действий, которые нельзя предпринять иначе, как в случае серьезной провокации. Страх перед суровым наказанием обеспечивает осторожную политику в отношении увеличения сборов, которые были установлены в условиях переходного режима конкуренции. Частичные монополии, придерживающиеся тарифов, многие из которых были созданы под давлением конкуренции — таковы железнодорожные системы Америки. Существующие условия демонстрируют некоторые последствия прекратившейся конкуренции и законодательства, которое так и не было принято. По мере того, как комбинации будут становиться все больше и сильнее, ситуация повсюду будет становиться все более и более похожей на ту, которая существовала на местном уровне, когда у единственной железнодорожной линии не было эффективной конкуренции, и сборы, которые несли бы перевозки, были установлены описанным нами способом и учитывали стоимость места, созданную перевозкой. Это метод, который подвергает общественность вымогательству, которое, хотя и не безгранично, невыносимо велико. Таким образом, консолидация означает контроль тарифов со стороны государства; но важно, чтобы этот контроль осуществлялся с должным учетом экономических принципов, которые господствуют в этой отрасли промышленности. Только так могут быть обеспечены результаты естественной системы, не подвергшейся влиянию монополии.

Принципы, для установления которых достаточно изучения простых случаев, заключаются в следующем:—

1. Плата за перевозку, по сути, представляет собой разновидность цены. Они выражают обменную стоимость полезности места.
2. Статические стандарты или нормы, к которым стремятся эти цены, устанавливаются таким же образом, как и другие статические стандарты стоимости, — по правилу стоимости, — хотя в случае железных дорог действие этого правила является исключительным.
3. Когда перевозка осуществляется простыми средствами и конкурирующими перевозчиками, конечной основой для взимания сборов является стоимость перевозки; и она оценивается простым способом, которым при совершенно свободной конкуренции оценивается стоимость производства товаров. Общие затраты относятся на весь продукт.
4. Единственная железная дорога между одним пунктом и другим, когда на нее не влияет конкуренция какой-либо другой железной дороги, может получать за свои услуги разницу между стоимостью товаров в месте их производства и стоимостью в пункте доставки, при условии, что они либо были бы произведены в этом пункте, либо доставлены туда более примитивными способами. При такой частичной монополии затраты, понесенные самой железной дорогой, напрямую не определяют стандарт ее сборов, но это делают другие затраты.
5. В этом случае так называемые переменные издержки, понесенные железной дорогой, устанавливают минимальный предел, ниже которого ее сборы не могут опускаться, но к которому они стремятся в случае движения, которое иным образом невозможно обеспечить.

6. Эта стоимость места, которую железная дорога может присвоить грузу, невелика (1), когда стоимость изготовления товара в месте его отправления не намного меньше стоимости его изготовления в месте назначения, или (2) когда она не намного меньше стоимости его получения в третьем пункте, или (3) когда их можно перевезти из места их происхождения в пункт назначения по воде или любым другим дешевым видом транспорта.

7. Переменные затраты - это положительное дополнение к общим расходам, ранее понесенным железной дорогой, и они являются результатом увеличения определенной суммы к ее предыдущим перевозкам. Они составляют менее пропорциональной части общих затрат, включая проценты, некоторую часть эксплуатационных расходов, затраты на содержание дорожного полотна и т.д.

8. Сравнительная незначительность переменных затрат объясняется главным образом тем фактом, что пропускная способность железных дорог используется лишь частично. Эти затраты относительно возрастают по мере увеличения трафика и практически совпадут с пропорциональными долями общих затрат, если трафик достигнет своего абсолютного максимума.

9. Если указанная выше стоимость места достаточно велика, чтобы покрыть переменные затраты, связанные с определенными перевозками, и позволить себе какие-либо излишки, железная дорога обычно берет эти перевозки на себя.

10. В зависимости от бизнеса, которым она занимается, сборы варьируются в широких пределах и, как представляется, капризны, но в основе своей они регулируются изложенным экономическим принципом — принципом стоимости места, устанавливаемым способами, которые не учитывают сборы самой железной дороги.

11. Конкурирующие железные дороги, как правило, снижают тарифы до минимума, который устанавливается просто переменными затратами на перевозку, осуществляемыми одной или несколькими самими железными дорогами.

12. Конкуренция между железными дорогами приостанавливается, пока они не используют свою пропускную способность в полную силу, пока чисто переменные издержки увеличения объема перевозок все еще аномально низки, и хотя многие тарифы таковы.

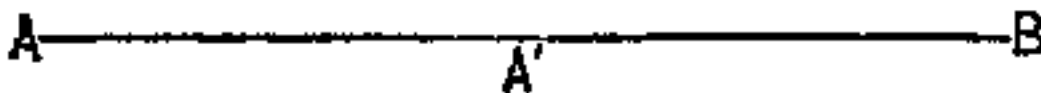
13. Железные дороги, которые конкурируют за перевозку грузов между конечными пунктами, настоятельно стремятся к консолидации; а те, которые конкурируют по всем направлениям, вынуждены прибегать к ней.

14. Консолидация в ее более несовершенных формах имеет тенденцию устанавливать аномально высокие показатели, но эта тенденция несколько сдерживается опасностью того, что объединение может быть нарушено из-за желания развивать бизнес в определенной части страны и косвенного влияния линий за пределами территории, контролируемой объединенными дорогами.

15. В своих более сильных и расширенных формах консолидация не оставляет людям адекватной защиты от грабительских обвинений, за исключением случаев, когда это обеспечивается вмешательством государства; и это должно осуществляться с разумным учетом

естественных сил, которые действуют среди кажущихся капризными нарушений в существующей системе обвинений.

Цель государственного регулирования.— Целью правительства во всей его экономической политике является обеспечение наилучшего использования национальных ресурсов, и часто этого можно достичь, поддерживая свободную конкуренцию. Там, где активно соперничество производителей, закон выживания гарантирует, что более экономичный метод производства изделия вытеснит более дешевый. Когда выбор лежит между использованием определенного количества бесплатной рабочей силы для производства товаров на определенном рынке и использованием ее для их производства в другом месте и доставки на рынок, альтернатива, которая дает обществу максимум того, что оно может получить при любом использовании своих производственных ресурсов, выбирается спонтанно.

Как иногда можно снизить грабительские местные сборы без ущерба для Железной дороги.— Низкая плата за перевозку из пункта А в пункт В в сочетании с грабительской из пункта А в пункт В могут помешать производству товаров в пункте А, хотя они могут быть произведены там с большой выгодой, и интересы общества вскоре потребуют этого. Такая ситуация может существовать только до тех пор, пока движение небольшое между А и А' и большее между А и В. Рост трафика на первом участке маршрута сделает желательным для железной дороги повышение тарифа на этом участке. Если по принуждению или иным образом он снизит ставку с А до В настолько, чтобы разрешить производство товаров по цене А, он получит прибыльный трафик между А и В ценой отказа от относительно убыточного трафика между А и В.

Переменные затраты - надлежащая основа для некоторых начислений.— Для общей экономии важно уделять внимание различию между постоянными и переменными затратами и позволять перевозить много грузов за все, что это даст сверх переменных. Если для изготовления изделия в пункте В требуется десять единиц труда, а в пункте А - только пять, и если железная дорога между этими пунктами, пропускная способность которой используется не полностью, может доставить изделие из пункта А в пункт В с затратами двух дополнительных единиц труда, то общество может наилучшим образом получить товары для использования в пункте В, потратив эти семь единиц на изготовление и транспортировку. Потребовалось бы десять единиц, чтобы изготовить их в В, и для самого общества экономия составляет три единицы от их изготовления в А и доставки по специальной цене в В. Этот источник экономии будет сохраняться до тех пор, пока железная дорога не будет более полно использоваться для других целей. Хотя ставки, взимаемые за этот груз, обанкротили бы железную дорогу, если бы они применялись ко всем перевозкам, для железной дороги лучше всего брать на себя эту особую часть перевозки по любой ставке, превышающей заработную плату за две единицы труда; и на данный момент это лучший способ использовать некоторые общественные ресурсы, поскольку в пункте доставки и использования товаров при данных затратах получается больше, чем можно было бы получить любым другим способом.

Почему потребители могут пострадать, в то время как конкретные производители могут оказаться в выигрыше.— Будет видно, что этот принцип дает стимул для проведения

специальной классификации определенных товаров и их перевозки по более низкой цене, чем товары в целом аналогичного вида. Это политика "создания трафика", которая обходится недорого и стоит больше, чем это стоит как перевозчику, так и обществу. Этот стимул для снижения сборов действует не так сильно в случае товаров, перевозимых потребителям, которые вынуждены жить в пути следования. Они удерживаются там по общим причинам, упомянутым в начале предыдущей главы, и должны платить налог, который налагает на них железная дорога. Единственным ограничением в отношении этого налога является возможность приобретения товаров иным способом или выезда с территории. Конечная вероятность того, что население может не расти в условиях режима вымогательства и что как грузовые, так и пассажирские перевозки могут осуществляться в небольших пределах, накладывает определенный контроль на требования железной дороги. Компания может счесть целесообразным способствовать в некоторой степени росту населения; и оказывать поддержку производителям определенных товаров, чтобы побудить их размещать свои предприятия на ее линии, и результат этого может быть полезен для общества; но нет никакого способа обеспечить общее благо от высоких налогов на остальные перевозки, если только это не было необходимо для обеспечения существования самой железной дороги. В этом случае в этом может возникнуть временная необходимость, которая исчезнет по мере роста трафика.

Политика государства в отношении низких сборов, основанная на переменных издержках. — Интерес железных дорог, которые обладают монополией на свои маршруты, заключается в повышении тарифов на сквозные перевозки. Мы заметили возможный случай, когда происходит некоторое выравнивание сборов за счет периодического снижения местных тарифов. Увеличение сборов на дальних маршрутах, не вызванное каким-либо давлением бизнеса, которое чрезмерно увеличивает пропускную способность железной дороги, конечно, было бы вредным. Более того, перевозка полных грузов не является таким чрезмерным обременением, которое требует более высоких ставок. Бывают случаи, когда имеющиеся запасы автомобилей и двигателей могут быть не в состоянии перевезти больше грузов, чем они перевозят; но в этом случае их требуется больше. Только когда достигается точка, при которой обеспечение этого сквозного движения в дополнение к местным перевозкам влечет за собой дополнительные затраты на постоянное предприятие и влечет за собой затраты, превышающие отдачу от сквозного бизнеса, оправданно, в интересах социальной эффективности, увеличивать такие расходы. Предотвращая такой прогресс при других условиях, правительство помогает обеспечить приближение к естественной экономике и максимальному объему производства.

Когда в интересах общей производительности требуется снижение местных сборов. — Мы видели, что конкурирующие друг с другом примитивные перевозчики будут устанавливать каждую плату, местную или иную, на основе ее пропорциональной доли в общих расходах. Объем перевозок в целом окупился бы настолько, чтобы покрыть все расходы, и каждая его часть приносила бы свою долю. Это идеальный показатель эффективности для железных дорог, а также для судов и вагонов. Никогда не следует ожидать достижения идеала без государственного регулирования расходов. Одной из особенностей этого нормального состояния является то, что там, где в последнее время не было сделано никаких особых улучшений, общая доходность должна быть просто равна общим затратам в том смысле, в каком термины используются в статической теории, — в том смысле, в котором все процентные платежи и все управленческие расходы входят в число затрат. Отсутствие чистой прибыли для предпринимателя, но полный процент для капиталиста и полная заработная плата за все виды труда - вот правило, которое дает статическую меру нормальной отдачи. Если государство

будет медленно снижать сборы за местные перевозки, сохраняя неизменными сборы за сквозные перевозки, — все это время позволяя общей прибыли железных дорог покрывать то, что мы определили как общие издержки, — оно сделает все возможное для обеспечения приближения к условиям, которые обеспечивают наибольший продукт социальной промышленности. Это поможет заставить ресурсы людей делать все возможное для получения дохода. Общая прибыль, покрывающая все затраты, снижение тех сборов за местные перевозки, которые препятствовали возникновению отраслей промышленности в промежуточных точках между благоприятствуемыми центрами, постепенный рост местного производства без какого-либо позитивного подавления производства в других местах — таковы некоторые черты общих изменений, которые должно принести будущее и которые может принести только сила государства.

Как государство может обеспечить то, что обеспечивает конкуренция в других областях.— В промышленности в целом соперничество предпринимателей приводит цены к уровню, установленному издержками, но в сфере транспорта соперничество настолько исчезло, что не позволяет допустить такого исхода. Государство не может восстановить большую часть исчезнувшего соперничества и создало бы неестественные условия, если бы сделало это. Мы видели, к какому ненормальному уровню издержек приводит резкая "война за фрахт". Государство может сделать то, к чему его побуждает инстинктивное суждение людей, а именно: напрямую регулировать ставки и постепенно приближать их к уровню, к которому конкуренция, если бы она работала так, как работает везде, автоматически привела бы их, а именно к уровню, при котором заработная плата и проценты полностью покрываются. Излишек сверх этих расходов всегда мог быть временно обеспечен везде, где применялась особая экономия, и источник законной прибыли был бы открыт для перевозчиков, как и для производителей в целом. Сколько следует считать процентами, зависит от вопроса о том, как оценивается сам капитал, и здесь опять инстинкт людей оказался верен. Он не будет принимать в качестве меры истинного капитала рыночную стоимость всех акций и облигаций, выпущенных железной дорогой. Рыночные котировки делают общую стоимость акций и облигаций равной капитализации их общей прибыли, и они могут включать прибыль от монополии. Если бы государство рассчитывало капитал таким образом, а затем скорректировало ставки таким образом, чтобы допустить обычный процент на рассчитанную таким образом сумму, это просто оставило бы общую доходность такой, какая она есть. Это может изменить сравнительные расходы, но не общую сумму их всех.

Как следует оценивать капитал.— В том статическом состоянии, при котором, как мы показали, капитал столь же производителен в одной подгруппе, как и в другой, капитал сначала измеряется стоимостью товаров, которые при зарождении отрасли воплощали его, и в статических исследованиях эта стоимость рассматривается как постоянная. Доходность от различных затрат уравнивается, и доллар, вложенный в один вид бизнеса, приносит за год столько же, сколько доллар, вложенный в любой другой. В динамичном состоянии стандарт затрат по-прежнему преобладает, и по мере того, как орудия производства становятся дешевле с точки зрения рабочей силы, их требуется больше, чтобы соответствовать тому же объему капитала, который был первоначально инвестирован. То, во что в любой момент обошлось бы дублирование каждого элемента оборудования предприятия, измеряет используемый им капитал. Ничто, кроме отсутствия конкуренции в случае железных дорог, не препятствует применению к ним этого стандарта. Монополия делает прибыль более или менее независимой

от вложенных сумм и заставляет покупателей покупать акции по ставкам, которые не зависят от затрат на основные средства и устанавливаются самой прибылью.

Процесс оценки капитала на основе затрат.— Если мы возьмемся здесь сделать с помощью государственных органов то, что обычно делает конкуренция в других местах, нам придется восстановить стандарт, основанный не на первоначальной стоимости существенного имущества железной дороги, а на стоимости приобретения другого, равного ей по эффективности работы. Завод стоит столько, сколько, естественно, стоило бы его дублирование; и средняя процентная ставка на эту сумму является естественной отдачей от него. Существуют этические требования, которые заслуживают уважения и которые исключают любое внезапное снижение стоимости имущества железной дороги; и, более того, поставленная цель может быть достигнута способом, который не обязательно будет отнимать что-либо от абсолютной суммы, которую оно сейчас стоит. Если размер дивидендов остается фиксированным, то увеличение фактической стоимости самого завода приведет к тому, что эти дивиденды будут в надлежащем соотношении с ним. Земля, которую используют компании, становится все более ценной. Если судить по тому, во что обошлось бы ее дублирование, она занимает все большее и большее место в инвентарных запасах компаний. Если оборудование также увеличивается по мере роста трафика, то вся сумма, на которую начисляются проценты и дивиденды, становится постоянно больше. Если проценты и дивиденды, получаемые ныне существующими заводами, останутся фиксированными в абсолютном размере, они будут составлять все меньший и меньший процент от реального капитала компаний. Простое предоставление железным дорогам возможности зарабатывать столько, сколько они зарабатывают в настоящее время, привело бы к тому, что чистый доход через несколько лет достиг бы того же уровня — того же процента от инвестированного капитала, — который представляет собой доход от другого капитала. Новым заводам и расширению старых должно быть позволено зарабатывать достаточно, чтобы создать стимул для их обеспечения так быстро, как этого требуют потребности общества.

Как страхование фиксированной суммы совокупного дохода повлияет на ставки, взимаемые за фрахт.— Само собой разумеется, что общее увеличение объема перевозок при сохранении стоимости фрахта на прежнем уровне увеличивает чистую прибыль компаний-перевозчиков. Таким образом, политика сохранения чистой прибыли на фиксированном общем уровне означала бы снижение тарифов на грузовые и пассажирские перевозки. Мы здесь не поднимаем вопрос о том, какое сокращение потребуется для достижения поставленной цели — передачи людям в целом того, что сейчас составляет подлинную монопольную прибыль. В случае с некоторыми линиями можно с уверенностью сказать, что такой прибыли нет, и будет невозможно сказать, сколько ее существует в других местах, пока не будет проведена тщательная оценка установок и оборудования на основе стоимости их дублирования. Что нам нужно знать, так это то, что с помощью такой оценки государство может, если захочет, обеспечить в департаменте исполнения результат, который автоматически обеспечивается в других местах, а именно преобладание сборов, обеспечивающих нормальную отдачу на инвестированный капитал, а также заработную плату за любой вид труда.

Элементы проблемы, не включенные в чисто экономическое исследование. Любому читателю не преминет прийти в голову, что, придавая настоящему исследованию железных дорог очень общий и чисто экономический характер, мы упускаем из виду некоторые факты, имеющие большое значение. Мы не принимаем во внимание ни коррупцию внутри корпораций, которые

занимаются перевозками, ни коррупцию в отношениях между ними и должностными лицами государства. Акционеры внутри корпорации, скорее всего, будут преданы своим интересам теми, кто назначен руководить ими, а граждане государства, скорее всего, будут преданы своим более важным интересам аналогичным образом со стороны назначенных ими попечителей. Мы не можем здесь обсуждать различные планы, с помощью которых директора грабят свои собственные корпорации, или способы, с помощью которых государственные чиновники предадут народ. Все эти злоупотребления оказывают тревожное влияние на экономическую систему; и все они препятствуют перестройке, которая обеспечивает высочайшую производительную эффективность, и вносят свой вклад в то, что подвергает общественный порядок опасности. Однако все они настолько очевидно преступны, если судить о них подухом закона, а не по его букве, что лучше оставить обсуждение способа их пресечения юридической и политической науке.

Практический способ обеспечения приближения к нормальным тарифам на перевозку.— Когда правит конкуренция, это увеличивает предложение дорогого товара до тех пор, пока его цена не станет нормальной, и это увеличивает капитал прибыльного бизнеса до тех пор, пока его прибыль не станет такой. В случае железных дорог это происходит не автоматически, но результат всего этого — надлежащее обслуживание и нормальная плата за него — может быть напрямую обеспечен государством. Сборы, которые были признаны разумными в результате конкуренции, могут быть оставлены без изменения, а те, которые непропорционально высоки, могут быть постепенно снижены. Можно быть уверенным, что рост перевозок сохранит общую прибыль действующих предприятий компаний на том уровне, на котором они находятся сейчас, несмотря на это снижение тарифов; и можно разрешить расширение заводов для получения дополнительных сумм, которые привлекут капитал и будут поддерживать обслуживание в соответствии с общественными потребностями. Все это потребует экспертных навыков очень высокого уровня. Для целей настоящей работы достаточно сказать, что такой курс, как этот, является единственным, который обеспечит в области транспорта результаты, которые дает конкуренция в других местах. Это обеспечит как тарифы, так и услуги, которые гражданское законодательство называет "разумными", а экономическое — "естественными".

СНОСКИ

[1] Если мы хотим изменить наше предположение о том, что стоимость изготовления товаров в А и в С одинакова, у нас есть модификация указанного нами случая. Если производить их в пункте А намного дешевле, железная дорога, которая перевозит эти товары оттуда в пункт В, может взимать за перевозку больше, чем та, которая доставляет товары, произведенные в пункте С. Вполне возможно, что разница между затратами на производство в разных точках может решающим образом свидетельствовать в пользу более длинного маршрута, и, возможно, именно железная дорога от С до В первой достигнет в своих расходах уровня переменных затрат и увидит, что ее перевозки передаются конкуренту.

[2] Если водные перевозчики находятся в том промежуточном состоянии, при котором их пропускная способность используется лишь частично, они также могут предложить взять на себя часть перевозок за сумму, которая покрывает только переменные затраты; но это условие естественным образом не становится в их случае полупостоянным, как это происходит в случае железных дорог.

ГЛАВА XXV

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

Что экономист в первую очередь желает знать об организации труда, так это то, является ли это естественным явлением, которое следует приветствовать и предоставить самому себе.

Помогает ли это устанавливать заработную плату на основе производительности труда и делает ли это без существенного снижения этой производительности? Мы обнаружим, что в этих деталях это работает как хорошо, так и плохо и требует тщательного изучения и регулирования.

Что спрашивают сами рабочие об организации людей своего класса, так это просто, какой властью она обладает для повышения их собственной заработной платы; и вскоре мы обнаружим, что она обладает определенной властью, когда не ссылается на принцип монополии, и гораздо большей властью, когда она это делает. Мы обнаружим, что выгода от простой организации может быть распространена на подавляющее большинство работников, в то время как то, что зависит от монополии, доступно относительно немногим и наносит ущерб остальным.

Статический стандарт заработной платы неорганизованного труда.—В том статическом состоянии, к которому всегда стремится общество и в котором полностью реализован нормальный уровень заработной платы, предполагается, что люди получают все, что они производят. Закон предельной производительности труда работает как *быв вакуум* дает идеально совершенный результат. Каждая единица труда получает то, что производит предельная единица.

Фактическая оплата неорганизованного труда.—Статичное допущение исключает вынужденное безделье со стороны трудоспособных мужчин. Изменений, которые выбрасывают таких людей с работы, не происходит, и нет резерва эффективной, но праздной рабочей силы. В реальном государстве, которое является в высшей степени динамичным, такой запас безработной рабочей силы всегда под рукой, и полное его отсутствие невозможно или нормально. Благополучие работников требует продолжения прогресса, и это не может произойти без того, чтобы не вызвать некоторых временных перемещений работников. Хотя ни один индивид надолго не оставался без работы, — хотя конкретный человек находился в таком состоянии лишь короткое время и в течение периода, занятого переходом от одной профессии к другой, — на общем рынке всегда было бы несколько безработных. Если мы не будем учитывать тех, кто бездействует из-за личных недостатков, останется верным тот факт, что действительно эффективных людей почти всегда можно найти, если одновременно требуется всего несколько человек. Присутствия даже нескольких мужчин, способных выполнять хорошую работу и не способных получить работу, часто бывает достаточно, чтобы индивидуальные переговоры оказались несправедливыми по отношению к работнику. Когда речь идет о приеме на работу одного человека, у работодателя есть другие альтернативы, а у человека их может и не быть. Работодатель с гораздо большей готовностью может заставить людей торговаться друг с другом за вакантное место, чем любой из мужчин может заставить работодателей торговаться друг с другом за неработающего человека. Это стратегическое неравенство между сторонами в

договоре о заработной плате становится все больше по мере увеличения числа безработных мужчин. В определенное время и в определенных местах это может привести к снижению заработной платы многих рабочих до минимума, установленного тем, на что согласятся безработные.

Эффект местной организации.—Организация означает ведение коллективных переговоров и стремится уравнивать стратегические позиции мужчин и работодателей. Там, где приходится иметь дело со всей группой работников одновременно, у работодателя нет наготове альтернативы, которая была бы у него, если бы ему пришлось нанять только одного работника. Если его сотрудники бастуют, он не может сразу же привлечь другую силу, достаточно крупную и эффективную, чтобы удовлетворить его потребности. Если его сотрудники позволяют заполнять свои места одно за другим, забастовка действительно будет иметь катастрофические последствия для них, но это также будет несчастьем для работодателя. Его новая сила будет уступать его старой, во-первых, потому, что многие из новых людей будут лично уступать старым, а во-вторых, потому, что как организму им не хватает эффективной подготовки, и они не будут работать вместе так эффективно, как это делали старые силы. Он может позволить себе платить дисциплинированным работникам столько, сколько произведет новая команда, с добавлением двух оценок с плюсом — одна отражает превосходные личные качества бывших сотрудников, а другая отражает ценность дисциплины. Другими словами, он может позволить себе сделать два различных дополнения к сумме, которую для него составляют безработные, чтобы сохранить своих старых сотрудников. Это делается при условии, что из числа праздных людей можно собрать достаточно средств, чтобы управлять одним заведением. Без организации и посредством индивидуальных переговоров заработная плата снижается до уровня, установленного тем, что примут праздные люди, который может быть меньше, чем они будут производить после получения работы, и, несомненно, будет меньше, чем они будут производить после того, как достигнут полной эффективности. В организации, которая является только местной, и при коллективных переговорах, которые сводятся только к корректировке заработной платы сотрудников на одном предприятии, эта заработная плата ближе к стандарту, установленному производительностью труда, чем это было бы, если бы сделки заключались индивидуально. Работодатель мысленно взвешивает ценность новой и необработанной рабочей силы и ценность отобранной и дисциплинированной рабочей силы, измеряет разницу между этими величинами и часто выплачивает ставку, которая находится между двумя суммами и при средних условиях, вероятно, приблизится к большей из них.

Заработная плата, скорректированная с учетом общей организации труда в подгруппе.— Там, где организация доходит до объединения всех сотрудников в определенной отрасли или подгруппе, ситуация отличается от вышеизложенной в одном важном аспекте. Быстрое заполнение мест, которые мужчины могут освободить, совершенно новыми работниками невозможно. Работодатели не находятся в таком положении, чтобы сравнивать старую рабочую силу с новой, измерять разницу в их ценностях и соответствующим образом управлять своим поведением. Подготовка совершенно новой рабочей силы действительно является отдаленной возможностью, если бизнес может подождать этого, но он редко может это сделать; и забастовка, охватывающая подгруппу, представляет работодателям альтернативу: завоевать работников путем уступок или позволить их бизнесу остановиться. Если это прекратится, это станет вопросом терпения между работодателем и работниками, в котором работодатель имеет преимущество до тех пор, пока общественность не вмешивается. Мы вернемся к этому условию, когда будем изучать эффективность забастовок и бойкотов в различных условиях. При всех трех

условиях, которые мы только что описали, статический стандарт заработной платы — конечной производительности общественного труда - все еще существует; и фактическая оплата труда стремится к нему, но отличается от него различными суммами, в зависимости от того, является ли труд неорганизованным, организованным локально или в рамках подгруппы. В первом случае рабочий может получать существенно меньше стандартной суммы; во втором случае он может получать нечто, близкое к ней; и в третьем случае, по причинам, на которые мы позже обратим внимание, он может быть в состоянии получить полную сумму или несколько больше. Конкретное предприятие, которое хорошо организовано и максимально использует свою организацию, часто способно довести оплату труда своих работников до уровня, который значительно превышает тот, который устанавливается производительной силой *маргинального общественного* труда. Тем не менее, величина этого избыточного дохода, который получает привилегированный работник, ограничена, и стандарт, установленный предельной производительностью, является тем стандартом, от которого зависит оплата труда этих работников и всех других, хотя она может и не совпадать с ним.

Сила универсальной организации труда.— В те дни, когда господствовала теория фонда заработной платы, считалось, что организация не может существенно продвинуть интересы рабочей силы в целом, поскольку она не может ничего добавить к фонду, который в любом случае должен быть разделен между рабочими. Теперь, когда общепринята другая теория заработной платы, по-прежнему ясно, что то, что организация может сделать для всего рабочего класса, ограничено. Это никоим образом не может гарантировать уровень оплаты, который постоянно будет превышать продукт труда, поскольку работодатели тогда были бы заинтересованы в сокращении числа своих работников и, таким образом, повышении своего продукта *на душу населения* до уровня их заработной платы. Это привело бы к появлению большого количества безработных, конкуренция с которыми оказала бы угнетающее воздействие на рынок труда. До естественного предела, установленного конкретным продуктом труда, универсальная организация могла бы успешно выполнять свои требования. Более того, этот результат не потребовал бы применения силы — никаких "избиений" не-юнионистов, поскольку бить было бы некого. Самого факта существования универсальной организации, поддерживающей дисциплину и предотвращающей разрывы в своих собственных рядах, было бы достаточно для достижения поставленной цели — поддержания заработной платы, которая должна соответствовать ее естественному стандарту. Предположение о всеобщей организации труда имеет в настоящее время лишь теоретический интерес. Обществу приходится иметь дело с организацией, которая включает в себя небольшое меньшинство работников и состоит из отдельных профсоюзов, каждый из которых стремится продвигать интересы людей своего собственного ремесла. Это тип организации, который вместо того, чтобы объединять всех работников, проводит самое резкое разделение между теми, кто состоит в профсоюзах, и теми, кто вне их, и создает меньшую оппозицию между самими различными профсоюзами.

Организованный труд и монополия.— Настоящие профсоюзы не всегда полагаются только на коллективные переговоры. Иногда они стремятся обеспечить себе частичную монополию на свои сферы труда; и поскольку это невозможно сделать, если безработные или люди из других сфер занятости могут свободно заходить на их территорию, их необходимо держать подальше от этого. Удержать их можно только с помощью определенного применения силы, а принуждение, применяемое работниками в хорошо оплачиваемой сфере к мужчинам, которые стремятся попасть туда во время забастовки, является частью стратегии профсоюзов.

Основание, на котором применение силы оправдано. Организованные рабочие заявляют о праве владения своими должностями; они заявляют, что владеют ими так же, как человек по праву предшествующего занятия владеет усадьбой. Они претендуют на такое же право прогонять незваных гостей со своей сферы деятельности, как мужчина должен прогонять незваных гостей со своей территории. "Не бери чужую работу" - общепризнанная заповедь, на основании которой они претендуют на право действовать.

Способ оправдания применения силы при охране освобожденных позиций.—Принуждение - это всеобъемлющий термин, который не всегда подразумевает личное нападение. Последствия этого для непокорных могут варьироваться от общественного порицания и бойкота до буквальных побоев, нанесения увечий или убийства. В каждом случае это сопряжено с каким-либо ущербом и противоречит духу закона, если только право владения не может быть полностью установлено. Если работодатель не имеет права увольнять своих сотрудников и нанимать новых, и если новые сотрудники не имеют права приезжать по его приглашению, то возникает грубая аналогия между усилиями мужчин, не входящих в профсоюз, получить места и попытками избавиться от фермы человека. Само собой разумеется, что работодатель может по праву уволить людей, которые оказались никчемными и не смогли оказать услугу, на которую был заключен контракт. Вопрос в том, имеет ли он право уволить их, когда они будут оказывать услуги только на тех условиях, которые кажутся ему непомерными. По этому поводу вердикт его собственного разума предельно ясен. Предложение оказать услугу только на непомерно высоких условиях имеет тот же эффект, что и предложение услуги более низкого качества на первоначальных условиях, и право владения, на которое претендуют работники, если оно вообще существует, зависит от оказания эффективной услуги на разумных условиях. Исходя из предположения, что они вообще владели своими местами, их работодателю кажется, что они лишились их, когда настаивали на слишком высокой заработной плате. Однако на этот счет мужской разум может вынести противоположный вердикт, хотя и основан на том же принципе. Им условия, на которых они настаивают, могут показаться разумными, и тогда они думают, что, поскольку это так, их право собственности на свои должности является действительным, а другие претенденты - узурпаторами. Обе стороны в споре основывают свои утверждения на предполагаемой разумности условий, которых они требуют.

Необходимость знать, какие Условия являются Разумными. Важный вопрос как для общества, так и для трудящихся заключается в том, существует ли какой-либо способ установить, какие условия являются разумными, и обеспечить их соответствие. Мы обнаружим, что можно сохранять в поле зрения естественный уровень заработной платы, как мы определили его в одной из ранних глав, и что в разгар борьбы массового капитала с массовым трудом возможно обеспечить определенную степень соответствия этому стандарту. Систему можно сформировать таким образом, чтобы не существовало большой разницы между фактической оплатой труда и стандартной оплатой труда и чтобы заработная плата повсюду стремилась к своему естественному уровню, как это было при прежнем режиме, до того, как капитал или труд подгруппы действовали коллективно.

Отношение общества к бастующим рабочим.—До тех пор, пока местное сообщество сочувствует страху работника перед конкуренцией и терпимо относится к его притязаниям на владение своим положением, оно не осуждает полностью и не пресекает любое применение силы при отстаивании своих притязаний. Местная общественность частично состоит из друзей или соседей бастующего рабочего и неохотно вмешивается в усилия работника по защите того,

что он считает своей собственностью, то есть своего права на работу в бизнесе, к которому он привык. Сообщество сочувствует его страху перед трудностями, которые могут возникнуть, когда работодатели свободно используют незанятую рабочую силу как средство подавления забастовок. С другой стороны, даже местное сообщество понимает, что большая терпимость к силе означает анархию. Если насилию не сопротивляются и не подавляют его, забастовщики приобретают монополию, которая не зависит от справедливости их требований. Весь вопрос разумности требуемых условий насильственно отодвигается в сторону, и устанавливаемая оплата становится не такой, какую одобрил бы спокойный вердикт незаинтересованных лиц, а такой, которую работники могут получить грубой силой. Даже местная общественность не желает видеть, как социальный порядок полностью ниспровергается и власть толпы заменяется властью толпы, и она обычно вмешивается, когда насилие заходит так далеко; но в своем нежелании полностью подавить беспорядки, с одной стороны, или оставить их совершенно без противодействия, с другой, местное правительство проводит неустойчивую политику, то подавляя анархию, то снова предоставляя ей набирать обороты. Это редко обеспечивает полную защиту мужчинам, не состоящим в профсоюзе, которые работают во время забастовки. Более того, у правительств штатов вошло в привычку не вмешиваться в местные дела до тех пор, пока общественный порядок не окажется под угрозой, и, следовательно, не до тех пор, пока принуждение свободных работников не пойдет слишком далеко. Федеральное правительство вмешивается только в чрезвычайных ситуациях. Работающие во время забастовки мужчины, не входящие в профсоюз, в значительной степени остаются в руках местного сообщества, которое часто достаточно терпимо относится к насилию, чтобы предоставить бастующим некоторую монопольную власть. Нерешительная политика местного сообщества в отношении сохранения мира выражает соответствующее ментальное колебание. Общественность не подчиняется четкому принципу действий в этой связи и просто допускает некоторую "взбучку", когда сочувствует бастующим, но, как правило, не тогда, когда это не так. Мы должны посмотреть, есть ли в этом правиле какой-либо намек на законную политику.

Единственный способ спастись.— Сочувствие в данном случае зависит, как мы видели, от непосредственного впечатления людей относительно разумности требований бастующих; и для такого впечатления могут быть, а могут и не быть достаточные основания. Очевидно, что по этим делам не было вынесено никакого авторитетного вердикта. Единственным выходом из создавшейся таким образом невыносимой ситуации является проверка справедливости требований работника и рассмотрение его претензий на сохранение занимаемой должности. Возможный способ сделать это мы сейчас рассмотрим. Заранее ясно, что все, что нужно сделать, - это определить, какая оплата является разумной. Работник не может по праву сохранить право собственности на свою работу, если он не работает должным образом; и он не может сохранить его таким образом, если он работает должным образом и требует непомерно высокой оплаты. Справедливые отношения между работодателем и работником должны быть достигнуты, если его пребывание в должности хотя бы молчаливо признается. Работник, согласившийся на размер оплаты, который считается разумным, может быть безопасно утвержден на своем месте и защищен от любых преследований со стороны своих работодателей. Работник, отказывающийся от ставки, которую какой-либо компетентный орган признал разумной, тем самым окончательно утрачивает свое право на трудоустройство. Очевидно, что его место является собственностью того, кто его займет, и государство обязано настолько тщательно поддерживать порядок, чтобы полностью обезопасить нового работника от травм. Это означает, что оно должно разумно и тщательно делать то, что местное сообщество

слабо пытается делать, когда позволяет бастующим охранять свои позиции, если оно сочувствует их делу, и подавляет такие попытки, когда оно этого не делает. Сочувствие должно быть оформлено в четкий вердикт относительно справедливости или неправомерности требуемого уровня оплаты, а терпимое отношение местных жителей к насилию в случаях, когда требования мужчин кажутся справедливыми, должно стать открытым и откровенным утверждением их права на трудоустройство на требуемых условиях; в то время как запоздалое подавление насилия в случаях, когда требования кажутся несправедливыми, должно стать быстрым и полным его подавлением.

Сохранение мобильности рабочей силы необходимо. Любое применение силы, любое, даже незначительное, что лишает рабочую силу ее мобильности, разрушает условие, на котором основан закон заработной платы. Абсолютно свободное перемещение рабочей силы из пункта в пункт в промышленной системе необходимо для статического состояния и для любого приблизительного соответствия фактической заработной платы статическому стандарту в динамическом состоянии. План, который разделяет рабочую силу на части и противопоставляет одну часть рабочей силы другой, делает невозможной реализацию естественной заработной платы. В то время как все различия в оплате труда, соответствующие различиям в производительной силе, являются нормальными, те, которые основаны на монополизации сфер труда одними и исключении других, являются ненормальными. Они приводят к тому, что богатые поля окружаются непроходимыми стенами и вынуждают основную часть населения работать на отдаленных и более бедных территориях.

Широкий диапазон различий в оплате труда различных классов работников в рамках профсоюзов. Возможный диапазон повышения заработной платы, который монополия может обеспечить отдельным работникам, намного больше, чем тот, который любое действие может обеспечить для труда в целом. Простые коллективные переговоры действительно имеют некоторое значение, но там, где нет попытки исключить из привилегированной сферы работников из низкооплачиваемого класса, диапазон различий невелик. Чтобы удвоить оплату труда рабочих каждого класса, потребовалось бы больше, чем весь доход общества, и все же для нескольких рабочих возможно получить такой большой доход, как этот. Некоторые организации без монополии могут поддерживать фактическую оплату труда несколько близкой к ее теоретическому стандарту. При монополии они могут поднять ее намного выше стандарта, установленного предельной производительностью общественного труда.

Различная эффективность Организации, используемая против разных классов работодателей.— Когда работодатели действуют независимо, профсоюз, который имеет дело с ними по очереди, может очень легко довести заработную плату своих членов до определенного среднего уровня. Забастовка против одного производителя может оказаться для него очень катастрофичной, поскольку это может привести к потере им своих клиентов. Если общее состояние бизнеса хорошее, он заплатит все, что сможет, вместо того, чтобы видеть, как бизнес отдаляется от него, но то, что он может заплатить, несколько строго ограничено. Он не может безопасно дать больше, чем дают большинство его конкурентов. Организация в таком случае является хорошим уравнивателем заработной платы, и поскольку ее власть последовательно используется против разных работодателей, достаточно повысить общую заработную плату до уровня, установленного производительностью труда. Более того, как правило, ему удастся добиться этого без какого-либо обращения к насилию. Скромное и

разумное требование, подкрепленное полностью мирной забастовкой, скорее всего, будет удовлетворено.

Сила забастовки против всех предпринимателей в подгруппе.—Забастовка против работодателей во всей подгруппе может принести больше пользы рабочим, но более амбициозные усилия встречают более сильное сопротивление. Мы предполагаем, что работодатели все еще конкурируют и не обладают той властью, которую дала бы им монополия, для повышения цен на свою продукцию. Тем не менее, действуя сообща, они могут пойти на уступки в несколько большей степени, чем один из них мог бы пойти по отдельности. Одновременное повышение цен вполне возможно без какой-либо позитивной комбинации производителей, которые следуют такому курсу. Более того, сама забастовка, если она будет продолжаться в течение какого-либо периода времени, приведет к дефициту продуктов и росту цен. Хотя работодатели в конце концов могут уступить то, что требуют их работники, или какую-то часть этого, урегулирование может им ничего не стоить, поскольку повышение цен может позволить им забрать все, что они дают своим работникам, из карманов общества. Забастовка профсоюза против конкурирующих работодателей имеет в качестве одной из причин раннего успеха недоверие работодателей друг к другу. Опасность заключается в том, что, как только цены станут вообще твердыми, тот или иной из работодателей может быстро договориться со своими сотрудниками, чтобы воспользоваться возможностью для нового бизнеса. Однако именно по этой причине диапазон возможных выгод от забастовки, охватывающей целую подгруппу, меньше, чем был бы, если бы работодатели были организованы, чтобы все они могли спокойно дожидаться большего повышения цен, прежде чем заключать соглашения со своими работниками. Возможное повышение заработной платы без объединения усилий со стороны работодателей значительно больше, чем любое повышение, которое обычно может обеспечить забастовка против одного работодателя.

Сила забастовки против профсоюза работодателей.— Все еще сохраняя предположение, что никакого принуждения не применяется и что забастовки проходят вполне организованно, мы обнаруживаем, что они могут выиграть больше, когда работодатели консолидированы, чем когда они таковыми не являются, но что они, вероятно, столкнутся с еще большим сопротивлением. Требование — "Заплатите нам больше и отнесите это на счет общества" — может быть удовлетворено, и, вероятно, так и будет, если работодатели опасаются враждебности своих собственных сотрудников и действий государства по принуждению к возобновлению бизнеса. Если у них нет такого страха, их способность противостоять забастовке намного выше по причине консолидации. Они могут спокойно продержаться долго, если общественность позволит им это сделать. Никому из них не грозит опасность увидеть, как другие забирают его клиентов. Их власть над своим электоратом надежна, и их власть облагать налогом электорат и заставлять его оплачивать все, чего может стоить забастовка, очень велика. Забастовка при таких обстоятельствах может принести людям много пользы, а может и вообще ничего не принести, и разница между этими результатами в основном определяется отношением людей. Если правительство придержит руки и позволит производителям действовать по своей воле, они могут (1) позволить забастовке продолжаться некоторое время, уступить что-то своим работникам и поднять цены настолько, чтобы окупить себя с избытком; или же (2) они могут позволить забастовке продолжаться дольше, пока люди не устанут, забрать их обратно без уступок и по-прежнему взимать с населения тот же налог, что и в другом случае.

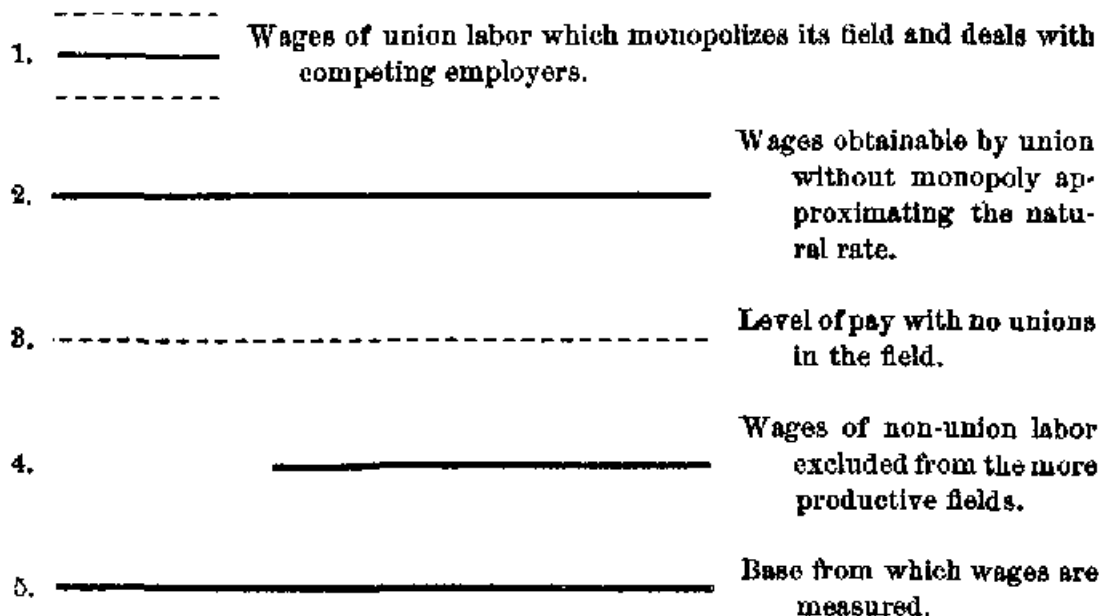
Эффективность принуждения, применяемого против мужчин, не входящих в профсоюз. -

Поскольку мирная забастовка имеет разные возможности в зависимости от того, применяется ли она против одного производителя, группы конкурирующих производителей или объединения производителей, поэтому принуждение, применяемое против независимых работников, имеет соответственно разные эффекты в трех случаях. Когда это используется в случае первоклассного удара, это позволяет бойцам быстрее отстаивать свою точку зрения, но существенно не увеличивает сумму, которую они могут получить. Если независимый производитель не в состоянии управлять своей фабрикой до тех пор, пока он не заключит соглашения со своими первоначальными рабочими, он будет торопиться с заключением условий, но сумма, которую он может произвести, почти так же строго, как и раньше, ограничена преобладающей нормой оплаты.

В случае забастовки второго рода, которая проходит через подгруппу, в которой производители все еще не имеют профсоюза, принуждение значительно увеличивает то, что могут получить мужчины. Он может устанавливать и обеспечивать соблюдение ставки заработной платы, которую должны выплачивать все работодатели, и обстоятельства вынудят их взимать ее с населения полностью или частично. Маргинальные производители, не имеющие чистой прибыли, должны полностью выплатить аванс населению или выйти из бизнеса, и в результате некоторые из них могут выйти из бизнеса. Повышение ставки оплаты, на которое соглашаются другие, может происходить частично за счет их собственной прибыли, а частично за счет карманов потребителей.

При значительной консолидации работодателей возможное повышение заработной платы максимально. Работодатели в состоянии взимать с населения все, что они дают мужчинам, и даже больше. Если государство позволит им это делать, они могут процветать за счет повторных забастовок. Преуспеют ли их работники или нет, зависит от их способности не допускать других работников на свое поле и жить без работы достаточно долго, чтобы побудить своих работодателей уступить.

Влияние принуждения на заработную плату работников, не входящих в профсоюз, означает снижение их заработной платы. Это ограничивает их менее продуктивной сферой, которая открыта для них.

Высота строк 1, 2, 3 и 4 над базовой строкой 5 определяет заработную плату, а длина строк грубо указывает количество рабочих в разных классах. Пунктирные линии над и под строкой 1 показывают, что профсоюзные работники, которые силой удерживают монополию в своей области, могут получить от работодателей, входящих в объединение. Это может быть больше, чем дали бы конкурирующие работодатели, а может быть и меньше.

Для мужчин в сильных профсоюзах, у которых есть *карт-бланш* на защиту своих полей, политика предоставления другой рабочей силы ее судьбе в подавляющем большинстве случаев более выгодна. При выборе между получением ста процентов заработной платы для себя или десяти процентов для работающего человечества личный интерес решительно говорит в пользу первого варианта.

В связи с фактическими отношениями рабочих со своими работодателями следует отметить следующие основные факты:—

1. Когда рабочая сила заключает сделку с работодателями без организации со своей стороны, стороны сделки находятся в неравных условиях, а заработная плата неоправданно занижена. Отдельный работник предлагает то, что он вынужден продавать, а работодателя не заставляют покупать. Задержка может означать лишения для одной стороны и отсутствие больших неудобств или потерь для другой. Если в пределах досягаемости есть группа безработных, которые могут занять должности, на которые претендуют отдельные работники, кандидаты оказываются в фатально невыгодном положении.

2. Коллективные переговоры являются частичным средством устранения этой нетрудоспособности и приближают оплату труда к обычному стандарту, чем это могло бы быть при индивидуальных переговорах, но сами по себе не позволяют одному классу работников подняться до положения, которое намного выше положения большинства других. Это не дает ни одному классу рабочих никакой монополии в своей области или какой-либо власти облагать общественность налогами или угнетать неорганизованных людей. Это нормальная и демократическая мера.

3. Многие действующие профсоюзы зависят не только от коллективных переговоров, но и стремятся получить особую выгоду за счет частичной монополии на несколько сфер своей деятельности. Их политика исключительна в том смысле, что она пытается ограничить количество мужчин, принимаемых в профсоюзы, и помешать мужчинам, не входящим в профсоюз, работать в этом ремесле.

4. При установлении такого контроля над полями труда применяется определенная сила для того, чтобы не допускать на поля людей, которые с радостью пришли бы на них. "Нанесение ударов" является частой частью стратегии, используемой в ожидании нанесения ударов, и этот гибкий термин охватывает широкий спектр сдерживающих аргументов. Все, что выходит за рамки словесного требования или оскорбления мужчины или его семьи и предполагает любое применение физической силы, включено в значение термина, и действия варьируются от небольших травм до ударов дубинками, которые калечат и убивают. Более того, социальный остракизм следует оценивать как равнозначный силе как средству предотвращения свободного перемещения рабочей силы.

5. Когда защищается применение силы, это делается на том основании, что организованные рабочие имеют право занимать свои должности и что они могут освободить их и по-прежнему владеть ими как квазисобственностью. Один человек не должен "брать работу другого человека" даже после того, как другой человек уволился с нее. Руководствуясь этим утверждением, профсоюзные работники обращаются с мужчинами, которые пытаются занять освободившиеся места, так же, как мужчина обращался бы с незваными гостями на своей земле или в своем доме. Как утверждается, это тот случай, когда мужчина должен сам быть полицейским и защищать свою собственность.

6. Общественность сочувствует страху рабочего перед конкуренцией, с которой он сталкивается, когда безработных собирают из ближнего и дальнего зарубежья и заставляют работать на должностях забастовщиков. Это даже в некотором смысле терпимо относится к его притязаниям на квази-владение своим положением, и хотя это осуждает насилие, с которым он навязывает свои притязания, это не подавляет насилие в целом. Она не проводит четко определенной политики и часто слабо допускает перерастание беспорядков в анархию, подавить которую могут только войска. Местные органы власти часто неохотно накладывают решительные меры на "отбивающих", даже когда это предотвратило бы необходимость в более суровых мерах. Это происходит из-за инстинктивного чувства, что трудности и несправедливость могут возникнуть в результате того, что работодателям будет позволено использовать резерв незанятого труда в качестве средства снижения заработной платы своих работников и подавления забастовок.

7. С другой стороны, понятно, что предоставление полной свободы насилию означает такую степень анархии, которую ни одно государство не может терпеть, что работники, не входящие в профсоюз, по закону имеют право на защиту и что позволить забастовщикам прогнать их с поля - значит допустить установление монополии преступным путем.

8. Нежелание немедленно подавить насилие, с одной стороны, или оставить его без противодействия, с другой, выражает ментальные колебания, поскольку государство не осознает четких принципов в этой связи и не следует им. В нем не определены характер и объем прав работников и не предусмотрен какой-либо упорядоченный процесс их обеспечения.

9. Единственный выход из этой ситуации - арбитраж. Необходимо рассмотреть требование работника о заработной плате и легализовать его пребывание на рабочем месте при условии, что он согласится на справедливую оплату. Государство обязано установить и объявить, какая ставка справедлива, утвердить работников в их должностях, когда они ее принимают, и лишить их права владения жильем, если они откажутся от нее. Если рабочие таким образом отказываются от своих притязаний, их должности явно открыты для того, кто их займет, и государство обязано защищать людей, которые это делают. Такова, по-видимому, нынешняя ситуация, и существенной ее чертой является необходимость установления того, каким принципом должен руководствоваться арбитражный суд при определении справедливой ставки вознаграждения.

ГЛАВА XXVI

ОСНОВА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, УСТАНОВЛЕННАЯ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ

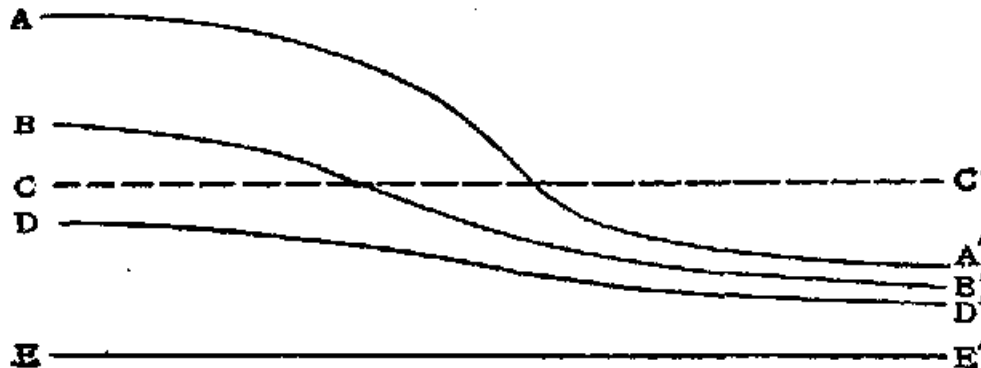
Государству нужен авторитетный способ определения того, какая ставка оплаты является "разумной". Эта обязанность часто возлагается на арбитражные комиссии, для руководства которыми еще не предписан определенный принцип справедливости. Такой коллегии приходится полагаться на свою собственную интуицию. Суд подходит к своей сложной работе, не имея юридической нормы для принятия решения, и все же вынужден, по возможности, прийти к такому решению, которое фактически разрешит переданный ему спор и позволит продолжить производство. Он должен попытаться в вынесенном им вердикте удовлетворить свое собственное чувство справедливости. Что такой трибунал в большинстве случаев действительно делал, так это шел на компромиссы, и это в определенной степени достигало обеих этих целей. Вердикт, который "разделяет разницу" между требованиями мужчин и их работодателей, скорее всего, приведет к возобновлению работы; и на том основании, что каждая сторона, вероятно, требует слишком многого и что справедливость лежит между претензиями, это обеспечивает грубый подход к справедливости. Это действие вызвало негативную критику всей системы арбитража на том основании, что она отказывается от усилий по достижению абсолютной справедливости и пытается главным образом прекратить спор на любых условиях, а также на том основании, что, предоставляя бастующим часть того, что они требуют, она побуждает их бастовать снова и добиваться большего. Мы должны посмотреть, может ли суд поступить лучше, чем это, и привела ли вообще такая грубая процедура к установлению нормальной заработной платы.

Почему суд не может снизить заработную плату в Привилегированных областях до Ставки, преобладающей при Пределе занятости.—Арбитражный суд, которому приходится иметь дело с консолидированным капиталом и организованной рабочей силой, действует в сфере, где и прибыль, и заработная плата выше, чем в большинстве отраслей промышленности. Должен ли тогда суд принять в качестве своего стандарта справедливой заработной платы то, что получает неорганизованный труд, когда он работает на независимых работодателей? Обычно это привело бы к выравниванию заработной платы класса рабочих, с которым он имеет дело, до стандарта, установленного гораздо более низкооплачиваемым классом.

Должен ли суд, с другой стороны, принять в качестве справедливой нормы ту, которая обычно преобладает там, где работодатели организованы в тресты, а рабочие - в эксклюзивные союзы? Это было бы легализацией результатов монополии. Суд в таком случае знает, что прибыль предприятия увеличивается за счет монополии работодателей, а заработная плата - за счет монополии рабочих; и все же он не снизит ставку оплаты до уровня, преобладающего там, где не существует комбинаций. С другой стороны, легализация любого высокого уровня заработной платы, который становится возможным только благодаря двойной монополии, казалась бы столь же несправедливой.

Власть монополистических профсоюзов в различных условиях.—Арбитрам приходится иметь дело с профсоюзами, которые апеллируют к какой-либо силе для защиты своего права владения сферой труда. Они выдвигают свои собственные требования, устраивают забастовки и вынуждают конкурентов не занимать должности, которые они освобождают. Когда к этой политике относятся терпимо, они получают исключительно высокую зарплату.

Мы можем представить продукт труда и его оплату в различных профессиях с помощью прилагаемой диаграммы.

Жирная линия *AA* представляет собой по высоте в разных точках над базовой линией *EE* продукт, который конкретно относится к труду в различных сферах деятельности. Часть рисунка, где линия находится намного выше *EE*, представляет состояние, при котором со стороны работодателей устанавливаются монополии; в то время как справа от рисунка, где линия опустилась и медленно приближается к основанию, представлено состояние, при котором работодатели конкурируют друг с другом, и многие из них продают свою продукцию по ценам, которые покрывают только затраты на ее создание. Единица труда, работающая на монополию, создает такой же большой физический продукт, как и в других местах. Получается столько тонн стали или ящиков ткани и т.д., как если бы никакой монополии не существовало, а цена товара высока, потому что задействовано меньше рабочей силы, чем было бы задействовано при конкуренции, и производится меньше товаров. Фактический продукт единицы труда, измеряемый в долларах, увеличивается за счет монополии работодателей. *BB* представляет собой, по своему изменяющемуся расстоянию над *EE*, то, что организованный труд может получить в различных условиях. Слева он заставляет тресты делиться с ним прибылью и получает высокую ставку оплаты; в то время как справа, где работодатели не работают сообща и нет таких больших выгод, на которые можно было бы опереться, он получает меньше, хотя на крайнем правом он получает все, что производит. *DD* представляет собой то, что может получить неорганизованный труд в различных условиях, и обычно там, где его используют тресты, он

несколько больше, чем где-либо еще. Пунктирная линия СС представляет продукт труда таким, каким он был бы, если бы он был уравнен в различных областях.

Стороны, заинтересованные в Споре, в котором задействованы как Труд, так и Капитал.— Мы можем наилучшим образом справиться с проблемой регулирования заработной платы путем арбитража, если будем подходить к ней в регионе, где сильна организация как со стороны труда, так и со стороны капитала, а нарушения естественной системы наибольшие. Борьба, которая здесь продолжается, в некотором смысле носит трехсторонний характер. Организованный труд борется со своими собственными работодателями, с одной стороны, и с неорганизованным трудом, с другой; и та часть, которая вызывает наибольшую горечь чувств и наибольшее насилие, — это борьба между рабочими между собой - между членами профсоюза, которые бастуют, и мужчинами, которые пытаются занять их должности. Профсоюз более терпимо относится к действиям работодателя, заключающего жесткую сделку, чем к действиям "парши", которая "берет на себя работу другого человека".

Общественность - четвертая сторона в Деле.—Только что названные три стороны — работодатели, организованные работники и претенденты на рабочие места — не единственные стороны, которых затрагивает спор. Общественность имеет к нему жизненно важное отношение, и в истинном смысле ее интересы и права превыше всего. Общественность имеет право требовать, чтобы производство не прерывалось и чтобы не прекращались поставки необходимых изделий; и в соответствии с этим требованием арбитры должны сначала добиваться арбитражного решения, которое будут готовы принять противоборствующие стороны.

Два вопроса, требующие урегулирования.—В непосредственном споре по поводу корректировки заработной платы в первую очередь участвуют три названные первыми стороны. Выполняя свои обязанности по отправлению правосудия, суд приходит к выводу о двух вопросах, которые нуждаются в надлежащем разрешении. Спор между *предпринимателями* и рабочими должен быть урегулирован надлежащим образом, и проблема между рабочими и другими работниками должна быть урегулирована таким же образом. Власть государства не может быть должным образом использована (1) для того, чтобы требовать от работодателей больше, чем они могут позволить себе дать, или (2) для исключения из любой сферы занятости свободных работников, которые способны и желают выполнять требуемую работу. Арбитры выносят свои решения с учетом условий внутри бизнеса и состояния рынка труда. Инстинктивно арбитр, пытаясь удовлетворить свое чувство справедливости, в первую очередь думает о сумме, которую приносит бизнес. Мужчины не должны забирать весь доход от бизнеса, не оставляя *предпринимателю* ничего, чем можно было бы удовлетворить требование о выплате процентов. Однако, не делая этого, они могут запросить гораздо больше, чем согласятся другие работники, и возникает вопрос, следует ли им это уступать. Просто поставив отношения рабочих к работодателям на надлежащую основу, трибунал может оставить отношения бастующих к другим рабочим такими же неудовлетворительными, какими они были. Представляется, что третейский суд не может одним актом урегулировать два вопроса, которые поставлены перед ним. Если это дает людям то, что кажется справедливой долей продукта предприятия, на котором они работают, это дает больше, чем получает большинство работников и больше, чем мог бы позволить закон конечной производительности труда. И все же без безжалостного сокращения оплаты привилегированных работников он не может применять стандарт конечной общественной производительности труда. Если оно применит

этот стандарт и урежет мужчинам фактическую зарплату, они откажутся подчиняться решению; а если оно попытается получить власть принуждения и заставить мужчин принять его решения, они попытаются — вероятно, успешно — пресечь эту попытку. Система принудительного арбитража, которая должна доходить до принудительного выравнивания заработной платы, выплачиваемой людям с одинаковыми способностями в разных профессиях, не будет допускаться в демократическом сообществе.

Сложность применения теста конечной производительности.—Закон конечной производительности работает наиболее эффективно, когда он срабатывает автоматически, как это происходит, когда конкурирующие работодатели заключают наилучшие сделки, какие только могут, с местными работниками, организованными на местном уровне. Таким образом, результаты приближаются к теоретическому стандарту, хотя и не полностью совпадают с ним. Однако закон не может строго применяться судом, который устанавливает размер оплаты труда своим собственным сознательным действием. Как судьи могут непосредственно установить, сколько производит конечный прирост общественного труда?

Работодатели, действительно, проводят такие тесты. Оценку того, сколько добавило бы к продукту бизнеса несколько дополнительных работников, часто приходится каким-то образом производить, и работодателям удается это сделать; но для проверки их суждения необходим последующий опыт. Правило оплаты труда, определяемое предельной производительностью, является результатом действий, спонтанно предпринимаемых множеством работодателей, которые увеличивают свои рабочие силы, когда обнаруживают, что выигрывают от этого, и сокращают их, когда теряют. Конечно, ни один суд не мог бы сделать ничего подобного. Ни одно министерство промышленности не превратится в лабораторию для проверки производительной силы труда. Ясно, что процедура должна быть намного проще и грубее; и жизненно важный вопрос заключается в том, находится ли арбитражный совет, действуя так, как он должен действовать, под каким-либо влиянием, побуждающим его выносить решения, которые в какой-либо степени соответствуют теоретическому стандарту оплаты труда. Действует ли вообще экономический закон о заработной плате, когда гражданское право вступает в действие до такой степени, что создает какой-либо арбитражный суд? Мы увидим.

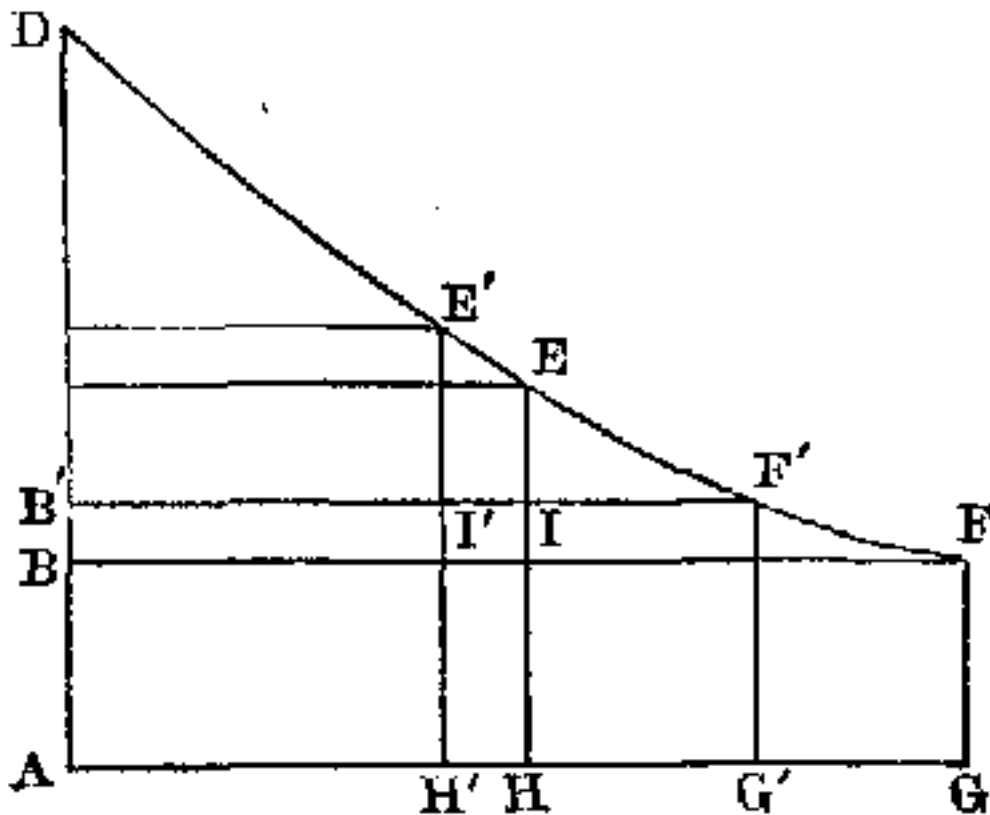
Необходимость некоторого стандарта, на котором арбитры могут основывать решения.— Когда арбитражный совет пытается сделать что-то большее, чем просто положить конец ссоре, он должен руководствоваться каким-то принципом справедливости. Если он имеет дело с привилегированным классом рабочих, он обнаруживает два крайних предела, между которыми должны находиться его вознаграждения, а именно: (1) продукт, который предприятие дает сверх простого процента на капитал, и (2) заработная плата, которую могут предложить принять неорганизованные рабочие. Вполне возможно, что рабочие могут потребовать первую сумму, а работодатели могут предложить вторую; и если это так, то компромисс - это эмпирический способ добиться справедливости. В случае сильного профсоюза и высокорентабельного бизнеса работодатели могут предложить больше минимальной суммы, и награда, представляющая собой компромисс между условиями соперничающих сторон, тогда будет намного выше той, которая является справедливым средним значением между возможными крайностями; однако не похоже, что она действительно соответствует каким-либо этическим принципам.

Средняя заработная плата как стандарт.— Другим возможным основанием для присуждения премии является преобладающий средний уровень заработной платы; но он не претендует на то, чтобы считаться стандартом точной справедливости, и очень далек от того, чтобы быть работоспособным. Заработная плата варьируется от очень высокой до очень низкой; и самая высокая ставка - это та, которая преобладает там, где профсоюз, достаточно сильный, чтобы не пускать людей в свою сферу занятости, имеет дело с трестом, достаточно сильным, чтобы не пускать конкурирующих производителей в свою сферу деятельности. При таких условиях должен ли суд усреднять эту ставку и считать ее очень низкой и обосновывать, что полученное таким образом среднее значение является законным стандартом оплаты труда или таким, который был бы реализован, если бы не существовало монополий? Нет никаких доказательств того, что это точный факт, и есть все основания полагать, что вердикт, вынесенный таким образом, был бы отклонен. Это привело бы к сокращению заработной платы, которую получали привилегированные работники, не говоря уже о лишении их повышения, за которое они бастуют. С другой стороны, самые низкие ставки преобладают там, где нет постоянных организаций; и если здесь возникнет забастовка, должен ли трибунал принять среднюю ставку оплаты труда за свой стандарт? Это значительно повысило бы уровень, который преобладает в регионе, где он действует, и дало бы мужчинам больше, чем могло бы позволить большинство их работодателей. Это означало бы отказ от необходимого правила соблюдения лимита того, что может заплатить отрасль, без закрытия многих своих магазинов и фабрик. И все же суд, который вообще отказался повышать зарплату низшему классу, по-видимому, смирился бы с плохими результатами монополии, поскольку он одобрил бы жесткие условия, на которые вынуждены соглашаться работники, лишенные возможности работать в лучших областях.

Арбитражный суд - это не Агентство по исправлению Общего зла, вызванного Монополией.— Будет видно, что трудность, с которой мы сталкиваемся на пути к полностью удовлетворительному иску суда, вызвана молчаливым требованием, чтобы он аннулировал результаты самой монополии. Мы инстинктивно говорим себе, что суд должен настаивать на высшей справедливости и что все ставки, искаженные монополией, несправедливы. Арбитры должны снизить высокие ставки, повысить низкие и создать такой подход к единообразию, который был бы реализован, если бы рабочая сила была настолько мобильной, насколько того требует статичное допущение. Сделать это означало бы дать некоторым работникам намного меньше, чем их работодатели могут позволить себе платить, и меньше, чем они сами часто платят; в то время как другим это означало бы дать больше, чем их работодатели могут заплатить, не разоряясь сами. Если такое выравнивание должно быть произведено, это должно быть сделано каким-либо другим агентством, а не арбитражным советом.

Отношение общественности к забастовке работников монополии.— Если мы перейдем от формального трибунала к суду общественного мнения, то обнаружим аналогичное положение дел. Нет никакой опасности, что общественность оправдает сокращение заработной платы, которую сейчас получают люди, занятые в монополии, до гораздо более низкого уровня. Это само по себе не исправило бы ошибок низкооплачиваемых работников или самого общества. Работодатель продолжал бы устанавливать высокие цены на свою продукцию и прикарманил бы новую выгоду, которую дало ему снижение заработной платы. Если крупная корпорация сейчас облагает налогом общественность, то даже те, кто страдает, предпочли бы видеть, как доходы от захвата делятся с мужчинами, чем видеть, как все это принадлежит корпорации-работодателю. Действительно, верно, что если бы суд выделил людям *увеличенную* долю того,

что получает монополия, компания-работодатель попыталась бы компенсировать это за счет населения, подняв цены еще выше; и, если бы он выделил уменьшенную долю, компания могла бы расширить свой бизнес и немного снизить цены. Предоставление мужчинам доли от захвата, произведенного их работодателем, косвенно приводит к некоторому увеличению ущерба, причиняемого другим, а изъятие доли может немного уменьшить ущерб. Общество предпочла бы видеть более высокую заработную плату и воспользоваться некоторым шансом на этот незначительный и косвенный ущерб, чем видеть, как компания-работодатель прикарманивает все, что она требует от общественности.

Влияние повышения заработной платы на монопольные цены. Арбитраж часто санкционирует размер оплаты труда, основанный на прибыли монополии работодателей; и все же трибунал такого рода не должен и не будет становиться сообщником какой-либо монополии, делая ее положение более безопасным. Политика каждого государственного учреждения должна и будет направлена на то, чтобы помочь покончить с каждым таким преступником, который сейчас закрепился в сфере бизнеса. Тем не менее, любой план, который вынудил бы работодателя-монополиста выделять своим сотрудникам увеличенную долю "прибыли", которую он получает из карманов потребителей, имеет тенденцию увеличивать сумму прибыли, если работодатель полностью уверен в своем положении. Монополия, которая, таким образом, защищена от вмешательства, пытается установить цену на каждый из своих продуктов на уровне, обеспечивающем наибольший чистый доход. Если расстояние вдоль линии AG

измеряет предложение товара, а расстояние по вертикали от него измеряет цену, то DF будет кривой цены товара, поскольку он предлагается во все возрастающих количествах. AD будет ценой при предложении одной единицы, а GF будет ценой при производстве полного количества, представленного линейкой AG . В этом случае цена будет соответствовать затратам на производство изделия. Когда монополия прочно утвердится, она будет стремиться получить как можно большую чистую прибыль, и последовательное выполнение плана приведет к сокращению объема производства с суммы, измеряемой AG , до суммы, измеряемой $АН$. Тогда цена стала бы HE , а чистая прибыль - размером площади EB . Если заработная плата повышается настолько, что затраты становятся GF , чистая прибыль становится EB . Эта прибыль может быть увеличена путем дальнейшего уменьшения количества продукта до $АН$, установления цены на уровне HE и чистой прибыли EB , которая больше, чем EB . Если независимый производитель может нанимать непрофсоюзную рабочую силу и создавать товары по стоимости GF и продавать их, не снижая цену намного ниже уровня, указанного $НМ$, он может получать на каждой единице продукта прибыль, почти равную IE . Этот факт заставляет монополию осторожно относиться к повышению своей цены до уровня HE . Арбитражный суд может несколько повысить заработную плату, не опасаясь такого повышения цен. Путем грубого и инстинктивного суждения суд установит некоторый уровень заработной платы, который находится в пределах того, что может заплатить монополия, и выше суммы, которую получает предельный общественный труд.

Вероятный результат забастовки в качестве стандарта для присуждения премии. — Давайте посмотрим, что произойдет, если арбитражный совет откажется от всех усилий по выравниванию общего неравенства в заработной плате и попытается главным образом положить конец ссорам и предотвратить длительные забастовки. С учетом этого она могла бы быть направлена на то, чтобы дать людям все, что они могли бы получить с помощью забастовки. В истинном смысле этот метод более близок к научному, чем любой из других. Любой суд добровольного арбитража будет стремиться к удовлетворению интересов обеих сторон в достаточной степени, чтобы предотвратить прерывание бизнеса. Работники могут согласиться взять несколько меньше, чем они надеются получить в результате успешной забастовки; а работодатели могут быть готовы платить несколько больше, чем они заплатили бы в конце успешного локаута. Вероятный исход борьбы может быть по-разному оценен противоборствующими сторонами, и если это так, то реальная борьба закончится тем, что работодатели будут платить больше, а рабочие брать меньше, чем они по отдельности ожидали. Если эта сумма может быть присуждена с самого начала и борьба будет предотвращена, все стороны выиграют от продолжения бизнеса, если только работодатели не захотят забастовки ради того, чтобы сделать свою продукцию дефицитной и дорогой.

Когда вероятные результаты Забастовки приводят к несправедливому уровню заработной платы. — Там, где существуют монополии и профсоюзы полагаются на насилие в отстаивании своей точки зрения, было бы несправедливо устанавливать постоянное правило оплаты труда, основанное на суммах, которые обеспечивают забастовки, проводимые таким образом. Успех таких забастовок зависит от насильственного исключения людей, не входящих в профсоюз; и фактически придать постоянство достигнутым таким образом ставкам означало бы закрепить за большинством рабочих инвалидность, в условиях которой они сейчас трудятся, и увековечить выгоды двойной монополии. С другой стороны, если бы суд привел свое решение в соответствие с вероятным результатом забастовки, которая должна быть всеобщей в отрасли, но не должна прибегать к какому-либо насилию, процедура была бы естественной и

бессознательным образом основывалась бы на истинном уровне заработной платы. Такая всеобщая забастовка, по самой своей масштабности, исключила бы возможность какого-либо немедленного заполнения освободившихся мест мужчинами, на момент увольнения не имевшими работы; и все же тот факт, что мужчин, не входящих в профсоюз, не принудительно отстраняли от работы, был бы важнейшей особенностью ситуации. Если бы, когда забастовок не было, мужчины могли получить допуск в эту область, настоящей монополии на стороне мужчин не было бы. Правило определения путем арбитража суммы, которую обеспечила бы забастовка, устранило бы возможность снижения ставки до той, которая преобладает на более низкооплачиваемых работах, и обеспечило бы мужчинам ставку, которую получают маргинальные работники при фактической занятости, плюс две дополнительные суммы, о которых говорилось в начале предыдущей главы. Предельный продукт труда плюс сумма за личное превосходство плюс сумма за хорошую организацию были бы стандартом, которому соответствовала бы заработная плата на привилегированных должностях; и это настолько близко к норме, насколько это возможно на практике. Свободное его применение привело бы к снижению заработной платы профсоюзов, которые процветают за счет применения силы, и вызвало бы противодействие со стороны таких профсоюзов. Если бы он был принят, есть вероятность, что мужчины отказывались бы от наград до тех пор, пока тяжелый опыт не научил бы их отказываться от завоеваний, добытых насилием. Тем не менее, трибунал, который должен принять этот стандарт, позволил бы работникам сохранить все преимущества, которые может предоставить организация, без нарушения уголовного законодательства. Его ориентиром при присуждении премий будет оплата, которую лучшие профсоюзы законно получают в профессиях, сходных с той, в деле которой они действовали.

Имея дело с профсоюзом, который не является настоящей монополией и не зависит от силы, арбитры могут смело присуждать сумму, которую, вероятно, обеспечила бы реальная забастовка, и простой план компромисса дает приблизительное представление об этой сумме. То, что примут мужчины и что дадут работодатели, - это примерно то, чего добьется забастовка. Там, где существует монополия на сферу труда и для ее защиты используется сила, компромисс, который предвосхищает вероятный результат забастовки, допускает то, что иначе не могло бы быть обеспечено законным путем, и мы должны посмотреть, может ли арбитражный совет должным образом принять этот план.

Арбитраж, на который влияют монополии работодателей.—В настоящее время мы ограничиваем наше внимание арбитражем, за которым не стоит сила принуждения. Может быть сформирован совет, который по закону обязан расследовать ссоры и объявлять справедливые условия урегулирования, но спорящим сторонам может быть разрешено поступать так, как им заблагорассудится, принимая решения о присуждении. Самый сложный случай, с которым пришлось бы иметь дело такому суду, - это тот, в котором работодатель обладает монополией на производственный отдел, а профсоюз обладает исключительным правом на свою сферу деятельности. Простое устранение монополии работодателя настолько сильно упростило бы ситуацию, что не оставило бы оснований для серьезных трудностей. Учитывая, что потенциальная конкуренция выполняет идеальную работу, которую она должна выполнять при хороших законах и хорошей полиции, оплата труда работников других профессий была бы несколько выше, а грабительские прибыли полностью отсутствовали бы. Прибыли, основанные на особой экономии, существовали бы, как им и положено, но те, которые несправедливо крадутся из чьего-либо кармана, не существовали бы. В большинстве подгрупп, вероятно, найдутся независимые работодатели, достаточно эффективные, чтобы удерживать свои

должности, но без каких-либо средств получения сверхнормативной прибыли. Это были бы маргинальные работодатели в своих нескольких подгруппах, и их доходность колебалась бы примерно на том статичном уровне, при котором заработная плата за труд и проценты на капитал поглощали бы их всех. Награда, основанная на том, что могли бы заплатить такие работодатели, выражала бы то, что, естественно, заплатили бы другие работодатели, и это было бы все, что подгруппа в целом могла бы уступить, не разоряя некоторых своих членов, но это позволило бы другим что-то сделать за счет особой экономии в производстве. Прибыль от производительности труда получили бы они, а не какие-либо другие, и во всех отношениях целесообразно, чтобы им было позволено наслаждаться. Подавление монополий работодателей устранило бы большую часть трудностей, связанных с арбитражем, а прекращение насилия со стороны мужчин устранило бы почти все остальные.

С монополиями в этой области дело обстоит совсем иначе. Их доходы не такого рода, чтобы в интересах общества позволять им сохранять их. Общественность требует эти суммы на основании справедливости и целесообразности. Это извращенное распределение, которое отдает их нынешним получателям; и этот факт угрожает все больше и больше затрагивать сами процессы производства. Централизация без монополии увеличивает продукт промышленности; но монополистическая черта, которая часто сопутствует ей, частично парализует производительные силы, и от нее необходимо избавиться, прежде чем появится нормальный доход для распределения и нормальный способ его распределения. *Арбитражный суд сам по себе не может избавиться от этого*, и было бы вредно, если бы он попытался это сделать. Резкое сокращение заработной платы, которая была повышена властью монополии, нанесло бы ущерб некоторым работникам, не оказав материальной помощи другим, и это принесло бы пользу главным образом работодателям-монополистам. Такая политика положила бы конец всей системе арбитража; отчасти именно опасение, что арбитраж не оставит профсоюзам, находящимся в выгодном положении, столько, сколько они могут сейчас получить с помощью забастовок и бойкотов, мешает этой системе войти в моду. Государство может покончить с монополией, но оно должно сделать это другими мерами, помимо создания третейских судов. В промежуточный период — длительный или короткий, в зависимости от обстоятельств, — прежде чем эти меры возымеют свой эффект, необходимо разработать план обеспечения путем присуждения наград чего-то подобного тому, что было бы результатом реальных испытаний на прочность. Результаты судебного разбирательства в данный промежуточный период не будут идеальными, но необходимо принять этот факт и еще усерднее бороться за создание условий, которые их улучшат.

Ненормальные условия, с которыми должны смириться арбитры. — Грубая сила того или иного рода иногда дает организованному труду вдвое или втрое больше, чем свободный труд может заработать при социальной марже производства, и общественность подходит к проблеме приспособления, пока существуют эти условия. Может случиться так, что трест сокрушил конкуренцию, добился больших выгод для себя и сделал возможным платить работникам по высокой ставке; в то время как, с другой стороны, профсоюз стал сильным, оказал давление на работодателей, исключил бесплатных работников и обеспечил себе долю монопольной добычи. Таким образом, арбитры всякий раз, когда ожидается забастовка, могут разделить добычу, как это было бы при забастовке, между хозяевами и рабочими. Это оставит нескольких рабочих во владении богатого поля и многих голодающих за его пределами; и мы утверждали, что правление должно подтвердить сохранение рабочих мест при единственном условии, что они примут размер оплаты, который оно утвердит. В этом случае арбитры

назначают высокую ставку, в то время как нуждающиеся мужчины готовы взять более низкую. Они утверждают заработную плату, основанную на прибылях монополии, но смотрят на государство как на силу, которая выведет их из их аномального положения, положив конец монополии.

Почему разделение уже полученной "Добычи" не является усугублением Зла.— Хотя добыча должна быть, по крайней мере, на один пункт справедливее, чтобы работники получали ее долю, чем чтобы работодатели получали все. Мы уже говорили, что арбитражный суд считает, что два вопроса требуют урегулирования, а именно, отношение работодателей и занятых в бизнесе, а также отношение работников за пределами данного отраслевого подразделения к тем, кто работает в нем. Только один из этих вопросов он способен разрешить, и именно по истинному инстинкту, а не просто из соображений целесообразности арбитры разрешают рабочим в некоторой степени делиться выгодами монополии, которая нанимает их. Однако это законно только при условии, что с помощью дальнейших мер будут уменьшены выгоды монополии.

Как подавление монополий облегчит арбитраж.— Изучая монополии, мы обнаружили, что цены на их товары не полностью соответствуют их естественным стандартам, даже когда правительства в них нисколько не вмешиваются. Потенциальная конкуренция удерживает эти цены от роста выше уровня себестоимости более чем на определенную величину. Мы увидим, что если правительства ничего не предпримут для контроля за конкурсами в отношении заработной платы, ставки, которые они дают, не будут полностью неестественными. Они будут держаться на определенном расстоянии от стандартов. Если требовать слишком высокой заработной платы, барьеры будут разрушены, и конкурирующие работники придут на излюбленные поля. Потенциальная конкуренция со стороны праздных людей нависает угрозой над головами слишком требовательных профсоюзных активистов и требует определенной осмотрительности в требовании заработной платы. Если профсоюзы запросят слишком много и устроят забастовку, чтобы получить это, конкуренция, которая сейчас скрыта, активизируется, освободившиеся места займут другие люди, и начнется силовая борьба. Может последовать избиение, которое может дойти до предела терпимости слабого правительства. Чем более полным является исключение бесплатного труда, тем выше уровень, который обеспечивает организованный труд; но этот уровень всегда находится в пределах определенного расстояния от нормального, поскольку оно определяется конечной производительностью общественного труда. Даже заработная плата, получаемая в результате насильственных забастовок, как мы уже показали, *регулируется* законом конечной производительности, хотя он и не *совпадает* с этой нормой. Фактическая зарплата и стандартная зарплата подобны судну и буксиру, прикрепленным друг к другу тросом, который позволяет одному дрейфовать далеко от другого, но не позволяет им разлучаться. В конечном счете буксир берет буксир с собой. Даже заработная плата, которую траст выплачивает борющемуся профсоюзу, — заработная плата, выплачиваемая монополией монополисте, — *регулируется* законом конечной производительности, поскольку существует предел тому, что траст может вымогать у общества, и существует предел тому, что профсоюз может вымогать у траста. Потенциальная конкуренция, ограничивая как производящую корпорацию, так и профсоюз, подтверждает естественный закон заработной платы, хотя монополия делает его результаты неточными.

Как потенциальная конкуренция влияет на организованный труд.— Мы видели, что потенциальная конкуренция ограничивает цены на товары, производимые трестами. Если они

становятся слишком высокими, строятся новые мельницы. Аналогичным образом потенциальная конкуренция ограничивает заработную плату, которую может обеспечить сильный профсоюз; поскольку, если она слишком сильно превышает уровень заработной платы мужчин, не входящих в профсоюз, такие люди найдут свой путь в бизнес. Открытые магазины будут созданы либо нынешними работодателями, либо новыми. Независимый магазин, в котором работают работники, не входящие в профсоюз, может многое выиграть, и опасность этого делает профсоюз более консервативным, чем он был бы в противном случае. Главный потенциал в данном случае заключается в создании нового и независимого цеха, и если для этого открыт путь, то разница между оплатой труда привилегированных работников и оплатой труда других значительно сокращается. Профсоюз может быть в состоянии отстаивать свою точку зрения и удерживать бесплатную рабочую силу на своем поприще до тех пор, пока ему приходится иметь дело только со своими собственными работодателями; но если новые работодатели будут появляться всякий раз, когда появится стимул сделать это, дело обстоит совершенно иначе. Новые заводы приносят больше прибыли, если на них работают люди, не входящие в профсоюз.

Поскольку поле деятельности открыто для всех производителей, опасность свободных магазинов со свободными людьми всегда будет нависать над профсоюзом, который требует слишком многого от своих членов. Сейчас это верно даже там, где существуют консолидированные компании, и это было бы вдвойне верно, если бы таких компаний не существовало. Соперничество, которое возникло бы тогда, удерживало бы заработную плату, как и цены, на уровне, близком к их естественным стандартам.

В отсутствие монополий со стороны работодателей и "давления" со стороны работников арбитры могут принимать в качестве стандартов то, что дают фактические отношения работодателей и нанятых. В большинстве случаев они не признают ничего плохого, поступая таким образом. Суд может действовать так, как он действует сейчас, и объявить ставку, основанную на простом компромиссе или на вероятном результате забастовки. Если люди примут награду, пусть они сохраняют свои места; но если нет, пусть должности будут открыты для того, кто их займет, и пусть государство подавляет все формы насилия, которые могли бы помешать им это сделать. Такое поддержание порядка будет поддерживаться настроениями даже местного сообщества.

Случай профессий, не затронутых потенциальной конкуренцией мужчин, не входящих в профсоюз, с новыми работодателями.— Строительные профессии отличаются тем, что их продукция должна производиться в том районе, где они будут проживать, и не следует опасаться конкуренции со стороны рабочей силы, живущей на расстоянии. Если местные профсоюзы смогут защитить свою отрасль силой, они смогут установить высокий уровень оплаты труда, даже если у работодателей нет профсоюзов. Арбитраж, который просто определяет, что даст забастовка, здесь будет сильно отклоняться от естественного стандарта заработной платы.

Труд в горнодобывающей промышленности находится в несколько подобном положении, как и труд на транспорте. В этих и некоторых других областях новые люди не ослабляют позиции забастовщиков, если только их не приводят на места, где забастовщики работали; и это подвергает их нападкам. Именно при производстве портативных товаров для широкого рынка

важным фактором является новый независимый магазин, в котором работают работники, не входящие в профсоюз.

Легко ответить на вопрос, должен ли арбитражный совет в таких областях подтверждать право работника на работу, в то время как его заработная плата удерживается принудительно. Любое нанесение побоев по своей сути является преступлением и должно всегда и везде пресекаться. В случаях, которые мы рассмотрели впервые, безопасным курсом было бы сдерживать забастовку, объявлять размер оплаты труда, основанный на том, что тогда принесет забастовка, и полагаться на другие меры по уничтожению монополии на стороне капиталиста. Главная опасность насилия возникает, когда мужчины отклоняют арбитражное решение и их места занимают другие, и на этом этапе факт арбитража облегчит задачу государства, хотя и вряд ли прояснит ее.

Случай с такими профессиями, как строительство и добыча полезных ископаемых, отличается от других только тем фактом, что здесь нет сдерживания, которое в других местах обеспечивается опасностью строительства новых заводов, а оплата, обеспечиваемая грубой силой, высока. Объявлять ставку, основанную на результатах забастовки, *если во время забастовки будет разрешено нанесение побоев*, означает на данный момент смириться с тем, что обеспечит насилие; и ничто не устранил эту особенность судебного решения, кроме мужественного утверждения суверенитета государством и полного прекращения терпимости, которая сейчас проявляется к анархии. Однако это ни в коей мере не лишает членов профсоюза преимуществ, которые дает им организация. Они могут быть уверены во владении всеми преимуществами, которые могут обеспечить коллективные переговоры без применения насилия. Большое количество людей, зачисленных в профсоюз, даст ему перспективу успеха в исполнении любого разумного требования. Добровольный арбитраж, целью которого является предотвращение забастовки, должен будет уважать этот факт организации и дать мужчинам представление о том, к чему приведет законная забастовка. Как правило, это приводит к компромиссу противоположных требований, и если насилие не рассматривается в качестве ресурса, компромиссы будут приближаться к естественному уровню заработной платы.

Почему примирение предпочтительнее арбитража.—Как среди организованных работников, так и среди корпоративных работодателей существует опасение действий государства по позитивной корректировке заработной платы. Согласительной процедуре отдается предпочтение перед любым видом арбитража, и добровольному арбитражу отдается предпочтение перед тем, за которым стоит хоть какой-то след авторитета. К судам, обладающим всей полнотой принудительной власти, большинство работодателей и высокоорганизованных работников испытывают непреодолимое отвращение. Если бы такие трибуналы были введены, это было бы вопреки их сильнейшей оппозиции, которая утверждает, что необходимо было бы ввести в действие меру, направленную на обеспечение мира в промышленности, в то время как стороны, непосредственно заинтересованные в этом, вовсе противились этому.

Причины такого отношения нетрудно обнаружить. Примирение направлено исключительно на обеспечение внутреннего мира в промышленном департаменте. Предотвратить забастовки или сократить их продолжительность - это все, что она может сделать и все, чего желают от нее непосредственно заинтересованные стороны. С точки зрения работодателей и занятых в высокорентабельной отрасли, предотвращение забастовок является достаточной целью, и даже общественность иногда принимает эту беспечную точку зрения и думает, что всего

желаемого можно достичь, просто предотвратив междоусобицу или прекратив ее, когда она возникнет. Непрерывное производство — экономия огромных затрат, которые влекут за собой забастовки, — действительно способствует общественному благосостоянию. Когда примирение приводит к этому, оно косвенно приносит пользу обществу. Таким образом, суть примирительной процедуры заключается в том, что она сознательно не пытается сделать ничего, кроме того, чтобы две стороны в споре о заработной плате были достаточно довольны, чтобы продолжать производить. Правление, которое стремится только к этому, старается не представлять никого, кто представляет посторонние интересы. Процедура должна проводиться "в рамках семьи". Как часто говорят, "те, кто разбирается в бизнесе", должны разрешать споры внутри него. Что действительно желательно, так это то, чтобы только те, кто *интересован в бизнесе*, могли что-то сказать по этому поводу, и существует страх давать представление как широкой общественности, так и независимым работникам. Более того, когда говорится о недостатках согласительной процедуры, упоминается неопределенность относительно ее эффективности, вероятность того, что во многих случаях она не приведет спорящих сторон к соглашению и не приведет к продолжению производства. Нет страха перед уровнем оплаты, который это дает. Практически ни у кого нет страха перед тем, что происходит, когда работодатели и нанятые довольны тем, что они совместно процветают за счет общества. Вместо того чтобы остановить производство, общественность часто готова разрешить спор практически на любых условиях, хотя результатом может стать то, что некоторые люди будут процветать за счет потребителей и других работников. Существует монополистический захват, совместное использование которого делает обе стороны более обеспеченными, чем люди их класса где-либо еще. Каким бы странным это ни казалось, даже такое отношение общественности оправданно. Совершенно правильно не только приветствовать согласительную процедуру там, где она может сработать, но и пробовать ее как можно чаще, прежде чем прибегать к арбитражу.

Ставки в результате примирения мало чем отличаются от ставок в результате забастовок.—Результаты коллективных переговоров с примирением сторон в спорных случаях находятся на определенном расстоянии от тех, которые были бы достигнуты при совершенно естественном регулировании заработной платы. Все, что мы сказали об отношении заработной платы, скорректированной забастовками, к ее естественным стандартам, применимо и здесь; потенциальная конкуренция обычно удерживает фактическую ставку на определенном расстоянии от естественной, хотя монополия может сделать это расстояние неоправданно большим. Если потенциальная конкуренция слабо работает на стороне работодателей, — если независимые производители появляются медленно, даже когда цена продукта очень высока, — в отрасли для кого-то есть большая прибыль; и если потенциальная конкуренция слабо работает на стороне рабочей силы, — если рабочие могут безопасно бастовать, не опасаясь, что независимые работники осмелятся занять их место, — мужчины могут обеспечить себе значительную долю этой прибыли. Сильный профсоюз, работающий на сильную монополию, получает заработную плату, превышающую стандартную ставку на максимально возможную величину; и все же, как мы уже говорили, даже это превышение имеет пределы, и урегулирование споров путем примирения сторон не меняет этих пределов. Согласованные ставки по-прежнему регулируются стандартной ставкой в той же степени, что и при режиме забастовок. Забастовка и локаут становятся потенциальными, но они надвигаются как возможности и делают свое дело. Согласительный совет знает, что они произойдут, если только их вероятные результаты не будут предвидены и предотвращены решением. Следовательно,

совет не может поступить иначе, как ограничить фактические забастовки. Заработная плата тогда становится естественной ставкой со знаком плюс, и можно сказать, что она корректируется таким образом, что в конечном итоге является естественной, хотя и работает под пагубным влиянием.

Почему добровольный арбитраж дает больше, чем согласительная процедура.—

Добровольный арбитраж - это шаг вперед по сравнению с простой согласительной процедурой с точки зрения эффективности. Это несколько отходит от плана ограничения иска семьей, поскольку представляет некоторые другие стороны в качестве арбитров и, таким образом, предполагает некоторое признание внешних интересов. Тем не менее, его фактическая работа предполагает незначительные принципиальные изменения, и его результаты не сильно отличаются от результатов, достигнутых в результате согласительной процедуры. Когда мы говорим об арбитраже как о добровольном, мы обычно имеем в виду, что принятие арбитражного решения никоим образом не приводится в исполнение. Любая из сторон может принять это или отказаться от этого, но может случиться так, что обе стороны, действуя сообща, не смогут предотвратить расследование; и экономический закон заработной платы действует наилучшим образом, когда это так. Каким образом обеспечивается такой добровольный арбитраж — устанавливается ли он свободным договором между работодателями и нанятыми или законом, — в этой связи не имеет значения. Единственное, что важно, - это то, что ни с одной из сторон не применяется принуждение, направленное на то, чтобы заставить его принять арбитражное решение.

Моральное принуждение в результате добровольного арбитража.— Действительно, за решением такого суда обязательно стоит определенная моральная сила. Это информирует общественность о том, что беспристрастные люди считают разумным урегулированием спора, и вынуждает любого, кто отказывается принять такое решение, официально заявить, что он требует больше, чем предположительно справедливо. Это приводит к отчуждению общественного сочувствия и лишению помощи, которую обеспечивает сочувствие. Более того, в тех случаях, когда добровольное арбитражное разбирательство устанавливается контрактом между сторонами, — когда, например, мастера и рабочие соглашаются, что в течение нескольких лет споры, которые не могут быть урегулированы иным способом, должны передаваться в трибунал, созданный каким-либо предписанным способом, - решение трибунала определяется контрактом как особо обязательное.

Почему простые компромиссы приводят к справедливым результатам. Просто компромиссная политика, подобная той, которая часто подвергалась резкой критике, предполагает приближение к тому, к чему привели бы забастовки; и это, как мы видели, дает результаты, которые, в грубой форме, контролируются экономическим законом. Фактом величайшей важности является то, что решения, выносимые арбитражными комиссиями исключительно на добровольной основе, не являются компромиссами между простыми требованиями двух сторон; они являются *подлинными ультиматумами*. Когда обращаются в суд, работодатель предложил размер оплаты и готов закрыть свою фабрику, если она не будет принята; а работники предложили принять определенную ставку и готовы объявить забастовку, если ставка не будет назначена. Существенным фактом в данном случае является то, что ни одна из этих ставок обычно не отличается более чем на определенную величину от естественного уровня заработной платы. Есть большая разница между требованием, выдвинутым в стратегических целях, и реальным ультиматумом. Если бы рабочие знали, что суд просто

разделит поровну их собственное требование и предложение их работодателя, тогда люди, получающие два доллара в день, могли бы попросить четыре в надежде, что арбитры дадут им три. Даже если бы таких ожиданий не было, несомненно, что обе стороны преувеличили бы свои требования; работники потребовали бы больше, а работодатели предложили бы меньше, чем они ожидали, в конечном итоге договорившись. Однако, когда требования предъявляются таким образом не для того, чтобы произвести впечатление на трибунал, а, как известно, являются подлинными ультиматумами, дело обстоит совсем иначе. Рабочие действительно объявят забастовку, если их требования не будут удовлетворены, и им, безусловно, придется это сделать, если они сделают свои цифры экстравагантными. Работодатель закроет свою фабрику, если его предложение не будет принято, и ему придется это сделать, если его предложение окажется абсурдно низким. Очень многое связано с тем фактом, что фактический разрыв отношений между работодателями и нанятыми нависает над ними как возможность.

Главное преимущество арбитража перед согласительной процедурой. — Теперь мы можем оценить реальную разницу между согласительной процедурой и добровольным арбитражем. Если забастовка проводится после того, как не было предпринято никаких попыток, кроме примирения, часто ничто не мешает забастовщикам прибегнуть ко всем доступным средствам для защиты своего места — другими словами, для того, чтобы не допустить "струпьев" на поле. Местное сообщество находится в своем обычном положении неуверенности относительно справедливости дела и, вероятно, проявит свою обычную нерешительность в предоставлении новым работникам полной защиты, которую предписывают законы. Существует обычный страх перед последствиями того, что забастовщики получают полную власть, и возможностью дисциплинировать бывших рабочих, чтобы заставить их подчиниться. Вероятность того, что итоговая ставка оплаты может оказаться слишком низкой, чтобы воздать должное работникам, остается перед глазами местного сообщества и приводит к эффекту, на который мы ранее обращали внимание, — к тому, что чиновники в значительной степени утрачивают силу, когда происходит насилие.

Каково это, когда арбитражный суд изучил дело и вынес решение? Хотя рабочие могут быть по-прежнему свободны в проведении забастовки, такая акция поставила бы их в фатально невыгодное положение. Арбитраж предоставил общественности основу для вынесения решения относительно справедливости спора. Если трибунал вызывает уважение, отказ подчиниться его решению *prima facie* ставит людей в неловкое положение. Если они нанесут удар сейчас, они отвергнут ставку, которая авторитетно объявлена справедливой. Даже это они имеют привилегию делать, если пожелают; но если они пойдут дальше и силой будут препятствовать другим людям принимать справедливую плату и выполнять работу, они утрачивают свое право владения; и это было бы странно устроенное общество, которое при таких обстоятельствах позволило бы им использовать кулаки, метательные снаряды или дубинки для защиты этого.

Между работодателями и работающими по найму может существовать соглашение о передаче на рассмотрение беспристрастного арбитража таких споров, которые не были урегулированы иным образом; и когда это фактически сделано и принято решение, оно считается контрактом слишком обязательным, чтобы им можно было пренебречь. Если этим по-прежнему пренебрегают и если прибегают к насилию, утрата общественного сочувствия настолько полна, что существует небольшая опасность того, что на насилие не обратят внимания. Действия

такого трибунала могут быть почти столь же эффективными, как и действия того, кто обладает всей полнотой принудительных полномочий.

Почему принудительный арбитраж с меньшей вероятностью вынесет справедливое решение.—Арбитраж, проводимый судом, за которым стоит полное принуждение, теоретически не обязательно должен удовлетворять требования спорящих сторон. Если он может оштрафовать или иным образом принудить сторону, которая отказывается принять его мандат, и таким образом обеспечить принудительное выполнение его приказов, вполне возможно, что он может объявить ставки оплаты, полностью отличающиеся от преобладающих. Он мог бы объявить произвольные ставки или предпринять смелые усилия по обнаружению и внедрению тех, которые должны совпадать с окончательными естественными стандартами, что означало бы неуклонное снижение одних ставок и повышение других. Однако в демократической стране такой суд должен был бы удовлетворить требования участников конкурса и общественности или прекратить свое существование, и единственным способом обеспечить его продолжение была бы более консервативная политика и уважение *статус-кво*. Он мог бы апеллировать к вероятному результату ожесточенных столкновений несколько меньше, чем мог бы сделать чисто добровольный трибунал, поскольку он мог бы рискнуть нанести оскорбление работодателям или рабочим и надеяться на поддержку широкой общественности; но в основном ему пришлось бы оставить существующие ставки заработной платы на прежнем уровне без радикальных изменений. Даже при том, что она смогла с помощью какого-то статистического теста обнаружить естественные нормы заработной платы, у нее не хватило смелости применять их достаточно строго, не лишившись своего существования. Таким образом, при любой системе, будь то грубый спор, примирение, добровольный арбитраж или принудительный арбитраж, расценкам, установленным нынешним полудиким процессом, было бы разрешено действовать до тех пор, пока сам процесс не будет освобожден от извращения, которое вызывает монополия. Различные суды будут в разной степени смягчать неравенство в оплате труда, но существующие ставки на каждой должности будут по-прежнему служить основой для корректировки.

Наиболее доступный план арбитражного разбирательства.—Поскольку маловероятно, что принудительный арбитраж установит ставки заработной платы, которые будут существенно отличаться от тех, которые обеспечиваются арбитражем добровольного типа, предпочтение отдается последнему виду, поскольку он действительно способен предотвратить забастовки и локауты, которые в настоящее время являются столь расточительными и дезорганизующими. Для достижения этой цели существует своего рода арбитраж, который является добровольным, но имеет за собой достаточно полномочий, чтобы проводить реальные забастовки очень редко. Согласно этому плану, государство временно признает за работниками право владения рабочим местом при условии, что они продолжают работать в течение времени, занятого перестройкой. Если они прекращают работу до объявления решения, они лишаются своих должностей. Когда трибунал объявляет решение относительно условий, на которых должна продолжаться рабочая сила, у уже работающих сотрудников есть выбор: сохранить должности или отказаться от них; но если они решат покинуть их, это должно быть при понимании того, что их уход является окончательным и их право на пребывание в должности утрачено. Затем государство использует все свои возможности для защиты людей, которые могут занять освободившиеся места. Простой перспективы такого исхода будет достаточно, и фактически не нужно будет производить перераспределение сил, поскольку право владения слишком ценно, чтобы им можно было пренебречь. Система требует принятия незамедлительных мер всякий

раз, когда надвигается забастовка или локаут, но она обеспечивает выполнение решений только путем наложения на рабочих, которые решили проявить непокорность, наказания в виде лишения права собственности на должности, претензии на которые они ценят настолько высоко, что готовы буквально сражаться в их защиту.

Способ работы с непокорными работодателями.— Работодатель может отказаться принять результат арбитражного разбирательства. Учитывая сильное давление, которое оказало бы общественное мнение после того, как решение должно было быть вынесено, частые отказы маловероятны. Если, однако, работодатель откажется от премии, логика дела потребует, чтобы он потерял свою должность, как это делают мужчины за аналогичное правонарушение; и единственный способ добиться этого - лишить его деловых связей. Право собственности, которое *предприниматель* больше всего ценит, заключается в его отношении к своим клиентам; и если государство позаботится о том, чтобы товары, которые он производит, всегда можно было получить из какого-либо другого источника, *предприниматель* вряд ли закроет свои фабрики. Вопрос о том, как государство должно обеспечивать открытость источников поставок, станет важным вопросом, если окажется, что производители действительно бросают вызов общественному мнению и отклоняют решения суда.^[1]

Предлагаемая практическая работа Арбитража.— Давайте посмотрим, как такая система арбитража, как здесь описана, будет работать в случае, когда, как мы и предполагали, сильный профсоюз имеет дело с работодателем-монополистом. С самого начала исключается любое насилие со стороны мужчин. Недопустимы нападения, нанесение увечий или убийство так называемых "струпьев", и, более того, первое искушение к этому устраняется актом государства, признающего на определенный период право мужчин занимать определенные места. Здесь нет страйкбрехеров, на которых можно было бы напасть. На время арбитражного разбирательства класс *obnoxious* исчез из поля зрения, и все места временно зарезервированы за их первоначальными владельцами. Суд представил ему две возможные ставки оплаты труда, одну из которых требуют мужчины, а другую предлагают работодатели. Он может подтвердить любой из этих показателей или любой показатель, промежуточный между ними, и, скорее всего, выберет последний. В любом случае, он объявляет ставку, которая, по его мнению, справедлива и с большей вероятностью будет таковой, чем та, на которую претендует любая из сторон. "Это справедливая ставка, - заявляет суд рабочим. - Вы можете принять ее или отказаться от нее, но если вы откажетесь от нее, произойдет нечто определенное: рабочие, которые откажутся от нее, лишатся всех прав на свои должности". Рабочие не часто отказываются от премии, а давление общественного мнения делает маловероятным, что работодатель сделает это. В сочетании с арбитражем и неотъемлемой частью системы является политика, которая должна устранить опасность монополии. В своей совершенно безопасной форме монополия пока едва ли существует, но то, что действительно существует, - это огромное количество частичных монополий, способных грубо обращаться с конкурентами и вымогать прибыль у людей. С регулированием заработной платы напрямую связано уничтожение таких монополий. Предотвращение забастовок часто может быть достигнуто и без этого, но обеспечение справедливой заработной платы требует этого. Имея в виду решение проблемы монополии, все другие потребности в данной ситуации вполне могли бы быть удовлетворены путем арбитража без применения принудительных мер.

Теперь мы можем свести наши выводы в таблицу.

1. При заключении договора о заработной плате отдельный работник оказывается в невыгодном положении. У него есть что-то, что он должен продать и что его работодатель не обязан брать, поскольку он может безнаказанно отвергать одиноких мужчин.
2. Период безделья может усилить эту нетрудоспособность в любой степени. Продавец всего, что должно быть продано немедленно, подобен умирающему с голоду человеку, закладывающему свое пальто, — он должен брать все, что ему предлагают.
3. Коллективные переговоры позволяют мужчинам на время отказаться от чего-либо важного для работодателя. Он не может позволить им всем уйти безнаказанно.
4. Забастовка - это соревнование на выносливость; и если она продолжается до тех пор, пока люди не выдохнутся, они коллективно оказываются в положении голодного отдельного продавца, который находится во власти покупателя. Заработная плата, которую они тогда получают, может быть намного ниже естественного стандарта.
5. Если их места сразу же будут заполнены мужчинами, которые уже испытывают такую необходимость, результирующая норма может быть в равной степени ниже естественного стандарта.
6. Могущество профсоюза часто зависит от применения им силы для удержания нуждающихся вне сферы его деятельности.
7. Размер оплаты, получаемой там, где принуждение свободно и успешно практикуется, выше обычной ставки.
8. Примирение мало что дает для изменения результатов, которые достигаются без него, но оно снижает частоту забастовок.
9. Арбитражное разбирательство в суде, который должен вынести решение, но не может привести его в исполнение, — в суде, который подтверждает право рабочих на работу на время рассмотрения иска и объявляет ее утраченной, если работники отклонят его постановление, — такое арбитражное разбирательство обеспечило бы более тесное соответствие нормальному стандарту заработной платы, чем любое другое разбирательство. Это позволило бы установить расценки, которые давали бы рабочим все законные преимущества от коллективных переговоров.
10. Арбитраж, проводимый судом, который вынужден действовать и может привести в исполнение свое решение, может в конкретном случае отклоняться от размера оплаты труда, который обеспечили бы забастовки; но если отклонение будет частым и значительным, это вызовет бунт против системы обязательного арбитража. Ставка по этой системе не может сильно отличаться от результата, полученного при полном отсутствии арбитража. Главная ценность всех вышеупомянутых способов урегулирования споров заключается в предотвращении дорогостоящих перерывов в работе. Они могут сократить количество забастовок и предотвратить большие потери и страдания.
11. Процедура, направленная главным образом на прекращение забастовок, обычно зависит от достижения компромисса между противоположными требованиями. Это обеспечивает подход к разумной корректировке как между работодателями, так и между наемными работниками, но не влияет на различия в заработной плате различных классов работников.

12. Для того чтобы любой способ регулирования заработной платы мог обеспечить справедливые сравнительные ставки, монополии должны быть подавлены; а этого можно достичь только мерами, независимыми от арбитражных судов.

СНОСКИ

[1] Если бы работодателем была корпорация, обладающая монополией на свой производственный отдел, было бы трудно быстро открыть такие новые источники поставок, какие были бы необходимы; но временное снижение импортных пошлин часто далеко продвинуло бы дело в этом направлении. И мера, которая обеспечила бы работу завода в условиях временного конкурсного управления, конечно, сделала бы это.

ГЛАВА XXVII

БОЙКОТЫ И ОГРАНИЧЕНИЕ ПРОДУКТОВ

Будучи свободными от налета монополии, профсоюзы, как было показано, скорее помогают, чем препятствуют естественным силам распределения. Ведение коллективных переговоров - это нормально, но отстранение мужчин от работы - это не так. С этой недемократической политикой связаны определенные практики, которые направлены на то, чтобы принести пользу одним работникам за счет других, и, таким образом, имеют тенденцию извращать процесс распределения.

Ограничения на количество членов в Профсоюзе.— Если бы профсоюз был полностью частной организацией, он мог бы должным образом контролировать количество своих членов. До его создания все представители ремесла, которое он представляет, конечно, не являются членами профсоюза, и целью основателей является "объединение профессии", то есть привлечение в состав организации как можно большей доли мужчин, уже работающих в подгруппе, которую представляет профсоюз. С этого времени она может установить свой собственный стандарт приема и позволить своему членству увеличиваться медленно или быстро, в зависимости от того, что, по-видимому, диктуют ее интересы.

Как слишком узкая политика сводит на нет саму цель.— Очень узкие ограничения, хотя и не допускают мужчин в профсоюз, привлекают их к самой профессии. Крайняя нехватка профсоюзных работников и высокая оплата, которую они означают, приводят к созданию новых заводов или цехов, которыми полностью управляют мужчины, не входящие в профсоюз. Если эти фабрики и магазины будут успешными, профсоюз может позже принять их работников в члены; и серия успешных попыток производить товары с помощью неорганизованного труда, таким образом, нарушает исключительную политику профсоюзов. Число их членов растет, несмотря на усилия к обратному.

Бесплатный допуск к профессии эквивалентен бесплатному допуску в Профсоюз.— Мы можем признать одним из принципов в том случае, если бесплатный вход в ремесло сам по себе предполагает свободный вход в профсоюз. Когда мужчины успешно осваивают профессию, профсоюз стремится включить их в свой состав, хотя при этом сам расширяет свое членство.

Как правительство могло бы предотвратить монополию на рабочую силу.— Вполне возможно, что правительство может потребовать от профсоюзов регистрации самих себя и может включить в устав пункт, требующий бесплатного приема квалифицированных членов при условии уплаты только таких взносов, которые могут потребоваться разумным потребностям профсоюза. Это не является непосредственной вероятностью, но поставленной цели можно достичь, сделав членство в самой профессии практически бесплатным, что означает защиту от насилия мужчин, которые занимаются этим без вступления в профсоюз. Это несложно, когда мельница в изолированном месте управляется полностью независимыми работниками, и естественно, что профсоюзы должны стремиться иными способами, кроме грубо незаконных, препятствовать успешной работе таких мельниц. Если они будут работать успешно, их работников придется привлекать в профсоюзы. Мерой, призванной воспрепятствовать работе предприятий, не входящих в профсоюз, является бойкот. Это мера, которая не требует применения силы и которая, тем не менее, имеет немалую ценность для рабочих.

Природа и разновидности бойкота.—Бойкот - это одновременный отказ от использования или обращения с определенными изделиями. В своей первоначальной или негативной форме бойкот предписывает работникам оставить определенные изделия в покое. Если это готовые товары, они не должны покупать их для потребления; а если это сырье или товары в процессе производства, они не должны выполнять никакой работы над ними или над любым продуктом, в который они входят. Таким образом, они могут бойкотировать каминные полки жилого дома и отказаться устанавливать их на место, или, в случае, если они были установлены другими рабочими, они могут, в качестве крайней меры, отказаться выполнять дальнейшие работы по дому, пока их не уберут. Бойкот производителей, подобный этому, относится к совершенно иной категории, чем прямой бойкот потребителей или отказ использовать готовое изделие. Когда сырье попадает под запрет, рабочие бастуют, если работодатель настаивает на его использовании. Если причиной бойкота являются какие-либо разногласия между производителем сырья и его рабочими, мера приравнивается к угрозе забастовки в поддержку пострадавших рабочих. Если причиной является тот факт, что материалы были изготовлены в цехе, не входящем в профсоюз, то у людей, которые их таким образом изготовили, нет претензий, но у профсоюза, к которому принадлежат эти люди, есть претензии. Она заключается в простом факте, что мужчины, не состоящие в профсоюзе, вообще работают в этой сфере и что их работодатель находит рынок сбыта для их продукции. Работников других профессий призывают помочь этому профсоюзу посредством забастовки сочувствующих, которой либо угрожают, либо которая фактически проводится. Таким образом, подобный бойкот можно охарактеризовать как потенциальную или фактическую забастовку сочувствующих, в некоторой степени стратегически спланированную. Если забастовка действительно состоится, она может помочь людям, ради дела которых она проводится; и принципы, которые управляют таким бойкотом, - это те же принципы, которые управляют забастовками сочувственного характера.

Прямые потребительские бойкоты экономически законны.—Другой тип бойкота - одновременный отказ от покупки и использования определенных потребительских товаров. Юридически это рассматривалось как заговор с целью нанесения ущерба бизнесу, но запрет утратил свою эффективность, как это обычно бывает с требованиями законодательства, когда они не согласуются с экономическими принципами. В последнее время было мало склонности применять закон против бойкота, и совсем не было желания применять закон, когда бойкот достигает своей цели, принимая позитивную, а не негативную форму. Движение за защиту

торговых марок предписывает мужчинам полностью оказывать свое покровительство работодателям, включенным в определенный список, и это предполагает отказ от него у других; но условия фактического соглашения между работниками предполагают прямое предоставление выгоды и лишь косвенно причинение вреда. Эти люди не вступают в сговор с целью нанести ущерб бизнесу конкретного человека, но объединяются, чтобы помочь бизнесу определенных других людей. Экономическая теория мало использует это техническое различие. Это скорее благоприятствует всякого рода прямому бойкоту потребителей, чем что-либо иное, и особенно благоприятно для движения торговых марок. Это движение может оказать мощную помощь работникам в получении нормальной заработной платы, но оно не поможет им получать намного больше.

Основание законности бойкота.— Физическое лицо имеет право оказывать свое покровительство, где ему заблагорассудится, и для действия экономического права важно, чтобы оно свободно пользовалось этим правом. Вся структура экономического общества, действие спроса и предложения, законы цен, заработной платы и т.д. Покоятся на этой основе. Современные условия требуют, чтобы большие группы людей могли одновременно осуществлять аналогичное право, чтобы организованный труд оказывал свое коллективное покровительство там, где он пожелает. Конечно, это может быть сделано только путем контроля над отдельными членами, поскольку профсоюз не покупает потребительские товары коллективно. Если она сможет таким образом контролировать своих членов, то сможет использовать для продвижения своего дела имеющееся в ее распоряжении обширное покровительство.

Неблагоприятные черты непрямого бойкота.—Бойкот, который мы до сих пор имели в виду, является прямым ограничением патронажа профсоюзных работников товарами, произведенными профсоюзом. Почему это следует поощрять, мы сейчас увидим. То, что мы сказали в пользу этого, не относится к бойкоту торговцев во всех их перевозках, потому что они имеют дело с определенными товарами. Если какая-либо марка мыла запрещена, рабочие имеют право одновременно отказываться использовать эту разновидность; но не в равной степени законно препятствовать продавцу, в функции которого входит обслуживание населения, продавать это мыло покупателям, которые его хотят. Отказываться покупать что бы то ни было у продавца из-за того, что он хранит на своих складах запрещенный товар и продает его другому кругу покупателей, является необоснованным вмешательством в свободу продавца и других покупателей. Непрямые бойкоты потребителей мало что могут дать им хорошего, но бойкоты прямого характера - очень много.

Достоинства движения за торговые марки.— Это наиболее четко проявляется в связи с движением за торговые марки. В результате этого движения профсоюзные работники, как мы надеемся, будут покупать только товары, произведенные профсоюзом. Существование такого движения само по себе подразумевает, что можно приобрести товары того же рода, которые не производятся профсоюзным трудом. Магазин, который управляется с помощью независимых работников, является причиной существования профсоюзного лейбла. Если бы весь труд в группе был организован, лейбл не имел бы никакого значения. В настоящее время профсоюзы предлагают работодателю определенное покровительство в обмен на то, что он ограничивается членами профсоюза, и до тех пор, пока стоимость производства его товаров не сильно возрастает, стимула может быть достаточно, чтобы заставить его это сделать.

На движение повлияли экстравагантные требования к работодателям.—Чрезмерно высокая заработная плата означает, конечно, чрезмерно высокие цены. Не принимая при этом во внимание "осторожную" политику, направленную на то, чтобы сделать рабочую силу неэффективной, экстравагантная заработная плата за эффективную рабочую силу увеличивает стоимость товаров. Это открывает путь, как мы видели, для свободного магазина и рабочей силы, которая готова продавать свой продукт по более низкой цене. Если профсоюз затем твердо решит покупать только товары с этикеткой, он предложит героическую меру самообложения.

Торговые марки и качество товаров.—Опыт движения торговых марок до настоящего времени заключался в том, что в некоторых случаях этикетка ручается за высокие цены, если учитывать качество, или за низкое качество, если цены являются текущими. Вместо того чтобы говорить покупателю, что обувь, шляпы, сигары и т.д., на которых нанесен ярлык, несомненно, являются лучшими из того, что можно приобрести за такие деньги, этикетки более склонны сообщать ему, что этот товар беднее других, которые можно приобрести. В некоторых случаях это не так, и изделия, изготовленные профсоюзом, так же хороши и дешевы, как и другие. Когда этикетка обозначает высокую цену или низкое качество, профсоюз не может контролировать своих членов, и особенно жен своих членов. Имея скудную недельную зарплату для инвестирования, жена должна использовать ее там, где это принесет наибольшую пользу семье. Стимул покупать действительно дешевые и качественные товары настолько силен, что движение за создание торговых марок терпит неудачу всякий раз, когда лояльность к ним в значительной степени означает самообложение.

Наглядный урок потребительского бойкота. Организованный труд преподает себе дорогостоящий и впечатляющий наглядный урок, когда он пытается заставить всех людей своего класса покупать более дорогой из двух одинаковых предметов. Это показывает, что требования профсоюзов должны быть ограничены, и что для достижения наивысшего успеха они должны быть настолько ограниченными, чтобы работодателю, у которого магазин, не входящий в профсоюз, не было предоставлено решающего преимущества. Заметная разница в издержках производства приведет к росту свободного цеха и сокращению профсоюзного цеха. Определенная умеренная разница в заработной плате там может быть, при условии, что профсоюзный труд является высокоэффективным; но большей такой разницы быть не может. Если движение за создание торговых марок будет в целом успешным, этот факт докажет, что требования профсоюзов были соблюдены в разумных пределах.

Политика ограничения продукта труда.—Ограничение интенсивности труда является частью политики профсоюзов. Термин "са'-саппу" означает работу в спокойном темпе, что является одним из методов, принятых для того, чтобы обеспечить работой чрезмерное количество мужчин. В некоторых случаях мотивом является желание избежать неоправданной нагрузки на работников. Если работодатель выбирает "кардиостимуляторов", обладающих исключительными способностями и выносливостью, и пытается довести других работников до их уровня, то правило профсоюза, запрещающее выполнять более определенного объема работы в день, становится средством от настоящего зла — чрезмерного нервного истощения при слишком напряженном труде. Это, однако, ни в коем случае не доказывает, что проводимая политика является хорошей. Помимо облегчения, которое наступает, когда пресекается неоправданное ускорение машин и вождение рабочих, будет невозможно доказать, что в

долгосрочной перспективе в этом есть хоть что-то хорошее, а зло в этом очевидное и достойное сожаления.

"Создание работы" в связи с техническим прогрессом.—Политика обращает вспять последствия прогресса. То, что привело к неуклонному увеличению отдачи от труда, - это экономия труда или умножение продукта, а создание рабочей силы и сокращение объема продукта являются противоположностью этому. Увеличение продукта труда привело к неуклонному повышению уровня оплаты труда, а фактическая ставка - вслед за ним; и перспектива будущего и постоянного повышения уровня жизни рабочих почти полностью зависит от продолжения этого процесса умножения продукта. Одинокий человек, живущий в изоляции, выиграл бы от всего, что сделало бы его усилия плодотворными, и общество в целом подобно такому изолированному человеку. Она выигрывает благодаря каждому изобретенному эффективному инструменту и каждой капельке дополнительной эффективности в руках, которые им владеют.

Обращающий вспять эффект Прогресса.— Отсюда следует, что отмена такого улучшения и возврат к более ранним и менее производительным методам обратили бы вспять эффект улучшения, который заключается в более высокой оплате труда для всех; это восстановление условий, при которых продукт труда и его оплата были ниже. Политика "осторожности" - произвольного ограничения того, что человеку позволено делать, — имеет такой эффект. Она направлена на обеспечение сокращения объема производства не путем принуждения к использованию некачественных инструментов, а путем принуждения к некачественному использованию обычных инструментов. В долгосрочной перспективе результатом является - и должно быть - изъятие чего-то из карманов рабочих.

Эффект политики создания рабочих мест при режиме сильных профсоюзов.— Конечно, только сильный профсоюз может проводить в жизнь подобную политику. Придание собственной работе незначительной ценности является большим стимулом для работодателя нанять кого-то еще, если он может. Впределах могущественный профсоюз может помешать ему сделать это, и если в настоящее время общество терпеливо относится к анархии, — если оно позволяет людям, желающим хорошо работать в данной области, быть насильственно исключенными из нее людьми, которые полны решимости работать плохо, — политика может прийти до катастрофических последствий.

Как статичный закон препятствует политике создания рабочих мест.—Как мы видели, даже сильным профсоюзам удастся поддерживать лишь ограниченную разницу в оплате труда между их профсоюзами и другими. Усилия по поддержанию чрезмерной надбавки за труд любого рода сводят на нет сами себя, побуждая свободный труд преодолевать барьер, воздвигнутый против него. То же самое происходит, когда мы снижаем производительную силу организованного труда. Если в то время, когда премия, которую профсоюзный труд получает по сравнению с профсоюзным, достигает максимума, вводится политика ограничения продукции, это настолько усиливает стимул зависеть от независимой рабочей силы, что сопротивляться ей невозможно. Частокор, который профсоюзные рабочие возвели вокруг своего поля, рушится, и другие рабочие свободно проникают внутрь. Если осторожная политика требует платить десяти мужчинам за выполнение работы пятерых, то сам профсоюз должен будет уступить место независимым мужчинам. Нельзя сказать ни единого доброго слова о конечном эффекте этой политики, поскольку она выходит за умеренные рамки, требуемые гигиеной. До того момента,

когда это предотвратит неоправданное давление на работников, остановит катастрофическое вожделение и раннюю инвалидизацию мужчин, эффект настолько хорош, что вполне оправдывает сокращение продукции и заработной платы, к которому приводит политика. Кроме этого, в его пользу вообще нечего сказать, и если это станет общей и устоявшейся политикой профсоюзов, это будет тормозить прогресс и означать непоправимые потери для каждого класса рабочих.

Несмотря на все это, должно быть правдой, что какой-то мотив, который может понравиться разумным существам, побуждает работников к такой политике. Ни один план действий, столь общий, как этот, не может быть поддержан, если кто-то, по крайней мере временно, не выиграет от него. Работники чрезвычайно заинтересованы в успехе любого плана действий, который они принимают, и у них есть все основания прийти к правильному выводу относительно него. Они мешают извлечь наглядные уроки из любой ошибочной политики, поскольку ее пагубные последствия становятся очевидными, даже несмотря на то, что некоторые локальные и преходящие положительные эффекты также становятся очевидными. Нетрудно понять, что привлекло столь многих работников и побудило их добровольно снизить стоимость своего труда.

Распространенный аргумент против ограничения продуктов. — Что обычно говорят об этой политике, так это то, что она основана на идее, что для каждого вида работы необходимо выполнить определенный объем, и что если человек делает вдвое меньше того, что он мог бы сделать, то для выполнения всего объема будет нанято вдвое больше людей. Никто из тех, кто вообще мыслит, на самом деле не верит, что объем работы данного вида фиксирован, независимо от того, сколько за это взимается. Если бы рабочие на зданиях брали от пяти до десяти долларов в день, было бы построено меньше домов, чем было бы возведено, если бы они брали три доллара; и то же самое верно повсюду. Объемтруда, который необходимо выполнить в любой сфере занятости, постоянно меняется в зависимости от изменения стоимости, и удорожание труда в конкретном подразделении снижает количество его продукции, которое может быть продано.

Профсоюз часто обнаруживает, что в его сфере деятельности слишком много работников, чтобы их можно было постоянно использовать при той ставке оплаты, которую он устанавливает. Результатом является частично праздный труд; люди работают с перерывами, и хотя высокая заработная плата, которую они получают за часть своего времени, может компенсировать им дни или недели простоя, безделье, являющееся следствием переизбытка предложения, неизбежно.

Данное число работников в группе, которое составляет А при заработной плате в три доллара в день, становится чрезмерным числом при заработной плате в пять долларов, и даже если высокая заработная плата непривлекает людей извне и не увеличивает абсолютное число работников больше, чем раньше, занятость не является постоянной. Политика осторожности - временное средство для решения этой проблемы. Это попытка избежать необходимости частичного безделья и перевода работников на другие профессии. Весь труд может на какое-то время остаться в своей нынешней сфере, если он подвергнется частичному параличу. На какое-то время спрос на продукт труда будет достаточным для обеспечения более постоянной занятости. Требуется время, чтобы полный эффект политики ограничения продукции проявился в снижении потребления товаров, стоимость которых, таким образом, увеличивается. Когда это произойдет, проявится пагубный эффект политики. Если бы профсоюз был достаточно силен,

чтобы сохранить монополию в своей области, несмотря на более высокую эффективность работников, которые могут свободно работать обычным способом, он был бы достаточно силен, чтобы поддерживать гораздо более высокую оплату труда для своих собственных членов, если бы ограничивал их число и поощрял их к эффективному труду. Самый сильный из возможных профсоюзов должен проиграть, заменив план парализации труда планом ограничения числа рабочих. Профсоюз может предпочесть воспользоваться преимуществами своей монопольной власти, удерживая неоправданно большое количество людей на постоянной работе, а не получая высокую заработную плату за эффективную работу; но в этом случае любой профсоюз, кроме того, сила которого поддерживается каким-либо неестественным образом, скорее всего, потерпит крах из-за большого предпочтения, которое он создает для работников, не входящих в профсоюз. Независимый магазин получит лучших работников при более низкой ставке заработной платы, и его продукция займет рынок. Популярность плана составления рабочих планов является результатом поиска преимуществ, которые являются скорее временными, чем постоянными. Если бы оно распространялось во многих отраслях так же широко, как оно уже распространено в некоторых, оно, вероятно, нейтрализовало бы, даже для тех, кто прибегает к нему, большую часть пользы от организации и нанесло бы еще больший вред другим.^[1]

Восьмичасовой переход как политика, способствующая созданию рабочих мест. Стремление сократить количество рабочих часов до восьми в день содержит в себе столько полезного, что его нельзя ставить в одну категорию с рациональным планом работы. И все же один из главных аргументов в пользу такого сокращения количества часов работы идентичен тому, которым защищается сокращение объема работы, выполняемой за час. Цель состоит в том, чтобы заставить работать и обеспечить занятость большего числа работников. Здесь применимо то, что было сказано о другом способе организации труда. Сокращение продолжительности рабочего дня сокращает объем продукта, который создают работники, и количество, которое они получают. В основном потеря продукта, вероятно, компенсируется выигрышем в отдыхе и удовольствии; но потеря продукта, взятая сама по себе, является злом, и ничто не может сделать его иным. Если бы рабочие часы были еще больше сокращены, потери были бы более очевидными, а выгоды от отдыха и досуговой деятельности - меньшими.

Один веский аргумент в пользу большей продуктивности восьмичасового рабочего дня. — Есть одна причина, по которой восьмичасовой рабочий день может в череде поколений оказаться более продуктивным, чем более длительный. Это может сохранить физическую силу работников и позволить им сохранить свою работу до более позднего периода жизни. Мертвая черта в шестьдесят лет может быть стерта.

Если бы мы хотели выжать из человека максимум возможного за один день, мы должны были бы сделать это, заставив его работать двадцать четыре часа; после этого в течение еще двадцати четырех часов он был бы очень мал. Если бы мы рассчитывали заставить его работать неделю, нам, вероятно, следовало бы сократить рабочий день до восемнадцати часов. Если бы мы рассчитывали нанять его на месяц, а затем уволить, то, возможно, получили бы максимальный результат, заставив его работать четырнадцать часов. Если бы он был нам нужен всего на год, возможно, двенадцатичасовой рабочий день обеспечил бы максимум, на что он был способен. Через десять лет он мог бы сделать больше за десятичасовой рабочий день, а за всю свою трудовую жизнь, вероятно, мог бы сделать больше за восемь. Сорок или пятьдесят лет непрерывной работы меньше сказались бы на его способностях, а также на количестве и качестве его продукта.

Связь между ограничением продуктов и перемещением торговых марок.—Очень важно учитывать эти факты, касающиеся ограничения товаров для рабочих и перемещения торговых марок. Если это движение станет более общим и эффективным, оно донесет до всех, кто должен принять в нем участие, последствия политики, парализующей труд. Добросовестный профсоюзный деятель обнаружил бы, что оплачивает полную долю счетов, которые эта политика влечет за собой для общества. Обычные покупатели могут отказаться от продукта, стоимость которого повышается из-за правил профсоюза; но член профсоюза должен принять его и должен сделать себя и свой класс главными субъектами налога, налагаемого повышением цен. Вполне может быть, что пагубное качество общей политики создания рабочих мест станет настолько очевидным в любом случае, что от нее откажутся; и это было бы обеспечено правилом, которое фактически сделало бы профсоюзных работников главными покупателями профсоюзных товаров. Тогда это означало бы самообложение в масштабах, которые никакие аргументы не могли бы сделать популярными.

СНОСКИ

[1] Будет видно, что успешна политика в обеспечении работой частично незанятых или не в состоянии этого сделать, зависит от величины сокращения продаж товаров, которое влечет за собой увеличение затрат на их производство; и если рынок очень чувствителен к увеличению затрат, политика может потерпеть неудачу в обеспечении даже временного увеличения занятости.

ГЛАВА XXVIII

ЗАЩИТА И МОНОПОЛИЯ

Все наиболее серьезные извращения экономической системы, с которыми мы столкнулись, были связаны с некоторым проявлением принципа монополии, и важно знать, усиливает ли какая-либо устоявшаяся политика правительств это пагубное влияние. Импортные пошлины были установлены в Америке с целью защиты отраслей промышленности как таковой, и сейчас жизненно важный вопрос заключается в том, начали ли они защищать монополии внутри отраслей.

Предполагаемый конфликт между теорией и практикой.— Было время, когда теоретики и практики, казалось, пребывали в безнадежных разногласиях по всему вопросу охраны. С точки зрения практического человека, экономист - это человек, который в ходе своего исследования пришел к определенным выводам, которые были в равной степени неопровержимы сами по себе и несовместимы с фактами. Наиболее часто в этой связи звучало выражение, что "теория и практика не согласуются". Доктринеры в те дни были необычайно гармоничны между собой, поскольку было сравнительно мало тех, кто энергично защищал протекционизм на основе экономических принципов. Практический мир был менее гармоничен, поскольку взгляды разных его частей были окрашены различными интересами; но тот факт, что наука не впадала в внутреннее противоречие, вселял оптимизм. Бескомпромиссный сторонник свободной

торговли мог думать и говорить, что все фундаментальные принципы были на его стороне, и что у протекциониста не было ничего в его пользу, кроме временных нарушений, которые мешали совершенному действию принципов.

Статичная теория в пользу свободной торговли. — Итак, деловой мир слишком много уступал стороннику свободной торговли, когда говорил, что теория в целом говорит в его пользу. Что он мог правдиво утверждать и что мир мог смело признать, так это то, что в его пользу говорит статическая теория. Статическая теория имеет дело с миром, свободным не только от трений и беспорядков, но и от тех элементов изменений и прогресса, которые являются характерными чертами реальной жизни. Остановите все изменения, происходящие в промышленной жизни мира; положите конец изобретениям и усовершенствованиям в организации бизнеса; пусть не будет перемещения населения взад и вперед и никакого увеличения совокупного населения мира; далее, пусть не будет никакого увеличения богатства мира и никаких изменений в его формах, — и вы получите статическое состояние, описанное в начале этого трактата. Люди продолжали бы создавать вещи до скончания веков, используя идентично те же методы, которые сейчас в моде, и получая идентично те же результаты, и в таком воображаемом мире не было бы никакой возможности ответить на утверждение общей группы экономистов поколения назад. Свободная торговля была бы единственной рациональной политикой, и ее можно было бы защищать на том простом основании, на котором защищается разделение труда в случае отдельных людей. У одного человека есть склонность к изготовлению обуви, у другого - к изготовлению часов, у третьего - к написанию картин и так далее; и каждый из них может получить гораздо больше, посвятив себя своей специальности и обменивая ее продукцию, чем он может, пытаясь производить все для себя. У наций есть свои особые склонности, и они должны следовать им и извлекать из них все возможное; и нация, у которой есть специальные возможности для производства хлопка, или пшеницы, или нефти, или золотых и серебряных слитков, должна посвятить себя своей специальности, обменивать результаты и получать взамен всевозможные товары.

Сокращение потерь от защиты за счет диверсификации ресурсов. — Действительно, это правда, что такая великая нация, как наша, делает гораздо лучших мастеров на все руки, чем может сделать отдельный человек. Гораздо более вероятно, что нация в целом может производить без особых потерь все то, что она хочет использовать, чем то, что это может сделать любой отдельный человек. Если у нас есть все климаты от тропического до арктического, все почвы и полный список месторождений полезных ископаемых, почему нам должно быть выгодно ограничиваться производством всего нескольких товаров для того, чтобы обменивать их на другие? Почему бы нам, с нашим широким спектром ресурсов, не сделать все?

Несомненно, мы можем производить почти все, если будем настаивать на этом; но все же есть некоторые вещи, которые другие страны могут производить и продавать нам на таких условиях, что мы можем добиться большего успеха, покупая их, чем производя сами. Мы можем выращивать чай в Соединенных Штатах, но нам выгоднее производить что-то другое и обменивать это на чай. День труда, затраченный на выращивание хлопка для отправки в обмен, дает нам больше чая, чем день труда, затраченный непосредственно на производство последнего продукта. В статичном состоянии мы должны были бы определить, в каких областях наиболее выгодно использовать нашу энергию. Мы должны напрямую производить вещи, за изготовление которых нам было бы лучше всего платить, и мы должны косвенно производить

другие вещи; то есть мы должны производить изделия для отправки в обмен на эти другие вещи. Везде, где косвенный способ приобретения вещи оказывался наиболее выгодным, мы должны были использовать этот метод и всегда придерживаться его. Все, что вынуждало нас непосредственно создавать что-то, что мы могли бы обеспечить в большем изобилии, затрачивая труд, необходимый для этого, на создание чего-то другого, направило бы нашу энергию в сравнительно непроизводительном направлении. Это привело бы к ненужным тратам и убыткам — а такие траты и потери присущи действию принципа защиты, и невозможно оспорить аргумент, демонстрирующий их существование. Защита и определенное искажение производственной системы, определенное неправильное направление энергии - синонимы.

Аргументы в пользу защиты динамичны.—С этого момента начинаются разумные аргументы в пользу защиты. Он принимает весь статичный аргумент в пользу свободной торговли, и его собственное утверждение начинается с "тем не менее". В нем утверждается, что, несмотря на то, что таким образом признается, защита оправдана, поскольку, в конце концов, она окупится, несмотря на сопутствующие ей потери. Аргумент в пользу защиты является полностью динамичным. Она основана на факте прогресса и признает, что она не могла бы оправдать себя в условиях статичного состояния. Если бы у каждой страны были определенные специальные возможности для производства определенных товаров, и если бы ее состоянию в этом отношении было суждено оставаться навсегда неизменным, она могла бы до скончания времен становиться богаче, завися во многих вещах от своих соседей, чем она могла бы, завися в этих вещах непосредственно от себя. Однако факт заключается в том, что нация, подобная нашей, изобилует неосвоенными и даже неизвестными ресурсами, которые, будучи извлечены на свет божий, могут превзойти многие из тех, которые известны и используются. Если бы наша страна от края до края была подобна Кейп-Ному и так же богата золотом, как самая богатая часть этого отдаленного региона, и если бы мы были уверены, что месторождения золота никогда не иссякнут и будут использовать всю энергию нашего народа, то ясно, что у нас было бы одно основное занятие, и мы зависели бы от остального мира почти во всех видах портативных товаров. Нас должна остановить от производства высокая производительность труда при добыче россыпей. До тех пор, пока люди могли зарабатывать десять долларов в день, вымывая золото из песков, не было никакого смысла заставлять их работать, зарабатывая два доллара в день, ткачами, сапожниками или кем-то еще. Покупая нашу ткань за золотую пыль, мы могли бы получать ее гораздо больше, чем если бы вывели людей из шахты и заставили их изготавливать материал самостоятельно. Но — и вот условие, которое приводит предположение в соответствие с фактом, — если бы, помимо россыпей, у нас были глубокие залежи других металлов, кроме золота, если бы у нас были нефть, древесина и суглинок всех сортов, и если бы у нас были люди с неразвитыми механическими способностями, возможно, нам стоило бы развивать эти скрытые энергии даже расточительным способом. Условие, которое полностью установило бы сходство между предполагаемым случаем и реальным, состоит в том, что россыпные месторождения должны быть, как и россыпи, обязательно исчерпаны при продолжении разработки, и что производство других вещей, помимо золота, должно со временем становиться все более и более плодотворным процессом. Мы можем оправдать позицию страны, которая рано облагает себя налогами ради проверки и развития скрытых способностей своей страны и своего народа. Таким образом, вначале он понесет убытки, потому что с самого начала он может получить больше товаров косвенным методом обмена, чем путем производства; но легко может наступить время, когда он сможет получить больше прямым методом. Если мы научимся производить вещи более экономично, чем мы могли бы

производить их изначально, если мы найдем дешевые источники движущей силы и сырья, и особенно если мы разработаем машины, которые работают быстро и точно и значительно увеличивают продукт рабочего дня человека, мы достигнем состояния, при котором вместо потерь, связанных с первыми годами производства, мы получим растущий выигрыш, который будет продолжаться до скончания веков. Возможно, далее, что без защиты и обременительного налога, который она, несомненно, налагала на нас, нам пришлось бы слишком долго ждать получения этой выгоды и пожертвовать выгодами, получаемыми в результате длительного периода диверсифицированной и плодотворной промышленности.

Короче говоря, статический аргумент в пользу свободной торговли неопровержим, и динамический аргумент в пользу защиты, когда он разумно сформулирован, в равной степени таков. Эти два аргумента не совпадают и не опровергают друг друга, но взаимно согласуются. Аргумент в пользу защиты можно высмеивать под названием аргумента о "зарождающейся индустрии", и политика, которую он отстаивает, может продолжаться еще долго после того, как этот аргумент перестанет быть действенным. Младенец-переросток жертвует своим правом на нянчение, но это не докажет, что никогда не было времени, когда он в этом нуждался.

Политика, требуемая с учетом статичных и динамичных фактов. — Теперь есть аргумент в пользу снижения тарифов, который принимает как статичный аргумент в пользу свободной торговли, так и динамичный аргумент в пользу защиты. Фактически, он основывается на современных и разумных заявлениях протекционистов. Выдвигать в какой бы то ни было форме аргумент о зарождающейся промышленности - значит признать, что отстаиваемая политика временна. Защитные обязанности - это, по сути, самотестирование. В самой своей работе они показывают, были ли они изначально оправданными или нет. Основание, на котором они были навязаны, заключается в том, что они будут развивать скрытые ресурсы — что они позволят рабочей силе производить столько же за счет производства класса изделий, ранее произведенных в зарубежных странах, сколько она могла бы производить, занимаясь уже созданными отраслями промышленности и обменивая их продукцию на прежние изделия. Если это время настанет, отрасль, которая изначально должна была развиваться под защитой пошлины, станет настолько плодотворной, что сможет обходиться без нее. Налоги такого рода, как правило, перестают действовать при условии, что скрытые ресурсы для экономического производства действительно существуют.

Несколько лет назад человек, отошедший от дел по производству катушечного шелка, заметил, что, по его мнению, трехпроцентная пошлина на импортный шелк этого вида позволила бы американским фабрикам полностью завладеть своим собственным рынком. Разница между тем, во что обходилось производство шелка иностранцу, и тем, во что оно обходилось американцу, составляла, как он полагал, не более трех процентов. Если бы он был прав в своей оценке, почти все фактические пошлины могли бы быть отменены без ущерба для американского производителя. Американцы развили в себе достаточные способности к изготовлению катушечного шелка, чтобы иметь возможность получать почти столько же его, направляя свой труд в этом направлении, сколько они могли бы направить свой труд в любом другом направлении и обменять продукт на иностранный шелк. Должно быть, изначально мы много потеряли, заставив себя непосредственно производить шелк, поскольку с самого начала мы не могли производить его так же экономично, как мы могли бы производить изделие, которое мы могли бы обменять на него. В то время, о котором мы говорим, мы могли производить это практически без потерь, и этот случай иллюстрирует общий факт, касающийся

пошлин на изделия, при изготовлении которых мы изначально находимся в невыгодном положении, но впоследствии не оказываемся в невыгодном положении вообще. Когда наш первоначальный недостаток полностью преодолен, обязанность перестает действовать. Сохраним мы это или выбросим, не будет иметь значения ни для американского производителя, ни для американского потребителя — *при условии, что конкуренция всегда будет свободной и активной*. Если это не так, то можно рассказать совсем другую историю.

Важность изменений в относительной производительности различных отраслей. — Вместо того, чтобы добывать из почвы золотую пыль для обмена на товар, мы получаем продукт, который не так уж сильно на нее отличается. Что касается золотых зерен, прочитайте "Пшеничные зерна", и в заявлении будет указано, что большая часть нашей страны произвела и экспортировала. Продуктивность выращивания пшеницы сделала экономически невыгодным в некоторых обширных регионах заниматься другими занятиями; но поскольку плодородие земель, засеянных пшеницей, снизилось, а производительная сила труда в других направлениях возросла, мы достигли точки, на которой производить вещи, на которые мы раньше обменивали пшеницу, так же естественно, как производить само зерно. Снижение плодородия сельскохозяйственных земель и увеличение производительной силы труда, затрачиваемого на выплавку стали, по-видимому, сделали производителя последнего изделия таким же независимым, как и производитель зерновых. Первоначально было необходимо защитить металлургическую промышленность от конкуренции, чтобы обеспечить ее создание на раннем этапе. Теперь, по-видимому, нет необходимости продолжать защиту. Труд при производстве стали даст нам столько же ее тонн в год, сколько тот же труд дал бы нам, если бы он был потрачен на выращивание пшеницы для обмена на иностранную сталь. Пошлина на сталь, если это так, утратила силу в том смысле, что она больше не спасает от разрушения сталелитейную промышленность. Это пагубно действует и в другом направлении, поскольку является важным защитником квазимонополии в отрасли; и это иллюстрирует то, что часто происходит в случаях, когда аргумент о зарождающейся отрасли оказывается хорошо обоснованным. Этот аргумент предсказывает недавно созданной отрасли большое будущее развитие и наступление времени окончательной независимости. Защита обязуется заботиться о нем в период его беспомощности и зависимости до того времени, когда он сможет стоять на собственных ногах и противостоять соперникам. Если этот период наступит, — а история Соединенных Штатов показывает, что во многих случаях он наступил, — вы можете отменить всю пошлину, если пожелаете, и, если только цена изделия не была искусственно поддержана чем-то помимо пошлины, наши производители не потеряют контроль над своим рынком.

Существенным условием реализации счастливых предсказаний протекционистов является то, что конкуренция между американскими производителями должна быть беспрепятственной. Если бы это было так, товары, как они говорили, в конечном итоге продавались бы по ценам, установленным издержками производства, включая нормальную норму процента на затраченный капитал. Производители могут первоначально получать большую прибыль в качестве компенсации за те риски, на которые они идут при выполнении пионерской работы; но впоследствии они будут получать проценты со своего капитала и хорошую личную отдачу за руководство своим бизнесом, но не более того. Если они продают товары по ценам, которые приносят только такую прибыль, как эта, они, когда промышленность встанет на ноги, будут продавать их так же дешево, как это сделал бы иностранец. Высокая пошлина, если она все еще будет действовать, может вдвойне затруднить иностранцу доступ на наш рынок; но с товарами,

продаваемыми по естественной стоимости или по себестоимости, он в любом случае не зайдет на него, и пошлина может быть отменена совершенно безнаказанно.

Действительно, возникают некоторые вопросы, связанные со случайной разгрузкой значительных запасов на зарубежных рынках, и требуется защита, чтобы иностранец не превратил Америку в свою "свалку". Этот процесс работает в обоих направлениях: американец может выбрасывать излишки своей продукции на иностранную территорию так же, как иностранец может въезжать на американскую территорию. Не нужно уделять много внимания этому конкретному этапу исследования. Консерватизма, вероятно, будет достаточно на долгое время, чтобы сохранить в силе несколько более высокие обязанности, чем это требуется на общих основаниях. В основном факт таков, как указано: если защищенный младенец обладает способностью к росту, которая была приписана ему при начале курса ухода за ребенком, нянчения с ним, обучения и терпеливого ожидания, он объявит об этом факте через несколько лет, продемонстрировав присущую ему силу и доказав, что в этих методах воспитания больше нет необходимости. Тогда они нужны только для помощи *монополистической власти в отрасли*.

Защита отраслей отличается от защиты монополий.—Таким образом, получается, что пошлины выполняют две различные функции. Один из них заключается в защите от иностранной конкуренции отрасли как таковой — в защите каждого производителя, работает ли он независимо, в пуле или трасте. Другая функция заключается в защите доверия к отрасли — в том, чтобы дать возможность большой компании, работающей в пределах Соединенных Штатов, сохранить эту огромную отрасль при себе и по-прежнему устанавливать аномально высокие цены на свою продукцию. Фактически, различимая часть обязанности обычно выполняет первую из этих функций, а другая различимая часть выполняет последнюю. Если естественная цена изделия основана на стоимости его изготовления в Соединенных Штатах и если она на двадцать процентов выше стоимости в зарубежной стране, то двадцатипроцентная пошлина поставит американский продукт в равное положение с иностранным. Американский производитель не будет вытеснен со своего рынка до тех пор, пока он не начнет устанавливать аномально высокую цену. Если он это сделает, на рынок придет иностранец. Предположим, тогда пошлина составит сорок процентов. Возможно, потребуется двадцать процентов, чтобы позволить американскому производителю отстоять свои права перед иностранцем. При условии, что он требует от потребителей своих товаров только естественной отдачи, которую из года в год приносит бизнес, он может продавать все, что производят его фабрики, без опасности того, что иностранец вытеснит его. Остальные двадцать процентов пошлины позволяют ему добавлять монопольную прибыль к своим ценам. Он может поднять их примерно на ту сумму, которая превышает естественную, прежде чем иностранец начнет доставлять ему неприятности.

Мы видели, какими способами трест может подавлять конкуренцию в пределах нашей собственной страны. Существуют услуги, которые она может получить от железных дорог, и существует практика продажи своих товаров в каком-то одном населенном пункте по бешеной цене всякий раз, когда в этом населенном пункте появляется конкурент. Существует так называемое соглашение факторов, которое часто вынуждает продавцов покупать товары определенного класса исключительно у траста. С помощью этих и других средств трест делает опасным строительство завода с целью конкуренции с ним. Если, действительно, он сделает свои цены очень высокими, какой-нибудь смелый авантюрист построит такую мельницу и

воспользуется связанными с этим шансами; но если трест не станет предлагать такую заманчивую приманку в виде высоких цен, он может сохранить поле деятельности за собой. Если бы дополнительной пошлины в размере двадцати процентов — ненужной части общей пошлины в размере сорока процентов — не существовало, ничего подобного не было бы возможно. Тресту пришлось бы продавать по нормальной цене, чтобы не допустить иностранца, как и его независимому конкуренту. И объединение, и его конкуренты могли бы производить свои товары и продавать их под залог. Отрасль, как таковая, защищена двадцатипроцентной пошлиной, и именно дополнительная пошлина является защитником монополии — благоприятной причиной для захвата, который трест может произвести из карманов потребляющей публики.

На практике не стоит пытаться приводить цифры настолько точные, как подразумевается в заявлении о том, что для защиты отрасли как таковой от иностранцев требуется всего двадцать процентов пошлины, и что еще только двадцать процентов определяют монопольную цену. Установить пошлину таким образом, чтобы она точно соответствовала потребности в защите, практически невозможно. Из-за колебаний значений пошлина может быть немного выше, чем это необходимо при нормальных условиях. Все это должно быть рассмотрено компетентной тарифной комиссией. Цифры, которые мы здесь используем, являются лишь иллюстративными; но принцип ясен, как ничто другое в экономике. Защита отрасли как таковой — это одно; это означает, что американцам будет предоставлена возможность удерживать свой рынок при условии, что они будут устанавливать цены на свои товары, которые приносят только справедливую прибыль. Защита монополии в отрасли — это другое дело; это означает, что иностранная конкуренция должна быть пресечена, даже если американский производитель устанавливает неестественные цены. Это означает, что трест должен иметь возможность продавать часть своих товаров за границу по одной цене, а остальную часть — дома по гораздо более высокой цене. Это означает, что трест должен быть защищен от любой конкуренции, за исключением той, которая может исходить от дерзких конкурентов внутри страны, готовых не бояться опасностей выхода на американское поле при условии, что цены, которые здесь господствуют, приносят прибыль, достаточную, чтобы оправдать риск.

Предел, за которым Обязанность становится Опорой Монополий. Эта линия разделения проходит через большую часть пошлин, которые эта страна сейчас налагает на иностранные товары; и этот факт раскрывает научное правило снижения тарифов. До определенного момента, согласно традиционной американской точке зрения, долг может принести пользу. Возможно, это защита отрасли, которая еще не совсем сформировалась и еще не достигла своего полного развития и не достигла полной конкурентной мощи. Что бы ни говорилось о том, что следует делать с этой частью пошлины, нет сомнений в том, что будет сделано; она будет сохранена, и американский народ будет ждать со всем возможным терпением наступления времени, когда промышленность станет независимой от любой такой помощи. После этого защитная обязанность становится основой доверия *по преимуществу*.

Большинство обязанностей Состоят из добра и зла. — Есть некоторые отрасли, которые полностью созрели. Обязанности, которые были возложены на них, чтобы защитить в период их младенчества, больше не нужны для этой цели. Степень защиты, которая в этих случаях необходима для сохранения американского рынка для американского продукта, *равна нулю*. Единственным следствием введения пошлин на продукцию таких отраслей является поощрение монополии. С другой стороны, есть несколько отраслей, которые не попали под контроль

монополий и которые в значительной степени нуждаются в защите, которая у них есть, чтобы сохранить свои нынешние отрасли. Если они действительно младенцы, а не карлики, — если у них есть способность вырасти до полного роста и независимости, — политика народа, несомненно, будет заключаться в том, чтобы позволить им сохранять в течение значительного времени всю ту защиту, которой они сейчас пользуются. Число подобных отраслей сравнительно невелико. В случае подавляющего большинства наших пошлин есть одна часть, которая защищает отрасль как таковую, и другая часть, которая защищает монополию в ней. Снимите всю пошлину, и вы подвергнете независимых конкурентов треста, равно как и сам трест, иностранной конкуренции, которую они едва ли в состоянии вынести; но если вы снимете часть пошлины, — ту часть, которая служит созданию монополии, — вы не уничтожите и, вероятно, не повредите независимому производителю. Его положение сейчас ненормально и опасно. Он может продолжать работать исключительно по милости силы, которая могла бы сокрушить его в любой день, если бы захотела, и ее способность сокрушить его обусловлена большими выгодами, которые дает ее положение монополиста. Когда оно желает сокрушить местного конкурента, оно может вторгнуться на его территорию и в пределах этой территории продавать товары дешевле, чем стоит их производство; и, проводя эту беспощадную политику, оно все еще может зарабатывать деньги, потому что оно получает высокие цены в других частях своей обширной территории. Не имея такой большой общей прибыли, на которую можно было бы рассчитывать в качестве военного фонда, трасту пришлось бы конкурировать со своими конкурентами на условиях, которые были бы, по крайней мере, более близкими к равным, чем они есть сейчас. У нее по-прежнему было бы оружие, которое она могла бы применить против конкурентов, и ее способность вести несправедливую борьбу не была бы исчерпана. Без дальнейших действий со стороны законодателей положение мелкого конкурента траста могло бы быть неестественно опасным; но существенным моментом является то, что одно из средств, к которому прибегает траст, чтобы сокрушить его, зависит от наличия больших прибылей на большей части его территории; и их не было бы, если бы не ненужная и ненормальная часть обязанностей.

Фонд хочет выполнять свои обязанности, и он хочет выполнять их полностью. Это постоянный защитник политики, которая называется "постоянное сопровождение". Она оценивает ту часть, которая создает монополию, в соответствии с мерой прибыли, которую эта часть приносит в ее казну. Траст обладает огромной силой, о чем нам не нужно говорить, и он найдет способы помешать снижению тарифов, как и в случае с другим антимонопольным законодательством. Радикальные законы, навязываемые законодательными органами или Конгрессом во время вспышек народного гнева, — законы, которые требуют столь многого в плане подрыва доверия, что их никогда не приведут в исполнение и никогда не должны были применять, — до сих пор не были предотвращены. Подобные "буллы против кометы" издавались достаточно часто, но серьезное законодательство, основанное на здравых принципах, столкнется с более серьезными трудностями. Перед нашими людьми возникают трудности даже там, где они ясно видят, чего хотят, и пытаются этого добиться; но там, где они не видят, чего хотят, дело безнадежно. Вызывающая доверие часть защитных пошлин имеет эффект, относительно которого нет никакой неопределенности, и если американский народ обнаружит этот факт, он не достигнет своей цели, но трудоемкий путь, ведущий к ней, по крайней мере, будет лежать перед ним отчетливо.

Политика, проводимая в интересах Прогресса. — Общие факты, которые здесь были приведены, призывают к отмене определенной части существующих обязанностей и

сохранению другой части, и они делают разделение между двумя частями ясным, по крайней мере в принципе. Мы хотим сохранить часть пошлины всякий раз, когда она защищает отрасль, которая еще не достигла зрелости, но находится на пути к зрелости. Нам нужна эта отрасль, потому что она прогрессивна в своей способности создавать богатство и однажды внесет важный вклад в наш национальный доход. Это динамичный агент — фактор нашего продвижения к нереализованной цели всеобщего комфорта. Мы не хотим другой части обязанностей, во-первых, потому, что мы не хотим монополии. Любая особенность нашей промышленной системы, которая признана просто элементом, создающим монополию, обречена этим фактом на исчезновение, если силы народа достаточно, чтобы уничтожить ее. Означает ли это, что сами консолидации, таким образом, осуждаются? Разве мы не хотим крупных корпораций с огромными капиталами? Несомненно, мы хотим их ради их экономики и их способности к еще большей экономии. Если убрать из них элемент монополии, они станут динамичными агентами и внесут свой вклад в общий прогресс. Часть протекционистского тарифа, от которой нам нужно избавиться, — это та часть, которая помогает решительно внести в них элемент монополии; и в этой связи остается выдвинуть самое серьезное обвинение, которое должно быть выдвинуто против этой части пошлин.

Защита и прогресс.—Монополия действует прямо против продолжения того самого прогресса, для создания которого был разработан тариф. Вся защита протекционизма основывалась на динамическом аргументе, и единственным оправданием налога, который изначально ввели протекционисты, является тот факт, что он дал нам отрасли, которые сами по себе способны становиться все более и более производительными. Было бы трудно отрицать, что значительная часть этого увеличения производительной силы, на которое рассчитывали создатели защитной системы, была практически реализована. Промышленные предприятия, пережившие период слабости, фактически приобрели конкурентную силу. Мы приобрели способность производить товары намного дешевле, чем кто-либо мог раньше, и процесс удешевления продолжается до сих пор. Наши производственные центры переполнены оборудованием, большая часть которого — нашей собственной разработки. Благодаря прогрессивному характеру этих отраслей, потери, связанные с их появлением, были в значительной степени компенсированы. На динамичных основаниях, и только на этих основаниях, политика защиты достаточно хорошо оправдала себя. И теперь мы подошли к тому моменту, когда этот спасительный элемент в защитной системе находится под угрозой исчезновения. Действительно, чрезмерная часть защитного тарифа теперь действует положительно, сдерживая прогресс, который он когда-то инициировал, поскольку монополия враждебна этому прогрессу. Вся сила аргумента, основанного на механических изобретениях и развитии скрытых способностей у нашего народа, теперь имеет силу против части тарифа, направленной на создание монополии. Сохраните ту часть пошлины, которая не нужна для спасения независимого производителя от иностранной конкуренции, которая нужна только для того, чтобы позволить тресту устанавливать ненормальные цены и при этом не допускать иностранцев на наши рынки, и вы создадите монополию, неблагоприятную для дальнейшего совершенствования производственного искусства.

Конкуренция является надежной гарантией всего такого прогресса. Это вызывает гонку улучшений, в которой нетерпеливые соперники борются друг с другом, чтобы увидеть, кто может добиться наилучшего результата за день своего труда. Это ставит производителя туда, где он должен проявить предприимчивость или выбыть из гонки. Он должен изобретать машины и процессы или перенимать их по мере того, как их открывают другие. Он должен

организовывать, исследовать рынки и изучать желания потребителей. Он должен идти в ногу с быстро движущейся процессией, если он вообще рассчитывает долго оставаться продюсером.

Влияние консолидации без монополии на прогресс.—Существует ли монополия под каким-либо подобным давлением вперед? Конечно, нет. Он может внести некоторые улучшения, поскольку таким образом может разбогатеть; но его не заставляют делать их или погибать. Здесь мы сталкиваемся с большим различием, которое может быть упущено из виду. Огромная корпорация, которая не является настоящей монополией, может быть в высшей степени прогрессивной. Если ему все еще приходится опасаться конкурентов, реальных или потенциальных, он находится под тем же давлением, которое действует на независимого производителя, — давлением с целью экономии рабочей силы. Возможно, она сможет добиться даже большего прогресса, чем могла бы добиться более мелкая корпорация, поскольку она сможет нанять изобретательных людей для разработки новых приборов и сможет испытывать их, не нанося существенного ущерба своему доходу в результате таких экспериментов. Когда у нее появляется успешная машина, она может внедрить ее сразу на многих заводах. Консолидация без монополии благоприятствует прогрессу. Привнося в нее элемент монополии, великая консолидация освобождает себя от необходимости прогресса, и как опыт, так *иаприорные* рассуждения говорят против вывода о том, что при таком режиме реальный прогресс будет быстрым. Надежная монополия может безнаказанно стагнировать, и причина, по которой многие корпорации, которые выглядели как монополии, на самом деле не стагнировали, заключается в том, что их позиции не были настолько надежными. У них было несколько реальных соперников и много потенциальных. Часть защитной системы, которая стремится сделать их более защищенными в их монопольном положении, наносит удар по наиболее жизненно важной части промышленной системы, прогрессу внутри нее, элементу, который ежедневно увеличивает способность человека создавать богатство и позволяет миру поддерживать растущее население в условиях возрастающего уровня комфорта. Истинная монополия означает застой, угнетение и то, что было названо новым феодализмом, в то время как консолидация без монополии означает прогресс, свободу и постоянное приближение к промышленной демократии. Одним из важнейших средств обеспечения этого последнего результата является сохранение такой степени защиты, которая необходима для поддержания американской изобретательности и организационной мощи живыми и активными, в то же время устраняя тот их избыток, который способствует монополии и устраняет необходимость проявления этих черт характера. Возникнут разногласия относительно точки, в которой в конкретных случаях следует проводить разделительную черту; защищенный интерес потребует уплаты пошлины в размере пятидесяти процентов там, где двадцати было бы вполне достаточно и где любое превышение этого уровня было бы пагубным. Однако не должно быть серьезных разногласий относительно того, чего мы хотим — прогресса и подавления монополии, которая препятствует прогрессу; и не должно быть серьезных разногласий относительно принципа, которому следует следовать, чтобы защитная система способствовала достижению этих целей. Это, конечно, не должно препятствовать иностранцу, когда американский фонд установил свои цены на грабительском уровне и использует свою власть, чтобы подавить всякое соперничество внутри страны. Хорошие и дурные последствия чрезмерных обязанностей в принципе совершенно различны, и задача, стоящая перед нами, состоит в том, чтобы воплотить их в жизнь. Это делается для того, чтобы отменить часть защитной системы, создающую монополию.

Весь вопрос об отношении тарифа к монополии представляет собой спорные моменты, некоторые из которых здесь не могут быть обсуждены. Ни в коем случае не утверждается, что неестественно высокий тариф является единственным средством поддержания монополий или что при его снижении больше ничего нельзя будет сделать. Крупная корпорация, как уже было сказано, обладает специальными средствами ведения грабительской войны против местных конкурентов, и ее монопольная власть зависит от них, а также от тарифа. Когда иностранец вынужден покинуть поле, "траст" может со страшным эффектом использовать эти средства атаки на местных соперников. Верно, как мы видели, что его монополистическую власть можно было бы значительно уменьшить, не затрагивая тарифа, отняв у него контроль над фрахтовыми ставками и, таким образом, уничтожив его способность занижать цены конкурентов посредством специальных скидок, которые он сейчас получает; и его способность причинять зло можно было бы уменьшить еще больше, отняв у него привилегию снижать цены на свои товары в одной местности, в то же время устанавливая в других местах высокие цены, которые позволяют ему получать исключение иностранца. Регулирование трастов только этими средствами и без каких-либо изменений в системе защиты потребовало бы от людей долгой и упорной борьбы. Это потребовало бы героического упорства в ходе сложного управления. Успех придет быстрее и легче, если, сохраняя нормальный уровень защиты, мы отменим ее ненормальную часть. Другие меры контроля за трастами гармонируют с этой и будут работать более эффективно, если их использовать в сочетании с ней. Вместе с этим они устраняют барьер на пути прогресса и приводят в действие силу, которая его продвигает.

Не вдаваясь ни в какие тонкости, можно увидеть, что при нормальном уровне тарифов успех траста в зарабатывании денег будет зависеть от его эффективности как производителя; и то же самое будет справедливо для его независимых конкурентов. Снова и снова будут появляться новые конкуренты, чьи заводы намного эффективнее многих, которыми управляет трест. Они могут быть даже эффективнее лучших заводов великой комбинации. Американские производители и иностранцы будут горячо соперничать друг с другом в поиске средств снижения издержек или — что то же самое — увеличения продукта дневного труда. В предполагаемых здесь условиях трест не сможет уничтожить действительно эффективного конкурента, и он почувствует стимул его соперничества таким образом, что это заставит его быть бдительным и предприимчивым в поиске и использовании новых устройств для экономичного производства. Трест и его американский конкурент одинаково почувствуют стимул от усилий иностранца превзойти их обоих в методах эффективного производства; и результатом всего этого будет большая степень прогресса — более динамичный индустриальный мир, — чем есть какая-либо надежда реализовать, пока иностранцы не допущены на наши рынки, даже когда цены там грабительские. Цены будут грабительскими до тех пор, пока трасты проверяются только местными конкурентами и им позволено принуждать этих конкурентов к покорности. Держать иностранца подальше, честно конкурируя с ним, — вот чего мы должны желать; но насильственное изгнание его, даже когда цены поднимаются до непомерного уровня, помогает закрепить за этой страной различные пороки, которые входят в зловещий термин "*монополия*"; и среди худших из этих зол — ослабление динамичной энергии и замедление прогресса.

ГЛАВА XXIX

ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ДЕНЕГ

Динамические свойства денег.— Вопрос о деньгах, на который для целей настоящего трактата наиболее важно ответить, заключается в том, можно ли увеличить или ослабить всеобщее благосостояние, манипулируя их объемом. Являются ли деньги динамичным фактором и можно ли регулировать их таким образом, чтобы стимулировать экономический прогресс? Эти вопросы требуют тщательных ответов.

Общепринятые факты, касающиеся Денег.—Мы можем без возражений принять вывод, к которому пришли как теория, так и опыт относительно превосходства золота и серебра над другими материалами, из которых могут быть изготовлены денежные знаки. Они обладают общепризнанной полезностью, которая делает их повсеместно востребованными. Они обладают необходимыми "нетленностью", "переносимостью" и "делимостью", а при изготовлении монет обладают "узнаваемостью", по которой их легче, чем многие другие вещи, идентифицировать и отличить от дешевых подделок. Остаются нерешенными вопросы о том, необходим ли для процветания растущий объем валюты и можно ли лучше обеспечить этот рост, используя два металла, чем один.

Эффект свободной чеканки монет.— Очевидно, что когда правительство разменивает бесплатно все золото и серебро, которые доставляются ему для этой цели, любой металл будет стоить примерно столько же в виде слитков, сколько он стоит в виде монеты. Если для использования в искусстве унция золота стоит больше, чем количество долларов, которые можно из нее изготовить, чеканка этого металла временно прекратится, и некоторые уже изготовленные монеты будут переплавлены. Более того, там, где оба драгоценных металла используются в качестве денег, ни один из них в течение длительного времени не может стоить в монете намного дороже, чем слитки, содержащиеся в менее ценном из двух. Если на золотой доллар будет куплено больше серебра, чем необходимо для изготовления серебряного доллара, из-за более высокой стоимости слитков в прежней монете серебро будет куплено и отправлено на монетный двор для чеканки, в то время как золотые доллары будут переплавлены. Золото пойдет дальше на уплату долгов, когда его таким образом обменяют на серебряные деньги.

Влияние инфляции валюты на цены.— Мы ссылаемся на еще один общепринятый факт, когда говорим, что при прочих равных условиях увеличение объема используемой валюты повышает цены на товары. Каким конкретным механизмом это достигается, мы здесь не выясняем. Не все, что утверждается в рамках "количественной теории денег", обычно верят, но вряд ли где-либо найдется склонность отрицать, что, если не произойдет никакого другого динамичного движения, увеличение объема металлических денег в обращении на пятьдесят процентов сделало бы цены выше, чем они были до добавления.

Растущие цены и прибыль бизнеса.—Далее, если мы утверждаем, что постоянно растущие цены означают процветание, прибыль для предпринимателя и оживленный спрос на рабочую силу и капитал, — мы утверждаем то, что в практическом мире является слишком общепринятым. Здравая теория и сложившееся мнение расходятся по этому вопросу, и на первый взгляд кажется, что на стороне нынешнего мнения факты. Периоды роста цен на самом деле были периодами процветания. Считается, что торговцу или производителю трудно "вести

бизнес на падающем рынке" и легко зарабатывать деньги на растущем. Это впечатление совершенно верно в той мере, в какой оно касается тех колебаний цен, которые возникают внезапно и продолжаются лишь короткое время. Что очень важно знать, так это означает ли постоянный рост цен, который должен продолжаться постоянно, постоянную прибыль для *предпринимателя*; и можно без колебаний утверждать, что этого не произошло бы, если бы теория процента о конечной производительности была обоснованной, то есть если бы капитал устанавливал на рынке норму процента, соответствующую сумме, которую фактически произведет его предельное приращение.

Скорость роста валюты отличается от Абсолютной величины Прироста.—Степень, в которой любая валюта способна повышать цены за счет продолжающегося расширения, зависит не от абсолютной величины этого расширения, а от процента расширения, которое происходит в течение данного времени. Более того, заданный процент прироста *в год* может поддерживаться как за счет одного металла, так и за счет двух. Если бы количество золотых и серебряных денег в мире увеличивалось на один процент в год, цены имели бы ту же тенденцию при использовании валюты, изготовленной из одного металла, что и при использовании валюты, изготовленной из обоих. Если бы, с другой стороны, все валюты были основаны только на золоте, переход на биметаллическую систему сразу привел бы к единовременному значительному увеличению объема денег; но после этого темпы увеличения были бы не больше, чем при едином стандарте. *При переходе* от золотой валюты к биметаллической мы должны были бы получить быстро растущие цены; после завершения перехода у нас должна была бы быть валюта, которая росла бы, как и прежде, по ставке в один процент. Если бы объем бизнеса увеличивался со скоростью двух процентов в год, в то время как другие факторы, влияющие на цены, оставались неизменными, валюта не росла бы так быстро, как спрос на нее, и цены не только упали бы, но и падали бы с той же скоростью, как если бы использовался только один металл. Используйте десять металлов вместо двух — делайте монеты из олова, платины, меди, никеля и т.д., — и если *grand composite* по-прежнему обеспечивает однопроцентную норму общего прироста металлических денег, цены будут меняться так же, как они менялись бы при обращении только с золотом. Совершенно переходным при таких обстоятельствах является рост цен, обеспеченный принятием биметаллизма. Он достигается добавлением к запасу золота, используемого в настоящее время для конечных платежей, существующего запаса серебра.

Почему металлическая валюта любого вида в долгосрочной перспективе увеличивает свою покупательную способность.—В долгосрочной перспективе почти любая металлическая монета фиксированного веса увеличит свою покупательную способность. Серебро сделало бы это так же хорошо, как и золото; то же самое сделали бы монеты сложной чеканки из десяти металлов. Закон убывающей доходности применим как к добыче полезных ископаемых, так и к сельскому хозяйству. Чем больше серебра вам нужно, тем глубже вы должны его добыть и тем больше тугоплавких руд вы должны выплавить. Превращение необработанного металла в готовые изделия становится все более и более дешевым процессом, но извлечение самого металла становится дороже. Все большая и большая часть труда, затрачиваемого на изготовление изделий из серебра, золота, меди или олова, должна быть потрачена на извлечение сырого материала из земли. Есть улучшения в горнодобывающей промышленности, как и в других отраслях, и есть значительные улучшения в плавке; но, несмотря на это, постоянная разработка более сложных рудников и более сложных руд делает получение сырого материала, в долгосрочной перспективе, относительно дорогостоящим.

Поскольку монета состоит в основном из необработанного металла, мы можем, следовательно, рассчитывать на то, что перед нами режим падения цен, какую бы металлическую валюту мы ни приняли. Скорость падения и степень его устойчивости будут выше для одних металлов, чем для других. Колебания стоимости золота в целом сравнительно устойчивы. Количество и стоимость этого металла колеблются, но изменения менее резкие, чем в случае большинства других.

Устойчивость изменения покупательной способности денег — важный факт. -Второй факт, который следует отметить, заключается в том, что лучшей валютой является та, покупательная способность которой изменяется, если вообще изменяется, сравнительно равномерно. Этот факт имеет первостепенное значение, и его проверка окупит любой объем исследований. Не скорость, с которой покупательная способность золота растет, а стабильность прироста из года в год определяет, являются ли это лучшими деньгами, которые могут быть у делового мира. *Изменение темпов* увеличения покупательной способности чеканного металла оказывает действительно тревожный эффект; устойчивое и поддающееся расчету повышение курса - нет. В некоторых проницательных умах существует то, что я рискну назвать заблуждением относительно влияния на бизнес-классы повышения покупательной способности золота, которое происходит в течение длительного времени с одинаковой скоростью. Допуская перспективу решительного повышения стоимости этого металла, мы можем абсолютно отрицать, что, если *он стабилен*, он играет на руку кредиторам, обременяет *предпринимателя*, губит предприятие или имеет какие-либо последствия, на которые претендовали определенные люди, которых мы обязаны уважать. Нерегулярные изменения стоимости действительно привели бы к таким результатам. Пусть стоимость золота вырастет на три процента в этом году, на один процент в следующем и на четыре процента в следующем, и произойдут пагубные вещи; но пусть оно растет даже на целых три процента каждый год в течение столетия, и в критические моменты деловой жизни наступят существенные последствия, которые последовали бы, если бы оно вообще не росло.

Это означает, что при устойчивом росте курса валюты произойдут события, способствующие процветанию. Должник добьется справедливости, предприятие будет в безопасности, заработная плата увеличится, а промышленность получит прибыль. *Предпринимателю*, в пользу которого в последнее время были даны плохие советы, лучше всего выполнять свою стратегическую работу не с той валютой, стоимость которой меняется меньше всего, а с той, которая меняется наиболее равномерно. Если кажется, что золото, вероятно, будет цениться больше, чем серебро, и цениться более устойчиво, то это определенно лучший металл. *Предприниматель* постоянно процветает не из-за инфляции, и не из-за спада, от которого он страдает в долгосрочной перспективе; именно изменения в уровне инфляции или спада оказывают заметное и разрушительное воздействие в критические моменты деловой жизни.

Процент по ссуде в связи с увеличением реального капитала.—Как медленное и устойчивое повышение курса любой металлической валюты влияет на отношения бизнес-классов? Грабит ли это заемщиков и обогащает ли кредиторов? Приносит ли это пользу потребителям, снижая цены, и в такой же степени вредит производителям? Облагает ли это налогом предприятия и парализует ли нервы бизнеса? Ответом будет решительное *Нет*. Стабильность темпов повышения курса денег - спасение бизнеса. Ни на йоту такое медленное и устойчивое движение само по себе не может ограбить класс заемщиков. Это огульное утверждение; давайте рассмотрим его.

Было показано, что истинный процент определяется предельной производительностью капитала. Как полезность конечного приращения товара устанавливает цену, которую продавец может получить за весь свой запас, так и производительная мощность конечной единицы капитала выражает то, что владелец капитала может получить, предоставив займы весь свой запас. Эта способность зарабатывать выражается в процентах от самого капитала. Если конечная единица может создать двадцатую часть себя за год, любая единица может получить для своего владельца примерно эту сумму.

Предполагая, что капитал зарабатывает двадцатую часть самого себя за год, мы можем использовать товарный стандарт измерения. Капитал бакалейщика, составляющий двадцать баррелей сахара, может превратиться в двадцать один баррель, и в такой же пропорции увеличатся его мука и чай. В простейшей иллюстрации, которую можно было бы привести для капитала, приносящего пять процентов дохода в год, мы должны предположить, что каждый вид орудия производства, находящегося в распоряжении человека, увеличивается в количестве в течение года на эту величину. Если он фабрикант, его мельница становится длинной в сто пять футов вместо ста футов. На ней имеется двадцать один комплект шерстяного оборудования вместо двадцати. Поток воды, обеспечивающей электроэнергию, становится на пять процентов обильнее; и запас товаров, сырых, незаконченных и готовых, увеличивается на ту же величину.

Конечно, такого симметричного увеличения количества всех видов товаров на самом деле никогда не могло произойти, поскольку некоторые товары увеличиваются в количестве больше, чем другие. Однако на рисунке показано, что определяет норму процента: это самовозрастающая способность множества реальных капиталов. Если фабрика, оборудование, товарный запас увеличиваются в количестве по пятипроцентной ставке, то это естественная норма процента на ссуды реального капитала. Кредитор дает заемщику двадцать единиц "товара" и получает обратно двадцать одну. Если предельный социальный капитал, состоящий из товаров и измеряемый каким-либо образом в натуральных единицах, способен увеличивать себя за год на одну единицу на каждые двадцать, кредиторы потребуют примерно эту сумму, и заемщики заплатят ее.

Как должно быть рассчитано увеличение количества разнообразных товаров.—Как проявляется реальная доходность капитала в конкретных формах? Откуда бакалейщик знает, что он может заработать пять процентов на последней единице капитала, которую он занимает? Не тем фактом, что каждая партия из двадцати баррелей сахара приносит прибыль в размере одного барреля, что каждая партия из двадцати фунтов чая приносит прибыль в размере одного фунта и так далее. Если бы произошло такое симметричное всестороннее увеличение количества товаров, имеющих в распоряжении человека, его полки, прилавки, мусорные баки, цистерны должны были бы увеличиваться в том же соотношении. В случае производителя мельница должна была бы удлиняться на один фут каждые двадцать лет, как показано на предыдущем рисунке, а оборудование и весь инвентарь должны были бы увеличиваться в той же пропорции. Земельная и водная энергетика должны были бы увеличиться на одну и ту же постоянную долю.

Конечно, такого не происходит. Общее количество капитальных благ любого вида увеличивается; но на практике это увеличение выражается в денежной стоимости, и никак иначе. Все оборудование становится дороже, чем было. Увеличение денежной стоимости

измеряет притязания капиталиста. Если запас товаров в целом увеличился и если цены упали, требование капиталиста не будет соответствовать фактическому увеличению стоимости товара.

Увеличение количества товаров различного рода, конечно, несимметрично. Если этот человек - производитель, то его мельница и мощность подачи воды, вероятно, не увеличились. У него может быть больше оборудования, и у него больше сырья и больше товаров, готовых или незаконченных, чем у него было, когда он проводил свою последнюю инвентаризацию. Если у него нет больше товаров такого рода, у него есть нечто, их представляющее; и это оказывает такое влияние на его состояние, как если бы фабрика расширилась, а машины и другой капитал умножились, и все в том же соотношении.

Человек оценивает свой прирост реального богатства с помощью денег. В конце года он составляет список всех своих товаров, привязывает к ним цены и видит, какой стала стоимость запасов за год. Он сравнивает общую денежную стоимость товаров, имевшихся в наличии в январе 1907 года, с запасами на январь 1906 года. Если он покупал и продавал только за наличные деньги и если в течение года он использовал на свое содержание только то, что заработал трудом, избыток наличной стоимости на начало 1907 года сообщает ему, сколько заработал его капитал за предыдущие двенадцать месяцев.

Влияние изменения цен на требования капиталистов.—Если цены оставались стабильными, доход от капитала, выраженный в деньгах, будет точно соответствовать доходу, рассчитанному в товарном выражении. Это похоже на то, как если бы имело место пятипроцентное увеличение сахара и муки в нашем первом примере или мельницы и оборудования во втором. Затем в результате продажи они могли быть конвертированы в пятипроцентное увеличение денежной массы. Продавая акции по их рыночной стоимости, продавец мог выручить на пять процентов больше, чем стоили ему первоначальные акции.

Если покупательная способность денег увеличилась на один процент или если цены на конец года стали на столько намного ниже, запасы в денежном выражении увеличатся всего на четыре процента. Итак, реальное увеличение конкретного капитала по-прежнему составляет пять процентов, и это, согласно закону процента, именно то, чего капиталист может требовать от товаров. Это требование удовлетворяется фактической выплатой денег в размере четырех процентов. Дайте капиталисту в январе 1896 года доллар и четыре цента за каждый доллар, который он одолжил в январе 1895 года, и вы дадите ему возможность распоряжаться ста пятью единицами товара на каждые сто, которыми он распоряжался ранее.^[1] Вы предоставляете ему уменьшенную денежную выплату, что эквивалентно реальному увеличению капитала.

Практические различия между реальным процентом и увеличением реального капитала.—Именно увеличение капитала в натуральной форме определяет ставку ссудного процента. Необходимо соблюдать осторожность, чтобы не требовать от этой части регулирования какой-либо безошибочной точности, поскольку закон предельной производительности не работает без трения. При реальном капитале, составляющем пять с половиной процентов, кредитор может получить только пять. Однако, когда игра сил, фиксирующих реальный процент, добилась своего и определила, что в товарном выражении капитал должен обеспечивать своим владельцам пять процентов в год, эта сумма безошибочно передается им в виде последующих денежных выплат. Если, выплачивая четыре процента в качестве процента, торговец в показательном случае передает заимодавцу капитала ту часть прироста стоимости товаров, которая по закону процента достается ему, то четыре процента - это ставка, которую принесет

денежный заем. Это основано на предположении, что изменение покупательной способности денег совершенно устойчиво. Если оно неустойчиво, последуют эффекты, которые будут иметь большие последствия.

Изменения покупательной способности валюты оказывают влияние на процентную ставку по "денежным" займам. Если при совершенно стабильной стоимости валюты процент по ссудам составляет пять процентов, что соответствует доходам от реального капитала, то увеличение покупательной способности валюты на один процент в год приводит к снижению номинального процента практически до четырех процентов. Тогда должник действительно платит, а кредитор действительно получает тот же процент, что и раньше, от фактически предоставленного займа капитала. Заемщик, в данном случае *предприниматель*, обнаруживает в конце года, что у него товаров на пять сотых больше, чем у него было. Он должен выплатить кредитору сумму, эквивалентную этой сумме. При деньгах со стабильной покупательной способностью для этого требуется пять новых долларов на каждую сотню; но при деньгах, которые увеличивают свою способность покупать товары со скоростью один процент в год, на это требуется всего четыре. Процентная ставка по кредитам в долгосрочной перспективе снижается на величину, которая точно соответствует удорожанию денежного металла *везде, где оно является устойчивым*. Этот закон работает с точностью, необычной в случае экономических законов. Процент по ссуде более или менее зависит от предельной прибыли на капитал; но процент, выплачиваемый деньгами, точно выражает процент, определяемый в натуральной форме игрой экономических сил.

Сознательные прогнозы не являются необходимыми для обеспечения корректировки процентов по кредиту в соответствии с изменяющимися ценами.—Возможно, что при рассмотрении этого вопроса может сложиться впечатление, что это снижение номинальной процентной ставки является результатом предусмотрительности со стороны заемщика и кредитора. Согласно этой точке зрения, обе стороны с нетерпением ждут того времени, когда кредит будет выплачен. Заемщик понимает, что, хотя благодаря своему бизнесу он может иметь в своем распоряжении к концу года на пять процентов больше товара, цены, вероятно, упадут настолько, что он сможет реализовать в деньгах только четыре процента. С другой стороны, кредитор увидит, что, имея на четыре процента больше денег, он может, если захочет, купить на свою основную сумму и проценты на пять процентов больше, чем он фактически ссудил в виде товаров. Он удовлетворен этим увеличением; и, более того, он вынужден принять его, поскольку естественный прирост реального капитала не позволит заемщику платить больше.

Предприниматель прекратит занимать, если потребуется больше. Предполагается, что вся корректировка будет основываться на прогнозе, сделанном договаривающимися сторонами, и спекулятивном расчете тенденции цен. Теперь, хотя люди действительно думают о будущем, корректировка, которая фактически производится, не требует предвидения. При этом не обязательно задействован сознательный взгляд вперед. Это достигается с помощью процесса, который работает более безошибочно, чем мог бы сделать любой совместный расчет предстоящих условий.

Проценты по кредиту, которые будут действовать в течение определенного периода в ближайшем будущем, основаны на ставке, которую сейчас производит капитал.

Доказательства того, каков этот показатель, должны быть получены из опыта непосредственного прошлого. Конечно, требуется большой опыт, чтобы точно определить, сколько стоила предельная единица капитала за 1895 год для людей, которые ее использовали.

Это, однако, должно быть установлено как можно точнее. Со стороны как заемщиков, так и кредиторов требуется стратегия, чтобы ставка по кредиту соответствовала предельной прибыли. Здесь есть вероятность экономических трений и отклонений от теоретического стандарта, и ставка по кредиту иногда будет превышать его; но в долгосрочной перспективе отклонения будут компенсировать друг друга. В любом случае, опыт 1906 года фиксирует, с изменениями или без изменений, ставку кредита на 1907 год.

Прибыль, выявленная опытом 1906 года, теоретически может быть выражена либо в деньгах, либо в товарах. Допустим, их реальное состояние составляло пять процентов, но из-за падения цен в деньгах их было всего четыре процента. Таким образом, это ставка по кредиту, который должен действовать до 1907 года. Если цены продолжат падать с преобладающей в настоящее время скоростью, ставка ссуды в деньгах будет соответствовать предельному доходу от капитала за последний год так же точно, как и за предыдущий. Стратегия заключения сделок, "манипулирование рынком", может привести к несовершенному результату, и кредитор реального или товарного капитала может получить, а может и не получить точную реальную прибыль от предельного капитала того же вида. *При переводе доходов от реального капитала за предыдущий или тестовый год в денежное выражение курс монет безошибочно учитывался как элемент.* Если такие же темпы роста сохранятся в течение следующего года, то это не приведет к отклонению ставки по кредиту от прибыли на капитал. Любое имеющееся отклонение является результатом других только что отмеченных причин.

Выражаясь коммерческим языком, человек занимает "деньги" и, используя их в своем бизнесе, производит "деньги". Однако он делает это, конвертируя валюту в товар, а затем повторно конвертируя это в валюту. Он дает кредитору примерно столько, сколько дает "предельная" часть кредита. Если эта корректировка будет неточной, кредитор получит меньше или больше, чем фактический доход от такого капитала. Поскольку покупательная способность денег увеличивается с постоянной скоростью, корректировка происходит так же точно, как это было бы при деньгах стабильной стоимости. Повышение курса работает безошибочно, переводя доходы, измеряемые в товарах, в меньшие доходы, измеряемые в деньгах. Ставка по кредиту приблизительно равна доходу.

Последствия изменений в скорости повышения курса.—Что произойдет, если скорость повышения курса изменится? Что, если золото вырастет в цене на два процента вместо одного во время второго из периодов? Тогда капиталист явно окажется в выигрыше, а *предприниматель* - в проигрыше. Получая, как и прежде, пять процентов в виде товаров, бизнесмен из-за падения цен реализует в деньгах только около трех процентов. Его контракт, основанный на опыте предыдущего года, заставляет его платить четыре процента, и он теряет один. Каждое ускорение темпов увеличения покупательной способности денег играет на руку кредиторам. Любое снижение этой ставки играет на руку заемщикам. Если в 1907 году *предприниматель* получит трехпроцентную ставку на то, что он занимает, как это было основано на опыте 1906 года, и если падение цен в течение этого последующего года сократится до одного процента, заемщик получит явный выигрыш в размере одного процента; и это возместит ему его потери в более ранний период. Более того, после длительного периода стабильных цен начало тенденции к снижению не сразу влияет на процентную ставку по кредиту. Должен пройти период, достаточный для установления факта этой тенденции к снижению и для того, чтобы дать возможность кредиторам и заемщикам преодолеть привычку устанавливать новую ставку, которая будет соответствовать новой способности денежного

капитала приносить доход. Эти факты объясняют то, что порой выглядит как неспособность кредитного рынка в полной мере учитывать падение цен в течение данного интервала. Что на самом деле делает этот рынок, так это основывает процент, выплачиваемый в течение одного интервала, на деловом опыте другого.

Противоположные причины в пользу золота как основы валюты.—Каков же тогда наш практический вывод? Золото удивило мир своим ростом и ростом цен, который сопровождал это изменение. Проценты по кредитам выросли, как того требовали условия; но рост процентов несколько отставал от роста цен. Увеличение добычи драгоценного металла произошло сравнительно внезапно, и именно этот факт сыграл на руку *предпринимателям* и, на короткий промежуток времени, повлек за собой некоторые убытки для кредиторов. Когда процент по ссуде будет полностью скорректирован с учетом растущих цен, ни одна из этих сторон не выиграет за счет другой, пока рост будет продолжаться преобладающими темпами; но если рост прекратится так же быстро, как начался, то потеряют *предприниматели*, а выиграют кредиторы. Кредиты, выданные по ставкам, фиксированным на момент роста цен, будут выплачиваться суммой денег, на которую можно будет купить больше товаров, чем может позволить себе бизнес. С сокращением производства золота возникнет потребность в некоторой мере инфляции, чтобы рост цен мог продолжаться вечно. Добавление серебра к валюте, как мы видели, достигло бы этой цели лишь временно. В долгосрочной перспективе этот металл будет цениться так же, как золото. Использование бумажных денег имело бы временный эффект и было бы более опасной мерой. Ожидание в течение короткого времени новой корректировки процентной ставки по кредиту в соответствии с тенденцией цен было бы единственным рациональным ходом. Ограбит ли *предпринимателей* дальнейшее падение цен? Они должны платить только ту процентную ставку, которую приносит капитал. Если это пять процентов, то пять они должны платить, пока цены стабильны. При падении цен на один процент в год им придется платить только четыре. Остановит ли падение бизнес и заставит ли людей бояться покупать запасы товаров? Они могут продавать запасы так же дешево при четырехпроцентной процентной ставке и снижающихся ценах, как и при пятипроцентной ставке и стабильных ценах. Не подорвет ли это предпринимательство, заставив людей бояться строить заводы, железные дороги и т.д.? И здесь на помощь проектировщикам приходит процентная ставка по кредитам. Если они смогут выпускать свои облигации и векселя по более низкой ставке, они смогут безнаказанно наращивать инвестиции.

Стабильность - жизненно важное качество валюты. Пусть ее покупательная способность остается неизменной или постоянно меняется в любом направлении, и справедливость восторжествует, а бизнес будет процветать. Если скорость увеличения стоимости металла сильно колеблется, это металл плохой чеканки, даже если средняя скорость прироста медленная; если он растет медленно и стабильно, это почти идеально хороший металл.

Каков был бы эффект любого практического измерения инфляции? Если мы используем в качестве денег, доступных для погашения всех долгов, нынешний запас серебра в мире, мы делаем одно большое дополнение к объему денег, доступных сейчас. Мы запускаем инфляцию, которая не может продолжаться при использовании только серебра. В надежде увековечить рост цен мы можем последовать за серебром с помощью бумаги. Благодаря действию принципа, который мы изложили, мы, таким образом, повысим проценты по займам, и каждый человек, который покупает ферму или дом, пока продолжается инфляция, будет платить высокие проценты на увеличенную покупную цену. Когда мы будем вынуждены прекратить

выпуск бумаг, как в конце концов и должно быть, цена на землю и т.д. упадет, и процентная ставка по новым кредитам тоже упадет. Цены на все продукты упадут, и покупателям собственности снова придется бороться, как в годы, следовавшие за Гражданской войной, людям приходилось бороться с фиксированным долгом, фиксированной процентной ставкой и падающими ценами. Будут воспроизведены первые дни *после войны*. Таким образом, проведение политики инфляции означало бы, что люди снова будут страдать так, как страдали те, чей тяжелый опыт так часто изображается в популистской литературе. Признавая все, что утверждается относительно зла, которое проистекает из покупки или закладывания недвижимости, в то время как объем денег увеличивается, и выплаты возникшего таким образом долга, в то время как этот объем относительно сокращается, нужно понимать, что политика инфляции закончится причинением именно этого зла новым жертвам, если только не будет изобретен метод, с помощью которого инфляция может продолжаться вечно. Гораздо лучше будет пережить преходящее зло, которое принесет медленное изменение предложения золота. Сохранение золота во всех его незначительных вариациях будет означать все процветание и всю справедливость, которые может обеспечить любая денежная система. Если мы когда-нибудь откажемся от этого металла, опыт сделает нас достаточно мудрыми, чтобы вернуться к нему; но мы заплатим высокую цену за эту мудрость.

СНОСКИ

[1] Здесь следует учитывать небольшое дополнение. Если товар вырос на пять процентов, в то время как цены потеряли один процент, капитал, измеряемый в деньгах, увеличился на три девяносто пять сотых процента вместо ровно четырех.

ГЛАВА XXX

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВЫВОДОВ

Постоянные перемены - бросающийся в глаза факт современной жизни. Изменения, которые несколько десятилетий вносят в индустриальный мир, настолько революционны, что возникает вопрос, существуют ли экономические законы, которые сохраняют свою силу в течение какого-либо периода времени. Если таковых нет, то сейчас у нас одна экономическая наука, а через десять лет будет другая, и столетие спустя она будет сильно отличаться друг от друга. Для описательной экономики это верно, поскольку она меняется вместе с миром, который она описывает; но это не верно для экономической теории. Существуют определенные принципы, которые одинаково справедливы во все времена и в любом месте. Они были верны на заре развития промышленности, верны сейчас и останутся таковыми до тех пор, пока люди будут создавать и использовать богатство. Они не устарели ни в результате технического прогресса, ни в результате социальной эволюции. Вначале мы изложили некоторые из этих истин. Они относятся к человеку, к его природному окружению и к взаимодействию того и другого, и они не зависят от отношений человека к человеку. Мы также изложили другие экономические истины, которые применимы только к человеку в социальном государстве. Они не универсальны, но

настолько общи, что находят отражение в экономической жизни любого общества, от самого примитивного до самого высокоразвитого. Это принципы социально-экономической статики, и для того, чтобы они были отчетливо видны нам, мы создали в воображении общество, неизменное по размеру, форме и способу экономической деятельности. В таких условиях заработная плата труда оставалась бы фиксированной, как и проценты на капитал. Заработная плата и процент поглотили бы весь продукт общественного производства, ибо статическое состояние, каким мы его таким образом создали, исключает прибыль *предпринимателя*. В общих чертах это описывает состояние, к которому определенные экономические силы постоянно подталкивают реальный мир.

В каждый период существует стандартная форма и способ действия, к которым статические законы, действующие сами по себе, привели бы экономическое общество. Однако эта социальная норма не является одинаковой ни в какие два периода. Статические законы остаются неизменными, но они действуют в изменяющихся условиях, и если бы их оставили в покое и не потревожили, то дали бы один результат в 1907 году и другой в 2007 году. Изменения, которые принесет столетие, должны сделать общество крупнее и богаче, способ производства более эффективным, а отдачу для всех классов - большей. Законы, устанавливающие стандарты заработной платы и процентов, останутся прежними, но если действующие сейчас тенденции окажут свое естественное воздействие, все эти доходы будут больше. Это похоже на то, как если бы огромное количество воды устремилось в озеро и вызвало возмущения и перевороты поверхности. Если бы приток воды сейчас прекратился, поверхность опустилась бы до общего уровня. Если бы приток возобновился, продолжался в течение ста лет, а затем прекратился, поверхность снова опустилась бы до уровня, но он был бы выше прежнего. И все же *законы равновесия, создавшие первый статический уровень, были бы идентичны тем, которые создали второй*. Социально-экономическая статика - это совокупность принципов, которые действуют на каждом этапе развития цивилизации и в каждый отдельный период приближают общество к статичной норме, хотя ни в какие два периода они не приближают его к одной и той же норме. Они заставляют реальное общество вечно колебаться вокруг меняющейся стандартной формы.

Законы, управляющие прогрессом, которые заставляют социальную норму принимать различный характер от десятилетия к десятилетию и заставляют реальное общество приближаться к ней в своих изменениях, являются предметом социально-экономической динамики. Мы провели исследование более общих экономических изменений, влияющих на социальную структуру, и они расположены в следующем порядке:—

- (1) Увеличение численности населения, влекущее за собой увеличение предложения рабочей силы.
- (2) Увеличение запасов производительного богатства.
- (3) Совершенствование методов.
- (4) Улучшения в организации.

Все эти факторы влияют на производительную силу общества, и в связи с ними и вопреки им существует пятый тип изменений, который влияет на желания потребителей и определяет, как должна использоваться производительная сила.

Мы рассмотрели каждое отдельное изменение отдельно, а затем попытались объединить их и получить общий результат из всех. Начав с увеличения численности населения, мы проследили

его влияние на заработную плату, процент и стоимость товаров. Мы провели аналогичное исследование роста капитала, прогресса технических методов и организации промышленности.

Отклонение экономического общества от его статичных стандартов создает проблему, требующую решения, и в этой связи наиболее серьезным злом является тот тип изменений, при котором отбрасываются старые технические методы и вводятся новые. На вопрос, суждено ли этому злу увеличиться или уменьшиться, мы дали условный ответ на основе прошлого опыта и нынешних тенденций. Если конкуренция продолжится, а рабочая сила сохранит свою мобильность, зло, естественно, станет меньше. Главной результирующей всех сил прогресса является повышение уровня экономической жизни, достигнутое не без затрат, а с уменьшением затрат.

Жизненно важный вопрос заключается в продолжении осуществляемых в настоящее время движений. Имеет ли какое-либо из них тенденцию останавливаться? Являются ли какие-либо изменения, на которые мы полагаемся в том обнадеживающем мировоззрении, которое мы приняли, саморазрушительными? Мы обнаружили, что рост населения, как правило, происходит медленнее по мере того, как мир становится перенаселенным, в то время как мотивы для увеличения производственного богатства становятся скорее сильнее, чем слабее. Технический прогресс не дает ни малейшего намека на то, что он подходит к концу, и улучшения в организации могут продолжаться бесконечно, хотя они, естественно, будут происходить медленнее по мере того, как способы управления агентами производства будут приближаться к совершенству. Знание причин экономических изменений в лучшем случае неполно, и расширение его с помощью статистического метода исследования будет главной работой экономистов будущего. Аналитическое исследование отчетливо указывает на грядущее время повышенного комфорта для работающего человечества. Прогресс не подает признаков самоустранения до тех пор, пока продолжает действовать сила, которая была его главной движущей силой, а именно конкуренция.

Подозрительным элементом общего динамичного движения является прогресс в организации. То, что мы в первую очередь изучали, — это расстановка сил для простого производства - создания эффективных заводов, цехов, железных дорог и т.д. Это, однако, влечет за собой тенденцию создавать крупные фабрики, магазины и железнодорожные системы и, в конце концов, объединять те, которые начинались как соперничающие, в консолидацию, при которой их соперничество друг с другом прекращается. Это означает опасность монополии и является самой серьезной угрозой, которая нависает над будущим экономического общества.

Если что-то и должно определенно положить конец конкуренции, то это остановит изобретательство, извращает распространение и приведет к злу, от которого только государственный социализм может предложить способ избежать. Монополия - это не просто небольшое противоречие, препятствующее совершенному действию экономических законов. Это определенное извращение самих законов. Одно дело препятствовать силе, а другое - вытеснять ее и вводить другую; и это то, что сделала бы монополия. Мы поинтересовались, необходимо ли позволить монополии идти своим путем, и смогли ответить на этот вопрос решительным *Нет*. Это становится следствием определенных практик, которые эффективное правительство может пресечь. Фаворитизм в сборах за перевозку товаров является одной из таких практик. Железные дороги стали одновременно монополиями и создателями других

монополий. Определенные принципы, которые мы вкратце изложили, определяют их политику, и естественным результатом их работы является консолидация. Это создает необходимость в новом для Америки виде общественных действий — регулировании платы за фрахт.

Сродни этому необходимость поддержания живой конкуренции в сфере промышленности в целом путем эффективного запрета различных мер, с помощью которых крупные корпорации могут ее разрушить. Динамичный элемент экономической жизни зависит от конкуренции, которая в важные моменты исчезает, но может быть восстановлена и сохранена силой государства, правда, в новой форме, но со всей необходимой энергией. Выполнив это, мы сможем в полной мере насладиться производительным эффектом консолидации, не принося в жертву прогресс, гарантированный более старым типом отрасли.

Мы рассмотрели организацию труда, ее мотивы, меры и тенденции, включая тенденцию к монополии. Несмотря на все потери и беспорядки, которые вызывает борьба за заработную плату, мы обнаружили определенное действие естественного экономического закона и увидели, какого рода меры со стороны государства устраняют препятствия на пути этого закона и позволяют ему действовать с большим совершенством.

С динамичным движением, от которого зависит будущее общества, связана политика правительства в отношении валюты и защитных пошлин. Здесь от государства требуется скорее меньше действий, чем больше. Хотя возобновление *политики* невмешательства невозможно, явно требуется снижение пошлин, которые сейчас играют на руку монополии. В связи с валютой наилучшие результаты даст большее доверие к природе и меньшая зависимость от правительств.

Наши исследования включали деятельность не всего мира, а той его центральной части, которая очень чувствительна к экономическим влияниям. Весь производящий механизм здесь сравнительно быстро реагирует на любую силу, которая приводит к изменению. Это общество *по преимуществу* расширяет свои границы и присоединяет сменяющие друг друга пояса отдаленных территорий; и по мере того, как это будет продолжаться, оно должно все больше и больше приближать мир в целом к форме единого экономического организма. Отношения центрального общества с незанятыми зонами приобретают исключительную важность, и более полное рассмотрение экономической динамики, чем это возможно в рамках настоящей работы, позволило бы уделить много места таким темам, как трансформация Азии и вытекающие из этого изменения в экономической жизни Европы и Америки. И здесь сознательные действия людей определяют экономический результат. В основном мы все еще можем предоставить естественным силам промышленности работать автоматически; но мы прошли точку, когда мы можем безопасно предоставить саморегулированию расходы общего перевозчика, поведение монополистических корпораций или определенные аспекты политики организованного труда. Международные отношения, конечно, являются предметом общественного контроля, и они начинают самым непосредственным образом влиять на нашу собственную экономическую жизнь. Повсюду наше будущее находится в наших собственных руках и будет развиваться тем лучше, чем больше мы знаем об экономических законах и тем больше энергии проявляем в их применении. Передачи отраслей промышленности в целом государству можно избежать, и существенные черты системы бизнеса, созданной эволюцией, могут быть сохранены; но для сохранения этой системы свободной от невыносимого зла потребуются, со стороны людей, редкое сочетание интеллекта и решимости. Для этого

потребуется государственная политика, которой не будут препятствовать предрассудки и не будут подстрекать всплески народных чувств, но которой в ходе сложных действий будет руководить знание экономических законов.

Напечатано в Соединенных Штатах Америки.

КОМПАНИЯ "МАКМИЛЛАН"
ПЯТАЯ АВЕНЮ, 64-66, НЬЮ-ЙОРК